
Ассоциация исследователей российского общества
АИРО-XXI

Международный совет издательских программ и научных проектов АИРО

- Геннадий БОРДЮГОВ   Руководитель
Андрей МАКАРОВ   Генеральный директор
Сергей ЩЕРБИНА   Арт-директор
- Карл АЙМЕРМАХЕР   Рурский университет в Бохуме
Петр АКУЛЬШИН   Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина
Дмитрий АНДРЕЕВ   МГУ имени М.В. Ломоносова
Дитрих БАЙРАУ   Тюбингенский университет
Дьердь БЕБЕШИ   Печский университет
- Владимир БЕРЕЛОВИЧ   Высшая школа по социальным наукам, Париж
Харуки ВАДА   Фонд японских историков
- Ирина ВАРСКАЯ-ЧЕЧЕЛЬ   Интернет-журнал «Гэфтер»
Людмила ГАТАГОВА   Институт российской истории РАН
Пол ГОБЛ   Фонд Потомак
Габриэла ГОРЦКА   Центр «Восток–Запад» Кассельского университета
Андреа ГРАЦИОЗИ   Университет Неаполя
Никита ДЕДКОВ   Центр развития информационного общества (РИО-Центр)
Роберт ДЭВИС   Бирмингемский университет
Алан КАСАЕВ   РИА «Новости»
Стивен КОЭН   Принстонский, Нью-Йоркский университеты
- Андрей КУЗНЕЦОВ   Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского
Джон МОРИСОН   Лидский университет
Игорь НАРСКИЙ   Южно-Уральский государственный университет
Норман НЕЙМАРК   Стэнфордский университет
Дональд РЕЙЛИ   Университет Северной Каролины на Чапел Хилл
- Александр РЫБАКОВ   Международный центр торговли (Москва)
Борис СОКОЛОВ   Русский ПЕН-центр
Такеси ТОМИТА   Сейкей университет, Токио
- Татьяна ФИЛИППОВА   Институт востоковедения РАН и Институт российской истории
Марк ЮНГЕ   Рурский университет в Бохуме

Г.А. Бордюгов

ПРОСТРАНСТВА
РОССИЙСКОЙ
ИСТОРИИ
XX–XXI веков

Москва
2019

---

*Книга издана
благодаря поддержке друзей и коллег автора –
Д. Андреева
А. Альтмана
Н. Дедкова
А. Касаева
Е. Котеленец
А. Кузнецова
А. Ложкина
Д. Люкина
А. Макарова
Л. Максименкова
А. Маслова
В. Невежина
А. Рыбакова
Б. Соколова
П. Черемушкина
Е. Щербаковой
С. Щербины*

Координатор проекта – Андрей Макаров

Дизайн и вёрстка: Сергей Щербина

В оформлении обложки использована литография Маурица Корнелиса Эшера «Относительность» (1953 г.)

Бордюгов Г.А. Пространства российской истории XX–XXI веков / Составление и предисловие – Дмитрий Андреев. – М.: АИРО-XXI, 2019. – 352 с.

ISBN 978-5-91022-422-7.

В сборник вошли статьи, экспертные комментарии и интервью Г.А. Бордюгова за период с 2004 г. и до настоящего времени, когда историк разработал и применил к анализу российской истории XX–XXI вв. так называемый пространственный подход через использование концептов «пространство власти» и «пространство памяти». Эти концепты во многом пересекаются друг с другом, позволяя тем самым реконструировать многомерную картину важнейших событий нашего прошлого и настоящего.

ISBN 978-5-91022-422-7

© Бордюгов Г.А., 2019
© АИРО-XXI, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Историк и его творческая лаборатория: вместо предисловия	7
Часть 1	
КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ	
Модернизация или мобилизация – стратегическая развилка 2004 года	14
Пространство власти при Владимире Путине.....	33
Праздник угнетенных или социальная болезнь? Памятка ревнителям революции и чрезвычайщины	54
Красно-белый террор: модели чрезвычайщины	71
Пространство памяти: Великая Победа и власть	77
2015: новые смыслы юбилея Победы.....	114
Забывтый призрак. Октябрь 1917 года в пространстве памяти.....	124
Новые смыслы воспоминаний о российской революции 1917 года	157
Десять сталинских юбилеев. От культа личности к культу образа	169
Полного вытеснения культуры не произойдет. Интервью с Сергеем Шаповалом	202
Профессионалы и советская власть: взгляд из и для нашего времени	208
Наша история нас объединяет? Интервью с Валерием Выжutowичем	235

Часть 2

КОНЪЮНКТУРНОЕ

Чем провинился Бронзовый солдат с площади Тынисмяги?	243
Остановить войну с памятью.....	246
Консультация по истории для президента Ющенко	250
О новых смыслах Дня памяти и скорби	254
Вой шакалов. Конец дуумвирата	258
Византийский интерес, или Национальные уроки	264
Берегись! Русские!.....	268
«Большой террор» в пространстве памяти.....	273
«Большой террор» в академической и прикладной истории.....	291
Культ прошлого в России	305

Часть 3

ПЕРСОНАЛЬНОЕ

Уроки Примакова	317
Немец с русской душой	322
«Причуды знатока» российской истории	325
Нетипичный историк.....	329

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ

Г.А. БОРДЮГОВА	336
----------------------	-----

Историк и его творческая лаборатория:

вместо предисловия

Настоящий сборник работ Геннадия Бордюгова, выходящий к его 65-летию, является третьим специальным юбилейным изданием историка. Первой публикацией такого рода стал увидевший свет полтора десятилетия назад, к 50-летию автора, «Чрезвычайный век российской истории». Десять лет спустя, к следующей круглой дате, группой друзей и коллег юбиляра была подготовлена его биобиблиография, в которой, правда, приводился лишь перечень работ, никакой выборки из них не было заново напечатано. Поэтому настоящая задумка сотрудников Ассоциации исследователей российского общества АИРО-XXI, Международный совет которой Геннадий Бордюгов бессменно возглавляет с самого начала существования организации, – переиздать некоторые основные тексты исследователя, которые были им созданы с 2004 г., то есть с выхода «Чрезвычайного века российской истории», и до настоящего времени, – выглядит оправданной и даже востребованной: именно в эти годы автор выпустил ряд принципиальных исследований, существенно расширился и формат его продукции – помимо академических сочинений он стал регулярно давать комментарии и интервью на актуальные темы, связанные с историей, но многие из тех изданий, в которых они выходили, сегодня уже недоступны, и это при том что сами материалы до сих пор не утратили своей злободневности, ни научной, ни общественно-политической.

Об этой злободневности следует сказать особо. Разумеется, речь идет не о какой-то кажущейся, более или менее обоснованно, созвучности прошлого и настоящего, а о разработке автором после выхода «Чрезвычайного века российской истории» уникальной исследовательской оптики понимания и объяснения прошлого – того, что он называет «пространственным измерением

истории» («пространство власти», «пространство памяти»). В последние годы историк все чаще прибегает к другому определению – «политика памяти», – которое стало следующим шагом в развитии «пространственных измерений»: констатации и схемы, которые были предложены в середине нулевых для анализа закономерностей развития нашей страны на всем протяжении ее истории, а также более частной юбилейной тематики, были им впоследствии превращены в практику интерпретационной рефлексии сегодняшних событий, которые апеллируют к тем или иным историческим вехам, и наоборот – в способы ретроспективной реконструкции, определенного исследовательского реверса: опознавания истоков фактов и процессов по их результатам. Возникает закономерный вопрос: все подобные наработки – это академическая историческая наука или что-то иное? Есть ли место концепту «политика памяти» среди инструментария современного исследователя прошлого – или это прием экспертизы текущего?

Собственно, настоящий сборник и есть попытка дать ответ на этот вопрос, который можно свести к совсем уж упрощенной, но вместе с тем предельно заостренной формулировке: то, о чем пишет Геннадий Бордюгов, – это история или не история? Возможно, определенную провокационность этому вопросу придает и форма подачи избранных исследований юбиляра – без ссылок и привычного научного аппарата. Но составители сборника преднамеренно пошли на такой шаг, чтобы сделать работы Геннадия Бордюгова доступными и понятными максимально широкой аудитории – а потому и не перегружать их специфической академической атрибутикой, отсутствие которой вовсе не является свидетельством ненаучности.

И вот тут, наверное, мне необходимо сказать несколько слов о своем сотрудничестве, а точнее о дружбе и соработничестве, с автором. Мы познакомились и начали работать в начале нулевых, и нашим первым совместным крупным проектом стала книга «Пространство власти от Владимира Святого до Владимира Путина», изданная к президентским выборам 2004 года и разбирающая модель пространства власти в истории России. Затем последовали создание такой же модели пространства памяти и ее апробация в 2005 году на материале юбилеев Победы. (Последняя и некоторые другие работы этого ряда представлены в настоящем сборнике.) Мой соавтор регулярно утверждает, что именно наше с ним сотрудничество и создание обеих этих моде-

лей сподвигнули его всерьез заняться исторической публицистикой и актуальной историей. Возможно, так оно и есть. Во всяком случае, в публикациях Геннадия Бордюгова после 2004 года действительно появляется целый куст новых тематических направлений, в том числе и эти, что, кстати, и является еще одним обоснованием комплектации сборника материалами, вышедшими начиная именно с этого времени. Однако я не склонен преувеличивать свою роль в какой-то переориентации исследовательского интереса Геннадия Бордюгова. В конце концов, за последние полтора десятилетия он успешно освоил и другие направления, к которым я не имею никакого отношения, – такие, как военная и этническая проблематики, экономические сюжеты. Любопытно, что автор часто признается: в студенческие годы он буквально ненавидел эти три темы и помыслить себе не мог, что когда-нибудь станет ими заниматься, но судьба-злодейка рассудила по-своему и вывела как раз на них. Так что, по-видимому, и в случае с обоими пространствами – власти и памяти – я не стал бы особо подчеркивать свое значение в исследовательской и публицистической судьбе автора сборника и оспаривать лавры в ее коррекции у судьбы-злодейки. Но вот о чем действительно следует сказать, если уж я допустил возможность «перейти на личности», так это о роли Геннадия Бордюгова в моей собственной судьбе: именно благодаря нашим совместным работам я познакомился с Виталием Третьяковым и стал его заместителем в замечательном журнале «Политический класс», а последнее – исключительно благодаря упорному и личному ходатайству моего соавтора. Годы работы в «Политическом классе» я считаю необычайно значимыми для своего становления во всех отношениях. Так что мы в определенном смысле квиты с Геннадием Бордюговым в участии в судьбах друг друга.

С точки зрения обретения новых смыслов и выработки новых приемов истолкования истории и ее закономерностей наиболее инновационными представляются работы из первой части, которая поэтому и называется «Концептуальное». Внутри нее, в свою очередь, можно выделить четыре тематических блока.

Первый блок – это статьи о «стратегической развилке» накануне президентских выборов 2004 г. и о «пространстве власти» в России нулевых. В них развиваются идеи книги «Пространство власти от Владимира Святого до Владимира Путина», в которой история России рассматривается сквозь призму процессов, протекавших в треугольнике «власть–элита–народ», а способ нацио-

нального бытования определяется как маятниковые колебания между двумя режимами – мобилизацией и модернизацией (модернизация в данном случае выставляется как антипод мобилизации и представляет собой обустройство жизни вне рамок сколько-либо проявленного «силового поля», задающего предельный режим существования). Геннадий Бордюгов использует эту схему для объяснения кризисов и прорывов, революций и стагнаций.

Следующий блок – это предлагаемая историком модель чрезвычайного способа управления. Причем в данном случае чрезвычайщину нельзя воспринимать как мобилизацию в чистом виде. Более того, она в принципе является феноменом, во многом параллельным мобилизационно-модернизационной модели: скажем, в статье о Гражданской войне разбираемые автором «модели чрезвычайщины» типологически больше подходят под стагнационные периоды, когда в ходе деструктивных процессов порой случаются всполохи, после которых распад прежней целостности и завершенности принимает обвальный характер. Гражданская война – это уже по определению стагнация, отсюда попытки локального обустройства красного и белого режимов должны восприниматься не как разного рода альтернативы из арсенала If-History, а как две стороны одного явления, получившего в нашей истории емкое и предельно меткое название смуты.

Третий блок включает в себя предъявление и практическую обкатку на материале трех юбилеев – Победы, Октябрьской революции и сталинских круглых дат – модели «пространства памяти». Как уже отмечалось выше, «пространство памяти» является системой, требующейся для «запуска» любого проекта из арсенала «политики памяти». Иными словами, «пространство памяти» – это условие и статика, а «политика памяти» – результат и динамика. В публикациях этого блока показывается, как первое порождает второе, причем в двух материалах – статьях «2015: новые смыслы юбилея Победы» и «Новые смыслы воспоминаний о российской революции 1917 года» – преимущественное внимание уделяется именно практическим способам осуществления «политики памяти» на материалах сегодняшних реалий.

В четвертом блоке собраны тексты, в которых автор подступает к проблемам, которые, возможно, станут исходными для новых концептуальных построений. Обращает на себя внимание нетривиальный взгляд на прежде не привлекавшее к себе внимание исследователей, но, судя по систематизированным Геннадием Бордюговым материалам, значимое внутрисистемное советское

противоречие – между властью и профессионалами как таковыми. Многообещающим выглядит и картография, так сказать, общих мест памяти, способных выступить национальными интеграторами, а также анализ тех препятствий, которые встречаются на этом пути.

По-видимому, наибольшие сомнения в научности того, чем занимается Геннадий Бордюгов, и в возможности причисления его трудов к академической гуманитаристике возникнут у читателей после ознакомления с работами из второй части, которая к тому же еще и провокационно названа словом «Конъюнктурное». Прочитав подобный заголовок и затем пробежав взглядом названия идущих под ним материалов, кто-то, возможно, тут же отмахнется: мол, это же журналистика, написанная на потребу дня и не имеющая ничего общего с научной методологией.

Действительно, больше половины текстов из этой части Геннадий Бордюгов написал во второй половине нулевых – начале десятых, когда состоял в Экспертном совете РИА Новости и оценивал происходившее на постсоветском пространстве. Между тем, несмотря на определенную публицистичность, материалы из этой части ни в коем случае нельзя рассматривать как пропагандистские, созданные с какой-то изначально заданной идеологической целью. Напротив, отсутствие в поднимаемых здесь проблемах привычной для исторических работ дистанцированности от текущего момента, острота их постановок для переживаемого в настоящее время (точнее, для времени написания этих очерков) позволяют наиболее рельефно понять, как работает специфическая авторская методика – укоренение актуально переживаемого в историческую ткань путем послонного распаковывания содержащихся в нем смыслов.

Самый простой пример – это урок истории в рамках программы средней школы, который Геннадий Бордюгов преподносит президенту Украины Виктору Ющенко (сейчас уже изрядно позабытому на фоне «достижений», в том числе и на ниве постижения истории собственной страны, недавно завершившего свою карьеру Петра Порошенко). Историк наглядно демонстрирует ущербность поиска простых ответов на сложные вопросы истории, причем независимо от того, кому именно нужна подобная облегченная версия прошлого – украинцам, полякам или русским. Несколько более сложный и нелинейный вариант разбора на составные части новоявленного штампа – это статья «Византийский интерес, или Национальные уроки», написанная в связи

с одним резонансным телевизионным проектом 2008 года. В ней автор показывает, как ради достижения определенного идеологического эффекта осуществляется как бы двусторонняя подгонка – настоящего под прошлое и прошлого под настоящее. Несомненно, Геннадий Бордюгов субъективен в каких-то из своих оценок и суждений – но возможно ли в принципе избежать субъективности, ворочая, без преувеличения, тысячелетиями и эпохами? К тому же это ничуть не умаляет значимости осуществленного им эксперимента по верификации исторической памяти о прошлом и одновременному раскодированию застарелых и существующих на протяжении вот уже нескольких веков стереотипов. И совсем другой подход мы видим в статье «Культ прошлого в России»: историк прослеживает цепочку «факт – почти и насколько это в принципе возможно аутентичное его понимание – погружение факта в “пространство памяти” – превращения факта в “пространстве памяти” – сотворение мифа», показывая, как на каждом этапе происходит «корректировка» исторического знания.

Наконец, в третьей части сборника – «Персональном» – представлены четыре работы о разных личностях – государственном деятеле Евгении Примакове, а также историках Карле Аймермахере, Харуки Ваде и Стивене Коэне. Все эти тексты являются вступительными статьями к сборникам либо воспоминаний разных лиц о конкретной персоне (как в случае с «Уроками Примакова»), либо избранных трудов самих поименованных лиц (всех троих историков), которые были подготовлены к их круглым датам. Несмотря на то что в указанную четверку входят слишком уж разные люди, все материалы представляют собой характерный пример свойственной Геннадию Бордюгову манеры написания аналитической биографии. Эту манеру было бы правильнее назвать даже несколько иначе – опытом глубинной реконструкции личности. Автор вовсе не стремится обозначить все наиболее значимые для того или иного человека направления деятельности, он сосредотачивается на узловых моментах биографии, связывает эти кульминационные моменты с тем контекстом, в рамках которого они проявились и достигли максимального развития, а затем, отталкиваясь от своих наблюдений, предлагает читателям собственное понимание изучаемого лица, рекомендует и особые способы прочтения его текстов.

Так, предваряя издание избранных трудов Аймермахера, этого «немца с русской душой», Геннадий Бордюгов подсказывает способы расшифровки его личности через работы по политической

истории России и ее культуре. Автор показывает, как техника перевода с одного языка на другой может превратиться в способ проникновения в чужую культуру, ее постижения и своеобразного вживания в нее как в свою родную. Говоря о японском русисте Ваде, историк предлагает постичь специфику его взгляда на, казалось бы, хорошо известные сюжеты прошлого России с помощью филигранных эмоциональных характеристик великого соотечественника Вады – поэта Басё. Ну а творческая судьба Коэна под пером Геннадия Бордюгова превращается в настоящий портрет эпохи масштабного исторического транзита, который наша страна пережила несколько десятилетий назад и который не ограничивается одной лишь эпохой перестройки, но начинается фактически на рубеже 1950–1960-х и завершается на излете 1990-х. А в «Уроках Примакова» мы сталкиваемся не с повторением хрестоматийных фактов, а с практически одним из первых по-настоящему глубинных осмыслений того, что сделал этот политик в зените своей карьеры. И главное, с оглядкой на «Уроки Примакова» гораздо лучше воспринимается наше теперешнее время: набившие оскомину оппозиционные (как, впрочем, и упрощенные панегирические) ее истолкования утрачивают всякий смысл, и очевидными становятся историческая безальтернативность и неизбежность процессов, запущенных на переломе веков. Вряд ли все эти четыре примера нельзя рассматривать в рамках научного осмысления прошлого...

Историописание Геннадия Бордюгова – это, несомненно, способ обретения, приращения исторического знания, а значит, оно является вполне научным. И даже более того – подчас гораздо более эффективным в решении основной задачи исследователя минувшего – создании реконструкции, наиболее приближенной к тому, что в действительности имело место. В этом смысле предлагаемый сборник может восприниматься как открытая для всех интересующихся лаборатория, в которой создаются подобные реконструкции, как своего рода мастер-класс, даваемый автором в связи со своим промежуточным юбилеем.

Дмитрий Андреев

Часть 1

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ

Модернизация или мобилизация – стратегическая развилка 2004 года*

После президентской кампании 2004 года, видимо, все-таки будет решен вопрос о выборе пути дальнейшего развития нашей страны: модернизация или мобилизация. Заинтересованные субъекты пока еще выжидают с предложением того или иного варианта. «Котировки» модернизаторов, разумеется, по-прежнему высоки, хотя и у лоббистов мобилизации есть определенные шансы. За более чем тысячелетнюю историю России накопился определенный опыт принятия подобных решений. Его систематизация позволяет выявить закономерности, устанавливающие зависимость между способом движения в Истории и организацией пространства власти, то есть своеобразной площадки, в пределах которой вершится политика. От специфики взаимоотношений субъектов этого пространства – носителей власти и элиты – непосредственно зависит и выстраиваемая модель развития. Несмотря на обилие подобных моделей, все они представляют собой лишь те или иные разновидности модернизации и мобилизации. Для Запада оптимальной стала модернизация – эволюционное обустройство бытия как отдельной личности, так и общества в целом в системе ценностей либерализма и поступательного прогресса. Поэтому в рамках данной политической культуры эмансипация превратилась в главный смысл человеческой жизнедеятельности. Парцелляция социального организма усиливалась по мере девальвации

---

* (совместно с Дмитрием Андреевым). Впервые опубликовано: Экономические стратегии. 2004. № 1. С. 18–25.

основополагающей средневековой ценности – представления о всеединстве христианского мира. Правда в результате эмансипации такое представление оказалось вовсе не отвергнутым, а просто «переформатированным». Религиозное всеединство оказалось подмененным всеединством, основанным на балансе интересов. Поиск подобного баланса не оставлял альтернативы общественной самоорганизации, в которой власть играла, скорее, обеспечивающую роль – не важно, в качестве «ночного сторожа» или же высококлассного менеджера. Модернизация неизбежно предполагает соучастие в управлении всего гражданского общества, которое, таким образом, фактически совпадает с пространством власти. Уместно сравнить гражданское общество с плоской матрицей, в центре которой расположен носитель власти, а вокруг него концентрическими слоями последовательно «упакованы» элита и народ (см. рисунок 1). Поле парцелл, где обустраивается народ, стремится к расширению. Внешняя граница матрицы фиксирована, поэтому суммарное давление разбухающих парцелл сжимает кольцо вокруг элиты, в которой, в свою очередь, также протекает парцелляция. Следовательно, самоорганизация общества в этом двухмерном пространстве неизбежно приводит к тому, что по мере продвижения от периферии к центру матрицы усиливается внутреннее давление, провоцирующее диффузное взаимопроникновение различных слоев. Носитель власти, практически «растворенный» в элите, остается лишь «чистой» функцией. А вся политическая драматургия разворачивается на границе между «уплотняющейся» элитой и «сжимающим» ее народом. Именно поэтому власть, работающая в режиме модернизации, всегда пребывает в рассредоточенном состоянии. Народ же не только не выведен за пределы пространства власти, но и является его важнейшим субъектом. Вся наша история представляет собой яркий пример принципиально иного – мобилизационного – развития. Такое движение – нелинейное, а значит, оно не втискивается в матрицу модернизации. Здесь работает совершенно иная схема, в соответствии с которой вызванные потребностью разрешения системных кризисов периоды предельной концентрации национально-государственных ресурсов перемежаются временем стагнации, когда растрачиваются завоеванные прежде результаты. Данной модели требуется не гражданское общество, а максимальная концентрация властного ресурса. Вместе с тем исторический опыт России убедительно свидетельствует, что даже находящаяся в одних руках власть может быть сильной и слабой,

эффективной и малопродуктивной. Причиной этого является ее важная традиционная особенность: она по природе своей никогда не была институциональной, но всегда – идеократической, раскрывающейся в полную силу лишь в состоянии мобилизационного рывка. Именно поэтому, если представить себе пространство власти в виде некоего энергетического поля, то центром данного поля окажется носитель власти. Энергия его власти – это энергия мобилизации. Во время мобилизационных рывков такая энергия превращала элиту в послушный инструмент в руках правителя. В отличие от плоской модернизационной матрицы, оптимальным графическим образом подобной модели развития служит пирамида с «раскаленной» энергией мобилизации вершиной (см. рисунок 2). По мере ее «остывания» сокращались управленческие

возможности носителя власти. Элита же, напротив, все более стремилась из инструмента стать субъектом власти. Периоды стагнации становились, таким образом, эпохами ее рванша. В условиях отсутствия институциональных ограничений деятельности правителей именно элита оставалась единственной силой, способной на них воздействовать. Следовательно, по степени ее влиятельности можно судить как об уровне концентрации, так и об эффективности власти. Иными словами, мобилизация – это оптимальный режим существования для носителя власти, а стагнация – для элиты. Весьма симптоматично, что именно в ситуациях стагнации Россия и впадала в разнообразные модернизационные эксперименты, примеряя к себе или иные элементы западной модели развития. Но наша модернизация на поверку

оказывалась лишь поверхностным копированием европейского опыта, по сути же она коренным образом отличалась от него, становясь своеобразной мобилизацией «наоборот» или мобилизацией, «вывернутой наизнанку». На Западе модернизация «подогревалась» энергией общественной самодеятельности на базе всестороннего согласования интересов. У нас же элита видела в модернизации наилучший способ собственного обустройства, торопливо осуществлявшегося на энергии «остывающей» мобилизации. Разрастаясь, как на дрожжах, элита «обволакивала» носителя власти, замыкая на себя все больше и без того угасающих потоков его энергии (см. рисунок 3). Очевиден не только паразитический характер подобной «модернизации», но и ее главный смысл, заключавшийся отнюдь не в обеспечении стратегических

приоритетов развития, а в банальной перекройке пространства власти, утряске и сшибке интересов различных кланов и группировок, составлявших элиту. Стремительное убывание энергии предыдущего мобилизационного рывка вынуждало элиту раскручивать «модернизацию» в спешке. Собственных «генераторов» у нее никогда не было, и надо было успеть довершить свое обустройство, пока еще остатки мобилизационной энергии не израсходованы полностью и не наступил кризис (см. рисунок 4). Ведь любой кризис рано или поздно вызовет к жизни новый мобилизационный рывок, который неминуемо сметет элиту-паразита и рекрутирует из народа, обыкновенно находящегося вне властного пространства, новую элиту. Стоит ли поэтому удивляться, что заимствование западного опыта модернизации в наших условиях

всегда оборачивалось наращиванием деструктивных антигосударственных тенденций, протагонистом которых становилась так называемая модернизационная среда, состоявшая не только из элиты, но и из обслуживавших ее интересы чиновничьих, интеллектуальных и культурно-просветительских корпораций, не допущенных в пространство власти? Эта среда вырабатывала новые культурные стереотипы, которые по внешним признакам вполне соответствовали модернизационным ценностям (эмансипация личности, гражданское общество и т. д.), однако в основе своей имели четкую выраженную антимобилизационную направленность. А в условиях традиционно свойственных нашей культуре взаимосвязанности и неразрывности власти, ее носителя, мобилизации и в целом всей государственности подобная мировоззренческая

установка неизбежно содействовала расшатыванию и обрушению смыслового каркаса, поддерживающего историческое бытие России (см. рисунок 5). Данная схема убедительно подтверждается всей нашей историей. Еще в Домонгольской Руси князья оказывались эффективными правителями лишь тогда, когда им удавалось мобилизовывать общинников и знать на строительство государства и расширение его пределов. Как только мобилизационный импульс начинал затухать, великокняжеский престол испытывал на себе все возраставшее влияние боярской элиты, заинтересованной в стагнационной раздробленности. Очередная мобилизация, начавшаяся примерно на рубеже XIII–XIV веков, продолжалась более двух с половиной столетий и завершилась собиранием русских земель в централизованное Московское царство. Опираясь на новую элиту (служилое дворянство и приказную бюрократию), самодержцы оттесняли боярство от рычагов управления. При Иване Грозном произошел просто радикальный прорыв в избавлении от боярского давления на престол. Однако опричнина, призванная довершить начатую ротацию элит, не достигла поставленной цели. Помимо организационных причин, краху опричного проекта способствовало также и возложение на него царем несколько нетипичной – эсхатологической – миссии: покарать зло накануне ожидавшегося тогда скорого наступления Конца Света. Апробированная в Византии и перенятая Москвой «симфония властей» (когда светская и духовная власть соединялись в лице кесаря, оставаясь при этом не растворенными друг в друге, а также не отделимыми друг от друга) оказалась нарушенной. Пространство власти дало крен в сторону явной теократии, никогда не имевшей прецедентов в нашей истории. Царь, утративший чувство реальности, все более наращивал интенсивность мобилизации на фоне усиливавшихся (во многом из-за политики самого престола) эсхатологических настроений (см. рисунок 6). В итоге разогнанная до невиданной скорости мобилизация «столкнулась» с повсеместно утвердившимся ощущением уже наступившего Конца Света. Такой удар перекорезил пространство власти (см. рисунок 7). Россию затянула Смута. Мобилизация Русской Земли под знаменами народного ополчения спасла страну от гибели и восстановила самодержавие. Однако сценарий власти, который принялись реализовывать Михаил и Алексей Романовы, совершенно не соответствовал «граду» победы 1612 года. Этот сценарий сводился к сугубо структурной концентрации монаршего суверенитета. Еще при Иване III влияние московского царя

достигло максимально возможных для земного владыки пределов, но до сих пор отсутствовала эффективная технология трансляции его власти. Новая династия начала восполнять эту лакуну, причем поиск приемов, способных приложить к повседневной управленческой практике властный потенциал Помазанника Божьего, продолжался на протяжении всего трехсотлетнего господства Дома Романовых. Таким образом, крутой петровский разворот на Запад исподволь готовился уже при первых двух государях Дома Романовых, увлекавших Россию на совершенно несвойственный и чуждый ей путь модернизационного развития. Происходило это вследствие того, что бюрократическая элита становилась монопольным передатчиком высочайшей воли и, следовательно, автоматически делалась причастной к самому акту

царствования. Подобное распыление власти, будучи само по себе неизменным условием модернизации, при отсутствии гражданского общества превращало бюрократию в главную силу, формировавшую модернизационную среду. Особенно интенсивно данный процесс развивался в эпоху петровских преобразований, ставших парадоксальным феноменом нашей истории. Они разворачивались по всем канонам традиционного для России мобилизационного сценария, который, однако, был изначально запрограммирован на неизбежную мутацию в сценарий модернизационный. В целях оптимизации управления Петр стремился «накачать» госаппарат своей недюжинной энергией. Однако вместе с такой энергией неизбежно «перекачивался» и монарший суверенитет. Складывались серьезные предпосылки для растворения носителя

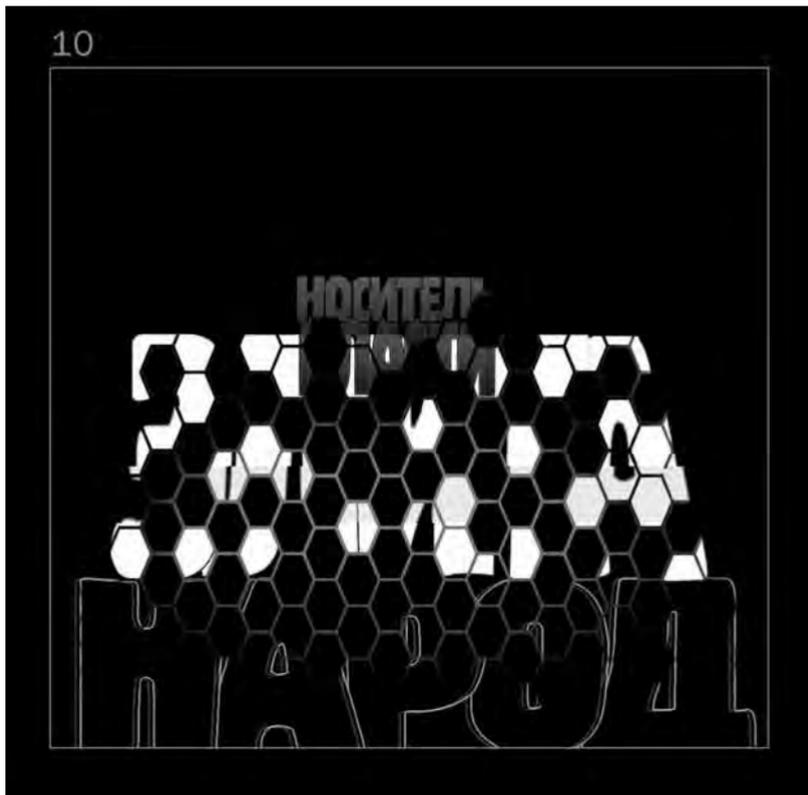

власти в верхних слоях элиты (см. рисунок 8). Режим модернизации в принципе исключает мобилизационные рывки как чуждые его природе. Поэтому обустроивавшаяся в России среда все ошутимее препятствовала обеспечению властного монополизма самодержавия привычным и, главное, единственно возможным для него образом – через разворачивание мобилизационных проектов. Элита же, не испытывая более на себе мобилизационных встрясок, плотно «окутывала» престол и начинала претендовать на качественно новую роль в пространстве власти. Между тем режим модернизации продолжал насаждаться непосредственно самим престолом, по-прежнему являвшимся наиболее мощным в России властным субъектом. Имея в своем распоряжении такой энергетический ресурс, этот режим оказался способным сокру-

шить любые препятствия, встречавшиеся на его пути. Законы функционирования создаваемой им среды подминали под себя традиционные принципы жизнедеятельности. Самодержавие как противоестественный модернизации способ властвования рано или поздно должно было оказаться для нее обременительным. И хотя подобная перспектива была пока еще довольно отдаленной, монархия на протяжении всей последующей эпохи своего существования вплоть до 1917 года отступала под натиском модернизационной элиты. К середине XIX века у этой элиты появился верный союзник в деле ослабления самодержавия – так называемая «общественность», представлявшая собой конгломерат самых разнообразных служебных элементов среднего и мелкого уровней и являвшаяся, таким образом, своеобразной производной от бюрократии. Когда реформы Александра II превратили бюрократию во влиятельного менеджера, без которого самодержавие уже попросту не могло более управлять империей, этот союзник взял на себя идеологическое обеспечение модернизации через формирование нужного элите «общественного мнения». Подобная игра в четыре руки, с одной стороны, позволяла удерживать самодержавие в «шорах» модернизационного курса, а с другой – все больше лишала его возможности контролировать протекавшие процессы. В отличие от плоского парцеллярного поля «матричного» гражданского общества, модернизационную среду в трехмерной пирамиде можно представить в виде пространственных ячеек наподобие сот. Такие «соты» не только «выедали» пространство власти, но проникали вниз, за его пределы, программируя определенным образом и «общественность» (см. рисунок 9). Попытки Александра III и Николая II откорректировать имидж самодержавия, привнеся в него некоторые традиционалистские черты, уже не могли остановить эту «сотовую» экспансию. Более того, насаждавшаяся прежде «сверху» вестернизация в определенном смысле маскировала взаимоисключающую несовместимость царской власти и модернизации. Теперь же, когда престол стал в таком же директивном порядке разворачивать подданных в сторону национально-ориентированных ценностей, эта несовместимость проявилась в полную силу. Революционный террор, антигосударственные настроения либеральной «общественности» и латентный конституционализм высшей бюрократии явились лишь разными уровнями общего для всей модернизационной среды неприятия носителя власти. Однако «выедая» государственность и питаясь лишь этой деструктивной энергией

распада, данная среда попросту «выедала» саму себя, оставляя зияющие пустотой «соты», так и не превратившиеся в ячейки плодотворной в реалиях Запада модернизации (см. рисунок 10). К февралю 1917 года «выедать» уже было нечего. Сваливший самодержавие режим модернизации очень скоро столкнулся с грозной и неведомой стихией, заинтересованной отнюдь не в либеральных ценностях и гражданском обществе, а в элементарном материальном благополучии и весьма специфически понимаемой «воле». Постфевральская власть оказалась не в состоянии удовлетворить эти требования, и после трех столетий романовской модернизации Россия вернулась на привычные для нее мобилизационные рельсы. Важнейшим новым элементом советской «пирамиды» стала партия, игравшая роль своеобразного домена –

опоры носителя власти в его взаимоотношениях с элитой. Включая в себя прослойку народа и собственно партийную номенклатуру, этот домен сам как бы «обволакивал» элиту, предотвращая тем самым ее возможные аналогичные поползновения в отношении носителя власти (см. рисунок 11). Закономерное ослабление мобилизации после фантастического напряжения в годы войны незамедлительно подтолкнуло элиту к расширению своего жизненного пространства. Тем более что к этому времени ведомственное начало и, следовательно, олицетворяемые им административно-хозяйственные и силовые кланы и так уже изрядно потеснили партию, причем с очевидного попустительства самого Сталина, недооценившего угрозу со стороны элиты, стремительно «прораставшей» сквозь домен вверх, по направлению к носителю власти

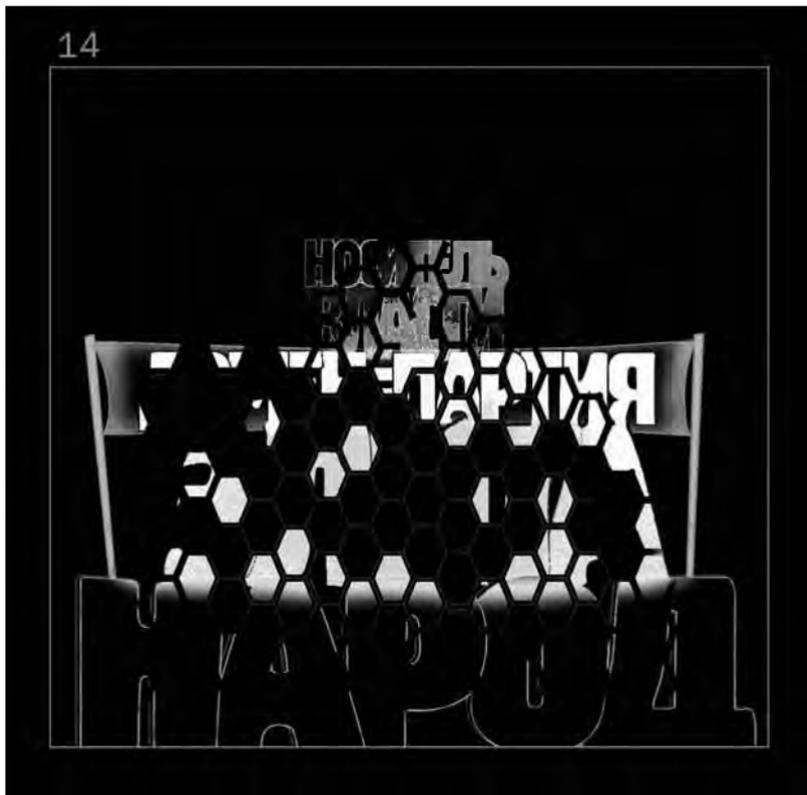
(см. рисунок 12). Несмотря на все попытки вождя восстановить прежний домен эпохи «великой чистки», ему удалось лишь на время приостановить подобное «прорастание». В последующие десятилетия элита вплотную занялась поиском максимально возможных в рамках существующей политической системы способов преодоления своего отчуждения от собственности. Развернувшаяся на этом поприще междоусобная борьба различных кланов и группировок, весьма ограниченные из-за его нелегитимности возможности номенклатурного рэкета и, главное, уже очевидная исчерпанность энергии ленинско-сталинской мобилизации сформировали в среде элиты заказ на рыночные преобразования, которые бы позволили легализовать «теневую экономику»

и ее структурный каркас – модернизационные «соты», уже давно и незримо организовывавшие номенклатуру (см. рисунок 13). С точки зрения процессов, протекавших в пространстве власти, гибель советского режима (см. рисунок 14) практически повторила крах самодержавия (см. рисунок 10). Номенклатурная приватизация 1990-х годов, казалось, ставила точку в многовековом конфликте между носителями власти и элитой, разрешив его в пользу последней. Однако Ельцин сумел обратить себе на пользу сложную и запутанную ситуацию, порожденную обвальным входением страны в рыночную стихию. Будучи востребованным как «верхами», так и «низями», он смог еще какое-то время лавировать между обеспечением олигархической модернизации и неким

подобием мобилизационных проектов, преимущественно относившихся к сфере безопасности. Такое лавирование, старательно избегавшее любого однозначного выбора в пользу модернизации или мобилизации, не только поддерживало Ельцина, но существенным образом актуализировало и саму проблему стратегической развилки. Бесперспективно начинать XXI век с чистого листа или, еще того хуже, играя по чужим нотам. Если модернизация неизбежно оборачивается стагнацией, то наш исторический опыт свидетельствует о безальтернативности мобилизации. Другое дело – необходимо понять, какая мобилизация нам нужна, как оптимизировать особенности этой модели развития применительно к вызовам сегодняшнего и завтрашнего дня. И в этом смысле

следует самым серьезным образом подумать о проектировании режима управляемой мобилизации, основанной на инновационной организации всего жизненного пространства как многоуровневой системы. Для этого потребуются несколько иная архитектура и самой мобилизационной «пирамиды». Народ как главный производитель энергии развития должен будет, наконец, стать полноправным субъектом пространства власти. Это позволит замкнуть единый энергетический контур, консолидирующий «пирамиду» от основания до вершины, от выработки энергии до ее целеполагающего употребления. Данный контур станет не только надежным сдерживающим фактором для элиты, но и предоставит ей возможность взять на себя общий менеджмент всего

мобилизационного проекта (см. рисунок 15). Такой вариант выхода из стратегической развилки 2004 года действительно способен обеспечить эффективное развитие на весьма долгосрочную перспективу.

Пространство власти при Владимире Путине*

Преодоление заклатья «недовыбора»

О мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной,
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы?

Александр Пушкин «Медный всадник»

Накануне президентских выборов 2004 года (и именно к этому событию) мы издали книгу («Пространство власти от Владимира Святого до Владимира Путина»), в которой предприняли амбициозную попытку – вывести формулу русской истории. А поскольку русская история – это прежде всего и главным образом история власти (так как все остальное в нашем прошлом и настоящем абсолютно бессубъектно и является прилагательным к власти), то предложенная нами формула оказалась формулой существования пространства власти. По этой формуле на протяжении всей истории в пространстве власти идет жесткое противостояние между носителем власти (государем, генсеком, президентом) и элитой. И от того, на чьей стороне перевес, напрямую зависит способ политического бытия государства. Таковых способов два – мобилизационный и модернизационный. Мобилизация – оптимальный режим для обеспечения властного монополизма носителя власти. Модернизация (понимаемая именно как обустройство корпоративных интересов за счет статусных возможностей) выгодна элите. Издержки обоих способов очевидны. Но третьего не дано. Либо успех государства, достигаемый путем концентрации национальных ресурсов. Либо более-менее

---

* (совместно с Дмитрием Андреевым). Впервые опубликовано: Политический класс. 2007. № 8. С. 28–40.

спокойное существование за счет проедания накопленных в ходе предыдущей мобилизации запасов и как результат – неизбежная стагнация. В 2004 году, по истечении первого срока президентства Владимира Путина, сложившийся при нем режим было еще сложно оценить в системе координат данной формулы, и мы ограничились обозначением лишь самых общих тенденций развития России в XXI веке. Теперь же картина того, что происходило в пространстве власти с конца 1999 года и происходит до сих пор, стала гораздо более прозрачной.

Эпоха Путина – время сложного, неоднозначного и часто противоречивого переплетения модернизационных и мобилизационных начинаний. Президент как-то раз откровенно признался: «Вся жизнь состоит из противоречий. Там, где кончается противоречие, там наступает небытие». Восемь лет назад, накануне назначения Путина премьером-преемником, такое небытие для России чуть было не наступило. Сегодняшняя ситуация даже самыми непримиримыми критиками Кремля характеризуется совершенно иными формулировками, наиболее ходовая из которых – «потерянное восьмилетие». Оценочные ножницы между 1999-м и 2007-м годами налицо. А значит, в любом случае президентство Путина – это время развития, а не деградации.

Преодоления катастрофических 90-х, а не увязания в них. Выхода на некий качественный новый уровень исторического бытия, а не движения по спирали.

Между тем не проходит ощущение некоего «недовыбора» власти между модернизацией и мобилизацией. Может быть, состояние «недовыбора» само по себе не так уж и плохо – по крайней мере, оно предохраняет власть от неизбежных и трудноисправимых промахов и тем самым обеспечивает ее устойчивость. Однако очевидна и обратная сторона подобной установки. При сознательном «недовыборе» того или иного сценария, как правило, получается причудливый и нежизнеспособный гибрид, соединяющий в себе элементы обоих взаимоисключающих друг друга сценариев, приводящий к стратегической невнятности, создающей благоприятную среду для стагнации.

История минувшего века наглядно демонстрирует, чем оборачивался подобный «недовыбор» власти. «Недовыбор», зримо проявлявшийся в вопросах регулирования экономикой, но в основе своей сводившийся именно к отказу – по причине отсутствия консенсуса в пространстве власти – от окончательного предпочтения модернизации или мобилизации. Нэп и проекты

экономических преобразований в конце 40-х – начале 50-х, хрущевские эксперименты и косыгинская реформа, застойное «по-степенство» и горбачевская перестройка, наконец, взаимная потребность друг в друге радикальных реформаторов и радикальных оппозиционеров в 90-е – все это вехи компромиссных и потому тупиковых, приносивших лишь ограниченный ситуационный эффект решений. Решений, в конце концов не устраивавших обоих субъектов пространства власти – и правителей, и элиту – и потому приводивших к попеременному чередованию «подпольного» и «легального» статусов модернизации и мобилизации, то есть к движению по замкнутому кругу и непрекращавшемуся повторению уже многократно допущенных ошибок. Возможно ли преодоление этого заклатья «недовыбора» или же оно – извечная судьба России?

К концу второго президентского срока Путина страна в определенной степени опять оказалась на развилке «недовыбора». Однако «недовыбор» «недовыбору» – рознь. Когда мощная держава, заряженная эффективной мобилизационной мотивацией и пышущая жаром общественной энергетики, топчется на месте из-за неготовности (по разным причинам) власти, мощной и действенной, определиться с окончательным выбором и дать команду – это одно. Когда же власть, волевая и решительная, но ограниченная узким коридором возможностей, вынуждена с аптекарской дотошностью выверять каждый свой шаг, дабы какой-либо оплошностью не загубить слабые и чахлые ростки общественной жизни, но укрепить их и сделать устойчивыми к колебаниям политической погоды, – это совсем другое. Да к тому же и само состояние «недовыбора» сейчас особенное – изживаемое, переходящее в стойкое ощущение неумолимо приближающегося «довыбора», путь к которому на протяжении последних восьми лет оказался торным и извилистым.

Контракт на президентство

Повестка дня для Путина изначально, с самых первых его шагов в должности президента России, выглядела амбивалентной, увязывавшей воедино прямо противоположные друг другу цели. С одной стороны, остановить распад страны и навести в ней хотя

бы элементарный порядок, что неизбежно предполагало действия мобилизационного характера. С другой стороны, обеспечить стабильное – пускай не самого высокого уровня и качества, но зато именно стабильное, без потрясений, предсказуемое – существование вконец измотанному на протяжении 90-х народу. А при таком запросе даже точечное и дозированное употребление мобилизационных технологий оказывается делом крайне затруднительным.

Можно возразить, что на протяжении всей нашей истории никогда не было идеальных условий для мобилизации. Она всегда употреблялась как мера чрезвычайная и безальтернативная, призванная вывести страну из очередного кризиса. Общество, которому предстояло вынести на себе все издержки мобилизационного рывка, было измотанным тем самым кризисом, из которого ему надлежало выбраться. И точно так же, как и на исходе 90-х, чаяло стабильности, а не нового напряжения и неизбежной концентрации сил и ресурсов.

Да, действительно, на первый взгляд обстановка на рубеже XX и XXI веков не была оригинальной. Но только на первый взгляд. В отличие от всех предыдущих предмобилизационных эпох российское общество к концу 90-х – началу двухтысячных подошло не просто уставшим от катастрофических перемен, но и фактически лишенным каких бы то ни было смыслов. Прежняя коммунистическая мотивация, вконец обесценившаяся в годы застоя, отвергнута, но ничего не предложено взамен. За исключением разве что призыва к личному обогащению, возведенному в ранг чуть ли не новой религии, агрессивно и нахраписто насаждаемой всей мощью подконтрольных тогдашней элите СМИ. Призыва циничного и аморального в нищей и гибнущей стране.

Даже в самые тяжелые для России времена ее прошлого – в Смуту начала XVII века и в пору крушения самодержавия и последующего безвременья – у людей оставалась по крайней мере их вера. В первом случае – в богохранимую Святую Русь. Во втором – в новую революционную религию, предложенную большевиками. На излете же ельцинского правления в общественном сознании не оставалось уже никаких смысловых скреп и высоких мотиваций. В массовых представлениях отсутствовал вообще какой бы то ни было образ будущего. Разъедающая апатия и безразличие проникли во все поры социального организма, который, похоже, уже смирился со своим неминуемым исчезновением в качестве субъекта истории и равнодушно взирал на начавшийся

летом 1999-го на Северном Кавказе новый виток дезинтеграции государственного пространства России.

Понятно, что мобилизация в подобном морально-психологическом климате изначально была бы обречена на провал. Поэтому Путину предстояло выстроить предельно выверенный и взвешенный политический курс, сочетающий в себе минимальный набор мобилизационных мер, социальный дискомфорт от которых амортизировался бы целым комплексом действий оптимизационного характера. Данная задача отчасти облегчалась тем, что определенный запрос на ограниченную мобилизацию имелся и у некоторых групп российской элиты, в том числе даже и у тесно связанных с ельцинским Кремлем.

Однако диапазон реальных властных возможностей Путина изначально был существенно ограничен. В качестве своеобразного кадрового наследства от Бориса Ельцина под его начало перешли некоторые фигуры, входившие в «семейный» клан бывшего президента. Среди них – назначенный еще Ельциным глава кремлевской администрации Александр Волошин и ставший премьером уже при Путине Михаил Касьянов. Эти представители «семейного» клана должны были гарантировать преемственность курса нового хозяина Кремля, то есть следить за тем, чтобы Путин, получивший в свои руки колоссальный властный ресурс, не нарушал сложившуюся при его предшественнике систему интересов ключевых политических, олигархических и лоббистских группировок и ограничился активными действиями лишь на двух направлениях – в деле наведения порядка в Чечне и окончательной нейтрализации возглавляемой московским мэром Юрием Лужковым и экс-премьером Евгением Примаковым широкой коалиции из сегментов федеральной и региональной элит, объединившихся на думских выборах 1999 года в избирательный блок «Отечество – Вся Россия». Путину было вменено руководить страной в режиме своеобразного управляемого («семейным» кланом) бонапартизма. Между тем кумулятивный эффект от целого ряда факторов (высокого уровня популярности нового президента, достигнутого благодаря санкционированной прежней властью консолидированной политике СМИ и одновременно вопреки преднамеренно растиражированному образу Путина именно как преемника Ельцина; сохраняющегося при этом негативного отношения общества к власти как таковой и ее институтам; неисчезающей социально-политической апатии населения; продолжающихся конфликтов между различными группировками элиты и

корпоративными сообществами легального и теневого бизнеса; «окукливания» русских регионов и ползучей конфедерализации национальных образований в составе РФ; в целом остающейся неблагоприятной для абсолютного большинства граждан социально-экономической ситуации в стране и т. п.) позволил Путину и через два этих открытых для него окна возможностей заметно укрепить собственную власть.

Мобилизационный зачин

Контртеррористическая операция в Чечне оставалась на протяжении первых месяцев президентства Путина единственным, но вместе с тем самым эффективным способом усиления влияния нового главы государства. В отличие от первой чеченской кампании 1994–1996 годов, напоминавшей скорее одну из многочисленных кремлевских политтехнологических акций (с регулярными замирениями с сепаратистами, сохранением всей их разветвленной финансовой инфраструктуры и информационной сети в крупнейших городах страны, игнорированием сведений, поставлявшихся возвращенной неимоверными усилиями агентурой среди ичкерийского руководства и некоторых полевых командиров, хасавюртовским предательством, обесмыслившим потерю нескольких тысяч жизней российских солдат и офицеров), начавшейся в августе 1999-го в Дагестане и перенесенной на территорию Чечни контртеррористической операции власть не только не мешала, но и оказывала высокопрофессиональную поддержку, ликвидируя структуры, лоббировавшие интересы сепаратистов, и обеспечивая надлежащий подобного рода акции информационно-пропагандистский фон. Безусловно, такая консолидированная позиция явилась результатом достигнутого консенсуса между властью и основными группировками элиты. Путин же воспользовался этим уникальным для пространства власти консенсусом — хотя бы и по одному-единственному вопросу, — чтобы на волне достигнутого на Северном Кавказе успеха запустить давно назревшие преобразования в других кризисных сферах государственной жизни.

Президент начал со СМИ. Будучи сам вознесенным на вершину власти во многом благодаря «четвертой власти», Путин отда-

вал себе отчет в том, что его пока еще весьма ограниченные возможности могут быть в одночасье парализованы подконтрольными олигархам информационными империями. Пока эти империи работали на Кремль, но ситуация могла измениться, и в обстановке информационного вакуума или вообще обвальной дискредитации власти (как в позднеельцинскую эпоху) его поражение было почти что гарантированным. Во избежание этого президент нанес два упреждающих удара.

Во-первых, используя полученный еще в начале контртеррористической операции в Чечне карт-бланш на временное и частичное ограничение вседозволенности и фактической неподконтрольности государству ведущих информационных империй, Путин стал постепенно устанавливать определенные – гибкие и прозрачные, но вместе с тем обязательные и непрменные для всех участников медийного картеля – правила. Это сразу же вызвало сопротивление владельцев СМИ. Они начали внушать обществу, что Путин сворачивает одно из наиболее бесспорных достижений эпохи Ельцина – свободу слова. Однако растиражированные скандальные обвинения Путина не возымели ожидавшегося от них эффекта. Авторитет президента в обществе был неколебим. Да и сами обвинения выглядели явно преувеличенными. Путин вовсе не пытался как-то повлиять на проницаемость информационного пространства. Он просто ограничил возможности крупного бизнеса и криминалитета обустроивать свои дела, в том числе и с помощью подконтрольных им СМИ.

Во-вторых, были обезоружены наиболее одиозные медийные олигархи, фактически объявившие войну Путину и развязавшие в принадлежавших им СМИ массивную кампанию по дискредитации президента, – Владимир Гусинский и несколько позднее – Борис Березовский. В отношении остальных олигархов стал реализовываться принцип «равноудаленности». Сначала «равноудаленности» от государственной информационной политики, а затем и от политики вообще. Данный принцип свидетельствовал об отказе от практиковавшейся при Ельцине личной унии носителя власти и избранного круга крупных бизнесменов. Вместе с тем Кремль гарантировал свое невмешательство в сугубо предпринимательскую деятельность при условии полного отказа олигархов от претензий на политическое влияние.

Таким образом, на протяжении первых месяцев пребывания у власти Путин предпринял серию мер мобилизационного характера по восстановлению территориальной целостности страны и

наведению порядка в ее информационном пространстве. Социальные издержки этой политики оказались минимальными, а популярность президента еще больше возросла. Более того, президент смог не только преодолеть путы управляемого бонапартизма, но и развернуть селективную нейтрализацию элиты вовсе не по сценарию «семейного» клана: с бывшими оппонентами на думских выборах 1999 года он нашел общий язык, а против отдельных представителей прежнего ельцинского окружения развернул решительные действия.

Ошибка президента

Отсутствие у Путина своей команды серьезно препятствовало проводимым им преобразованиям. Однако и здесь ему удалось по крайней мере обозначить направления, по которым он намеревался исправлять данное положение дел. Предпринятые президентом шаги сводились к насаждению своих людей на не занятые людьми из «семейного» клана или вообще на вновь создаваемые должности.

Определенным противовесом волошинской администрации и казьяновского правительства стал Совет безопасности, секретарем которого был назначен близкий к Путину Сергей Иванов. Будущий премьер Михаил Фрадков также прошел через работу в аппарате Совбеза, который постепенно превратился в центр выработки и координации путинской политики.

Укреплению территориальной целостности государства способствовало и создание системы федеральных округов с полномочными представителями президента из числа лиц, пользовавшихся доверием Путина. Данный шаг сыграл определенную положительную роль, хотя в целом новое административно-территориальное деление страны не получило дальнейшего развития. Ослабить или вовсе остановить центробежные тенденции в регионах и запустить процесс приведения регионального законодательства в соответствие с федеральным получилось и без подключения новой окружной структуры. А первоначально замышлявшееся дистанцирование центра от региональных администраций путем встраивания в существовавшую на тот момент федеральную вертикаль института полпредов потребовало бы

основательного пересмотра конституционного пространства, к чему Кремль оказался явно не готовым. В результате совершенствование системы федеральных округов было отложено на перспективу.

С реформой Совета Федерации вышло гораздо лучше. Верхняя палата перестала быть средоточием региональной фронды, лоббировавшей в столице собственные интересы и даже претендовавшей на большее за счет умаления прерогатив центра. В итоге Совет Федерации стал более адекватно соответствовать своему предопределенному Конституцией назначению – обеспечивать региональное участие в законодательной деятельности.

Обстановка в стране заметно менялась к лучшему, что проявилось в первую очередь в оздоровлении морально-психологического состояния общества, снятии непосредственной угрозы распада государства и, главное, – в повсеместном ощущении, что точка невозврата к катастрофической эпохе конца 90-х преодолена.

Первостепенные задачи Путину удалось разрешить успешно и практически без каких-либо заметных просчетов. Из серьезных упущений президента на данном этапе можно назвать лишь одно – тот образ собственной власти, который он сам и его команда усиленно внедряли в общественное мнение. Эта проблема в силу своей неоднозначности и дискуссионности нуждается в более детальном объяснении.

Формула русской истории, выведенная на основании принципов функционирования пространства ее власти, свидетельствует о том, что важнейшей составляющей успеха правителя является его образ. Этот образ должен быть идеократическим, с соответствующей мифологией и символикой патерналистской ориентации. Такой образ уже сам по себе оказывается действенным механизмом отправления властных функций. Наглядный тому пример из недавней истории – приемы, которыми пользовался Ельцин. Можно даже сказать, что властный арсенал первого российского президента фактически и ограничивался только лишь технологиями подобного рода. Понятно, что данный пример сам по себе не может рассматриваться как достойный подражания. Но определенная сакрализация образа носителя власти в нашей стране просто необходима. Она оказывается тем локатором, который улавливает восходящие снизу

Вверх – от народа к власти – мотивационные и смысловые токи и возвращает их назад – сконцентрированные в формулы, созвучные массовым ожиданиям общества. «Он управлял течением

мыслей и только потому страной» – так метафорически Борис Пастернак выразил технологию ленинской власти. А для распоряжения «течением мыслей» как раз и требуется соответствующий образ посредника между миром идеального и востребованными артикуляциями и интерпретациями такого идеального. Если же предъявленные общественные запросы не удовлетворяются, то наступает неминуемая девальвация образа, причем независимо от того, насколько успешной или неуспешной на самом деле является проводимая им политика. Образ начинает казаться скучным, а в его действиях становятся заметными даже самые незначительные изъяны, в то время как бесспорные успехи, к которым привыкли и воспринимают как должное, перестают привлекать к себе внимание. Девальвация может наступить совершенно неожиданно – достаточно носителю власти допустить хотя бы малейший просчет, и общество, перегретое несбывшимися надеждами на востребованный им образ власти, вдруг бросается аннигилировать вчерашнего кумира.

Собственно, такая история и произошла с Путиным уже в первый год его пребывания у власти – после гибели подводной лодки «Курск». С формальной точки зрения президент не сделал ничего предосудительного. Он просто не захотел своим присутствием мешать профессионалам проводить спасательные работы. Но в реалиях нашего патерналистски ориентированного общества подобное решение президента оказалось ошибочным. К сожалению, менеджеры враждебных Путину медийных империй поняли это намного раньше самого президента. И чтобы исправить положение, Путину все равно пришлось войти в тот образ, которого ожидал от него народ, и проявить незаурядное мужество и стойкость, встретившись лицом к лицу с родственниками погибших моряков.

Но и после августа 2000 года президент продолжал упорно выстраивать совершенно иной – сугубо функциональный – образ собственной власти. «Я бы хотел, чтобы граждане меня воспринимали как человека, которого наняли на работу. Наняли на работу для исполнения определенных функциональных, профессиональных обязанностей на определенный срок, воспринимали бы как человека, с которым заключили трудовой договор» – именно так Путин преподносил себя обществу. Однако дальнейшие события и ответные реакции на них первого лица свидетельствовали о том, что Путину все чаще и чаще приходилось воспринимать свою миссию вовсе не как «трудовой договор».

Институциональное переустройство государства как политическое дежавю Петра Великого

После того как самые неотложные меры по наведению элементарного порядка в стране были предприняты, перед Путиным встала задача определения стратегии на более длительную перспективу. Видение такой стратегии президент изложил весной 2001 года в своем втором послании Федеральному Собранию. Ее суть сводилась к фактическому переустройству государства – в рамках действующей Конституции – через проведение целого комплекса институциональных реформ, касавшихся фундаментальных принципов его функционирования.

Предложенная президентом стратегия выглядела обоснованной. Россия уже десять лет существовала в новом качестве, вместе с тем ее системообразующие начала все еще не получили должного оформления. Ельцинская эпоха была посвящена решению, по сути, лишь одной-единственной проблемы – приватизации. На остальное просто не хватило времени, сил, а главное – мотивации. Путин же намеревался выстраивать новую Россию всерьез и надолго и потому был вынужден начать с самых основ. А это, в свою очередь, влекло за собой качественные перемены политической стилистики. Драматургия 90-х и штабная субкультура осени 1999 – осени 2000 годов уходили в прошлое. Особенности нового этапа становились технократизм и профессионализм, заметно уменьшалось пространство публичной политики, а СМИ еще больше утрачивали свою субъектность, перерождаясь в инструментальных статистов происходящего. Названные перемены в пространстве власти задали основные параметры утверждавшегося режима стабильности. Режим, органически не приемлющего любые мобилизационные начинания.

Фактически Путин пошел по пути своего кумира – Петра Великого, – задавшись целью построить в России XXI века регулярное государство. Петровские преобразования со временем привели к бюрократическому обволакиванию самодержавия и нейтрализации его идеократической сущности, а также создали в силу своего камералистского этоса благоприятные условия для взращивания несовместимой с существовавшим в России властным режимом либеральной культуры. И в результате сделали неизбежным – спустя два столетия – крушение престола. К чему

привели попытки повторить эксперимент Петра в начале XXI столетия?

Институциональные реформы в качестве своего неперменного условия нуждаются в структурах, через которые они будут проводиться. Таковыми структурами по определению должны стать органы государственной власти разных уровней. Именно поэтому основной задачей в комплексе институциональных реформ становилось создание властной вертикали. Путин принялся возводить ее сразу же после избрания президентом – предпринятые им меры по неотложному укреплению государственности стали, таким образом, не просто действиями чрезвычайного характера, но и составными элементами главной из институциональных реформ. Технология создания такой вертикали сводилась к элементарному аккумулярованию властного ресурса путем его перевода из всех тех локусов, где он бессистемно сконцентрировался за годы ельцинского правления, в иерархию государственных структур. Сам по себе замысел подобного масштабного упорядочения властной организации – безусловно, правильный и необходимый для окончательного преодоления последствий хаоса 90-х. Однако в обстановке, когда главные из этих структур – правительство и администрация президента, – несмотря на их постепенное наполнение кадрами Путина, по-прежнему контролировались «семейным» кланом, перспективы этой основополагающей институциональной реформы, равно как и всех остальных фундаментальных преобразований, становились неопределенными.

Касьянову удалось заблокировать радикальный сценарий преобразования правительства, сводившийся к существенному усилению путинских кадров – «питерцев» Германа Грефа и Алексея Кудрина. В результате премьер оказался незаменимым посредником между представителями обоих кланов – «семейного» и «питерского». А в ситуации начавшейся реформы естественных монополий Кремлю было важно сохранить стабильность в правительстве, кардинальное преобразование которого (в том числе и решение вопроса о фигуре премьера) было отложено. Под руководством Касьянова кабинет сосредоточился исключительно на тактических задачах – поддержании макроэкономической стабильности и выплатах внешнего долга. И несмотря на прямые упреки Кремля в недостаточной амбициозности, Белый дом всячески тормозил любые инициативы, предполагавшие те или иные мобилизационные и вообще ориентированные на стратегическую перспективу действия. Бесспорные политические дивиденды,

приносимые кабинетом Касьянова (социально-экономическая предсказуемость, постепенное погашение государственной задолженности, налаживание контактов с международными финансово-экономическими и деловыми структурами), не перекрывали негативного эффекта от нараставшего общественного недовольства крайне низкими темпами роста показателей уровня жизни подавляющего большинства россиян и работали на девальвацию внутривнутриполитического имиджа Кремля.

Администрация президента из эффективного антикризисного штаба образца осени 1999 – осени 2000 годов превращалась в малопродуктивный институт, хотя и обеспечивавший проведение кадровой политики, в целом отвечавшей интересам президента, но абсолютно утративший ту концептуальную, смысловую и идеологическую монополию, которой он обладал в пору транзита власти и в первые месяцы правления Путина.

Складывавшийся политический режим все больше походил на модернизированный и лишенный своих наиболее одиозных черт ельцинизм. Однако первому президенту России благодаря политтехнологическим приемам в пространстве публичной политики удавалось вплоть до своей отставки сохранять собственный властный монополизм (по крайней мере, в статусе верховного арбитра). Образ раннего Путина также создавался в расчете на тот тип вертикальной коммуникации, который сложился на протяжении 90-х. Но в условиях технократизации и профессионализации политического процесса требовался качественно иной образ первого лица и его команды. Образ, основанный не на имитационной, а на подлинной стратегически ориентированной идеократии, обладающей монопольным

проектом будущего. Однако этому противодействовал контрпроект все еще влиятельного в силу контролирования ключевых государственных постов «семейного» клана, вполне удовлетворенного санацией 1999–2000 годов и заинтересованного в том, чтобы свести заявленные президентом институциональные реформы к примитивной стабилизации как оптимальному режиму дальнейшего паразитирования на углеводородных ресурсах. Усиление президентской команды происходило крайне медленно и не давало возможности Кремлю перейти в решительное наступление. И поэтому политическая инициатива постепенно переходила к оппонентам Путина, представлявшим собой широкую коалицию из «семейного» клана, воспрянувших после эмиграции Гусинского и Березовского олигархов, части региональных лиде-

ров, а главное – довольно широкого слоя обеспеченных граждан, заинтересованных в консервации режима стабилизации и даже начинавших претендовать на возврат к временам ельцинской бесконтрольной вольницы под вывеской восстановления «попранных» Кремлем прав и свобод. Элита брала реванш за свое временное отступление в пространстве власти.

При таком раскладе у Путина оставалась единственная возможность изменить данную ситуацию в свою пользу – лишить своих оппонентов материальных ресурсов, которые они уже все-речь вознамерились конвертировать в ресурсы политические. Первым шагом в этом направлении стала смена руководства в станом хребте российской экономики – естественных монополиях – сначала в «Газпроме», а затем в МПС (преобразованном в ОАО «РЖД»). С помощью комплексных мероприятий, включавших в себя действия правоохранительного характера и сугубо коммерческие акции, президентская команда смогла запустить процесс масштабной реприватизации. Данная акция вовсе не означала тотального пересмотра итогов перераспределения собственности, осуществленного в 90-е, и тем более национализации. Речь шла, по сути, об объявлении правовой войны (выявлении в истории корпораций криминальных страниц и возбуждении по ним уголовных дел) тем олигархическим группировкам, которые вынашивали планы «мягкого» государственного переворота путем «покупки» выборов кампаний 2003–2004 годов.

Апогея эта правовая война достигла в ходе нейтрализации ЮКОСа и его владельца Михаила Ходорковского. Олигарх воспользовался кремлевским курсом на усиление партийной составляющей политического процесса (как альтернативы межкланового противостояния), а также инициативой Путина перейти к новому принципу формирования правительства – в соответствии с результатами думских выборов (инициативой, пролоббированной «семейными» и означавшей фактический отказ от важнейшего и гарантированного Конституцией ресурса президентской власти). Он начал обильно финансировать партии, чье попадание в Думу не вызывало сомнений, рассчитывая при их поддержке получить премьерское кресло – оптимальный плацдарм дальнейшей борьбы за высший государственный пост.

Арест Ходорковского и последующая реприватизация ЮКОСа стали переломным моментом в ходе правовой войны Кремля с противостоявшими ему олигархическими группировками. С конца 2003 года и вплоть до сегодняшнего дня более не возникало

прецедентов организованной олигархической фронды власти Путина. Более того, очевидное усиление президента и его команды в результате серии реприватизационных акций позволило наконец осуществить и кадровую революцию. Замены главы президентской администрации и председателя правительства на лояльных Путину Дмитрия Медведева и Михаила Фрадкова означали победу над «семейным» кланом и его выведение за пределы пространства власти. По результатам думских выборов в нижней палате парламента сложилось пропрезидентское большинство. В ходе обновления состава сенаторов такое же большинство оформилось и в Совете Федерации. Пошатнувшаяся было управляемость страной из единого центра, представляющего собой президента и его команду, была восстановлена.

Закономерным итогом ликвидации олигархической фронды и кадровой революции явилась оформившаяся весной 2004-го новая архитектура пространства власти.

Администрация президента превратилась в главную структуру, обеспечивающую паритет интересов уже внутри президентской команды – между «силовиками» и «либералами» – путем выстраивания гибкой кадровой политики и нахождения оптимального соотношения между приоритетами внутренней и внешней политики. Подобная представительская составляющая в деятельности данного института нашла адекватное воплощение и в новой структуре администрации. Функции ее главы были несколько уменьшены, зато возросла роль обоих оставшихся заместителей, получивших через статус помощников президента возможность прямого выхода на главу государства. Правовая война – точнее, дальнейшее проведение курса реприватизации – также переходила в сферу компетенции кремлевской администрации, которой вменялось в обязанность лишить данный процесс ореола чрезвычайщины и придать ему рутинный характер повседневной деятельности, проводимой совместно с правительством.

Значение Совета безопасности как противовеса администрации президента утратило свою актуальность, а сама структура – прежнее значение.

Обновленный кабинет остался центром согласования концепций институциональных реформ, ведомственных и лоббистских интересов, не выходящих за пределы отраслевой конъюнктуры и не вторгавшихся в сферу принятия решений по реприватизации. Перенос центра выработки наиболее значимых проектов, в том числе и по сугубо экономическим вопросам, в администрацию

президента привел к деполитизации кабинета и его превращению в техническую инстанцию, контролирующую макроэкономическую ситуацию в стране и рутинную внешнеполитическую деятельность.

Казалось бы, моноцентрическая властная вертикаль была полностью восстановлена и процесс переустройства государства с помощью пакета институциональных реформ получил все шансы обрести новый импульс, а технократическая стилистика данного курса – долгожданную идеологию. Однако этого не произошло. Вышло так, что кадровые перемены и взятие под контроль президентской командой основных государственных постов и важнейших экономических субъектов, превратившиеся – и совершенно оправданно в реалиях олигархической фронды и торможения «семейным» кланом президентских начинаний – в самоцель, не утратили своего самодовлеющего значения и впоследствии, в заново обустроенном пространстве власти. Будучи по своей сути мобилизационными, они так и не обрели той необходимой идеологической составляющей, которая придает мобилизации стратегическую ориентацию и предохраняет ее от перерождения в стагнацию в результате резкого падения эффективности при сохранении прежних повышенных темпов и чрезмерных энергетических затрат.

На повестке дня оказался новый заход на институциональные реформы, однако без какой бы то ни было корректировки их содержания и акцентов с учетом серьезных изменений, произошедших за три года со времени их первоначального обозначения. В результате власть допустила серьезные ошибки, не просчитав возможные социальные издержки намечаемых преобразований, что привело в начале 2005 года к резкому падению рейтинга президента и проводимого им курса.

Политический монополизм новой элиты создавал ложное впечатление окончательной ликвидации угроз государственному строю как из-за противостояния внутри пространства власти, так и вследствие спонсируемого извне агрессивного сепаратизма. Ответом на подобные благодушные настроения явилась резкая активизация террористических вылазок, а ситуация конца лета – начала осени 2004-го вообще возродила, казалось бы, навсегда забытое чувство общественной незащитности, напомнив трагические события пятилетней давности. На какой-то момент новый виток необъявленной войны России со стороны террористического интернационала заставил руководство страны сконцентриро-

ваться, преодолеть исключительную озабоченность проблемами реприватизации и вернуться к курсу на упрочение государственности. Именно тогда – впервые в публичных заявлениях Путина – было сказано о необходимости «мобилизации нации перед общей опасностью», а также окончательно достроена властная вертикаль – ликвидирована избыточная электоральная активность на региональном уровне, упорядочены принципы комплектации Государственной Думы, заявлено об учреждении Общественной палаты как специфически российской структуры, институализирующей гражданское общество.

Но и на этот раз осуществленные перемены не завершились обозначением – хотя бы пунктирным – того образа будущего (помимо удвоения ВВП и прочих исключительно потребительских ориентиров), который российская власть собиралась предложить своим гражданам. И соответственно идеологическое строительство вновь оказалось отложенным на потом.

Наконец, ослабив контроль за оправданным и необходимым процессом реприватизации, власть невольно способствовала тому, что он оказался доходным бизнесом для отдельных представителей новой элиты, дискредитировавших тем самым президента и его команду. А череда «бархатных революций» на постсоветском пространстве создала у многих чиновников и предпринимателей, не причастных к такому бизнесу, впечатление неизбежности аналогичного развития событий и в России и сделала их активными сторонниками подобного сценария, видевшегося им реваншем за их неучастие в переделе собственности. Эмигрировавшие из России олигархи всячески подогревали такие настроения, рассчитывая «бархатным» способом вернуть себе утраченные позиции в политике и бизнесе.

Сам по себе монополизм в пространстве власти не стал надежным фундаментом для упрочения позиций президента. В очередной раз сделанная Путиным ставка на сугубый прагматизм и технократизм как на своего рода идеологию переучреждения государства не оправдала себя. Она обернулась для Кремля новыми осложнениями даже в условиях вытеснения из пространства власти всех сколько-нибудь серьезных конкурентов, ограничивавших возможности президента в первые годы его правления. Командная безыдейность, фактическое возведение стабилизации в главный стратегический приоритет государственной политики, унаследованная от «семейного» клана зашоренность на достижении сиюминутного эффекта от макроэкономического регулиро-

вания, устойчиво высокие мировые цены на энергоносители, консервировавшие экспортно-сырьевую ориентацию российской экономики, создавали благоприятные условия для распространения – уже в новой элите – статусной ренты и теневого бизнеса на реприватизационных процессах. Все это самым негативным образом сказалось на имидже Кремля и, соответственно, на его положении в пространстве власти. Партия «бархатной революции», объединившая в своих рядах не только откровенных и до поры затаившихся противников Путина, но и достаточно широкий круг недовольных результатами проводимых им преобразований, начинала все настойчивее и агрессивнее претендовать на власть. Конечно, ресурсные возможности этой партии не шли ни в какое сравнение с потенциалом разгромленной в 2003 году олигархической фронды. Но пропагандистский эффект от предпринимавшихся ею демаршей – особенно в смысловом, идейном и мотивационном вакууме, отчетливо обозначившемся, когда вся общественная дискуссия оказалась сведенной к проблеме монетизации льгот, – оказывался многократно усиленным и производил серьезное впечатление. Наступил момент, когда Кремль более уже не мог тянуть с заявлением серьезного идеологического проекта.

«Довыбор» Путина: предрешенность или возможность?

Такой проект был обнародован весной 2005 года в послании Федеральному Собранию. В нем были обозначены основные черты идеократической составляющей, приносимой президентом в созданную за годы его правления государственность. И хотя сам Путин не дал этой составляющей четкого определения, новая идеология явочным порядком стала называться суверенной демократией.

Первоначально концепция суверенной демократии рассматривалась Кремлем именно как конкурентоспособная альтернатива пораженческой и антигосударственной по своей сути идеологии сторонников «бархатного» транзита власти в России. Со временем проявился и более глубокий смысл данной концепции. Демократия, все еще воспринимавшаяся значительной частью оппози-

ционно настроенных слоев общества как режим навязанного извне в начале 90-х способа зависящего от Запада развития и потому неспособная превратиться в основу для национальной консолидации, подчеркиванием своей суверенной доминанты окончательно реабилитировалась как самобытный и органичный для страны способ ее существования. Осенью 2005-го – провозглашением комплекса приоритетных национальных проектов – была продемонстрирована и социальная направленность новой кремлевской идеологии. Монополия на социально ориентированное смыслотворчество, которой бравировала (кстати, в свое время, после массовых волнений в начале 2005 года, отнюдь небезосновательно) партия «бархатной революции», была нарушена.

Суверенная демократия создала благоприятные условия для открытого обличения «офшорной аристократии» и в целом коррумпированной части элиты – этих проводников стагнационных ценностей и агентов навязанного развития. Жесткое отстаивание национальных интересов во внешней политике – это не только твердая гарантия сохранения геополитической субъектности России, но и эффективное средство профилактики от виртуозно освоенного нашей элитой «бартера» по принципу: обеспечение интересов в офшорах в обмен на уступки в сфере государственного суверенитета. Таким образом, и в условиях уменьшившегося пространства публичной политики и потому объективно сократившихся возможностей СМИ власть не избегает гласного обсуждения болезненных для себя тем.

Все больше мобилизационных интонаций чувствуется и во внешнеполитических декларациях Кремля. Мюнхенская речь президента явилась наглядным свидетельством окончательного отказа от сделанного еще советским руководством в конце 80-х – начале 90-х ценностного выбора: безусловный приоритет международных норм и практик над национальными интересами. Суверенная демократия утверждает обратное. Полное и окончательное восстановление статуса страны как сверхдержавы – повестка дня для развернувшей новую мобилизацию власти.

Неужели «довыбор», к которому Россия шла на протяжении последнего столетия (а то и нескольких столетий – если вспомнить вехи более давних перипетий в пространстве власти), стал реальностью? Реальностью явилась возможность подобного «довыбора», но никак не его предрешенность. Хотя бы уже потому, что сама по себе развилка «недовыбора» – рзвилка ложная и обманчивая. Она содержит в себе вовсе не альтернативу двух пози-

тивных, но разных концепций развития, а альтернативу между мобилизационным развитием и модернизационным неразвитием. Последнее, гарантируя более-менее стабильное (хотя и обреченное в конечном итоге на скатывание к стагнации) существование, может создавать впечатление развития – просто другого, в отличие от мобилизационного, которое, в свою очередь, – будучи процессом живым и инновационным, не застрахованным от сбоев и дезориентации, – также способно вырождаться в стагнацию.

Все это – вовсе не плод отвлеченных умствований, но закономерности, имеющие самое непосредственное отношение к вырисовывающимся перед Россией перспективам. Путин на личном опыте носителя власти прочувствовал абсурдность самой ситуации выбора между модернизацией и мобилизацией – выбора, напоминающего дилемму между гарантированным умиранием и негарантированным выживанием. Здравый смысл однозначно предпочитает последнее первому. Однако, к сожалению, в политике здравый смысл проявляется гораздо реже, нежели в обыденной жизни. Бесспорная заслуга Путина в том, что как раз при нем здравого смысла в политике стало больше и пресловутое заклятье «недовыбора» оказалось демифологизированным. Общество осознало фактическую безальтернативность наиболее адекватного для себя сценария развития.

Другое дело, что произошедший смысловой перелом, своеобразным маркером которого и стала идеология суверенной демократии, сам по себе еще не гарантирует разворачивания нового мобилизационного проекта и не оберегает от его перерождения в случае неудачного исполнения и, следовательно, от актуализации запроса на модернизационное обустройство. Да и в самом пространстве власти ситуация не выглядит до конца определенной. Режим Путина – очередной в нашей истории режим личной власти, который неизбежно обречен на трансформацию после ухода первого лица. И никакие преемники не в силах предотвратить подобное развитие событий. В этом смысле главная угроза сделанному властью «довыбору» кроется в нерепродуцируемости того режима, при котором такой «довыбор» стал возможным. В то же время любые легистские ухищрения, которые могут быть приняты в целях сохранения максимально возможного властного ресурса в руках экс-президента, не только не предохранят от отката назад, к той или иной форме «управляемого недовыбора», но и создадут – в результате перекройки конституционного поля – благоприятные условия для реванша модернизационно ориенти-

рованной элиты. Уход президента опасен для заявленного им курса. Но еще более опасным может оказаться его «неуход после ухода». Здесь есть только два выхода – либо пролонгация президентского статуса Путина, либо некие нетривиальные действия, предпринятые за остающиеся несколько месяцев второго срока, которые приведут к качественному росту его авторитета. Первое Путин решительно отвергает, второе же предполагает его непременный отказ от любых вариантов «застревания» в статусной политике в непрезидентском качестве. Стратегический «довыбор» Путина требует от него такого же «довыбора» в отношении самого себя – как единственного гаранта необратимости перемен, произошедших в пространстве власти.

Праздник угнетенных или социальная болезнь? Памятка ревнителям революции и чрезвычайщины^{*}

Ожидаемая революция не придет никогда.
Шарль Луи Монтескье

Прошлое до тех пор бывает неощутимым для современников, пока не напоминает о себе похожими сценариями и моделями поведения. То, что поначалу кажется призрачным, вдруг способно материализоваться. В памятном августе 1991 г. история коллапса царского режима неожиданно стала историей наших дней. Однако все было так виртуально и скоротечно, что до сих пор обозначается как «события», зато время, связанное с их последствиями, все чаще называют «смутное». Академической науке по этому поводу еще рано выносить свой вердикт, а политологи непростоительно долго держат паузу, не давая четких оценок, – конъюнктура не так очевидна, а ответственность страшно велика, гораздо легче, по кремлевским наводкам, рассуждать о том, предвещают ли опасность для власти массовые протесты против отмены льгот или киевский «оранжевый» пример, чем разгадывать «коды» многовековой поступи российской истории. Об одном из этих кодов, возможно, главном для страны в минувшем веке, время размышлять снова. И дело не только в очевидном поводе – столетии Первой революции 1905–1907 гг., которая открыла Россию заново для мира и соотечественников, а в том, что призрак революции так и не покинул страну.

---

^{*} Впервые опубликовано: Политический класс. 2005. № 1. С. 16–23.

Как начинаются революции

В принципе, это тривиальный вопрос. Но в поисках нетривиального ответа на него любопытно посмотреть на поведение «верхов» и «низов» накануне революции (возьмем для примера поведение верховной власти за месяц до начала революции 1905 г. и свидетельства о настроениях «низов» за месяц до «событий» августа 1991 г.). 12 декабря 1904 г. Николай II после долгих раздумий подписывает указ «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка». Чтобы успокоить людей после ряда поражений в Русско-японской войне, он обещает устроить крестьянскую жизнь, расширить права земств и городских дум, устранить стеснения печати, сократить масштабы применения чрезвычайных мер в беспокойных районах Российской империи и др. Однако в этом принципиальном документе не было ни слова о земле, политических свободах, конституции. А буквально накануне 9 января 1905 г. в окружении царя победило мнение о том, чтобы «проучить» народ и надолго отбить у него охоту жаловаться на бесправие и нужду. Отказ в назревших преобразованиях, как известно, обернулся «Кровавым воскресеньем», московскими баррикадами и броненосцем «Потемкин».

Как заводится психологический механизм противостояния власти «снизу», показывают письма простых советских людей, которые поступали в центральные газеты незадолго до августовского путча 1991 г. Еще ничего не произошло, а многие уже внутренне готовы к крайним экстремистским действиям.

«Уважаемый Борис Николаевич и Михаил Сергеевич! <...> Обращаюсь к вам, ради бога, объясните мне настоящую жизнь. Вы мне сделали пенсию 100 руб., дали 65 руб. компенсацию. Но ее мне только хватает еле-еле отоварить талоны. Отработала я на государство 32 года, а вот воровать не научилась. <...> Вы не боитесь, что из нас вы сейчас куете потенциальных убийц? Ведь я нездоровый человек, но я ведь буду здоровых призывать, чтобы брались за оружие! И не думайте, что вас уберегут ваши охраны».

«Я – бывший офицер КГБ, а сейчас по-народному – “тенивик”, мафиози и т. д. <...> Теперь о главном. Грядет хаос и хорошая встряска нашему государству с применением оружия. Народ темен. Его необходимо спаивать и держать в темноте, иначе так потрянет, что всем континентам достанется».

«Дело в том, что я с удовольствием приняла бы участие в антиправительственном восстании. А что? Мне 19 лет, из них самые “лучшие” – 6 лет перестройки. Ну и что я видела?! В семье старшая, так ладно – перебивалась и перебыюсь без супермодных шмоток (хотя хочется!), а сестер жалко. <...> Мне совершенно все равно, что у нас будет – социализм, капитализм, республика, монархия, тоталитарное государство, но пусть будет возможность нам учиться, одеваться и есть. Поэтому я помещаю объявление: всем, кому не хватает бойцов на баррикадах, обращаться по адресу <...>. Обещаю не бросать баррикаду, даже если пустят танки».

Два этих, казалось бы, разных, взятых из разного времени примера, тем не менее, прекрасно вписываются в схему, предложенную одним из главных героев 1917 г., политическим лидером и ученым Павлом Милуковым. Революция становится неизбежной,

– когда масса ощущает настоятельную потребность в крупной политической или социальной реформе;

– когда власть противится мирному разрешению этой назревшей потребности;

– когда власть теряет способность принудительно действовать;

– когда массы не только перестают бояться власти, но начинают даже презирать ее и откровенно смеяться над нею.

Чем удивили революции современников и как отразились в «послушной» истории

Все русские революции подтвердили слова Наполеона о том, что «революцию нельзя ни начать, ни остановить». Не стало удивительным и то, что искусственно отделить политическую революцию от революции социальной невозможно. Но что поразило сразу же, так это быстрая девальвация идеи демократии, причем со стороны как «верхов», так и «низов». И для этого были причины. К примеру, в 1917–1918 гг. «учредительская» форма демократии, опирающаяся на думские традиции и тяготеющая к европейским образцам, и советская, еще неопробованная в истории, не найдя

способов соглашения и компромисса, сначала оказались в кризисе, а затем встали на путь использования, казалось бы, отживших систем. Советская демократия подчинила свои принципы однопартийной, обраставшей наслоениями милитаризма системе, а «учредительская» стала сотрудничать, а потом и подчинилась белым генералам с их реставраторскими устремлениями. В результате выбор страна совершала не между той или иной формой демократии, а между диктатурами красной и белой.

Но подобные конструкции тонули в метафорах, выражавших эмоциональное восприятие современниками революционных событий: «потоп», «буря», «вихрь», «ураган», «взрыв», «экстаз». «Очищение» и «обновление» – вот что виделось за этим катаклизмом. Даже такой противник насилия, как Лев Толстой, сравнивал революцию 1905 г. с рождением новой жизни и признавал, что она делает немало полезной работы и «пропасть добра».

На этом фоне поначалу мимолетно воспринимались выходы черносотенцев, появление множества авантюристов – людей без прошлого, с вымышленными биографиями. Но чем дальше, тем больше давали о себе знать «грязная пена» революции и аморальные поступки ее участников. Знаменитый Манифест 17 октября 1905 г., даровавший России главные общественные свободы и законодательную Думу, вызвал погромы со стороны «патриотов». Они прокатились по сотне городов 36 губерний России. В течение одного месяца от рук черносотенцев пало более 4 тысяч человек и до 10 тысяч были искалечены. В настоящей осаде погромщиков оказались университеты и гимназии. При бездействии или попустительстве властей и лично Николая II во многих городах установился режим террора.

В феврале–марте 1917 г. современники зафиксировали и трупы жандармов со вспоротыми животами в Петрограде, и дикую охоту на офицеров в Кронштадте и Гельсингфорсе, и самосуды в Луге и Ельце, и многие другие жестокости. Федор Степун, будущий философ и социолог, офицер, близкий к эсерам, так описал Петроград 1917 г.:

«Я думал, что увижу его гневным, величественным, наполненным революционной романтики. <...> Впечатление было сильное, но обратное ожидаемому. Петроград по внешнему виду и внутреннему настроению являл собой законченную картину разнузданности, скуки и пошлости, не приливом исторического бытия дышал его непривычный облик, а явным отливом.

Бесконечные красные флаги не веяли в воздухе стягами и знаменами революции, а пыльными красными тряпками уныло повисали вдоль скучных серых стен. Толпа серых солдат, явно чуждых величию свершившегося дела, в распоясанных гимнастерках и шинелях в накидку, празднично шаталась по грандиозным площадям и широким улицам города. Изредка куда-то с грохотом проносились тупорылые броневики и набитые солдатами и рабочими грузовики: ружья наперевес, трепанные вихры, шальные, злые глаза. <...> Нет, это не услышанная мною на фронте великая тема революции, не всенародный порыв к оправданию добра свободного, а ее гнусная контртема. <...> Это хмельная радость о том, что “наша взяла”, что гуляем и никому ни в чем ответа не даем».

«Родник живого народного творчества» нередко рождал такое, что отнюдь не соответствовало первоначальным идеям революционеров. «Стихийный» социализм угнетенных содержал в себе не только созидательные, но и деструктивные начала. Те, кто столкнулся с ними, готовы были подписаться под словами о том, что в революции в человеке «просыпаются не только зверь, но и дурак» (Питирим Сорокин). Один из большевистских руководителей, сетуя на критический спад экономики после октября 1917 г., печально признавал, что рабочий превращается в пенсионера государства, в паразита, живущего на чужой счет. Но эти и другие замечания тонули во всеобщей устремленности вперед, к новой культуре, к новому человеку, Совсем немногие задумывались о последствиях и цене революции. Не было нужды размышлять о прошлом и настоящем, когда идет замена старого новым, когда вырабатывается новый человек.

Русские революции XX века не избежали участи Великой французской революции: одни их прославляют как историческую веху в освобождении человечества от гнета, другие проклинают как преступление и катастрофу, для одних революционеры – святые, для других – чудовища. Правда, для советских людей долгое время классическим образцом представления о революциях являлся сталинский «Краткий курс» истории ВКП(б). В нем было все предельно ясно: событиям приписывалась обязательная направленность, соседство во времени принималось за причинно-следственную связь. Авторы не останавливали предупреждение Фридриха Энгельса: люди, которые хвастались, что это они совершили революцию, на следующий день всегда убеждались, что не имели ни малейшего представления о том, что они делали, и

что совершенная ими революция ни в малейшей степени не соответствует той, которую они хотели совершить.

«Краткий курс» создал «священную историю», со своими канунами в виде «революционных событий 1905 года» (предваряющих «главное» свершение), своими предтечами («революционные демократы» XIX века), своими демиургами и пророками, подвижниками и мучениками, своими ритуалами и обрядами. Октябрьская революция представляла, в соответствии с универсальной схемой космогонии, как акт творения нового мира, а ее дальнейшая поступь связывалась с борьбой за чистоту с демонами, внутренними и внешними («продолжение классовой борьбы»).

Неслучайно в годы перестройки основной удар обрушился именно на миф о «непорочности» революции, и от восторга низвержения уже не могли отвлечь доставшиеся в наследство от 60-х дискуссии о «двух вождях» в революции (Ленине и Сталине), особой роли Троцкого в Октябрьском вооруженном восстании и т. д. Акцент на закономерности революций как «локомотивов истории» сменился теориями «первородного греха», заговора, решающей роли мировой закулисы, включая историю с «немецкими деньгами». Революционеров разделили на «людей гражданского склада» и на «людей в сапогах», на «чистых» и «нечистых». Ленинскую формулу «революция – праздник для всех угнетенных» практически заменили новым афоризмом «революция – праздник люмпенов, воров и убийц».

Можно ли управлять революцией

Революцию иногда сравнивают с полостной хирургической операцией, платой за отказ от профилактического рутинного лечения. В то же время иногда радикальное вмешательство может стать единственной гарантией выздоровления.

XX век продемонстрировал два варианта развития революционных событий: либо существующий режим власти без какого-либо промедления перехватывает инициативу у революционеров и как можно скорее гасит пламя народного возмущения, либо революционеры сами реализуют свои лозунги до конца. Революция 1905 г. заставила правительство отбросить бесконечные колебания и сомнения и перейти от слов к делу. При этом был избран

более радикальный и масштабный проект преобразований. Два крупнейших российских реформатора, Сергей Витте и Петр Столыпин, возглавлявшие Совет министров в период революции, одновременно усмиряли разбушевавшуюся народную стихию и разрабатывали реформаторские указы. Словом, следовали классическому правилу: если все силы подчинить борьбе с революцией, то устранишь ее последствия, а если, опираясь на силу, возглавишь процесс коренных изменений, то устранишь ее причину.

В 1905–1907 гг. были провозглашены неприкосновенность личности, свобода слова, собраний, союзов, начала осуществляться аграрная реформа, отменены выкупные платежи для крестьян, сокращены сроки военной службы, введена университетская автономия, прекращены наказания за участие в экономических стачках. Одновременно использовались карательные экспедиции и военно-полевые суды для подавления массовых выступлений, часть территорий на основании распоряжений от 14 августа 1881 г. была переведена на положение чрезвычайной и усиленной охраны. Оправдывая чрезвычайные меры, Столыпин заявлял: «Где с бомбами врываются в поезда, под флагом социальной революции грабят мирных жителей, там правительство обязано поддерживать порядок, не обращая внимание на крики о реакции».

После Февральской революции 1917 г. наряду с демократическими преобразованиями Временное правительство также стало закладывать институциональную основу насильственных мер. Для урегулирования летних кризисов 1917 г. оно стало использовать, к примеру, вооруженные продотряды для изъятия хлеба в деревнях. В свою очередь, Временное правительство имело перед собой яркие образцы реквизиций продовольствия по твердым ценам в 1914 г., хлебную разверстку, введенную в ноябре 1916 г. по инициативе царского министра земледелия Александра Риттиха, «солдатские команды» для принудительных сельхозработ и др.

Большевики, взяв власть, продолжали ориентироваться на мировую революцию, новую эру, где трудящиеся всех стран сольются в одно всечеловеческое государство-коммуна. С октября 1917 г. до марта 1918 г. Ленин и его окружение не торопились обозначить формы новой советской государственности и формы порядка. Это обернулось не просто «безвластием», а огромной стихией, которая была совершенно анархической по своим настроениям и взглядам. Возникла масса различных образований («трудовые коммуны», федерации «трудовых коммун» и др. со

своими совнаркомami), каждое из которых считало себя вправе заявить: мы власть на местах, мы приемлем декреты центральной власти постольку, поскольку они для нас приемлемы. Тот же лозунг об экспроприации экспроприаторов, поначалу объединявший всех трудящихся (отнятое «сосчитай и врозь его тянуть не давай»), мелкий собственник – «некий маленький чумазый, число ему миллион» – понял именно как «грабь награбленное», как призыв к тому, чтобы растащить национальное достояние по своим избам, чердакам и подвалам.

Все это можно было упредить. И тогда Николаю Бердяеву не пришлось бы восхищаться «нечеловеческими усилиями» Ленина, который из крайне невыгодной позиции, спустя пять месяцев после захвата власти, начал наверстывать упущенное – призывать к элементарным вещам, труду и дисциплине, ответственности, положительному строительству, разоблачать революционное фразерство, анархические наклонности и даже совершать «настоящие заклинания над бездной». Да, действительно, весной 1918 г. была открыта безжалостная истина: выход из кризиса невозможен до тех пор, пока каждая губерния представляет из себя «самостоятельную республику», пока царят индивидуальный и групповой эгоизм в виде мешочничества, пока на рынке царит анархия. Только сильная центральная власть в состоянии была обеспечить восстановление разорванных экономических связей, наладить контакт с деревней, нормализовать финансовую систему, навести порядок и дисциплину. В своей практической деятельности большевики начинают прибегать (поначалу лишь на ограниченном пятачке наиболее критических участков работы – транспорт, продовольствие) к чрезвычайным методам, которые продолжали авторитарные тенденции военного периода. Однако с мая–июня 1918 г. – периода, связанного с угрозой реставрации и контрреволюционного подъема, – большевики открыто становятся на путь защиты советской «крепости» всеми доступными способами.

Понятно, что постепенному втягиванию в чрезвычайную политику, причем не только революционеров, но и их противников, предшествует длительная цепочка событий. Вопрос о том, кто начал первым, как правило, тупиковый. Важно установить логику эскалации насилия, потому что только такое знание в состоянии хотя бы как-то предостеречь политиков в их конкретных решениях и действиях. Можно принять тезис «любое насилие – зло». Но все дело в том, что дошедшая до стадии гражданской войны со-

циальная конфронтация раскалывает общество. Врагов и противников вообще выводят в такие моменты из сферы морали, воспринимают как «нелюдей», на которых не распространяются общечеловеческие нормы. Любые заявления о безнравственности насилия никого уже не останавливают.

Но что разделяет режим чрезвычайных мер и чрезвычайщину?

Прежде всего обращение к массовому террору как форме управления, как способу уничтожения противников, морального запугивания и подавления всякого сопротивления. Этот процесс, как показывает опыт всех революций, обязательно облекается в соответствующую идеологическую оболочку («опасность контрреволюции», «обострение классовой борьбы», «угроза демократии» и т. п.) с объявлением части населения «врагами народа» (двурушники, предатели, шпионы, саботажники, вредители, подозрительные, красно-коричневые, коммуно-фашисты), то есть не «свои», а «чужие», по отношению к которым допустимы любые средства воздействия. Чрезвычайщина – это и подминание регулярных органов управления чрезвычайными, упрощенное правосудие, внесудебный порядок рассмотрения дел, это вообще опора на особый тип руководителей и на определенные группы населения.

Говоря о красных, стоит вспомнить ленинское отчаяние по поводу разложившихся рабочих продотрядов, которые пришлось возвращать из деревень для «отчета и лечения». Комбеды помогли большевикам обеспечить полуголодное существование промышленных центров, но раскололи деревню, вызвали озлобление крестьян, а потом вообще стали опасны, поскольку стали вытеснять советы, захотев конституироваться как параллельные аппараты власти в деревне. ВЧК из небольшой комиссии Совнаркома довольно быстро превратилась в целый наркомат, «страшный беспощадностью своей репрессии и полной непроницаемостью для чьего бы то ни было взгляда того, что творилось в ее недрах» (Николай Крыленко). Уполномоченные «комиссары», судя по множеству сводок, приезжая на места и избавившись от строгого взгляда парткомитетов, «считают своим священным долгом сперва напиться пьяными, а потом следуют остальные прелести, как-то: насильование женщин, стрельба и пр. Подобного рода преступления, взяточничество, незаконные реквизиции всего того, что понравилось, процветают в уездах всюю, и те репрессии, которые применяются, не помогают. Устраняя такой примазавшийся

элемент, на их место ставится почти такой же, ибо людей неоткуда взять, все лучшее выкачано на фронт».

В белых государственных образованиях, как признавали Колчак, Деникин, Врангель, малопригодной опорой оказались казачьи отряды, прославившиеся самочинными расправами с населением, «отряды особого назначения» при МВД, «милицейские команды», военно-полевые суды, но прежде всего, органы контрразведки. «Население, встречавшее армию при ее продвижении с искренним восторгом, исстрадавшееся от большевиков и ждавшее покоя, – писал Врангель, – вскоре стало вновь испытывать на себе ужасы грабежей, насилия и произвола. В итоге – развал фронта и восстания в тылу».

1991 и 1993 годы реанимировали представления о революции со всеми сопутствующими факторами, в том числе попаданиями в чрезвычайщину. Сейчас трудно уже предположить, как выполнялась бы программа ГКЧП. Однако то, что с тревогой ожидалось в случае победы путчистов, неожиданно проявилось в поведении демороссов, действовавших, по сути, как необольшевики. Пошаговые изменения были привнесены в жертву ельцинскому «чуду» – за полгода оздоровить российскую экономику. Такие рецидивы, как погром ЦК КПСС, КГБ, сам способ захвата и дележа партийного имущества, чуть было не начавшаяся «охота на ведьм», мало чем отличались от большевистских методов. События сентября–октября 1993 г. подтвердили неслучайность этого. Если судить по официальным заявлениям администрации Ельцина, то временные ограничения некоторых прав и свобод в связи с введением режима чрезвычайного положения не противоречили общепризнанным нормам международного права, а также тогдашнего российского закона «О чрезвычайном положении» от 17 мая 1991 г. Так ли это? Всегда ли используемые меры согласовывались с остротой положения?

Не буду вдаваться в дискуссию по поводу вынужденности или невынужденности для президента чрезвычайных мер, разгона советов и расстрела Белого дома, хотел ли Ельцин узурпировать власть или искал выход из правового тупика, созданного старой Конституцией. Но уже тогда можно было зафиксировать цепочку фактов перерастания чрезвычайных мер в чрезвычайщину, использование чрезвычайного положения для получения права на произвол. Это провоцировалось еще и тем, что ситуация оценивалась как акт гражданской войны между «красно-коричневыми» и «демократами», а не между консерваторами и радикалами.

Закрывать печатные издания можно было лишь судебным порядком – в действительности же 12 органов печати было запрещено решением Министерства юстиции. Только суд мог приостановить деятельность общественных объединений – по отношению к 16 партиям, движениям, союзам этого не было сделано. Только суд имел право исключить те или иные политические силы от участия в выборах, но это сделали указы президента. Так исполнительная власть узурпировала функции законодательной и судебной властей.

В принципе все это было исправимо, пусть и задним числом, в конце концов, массовый террор не стал формой управления, чрезвычайный режим не был распространен на всю страну. Но, увы, уже нынешним поколениям невозможно забыть такие рецидивы чрезвычайщины, как призыв «уничтожить гадину», как объявление чуть ли не трети населения «коммуно-фашистским», как обращение доносить о лицах, проживающих в Москве без прописки, выдворение из столицы лиц кавказской национальности, избиения и издевательства, творимые сотрудниками ОМОНа по отношению к задержанным гражданам. Но самое существенное то, что, как и в 1905–1907, 1917–1920 гг., чрезвычайщина не решила проблем, вызвавших рост напряженности и насилия. Негативное же воздействие на политическую культуру, в частности, такие ее компоненты, как компромисс, уважение к закону, посредничество, более чем очевидно. Чрезвычайное столетие показало, что политические и экономические задачи не могут решаться в формах чрезвычайщины. Ее последствия всегда одинаковы – подрыв социальных основ режима, подрыв производительных сил, апатия, опустошенность и недоверие населения.

Есть ли выходы из чрезвычайщины?

Есть. Для этого необходима прежде всего политическая воля. В 1905 г. Комитет министров, передавая полномочия Совету министров, предложил срочно пересмотреть законы об усиленной и чрезвычайной охране от 14 августа 1881 г. За это же выступило и Особое совещание, признавшее, что выросло целое поколение, которое не видело иного порядка поддержания общественного благоустройства, не видело применения нормальных законов и,

«сталкиваясь с распоряжениями, вытекавшими не из прямого смысла общих законов, а из предоставленных исключительными правилами полномочий, утрачивало сознание их исключительности, теряло чувство законности и в то же время проникалось недовольством к произволу власти». По-другому поступили революционеры после Февральской революции 1917 г.: полиция и охранка были просто распущены.

Большевики, объявившие массовый террор формой управления, начиная с осени 1918 г. отказываются от этой политики, освобождают национализированные предприятия от контрибуций и чрезвычайных налогов, вырабатывают строгие правила реквизиции и конфискации предметов и грузов, воспрещенных к вольной продаже, ликвидируют комбеды, легализуют некоторые оппозиционные партии, объявляют амнистию. Но главное – регламентируют деятельность ВЧК и ЧК, подводят под действия любых чрезвычайных органов строго определенные положения и узаконенные нормы действий.

Но все эти и другие отступления совершались до определенной черты, которая, в свою очередь, обозначала момент серьезных раздумий верховной власти по поводу того, отступить ли дальше или остановиться на черте, достаточной для обеспечения стабильности и устойчивости режима. Ленину удалось благодаря невероятным усилиям выйти из Гражданской войны в пространство более или менее либерального режима властвования. Сталин же из своей «революции сверху» – свертывания нэпа, сплошной коллективизации и раскрестьянивания – и заданной ею логики действий выйти не смог или не захотел, поскольку в любом движении «назад» видел угрозу своей власти. После «революции сверху» и накануне «Большого террора» ключевые позиции в сталинской команде заняли люди, способные чувствовать себя как рыба в воде именно в условиях чрезвычайных мер, так как они просты в применении, сориентированы на простое исполнение команд, избавляют от личной ответственности.

Но самое главное, что сама правящая партия и ее аппарат в центре и на местах стали превращаться в главный чрезвычайный орган управления, подчиняющий себе как регулярные органы управления, время от времени наделяемые чрезвычайными полномочиями, так и силовые, карательно-репрессивные наркоматы и ведомства, которые по определению больше чем кто-либо выигрывали от чрезвычайной политики. В конце концов, только контроль партийного аппарата давал гарантию, что эти структу-

ры не выйдут из подчинения и без санкции или при намеренном попустительстве не скатятся к чрезвычайщине, в условиях которой «осажденную крепость» не удержать и союзников в Европе не найти.

О некоторых последствиях утопических расчетов

От длительного нахождения в чрезвычайных условиях выигрывали бюрократия и аппарат – они забирали себе все больше и больше полномочий. Так было в 1905–1907 гг., но особенно заметно после октября 1917 г., когда надорвалась старая партийная гвардия. С приходом к управлению новых слоев, середняка, проблема готовности или неготовности России для нового строя обнаружила себя в полной мере. Занимая ответственные места, середняк привнес в профессиональную революционную деятельность целый ряд новых моментов, в том числе расцвет бюрократизма. При непосредственной связи с различными социальными слоями бюрократизм нестрашен. Нестрашен он даже и тогда, когда выдвигаются вперед люди, зараженные какими-то анархическими болезнями. Но как только пошел середняк, проявила себя Россия. «Фактически, – писал Николай Осинский (Оболенский) Ленину в октябре 1919 г., – для претворения алгебраических формул (создателем которых был Ленин. – Г.Б.) в важнейших узлах работают или не организаторы, или хорошие исполнители (а нередко и плохие) – “чиновники”, если можно так выразиться. <...> У нас на ответственных местах сидит масса таких, которые «умеют ладить», не оскорбляют чужого самолюбия, не имеют крутого нрава. <...> У нас в ходу куча свадебных генералов, надежной бездари и «политической» мелкоты <...> ряд дельных организаторов болтается без дела или на вторых ролях <...>».

Наличие параллельных чрезвычайных органов, как минимум, удваивало проблемы бюрократизма. Важный сигнал о вырождении ВЧК и ЧК Ленин получил довольно скоро – от авторитетного Петра Кропоткина. Как и все теоретики революции, он апеллировал к опыту Великой французской революции, стремясь показать, как террористы Комитета общественной безопасности в 1794 г.

оказались ее могильщиками. Кропоткин пришел к выводу, что рядом с Комитетом общественного спасения и особенно с Парижской Коммуной, возникших в 1793 г., «рядом с этой революционной и отчасти уже строительной силой, возникла другая – сила полицейская: в лице Комитета общественной безопасности и его полицейских отделов. И эта полицейская сила, страшно усилившаяся, когда начался террор, съела сперва Секции (органы народной революции. – Г.Б.), затем Коммуну, а затем и Комитет общественного спасения».

Кропоткин не скрывал от Ленина, зачем ему понадобился курс в историю: «Ваши товарищи-террористы подготавливают то же самое в Советской республике. <...> Полиция не может быть строителем новой жизни. А между тем она становится теперь верховной властью в каждом городке и деревеньке. Куда это ведет Россию? – К самой злостной реакции».

«Как это ни печально, – писала в конце Гражданской войны группа чекистов Феликсу Дзержинскому, – но мы должны сознаться, что коммунист, попадая в карательный орган, перестает быть человеком, а превращается в автомат, который приводится в действие механически. Даже механически мыслит, так как у него отнимают право не только свободно говорить, но свободно индивидуально мыслить. Он не может свободно сказать свои взгляды, излить свои нужды, так как за все грозят расстрелом <...>». В заявлении сообщалось, что сотрудники ЧК «стоят вне политической жизни республики <...> образовывая свою особенную касту, которая страшно напоминает касту прежних жандармов. Партийные организации смотрят на них, как на прежнюю охранку, с боязнью и презрением. <...> Являясь бронированным кулаком партии, этот же кулак бьет по голове партии».

Есть множество и других свидетельств об отношениях, складывавшихся между аппаратчиками и чекистами. Конкурируя друг с другом с переменным успехом, они подчиняли заботу об общем деле своим корпоративным корыстным интересам.

Но дело еще и в другом. Очевидно, что в России к моменту взятия власти большевиками не было достаточных предпосылок для нового строя. Его формы возникли как бы раньше содержания. Можно сказать, что через искусственное «завышение» форм, неадекватных содержанию, большевики прошли период «военного коммунизма», но уже в первые месяцы после Октябрьской революции возник вопрос о том, кто реально выполняет функцию «удержания» формы? Инструментом, как будто специально

созданным для этого, была бюрократия с характерным для ее деятельности доминированием формы над содержанием. Бюрократия в том виде, как она сложилась в России, стала не просто архаизмом, не просто проявлением известного уровня культуры, а своего рода компенсирующим механизмом, который начинает разворачиваться и приобретать вид «тотальной государственности» в условиях, когда складывающиеся формы не имеют должной опоры в производственном, технологическом потенциале и начинают «провисать». Попытки искусственно «держат» эти «провисшие» квазисоциалистические формы («у нас ничего не было, отсюда уравниловка» – Лев Троцкий) требовали определенной социальной силы, которая будет выполнять данную функцию. Такой силой, с исторически кратковременным перерывом на нэп, и становятся бюрократия и силовики.

Можно ли избежать революции-катастрофы?

Очень часто реконструкция истории революции оказывалась не более чем сводом понятий об этой революции, характеризующих не столько ее саму, сколько сознание тех, кто реконструирует, причем каждый раз как бы заново, исходя из господствующих поверий и идей. И тем не менее «тайна» российских революций мне видится в страсти к крайности, вере и надежде, что одним махом, разом можно решить все проблемы, разделаться с нежелательным старым и быстро, тут же создать новое.

Логике российского радикализма и максимализма может противостоять только умная политика. Там, где ее не хватает, появляется чрезвычайный комиссар или уполномоченный. Да, российские революционеры, подобно Сен-Жюсту, могли бы сказать: сила вещей ведет нас, по-видимому, к результатам, которые не приходили нам в голову. Однако и до 1905-го, и до 1917-го, и до 1991-го действительность содержала в себе огромное разнообразие вариантов развития, но главное, свидетельствовала о принципиальной реформируемости России. Именно умные реформы упреждают возникновение катастрофических ситуаций, они же представляют лучший способ остановки революции, перевода ее энергии в мирное русло без соскакивания в радикализм (и приме-

ры таких умных реформ, как реализованных, так и нет, были в российской истории, от Столыпина до Горбачева).

Однако сейчас большинство историков признают, что связь между революцией и реформой намного сложнее, чем считалось раньше. Реформы могут предотвращать революцию, но и, в определенных случаях, напротив, давать ей толчок. При этом революцию могут вызвать не только запоздалость, но и половинчатость, неполнота реформ. Чтобы избежать такого варианта развития событий, нужно не бояться вовремя признавать и исправлять ошибки, а также брать ответственность на себя, вплоть до добровольной отставки. А действия по схеме: виноваты исполнители, руководители на местах, «перегибщики», плохие министры, или виноват народ – не так понял, не дорос, – рано или поздно не сработают, и тогда вина неизбежно сконцентрируется на носителе верховной власти.

Революцию упреждают не только власть и ее верховный носитель, но и гражданское общество, которое не конкурент власти, а партнер, в равной степени несущий ответственность за попадание в критические или катастрофические ситуации. Именно структуры гражданского общества способны оказывать давление на власть, на своевременное обновление политической элиты, они создают систему обновления, контролируют ее функционирование. Но при этом общество должно понимать конечные цели реформ и выгоды, которые будут получены с их завершением. Нельзя авторитарно обеспечить обновление.

Необходимо взаимное желание власти и общества услышать друг друга. Для этого должны, наконец-то, заработать система «локации», отбора, систематизации, перепроверки информационных сигналов, качественная экспертиза законов, местное самоуправление, кадровые ротации. Власть должна понять, что все это нужно ей самой, что в этом нет для нее никакой угрозы, а наоборот – уменьшение риска совершить ошибку.

Не менее важно знать историю, культуру, понимать национальное своеобразие, самобытность страны. Универсальные экономические и политические рецепты не всегда срабатывают, как хотелось бы, а иногда и сами способны привести к катастрофическим последствиям. Примечательно в этом отношении признание западного эксперта Джеффри Сакса: «Мы положили больного (то есть Россию. – Г.Б.) на операционный стол, вскрыли ему грудную клетку, но у него оказалась другая анатомия». Настало, наконец, время четко осознать одно из, наверное, самых устойчивых за-

блуждений минувшего «чрезвычайного» века о том, что эффективный реформизм возможен лишь на фундаменте либеральных ценностей. И дело здесь даже не только в том, что иные псевдолибералы – типа политиков начала 90-х – попросту дискредитировали саму идею свободы в ее европейском модернистском прочтении. Такая идея – даже в ее чистом и незапятнанном конъюнктурными интерполяциями виде – оказалась своеобразным прокрустовым ложем для нашего традиционного политического этоса. В итоге оказались неслышанными и проигнорированными голоса целой плеяды ярких и оригинальных консервативных реформаторов. Возможно, выход из данного реформаторского тупика может быть найден в переводе акцента с собственной идейной составляющей реформаторства на его технологическую, прикладную сторону, когда эффективность станет главным критерием оценки всего процесса преобразования.

Впрочем, самобытность еще не повод для разделения революций на «хорошие» (к примеру, Английская середины XVII века, Американская 70–80-х гг. XVIII века) и «плохие» (Французская, Русская). Американские историки сами показали, что не были холодными головы колонистов, не обошлось без насилия в 1789 г., не были осчастливлены индейцы и негры.

Революции не отбросить, как бы кому-то из нас этого ни хотелось. Наследие революций по-прежнему в ткани современности. Да, революция перестала быть непогрешимой, да, для кого-то ее облик стерт, но он не исчез, не перестал быть самоценным, независимо от субъективных намерений тех, кто желает контролировать прошлое, а значит, и настоящее.

Спокойно отнесемся к старо-новым мифам о революции-празднике, которые для очень многих людей выполняют функции поддержки, ориентации и защиты, особенно в условиях кризисов. Критика таких мифов (а они базируются не на рациональных доказательствах, а на вере и убеждении) воспринимается как личная трагедия, как утрата идеалов и смысла. Спокойно воспримем и то, что у революции всегда будут сторонники, которые видят в ней воплощение таких идеалов, как свобода, равенство и братство людей и наций, и противники, которые не забудут радикалистские «заносы» и полосы чрезвычайщины.

Памятку для ревнителей уместно завершить хрестоматийным, но по-прежнему «трудным» вопросом великого гуманиста Жана Жореса: «Революция – варварская форма прогресса. Будет ли нам дано увидеть день, когда форма человеческого прогресса действительно будет человеческой?»

Красно-белый террор: модели чрезвычайщины^{*}

Осенью этого года исполняется 90 лет завершению фазы Гражданской войны, связанной со столкновением красных и белых (1918–1920). Далее состав «действующих лиц» трагедии стал значительно шире. Историки до сих пор полемизируют на тему «главного виновного», того, кто «первым начал»... Однако сегодня важнее понять ключевые механизмы рокового столкновения и степень предопределенности последнего.

Революции 1917 года вывели на политическую арену представителей двух альтернативных форм демократии – советской, неопробованной, и Учредительного собрания, опирающейся на думские традиции. И те и другие обещали народу вывести страну из кризиса на началах, исключавших режим усиленной или чрезвычайной охраны, при котором с 1881 года жило большинство территорий Российской империи. Однако довольно быстро обе формы демократии свернули на путь, казалось бы, отживших систем управления. Речь шла не о выборе «социалистической» или «буржуазной» демократии, а о жизни в условиях диктатуры – красной или белой. Этот процесс сопровождался и в Советской республике, и в новых государственных образованиях на территории России установлением режима «твердой власти» – во имя сохранения этой самой власти...

Красная модель

Контролируемая большевиками территория с октября 1917 до весны 1918 года была конгломератом самоуправляющихся, «самостийных» территорий и хозяйственных единиц. Тогда Ленину

---

^{*} Впервые опубликовано: Родина. 2010. № 10. С. 105–108.

еще казалась осуществимой идея государства-коммуны, с которой большевики вступали в революцию, – без полиции и бюрократии, без постоянной армии и привилегированного класса. Однако чрезвычайная обстановка – выход из мировой войны, демилитаризация экономики и демобилизация из армии, голод, угроза реставрации старого режима – заставила отказаться от первоначальных намерений, вызвав к жизни идею «твердой власти». Она воплощалась в разветвленной системе чрезвычайных органов, наделявшихся диктаторскими полномочиями, а также в придании ряду регулярных органов государственной власти чрезвычайных функций. Сначала аппараты чрезвычайных органов были малочисленны, а сама их деятельность оговаривалась соблюдением таких условий, как расширение контроля «снизу», временность, локальность, наконец, замыканием непосредственно на Ленине, который не собирался «облачаться в мантию» диктатора.

Однако созданная 7 декабря 1917 года ВЧК следовала другим представлениям, что и выразил Феликс Дзержинский: «Не думайте, что я ищу форм революционной юстиции; юстиция сейчас нам не нужна. <...> Я предлагаю, я требую организации революционной расправы над деятелями контрреволюции».

Тем не менее только через три месяца ВЧК разрешено было создавать местные ЧК в губернских и уездных центрах, а по декрету СНК 21 февраля 1918 года давалось право внесудебной расправы над «неприятельскими агентами, спекулянтами, громиллами, хулиганами, контрреволюционными агитаторами, германскими шпионами». Безусловно, ничего необычного в создании чрезвычайных органов не было, но при условии, что их деятельность подконтрольна и чрезвычайные меры компенсируют сиюминутные слабости Советов. При ориентации на единоличное управление особые органы управления занимают иное место в структуре власти. Когда в мае 1918-го большевистское руководство оказалось в тупике собственной экономической политики, а военный нажим подошел к опасной отметке, во имя спасения власти произошел переход за границы вынужденности чрезвычайных мер. Власть ввергла себя и общество в состояние чрезвычайщины, полагая, что именно крайностью можно разрешить возникшие противоречия.

Но каковы критерии проведения границы между чрезвычайными мерами и чрезвычайщиной? В первую очередь, это обращение к массовому террору как форме управления тылом, способу уничтожения противников и моральному подавлению всякого

сопротивления. Процесс облекается в идеологическую оболочку, стержнем которой становится объявление части населения «врагами народа», «чужими», по отношению к которым допустимы любые средства подавления. Одновременно происходит люмпенизация политических действий с опорой на соответствующие слои населения и руководителей особого типа.

Большевики открыто и жестко заявили о своих намерениях майскими декретами 1918 года о продовольственной диктатуре, изгнанием из ВЦИК меньшевиков и правых эсеров, а затем и левых эсеров. На митинге в Бутырском районе Москвы после покушения на Ленина 30 августа 1918 года Николай Осинский заявил: «Все зарегистрированные и взятые под гласный надзор буржуа должны быть распределены на три группы. Активных и опасных истребим. Других под замок. Третьих – употребим на черные работы, а неспособных к работе – заключим в лагерь». Постепенно такие методы приобрели неконтролируемый характер. Комитеты бедноты, продовольственные и заградотряды, ревтрибуналы, уполномоченные на местах становились практически неуправляемыми.

ВЧК довольно быстро создала новые разветвления во всех губернских и уездных центрах, присвоив себе право безапелляционно решать вопросы жизни и смерти. В ряде мест сотрудники ЧК осуществляли контроль даже за работой судебных органов, подчиняя себе местные комитеты правящей партии. В письмах к Ленину люди прямо спрашивали: «Почему диктатура пролетариата на местах выродилась в диктатуру низов преступного типа?»

Чрезвычайщина, однако, не упрочила власть, а ослабила: «верхи» и «низы» не контролировали друг друга. Власть стремительно теряла социальную опору, и господствующим чувством становилась жажда порядка. От перевода чрезвычайщины в организованную форму диктатуры зависела судьба большевистской власти. И вот, начиная с сентября 1918 года можно фиксировать случаи обуздания чрезвычайщины, прежде всего массового террора как формы управления. Чрезвычайные органы вводились в рамки законности, дабы перетянуть на свою сторону значительную часть населения и организовать прочный тыл. В 1919–1920 годах практически невозможно обнаружить решений, подразумевающих чрезвычайщину, хотя ее проявления встречались еще довольно часто. Симптомом понимания этой опасности стало решение ВЦИК о подчинении ЧК Советам и их исполкомам. Вместо уездных ЧК создаются уездные политические бюро во

главе с начальниками уездной милиции, а за ВЧК сохраняется право применения наказания лишь в местностях, объявленных на военном положении. Однако регламентация работы ВЧК, ЧК и ревтрибуналов была минимальна. Через Дзержинского шло подчинение непосредственно ЦК, а точнее – лично Ленину.

Белая модель

Тенденцию к диктатуре в новых государствах, неподконтрольных большевикам, четко обозначил разгон в конце апреля 1918 года украинской Центральной Рады и создание Украинской державы вместо Украинской Народной Республики. «Закон о временном устройстве Украинской державы» наделял гетмана Скоропадского диктаторскими полномочиями. Примерно такой же ход событий наблюдался на севере России, где в самом начале августа 1918-го в Архангельске была свергнута советская власть и создано «социалистическое» верховное управление Северной области, пригласившее в город интервентов. Однако противоречия между «демократическим» управлением и оккупационным режимом через неудавшийся правый военный переворот разрешаются в начале октября формированием нового «несоциалистического» Временного правительства, существенной перегруппировкой сил вправо, к режиму «твердой власти». В том же августе «Союз возрождения» и «Национальный центр» – архитекторы Белого дела – формулируют единую платформу, смысл которой сводится к следующему: «Власть <...> должна являть собой сильный, наделенный полнотой прав, независимый и способный действовать верховный орган, конструкция которого представляется в форме Директории трех: одного военного, который должен стать главнокомандующим вооруженными силами контрреволюции, и по одному представителю социалистических и несоциалистических течений».

Когда судьба Комитета членов Учредительного собрания (Комуча) в сентябре была поставлена под вопрос в результате действий Рабоче-крестьянской Красной армии, началась концентрация государственной власти в Омске: функция принятия решений изымается у Совета министров и передается в руки Административного совета, который включал в себя руководителей всех ми-

нистерств Сибирского областного правительства и их заместителей. Уже 8 сентября была установлена полная юрисдикция Административного совета над Сибирской областной думой вплоть до ее роспуска. Та же участь постигла и Уфимскую директорию.

Миссия создания сильной власти была возложена на адмирала Колчака. Вступая в должность верховного правителя Российского государства, он заявил: «Меня называют диктатором – пусть так. Я не боюсь этого слова и помню, что диктатура с древнейших времен была учреждением республиканским». Чрезвычайные органы в управленческом аппарате Колчака, равно как у генералов Деникина и Юденича, имели характер подобия «гражданской власти», но при генералах. Поэтому особая роль в карательном аппарате принадлежала военным органам – фронтовым и военно-полевым судам, но особенно – возникавшим без единой системы органам контрразведки. Так же, как и ЧК в Советской республике, они были знаком разлитого по стране взаимного недоверия и подозрительности.

Судебная власть у белых осуществлялась не менее своеобразно, чем у красных. «Нормальные» судебные органы руководствовались дореволюционным законодательством с некоторыми изменениями, но действовали после военно-полевых судов. Судя по воспоминаниям белоэмигранта Георгия Виллиама о деятельности контрразведки Новороссийска, «попасть в это страшное место, а оттуда в могилу, было как нельзя более легко. Стоило только какому-нибудь агенту обнаружить у счастливого обывателя района Добровольческой армии достаточную, по его (агента) понятию, сумму денег, и он мог учредить за ним охоту по всем правилам контрразведывательного искусства». Контрразведка, уголовный розыск, государственная стража, действовавшие под охраной высших властей в полном единении с шайкой спекулянтов, грабителей и убийц, по мнению Виллиама, и погубили Добровольческую армию.

Все государственные образования до установления диктатуры Колчака (при ней и после нее) также не сумели избежать чрезвычайщины. Комуч перед своим исходом прибег к массовым расстрелам недовольных. Адмирал Колчак откровенно говорил о «беззаконной деятельности» низших агентов власти, как военных, так и гражданских. Местные казачьи организации, освободившие Сибирь осенью 1918 года, также оказались малоприспособленной опорой власти. Грабежи, разбои и другие преступления были обыденным явлением в армии Деникина. Честный солдат обра-

щался в мародера, на смену идейности и порядочности приходили низкие корыстные мотивы и грубый произвол. Эти явления Деникин в своих воспоминаниях называл «черными страницами» в истории его армии.

С отрицательными явлениями эпохи «добровольчества» пытался порвать барон Врангель. В апреле 1920 года из гражданского управления было выделено особое управление юстиции для борьбы с уголовной преступностью. Поставленные под контроль органы контрразведки почти прекратили разбои и насилие, виновники преступлений подвергались суровым наказаниям. Однако бывший начальник военно-судной части Донского корпуса Иван Калинин считал, что от этого получилось «не много проку», а «намерение вождя создать белую чеку для искоренения преступности потерпело крах». Впоследствии и сам Врангель вынужден был признать неудовлетворительное состояние контрразведки и уголовно-розыскного дела.

Итак, революция и Гражданская война вписали новые страницы в историю чрезвычайной политики, преследовавшей Россию в XIX и XX веках. Вслед за законами царской охранки и большевики, и «учредилорцы» обогатили эту стратегию новыми чертами. Чрезвычайщина, не ведая доктринальных различий и намечая перспективу стать «государством в государстве», пронеслась, говоря словами Деникина, «по всему российскому театру Гражданской войны <...> стирая черты, отделяющие образ спасителя от врага».

Большевикам удавалось время от времени обуздывать проявления чрезвычайщины и упорядочить жизнь тыла, работающего на армию, что в конечном итоге повлияло на исход Гражданской войны в их пользу. Тем не менее удерживать чрезвычайные органы в строго определенных рамках, подчинять их регулярным структурам власти становилось все труднее.

До сих пор актуальными для исследователей остаются вопросы, поставленные генералом Деникиным. Какова роль в деяниях армии причин стихийных, вытекавших из разорения, обнищания страны и общего упадка нравов, и в чем вина: правительства, не сумевшего обеспечить армию, командования, «не справившегося с иными начальниками», войск, «не устоявших против соблазна», общества, «не хотевшего жертвовать своим трудом и достоянием, ханжей и лицемеров, цинично смаковавших остроумие армейской фразы “от благодарного населения” и потом забросавших армию камнями»?

Пространство памяти: Великая Победа и власть*

Есть разные способы постижения феномена знаковых юбилейных событий.

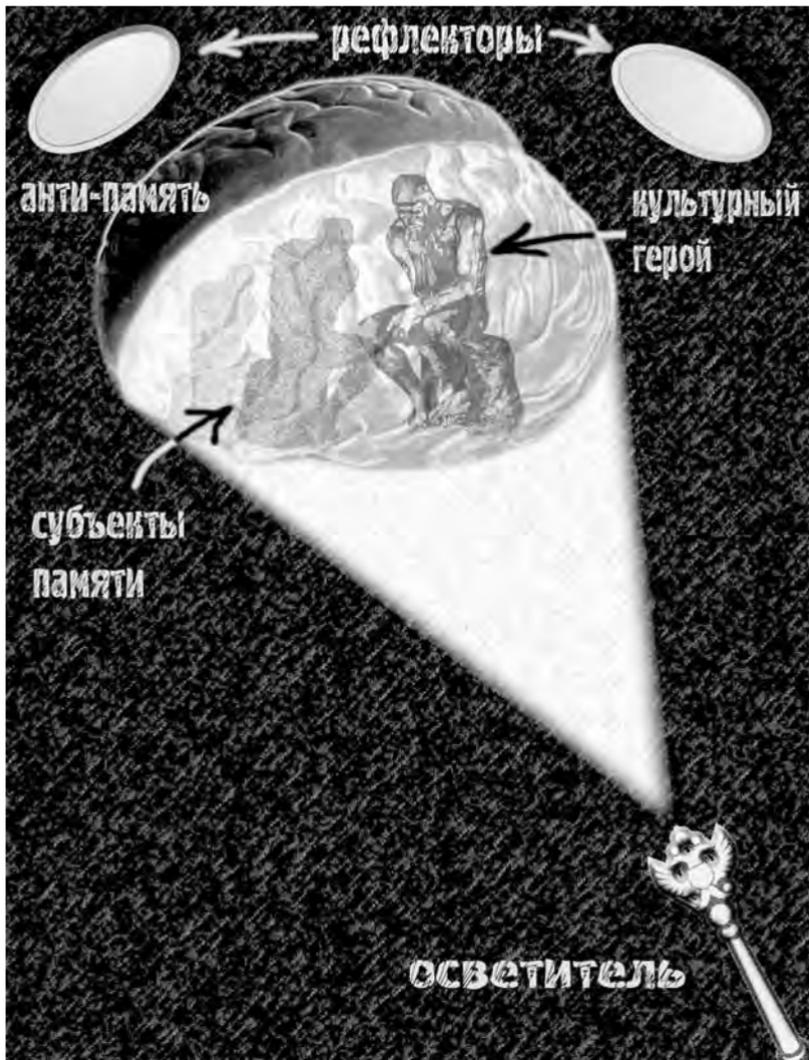
Одним из таких способов может быть помещение культового события или лица в пространство памяти с главным действующим лицом в нем – власти. И здесь для нас важны замечания французского историка Пьера Нора об отчуждении между историей и памятью: «Память есть жизнь, ее носители – живые группы людей. Память постоянно эволюционирует в открытой диалектике воспоминания и забвения. <...> История – это всегда проблематичная и неполная реконструкция того, что не имеет продолжения, что прошло, тогда как память – актуальный феномен, вечная связь с настоящим. Память – аффективна и магична, она оперирует только с теми фактами, которые удобны ей, она лелеет воспоминания. <...> Память возводит воспоминание в святыню, тогда как история вытесняет воспоминание и делает его прозаическим. История непрерывно подозрительна по отношению к памяти и ее настоящая миссия – подавить и разрушить память».

Понятно, что история не «работает» с юбилеями, а память, наоборот, обостряется в эти дни, торжествует, использует свой шанс на реанимацию или обновление. Поэтому пространство памяти использовалось и используется для адресной, фокусированной актуализации прошлого для нужд настоящего.

Словно луч прожектора, память выхватывает из тьмы минувшего сокрытые там объекты, которые часто смотрятся искаженными. Трехмерность становится условной, а отбрасываемая тень кажется как бы составной частью их самих. Властвует тот, кто направляет свет. Память же о прошлом так же отлична от самого прошлого, как и естественный вид освещаемых объектов – от тех очертаний, какие видятся стоящему позади прожектора.

---

* (совместно с Дмитрием Андреевым). Впервые опубликовано (начальная версия): Политический класс. 2005. № 4. С. 32–43.

Способ, каким властвующий субъект преподносит прошлое, локализуя или, напротив, увеличивая зону освещения, регулируя яркость «прожектора», а также направленность и интенсивность его лучей, можно назвать *проектом памяти*. Любая власть проектирует не только настоящее и будущее, но и прошлое. Точнее,

конечно, не само по себе прошлое, но его интерпретации и восприятие.

Проект памяти расчленяет прошлое на две части – актуализируемую (то есть «освещающую») и игнорируемую (как правило, преднамеренно). В свою очередь, актуализируемая часть также неоднородна. В ней можно выделить два отличающихся друг от друга начала, которые следует обозначить *культурным героем памяти* и *субъектом памяти*.

Культурный герой памяти – это некий образ, отдельная персона или несколько личностей (а то и целая большая группа людей, выделенных из остальной массы по какому-то признаку), наконец, определенная идея или тенденция, которые преподносятся тем или иным проектом памяти в качестве главного творца «высвечиваемого» прошлого.

Однако при таком «высвечивании» под лучами волей-неволей оказываются не только подобные культурные герои, но и другие сопряженные с ними субъекты памяти, которые, однако, не вписываются в сценарий реализуемого властью проекта. Отсюда – очевидное стремление «осветителя» минимизировать роль и значение этих субъектов.

В результате на «высвеченном» участке прошлого разворачивается противостояние между культурными героями и субъектами памяти. Первые должны отрабатывать свой исключительный статус, вторым же просто приходится отстаивать собственное право на историческое существование. Данное противостояние невозможно скрыть – ведь оно происходит под лучами, направленными на культурных героев, но попадающими одновременно (и неизбежно) и на субъекты памяти.

Противостояние между культурными героями и субъектами свойственно любому проекту памяти, то есть виртуальной реконструкции прошлого. Именно поэтому в исторической действительности подобной конкуренции могло вовсе и не быть. Правда, для проекта памяти это обстоятельство не играет никакой роли. Наблюдая за схваткой культурных героев и субъектов, мы созерцаем отнюдь не картины прошлого, но лишь отраженную в реальности минувшего конъюнктуру настоящего.

Не «высвеченная» властью территория прошлого – это *зона антипамяти*; бесполезная или нежелательная для «проектировщика» область, в которую он норовит переместить неугодные ему субъекты, чтобы те не мешали «правильному» восприятию действий культурного героя.

Такова принципиальная модель пространства памяти, в которую мы можем помещать то или иное юбилейное событие.

Накануне каждого юбилея Победы власть внимательно продумывала свои шаги, с какими-то решениями торопилась, дабы они громче «прозвучали» в преддверии 9 мая, иные, непопулярные, напротив, откладывались «на потом». Идеология подстраивалась под дух 45-го, чтобы на волне действительно всенародного праздника представить режим в выгодном свете и придать ему – как неизбежному центру торжеств – дополнительный импульс общественного внимания. И желательно наиболее позитивного.

Поэтому восприятия Победы в Великой Отечественной – пожалуй, наверное, как никакого другого события нашего недавнего прошлого – зависят не только от столкновений парадно-официозной и подлинно-народной памяти о ней, а также от смен преобладавших умонастроений, но и от способов управления ими.

1945: подчинение памяти

Чем явственнее ощущалось приближение Победы, тем сильнее пережитое в военное лихолетье заполняло сознание и вытесняло в нем все случайное, мимолетное, прежние удачи и обиды. Страшные жертвы и разрушения, шок от массовых убийств, террора, эксплуатации, учиненных гитлеровцами, и в то же время героическое народное сопротивление, повседневный подвиг в тылу, на «домашнем фронте», уникальная координация усилий и воли отдельных людей в целостное, общее для всех состояние не шли ни в какое сравнение с испытанным в довоенное время. Победа несла огромный энергетический заряд. Компенсацией горя и потерь становилось понимание того, что перенесенное в годы войны вдохнуло необыкновенный оптимизм и веру в то, что все изменится к лучшему. На это работал и громадный международный авторитет, который приобрела страна в годы войны.

Между тем политической элите надо было разобраться с теми «ловушками» памяти, в которые она невольно попадала с выдвинутыми во время войны новыми политическими установками, сыгравшими роль своеобразных скреп общества. Среди них – активизация патриотических чувств, пересмотр роли церкви, рос-

пуск Коминтерна, снятие «табу» на многие формы хозяйствования и другие. В частности, кампания по превозношению русской культуры, доказательству ее самобытности вела к неприемлемому «славянофильству». Подчеркивание в годы войны преемственности между старой, дореволюционной, и советской Россией запутывало вопрос об идеологической целостности ее истории: некоторые ученые требовали оправдать «колониально-захватническую политику» царизма, представить в качестве «реакционных» крестьянские восстания под руководством Разина и Пугачева, движение декабристов; оппоненты этой точки зрения объявлялись последователями «норманистов». Усиление имперских настроений – естественная реакция на подобные споры.

Освобождение оккупированных территорий порой порождало неожиданные вопросы. Например, почему после изгнания с них немцев русские земли переименовываются в «украинские», почему используется термин «российский народ» вместо «русского» с его делением на великорусов, малорусов и белорусов?

Идеологический маятник зашел здесь довольно далеко. Назвав русский народ «руководящей силой в великом Советском Союзе», Сталин фактически провозгласил новую стратегию в этнополитической сфере. До сих пор такая характеристика прилагалась лишь к партии и рабочему классу, но никак не этносу. Был выставлен «пробный камень» в предстоящей масштабной идейно-политической игре, облакаемой в форму не только славословий и выпадов, но и культуртрегерских инвектив. Вождя, по всей видимости, не отпускали тревоги, связанные с возможными неблагоприятными для режима новыми приливами чувств этнической самоценности нерусских народов, памяти о ней. Национальное никак не желало соединиться с интернациональным в его великорусско-советском обличье. Поэтому следовало, согласно сталинской диалектике, ликвидировать одну из двух противостоящих сторон, привести национально-культурную сферу к общему, великорусскому, знаменателю.

Пройдет совсем немного времени, и разыгрывание великорусской идеи в небывалых доселе масштабах захлестнет общество, культуру и науку. Однако до этого наметилась тенденция минимизации уклонов в сторону национально-государственной идеологии, которые открыто проявились и отчетливо запомнились в период войны.

Победа объективно усилила потенциал консенсуса, а не конфликта в обществе. Но иной взгляд на ситуацию мог вызвать у

поколения новейших «декабристов», запомнивших в заграничных походах 44–45-го другую, нежели в советской стране, жизнь.

Это поколение надо было поставить на место. На любые раздумья по поводу причин и цены Победы спешно накладывался пластырь большевистской догматики. Тезисы о «непреодолимой силе социалистического строя», «организующей и руководящей идее», «вдохновляющей и решающей роли партии» многие десятилетия сопровождали годовщины Победы.

В официальной пропаганде быстро стиралось различие между двумя этапами войны, нигде нельзя было найти намеков на то, что в 1941 было много случаев предательства, бездарности, трусости. Запрет накладывался на темы коллаборационизма и депортации. Даже естественное, с точки зрения победителей, стремление понять побежденного врага – уже не как людоеда-фашиста, изверга, тупого гунна, а как человека – подлежало жесткой цензуре.

Управление памятью, формирование лика Победы исключительно со сталинским профилем (неслучайно с 1946 по 1950 годы 9 мая газета «Правда» выходила с большим портретом Сталина), естественно, было невозможно без совершенствования механизма отслеживания настроений и мыслей людей.

Под контроль попадали слухи, реплики, обмолвки – все то, что обычно называется гласом народа. В этой же плоскости работали многочисленные партийные пропагандистские группы, составлявшие многостраничные перечни вопросов, которые задавались в самых разных аудиториях. Своеобразным каналом информации являлась перлюстрация частной переписки. Внимательно изучались анонимные письма, поступавшие в редакции газет. Избирательно проводилось подслушивание элитных групп населения. Специфическим источником фиксации настроений являлись даже специальные отчеты, составляемые на основе услышанных продавцами магазинов разговоров в очередях. Прибавим ко всему этому доносы, поступавшие в большом количестве в самые различные инстанции. Все это выстраивалось во всевозможные, часто дублировавшие друг друга цепочки прохождения информации на самый «верх», где и определялась судьба «носителей крамолы».

Этих усилий оказалось достаточно для того, чтобы сформированная в годы войны общая воля фронта и тыла разбилась на тысячу мелких, индивидуальных и частных волей. «Опьяненные победой, зазнавшиеся, – размышлял о причинах авторитета режима

после войны писатель-фронтовик Федор Абрамов, – мы решили, что наша система идеальная <...> и не только не стали улучшать ее, а, наоборот, стали еще больше догматизировать».

Подчинение войсковым командирам было заменено на повиновение тем, кого до Победы Сталин держал в тени. Национальные паруса были сняты, как будто их и не было. Новая идеологическая кампания теперь приобрела агрессивные формы под видом так называемой борьбы с космополитизмом и низкопоклонством перед Западом. Режим тотальной манипуляции, освященный нравственным авторитетом Победы, таким образом, получил передышку. Но противоречия, созданные игрой на свободе и национализме, игнорирование внутренней логики этих великих основополагающих начал любого общества делали данную передышку кратковременной. Власть, по-видимому, тогда и сама не осознавала, что к утаиваемому и плохо освещенному память возвращается постоянно. «Страдания памяти» возникают не столько от пережитого ужаса, сколько от невозможности его объяснить.

Примечателен призыв Сталина (в одной из речей перед избирателями Сталинского округа Москвы) подвергнуть победителей критике и проверке, нужными для дела и для самих победителей, дабы они не зазнавались и оставались скромными. Причастность к Победе не давала права на какой-то исключительный статус. Данная установка транслировалась на все «этажи» советского общества. Причем «наверху» спрос с «победителей» был гораздо жестче, чем «внизу». Адресные репрессии в отношении армейской верхушки должны были наглядно продемонстрировать, кто здесь подлинный хозяин и творец Победы.

Таким образом, до 1953 года в восприятии Победы существовала парадоксальная ситуация. Ее официальное декларативное прославление шло бок о бок с официальной же – но не заявленной открыто, подразумеваемой и обрамляемой прозрачными намеками – девальвацией. Подчинение памяти осуществлялось прямолинейными и незатейливыми методами. В период с окончания войны и до смерти вождя режим лишь примерялся к возможному очередному переходу в новое качество. Да и сама Великая Отечественная еще продолжала восприниматься в контексте текущего момента. К тому же никаких двусмысленностей (типа причастности к революционному ареопагу лиц, объявленных позднее «врагами народа») у недавней Победы не было. Поэтому вплоть до ухода Сталина так и не сложилось какого-либо содержательного проекта памяти. Любой подобный проект построен на опреде-

ленной игре с прошлым. Но пока такой игры не требовалось. Все было достаточно «прозрачно». Пространство памяти оказалось «законсервированным» до наступления новой политической конъюнктуры.

1955: локализация пространства памяти

Десятилетие Победы стало не просто первым юбилеем, но и первым опытом целенаправленного переформатирования пространства памяти под новые идеологические потребности. На повестке дня стояла задача масштабной дискредитации Сталина и, следовательно, связанной с его именем мифологии. Глубинные различия между довоенными и послевоенными образами вождя, его стилистикой и проектным видением перспектив развития как самой власти, так и руководимого ею общества, делали 1945 год фактически системообразующим каркасом сталинизма. Поэтому десакрализация Сталина неминуемо должна была означать и десакрализацию Победы, несмотря на то, что сам он и инициировал эту десакрализацию.

Уже 9 мая 1953 года, спустя два месяца после его смерти, слова «День Победы», «Победа» не появились в газетных «шапках» и были упомянуты лишь в традиционном приказе министра обороны. Юбилейный же май 1955 года, когда до XX съезда оставалось менее года, стал как бы генеральной репетицией подготавливаемого поворота – обличения Сталина при сохранении в неизыблемости сотворенной им идеократической системы властвования. В данной ситуации память о войне и одержанной в ней Победе, память, устойчиво ассоциировавшаяся с образом Сталина, должна была подвергнуться своеобразной стерилизации. Пространство памяти необходимо было локализовать на таких сюжетах, которые бы замыкались на покойного вождя лишь опосредованно, или же вовсе не имели к нему никакого отношения.

С этой точки зрения режиссура первого юбилея выглядела оптимальной. Главным ритуальным действием празднования стало состоявшееся 8 мая торжественное заседание советской партийно-государственной верхушки в Большом театре. На этом заседа-

нии впервые после смерти Сталина были расставлены новые акценты в официальной трактовке Победы.

Во-первых, обращает на себя внимание выбор докладчика для основного выступления. Им стал не кто-то из первых лиц (пожелавших, видимо, заранее дистанцироваться от события, устойчиво связанного в общественном сознании с именем Сталина), а всего лишь один из военных функционеров – первый заместитель министра обороны и главком Сухопутных войск Иван Конев. Фигура эта, безусловно, известная, была все-таки не настолько встроена в сталинскую мифологию Победы, как тогдашний министр обороны Георгий Жуков. К тому же выставление в качестве докладчика второго, а не первого лица в служебной иерархии военного ведомства как бы изначально занижало статус и самого доклада. Более того, сам текст доклада Конева совершенно нетипичен для той победной риторики, которая будет сопровождать празднование 9 мая вплоть до наших дней. Первый заместитель министра обороны говорил исключительно о военных аспектах Великой Отечественной и одержанной в ней Победы. Таким образом, как корпоративная принадлежность самого докладчика, так и зачитанный им текст в известной степени локализовали пространство памяти именно на военной – хотя и значимой, но все-таки прикладной по своему содержанию – стороне праздника.

Во-вторых, в контексте подобной локализации очень естественно прозвучала и локализация роли самого генералиссимуса. Конев назвал Сталина исключительно председателем Государственного комитета обороны и Верховным главнокомандующим (низведение вождя до конкретной командно-управленческой должности звучало в унисон с общей установкой на инструментальную милитаризацию Победы), который-де «был назначен» на этот пост «решением Центрального Комитета и Советского правительства». Имя Сталина прозвучало в докладе лишь один единственный раз, и то после подчеркивания заслуг как действующих руководителей (Хрущева, Булганина, Ворошилова, Кагановича), так и уже скончавшихся к тому времени (Жданова и Щербакова). Названный «комплект» фигур соответствовал сложившемуся на тот момент балансу группировок, влияний и наследников определенных кланов и тенденций. А главное – являлся коллективным вождем, выдвигавшимся на место бывшего вождя, предуготованного на ритуальное заклинание на грядущем партийном форуме.

Примечательна еще одна локализация пространства памяти на событии, вообще никоим образом с Победой не связанном. 7 мая

1955 года, то есть накануне упомянутого выше заседания, также в Большом театре состоялось торжественное мероприятие, посвященное 200-летию Московского университета. МГУ был награжден орденом Трудового Красного Знамени, и в тот же день на Ленинских горах, близ недавно отстроенного Главного здания университета, произошло событие, по своему жанру вообще несвойственное стилистике советской жизни, – приуроченный к юбилею корпоративный митинг студенческой молодежи. Пресса уделила празднованию университетского юбилея колоссальное внимание, сопоставимое по своему масштабу с освещением мероприятий 9 мая.

Таким образом, совершенно различные действия в Большом театре шли одно за другим. Данный факт не мог не ослабить знаковой насыщенности собственно победных торжеств. Размах же народного соучастия в обоих мероприятиях оказался просто несопоставимым. В отличие от массового митинга на Ленинских горах, то есть события, сконцентрировавшего значительное количество людей в определенном месте, гуляния на День Победы в московских парках имели локальный и рассеянный характер, чем также резко контрастировали с молодежно-студенческим праздником 7 мая. Если же еще принять во внимание, что в День Победы военного парада на Красной площади не было, так как в соответствии с устоявшейся на то время традицией он был проведен 1 мая, то «размазанность» праздничного настроения на события и даты, непрямые к Победе, буквально впечатляет. Не остается никакого сомнения в некоей изначально предзаданной и инсценированной диффамации первого рубежа знакового для страны исторического события.

Властью было сделано все для того, чтобы десятилетний юбилей «сталинской» Победы остался как бы незамеченным. Вождь, еще совсем недавно предназначавшийся на роль единственного культурного героя (будь проект памяти все-таки запущен при его жизни), оказался ныне субъектом, который новая власть торопилась «сбросить» в зону антипамяти. Однако именно в силу данного обстоятельства, а также в результате суетливых попыток советского руководства «выдавить» опостылевший образ Сталина из любых памятных ассоциаций с Победой вождь все же присутствовал в ауре юбилея – хотя бы даже в качестве определенной фигуры умолчания.

1965: прорыв в пространство жизни

С октября 1964-го номинально началась другая эпоха, но фактически еще несколько лет осмысливалось, переваривалось то, что ей досталось «в наследство» от «субъективизма-волонтаризма»...

На различного рода совещаниях, прошедших буквально накануне двадцатилетия Победы, новым секретарем ЦК по вопросам идеологии Петром Демичевым, сменившим в качестве «руководителя» данного направления главного консультанта Хрущева Леонида Ильичева, были сделаны знаковые заявления: «Мы навязчиво говорим о культе Сталина. Решение XX съезда было правильное. Но нельзя сваливать все на мертвого Сталина»; ««Один день Ивана Денисовича» Солженицына – это патология».

После смещения Хрущева кампания против Солженицына стала набирать силу – на закрытых собраниях и инструктажах слушателям объявляли, что он изменил Родине, был в плену, служил полицаем. А вскоре после юбилея запретят его роман «В круге первом» и одновременно будут арестованы Юлий Даниэль и Андрей Синявский. Многое тогда прояснила фраза, произнесенная начальником ГлавПУРа генералом Алексеем Епишевым: «Там в “Новом мире” говорят, подавай им черный хлеб правды, а на кой черт она нам нужна, если она невыгодна».

В конце апреля 1965-го на рассмотрение ЦК КПСС были внесены специальные тезисы к 20-летию Победы, подготовленные в Институте марксизма-ленинизма под руководством Петра Поспелова. В этих тезисах содержались положения, которые можно было оценивать как косвенную реабилитацию Сталина. Неизвестно, как протекало в Президиуме ЦК обсуждение этих документов. Во всяком случае, если судить по результатам, то при обсуждении вопроса о Сталине возобладала умеренная точка зрения. Тезисы Поспелова не были приняты, и в печати вообще не появилось никаких официальных тезисов ко дню Победы.

К юбилею также был подготовлен заключительный 6-й том «Истории Великой Отечественной». В нем, в частности, приводилась численность общих людских потерь Советского Союза – 20 млн человек. И хотя такое количество потерь устно официально называлось с 1961 года, Главное управление по охране военных и государственных тайн в печати СМ

СССР не давало разрешения на опубликование этих данных. Санкция была дана лишь после вмешательства ЦК. С шеститом-

ником был связан и еще примечательный факт: в вышедших первых пяти томах опальный Жуков упоминался 16 раз, а Хрущев – 126. Поэтому в 6-м томе именной указатель благоразумно не поместили. А опала «маршала Победы» сменилась на милость: Жукова стали приглашать на различные торжественные собрания, тогда же ему поступило предложение от издательства АПН опубликовать его мемуары.

Стоит ли поэтому говорить о том, что на фоне столь разительных идеологических перемен двадцатилетие Победы во всех отношениях резко контрастировало с первым юбилеем. Несмотря на то что прошло всего лишь полгода после смены власти, официальное отношение к Великой Отечественной войне обрело принципиально иную окраску. Статус самого праздника изменился до неузнаваемости. Отныне официальные доклады на торжественных заседаниях, посвященных юбилейным вехам Победы, стали исключительной прерогативой первых лиц. Сами же тексты превратились чуть ли не в программные документы, в которых собственно само юбилейное событие являлось лишь поводом для того, чтобы в очередной раз расставить акценты в официальном видении внутренней и внешней политики.

Пространство памяти, соотносимое с восприятием и смысловым наполнением праздника, начало преодолевать искусственную локализацию на частных, вспомогательных или вовсе посторонних событиях и стремительно разрастаться буквально до пределов пространства самой жизни. Очевидно стремление нового режима «застолбить» это пространство метками с победной символикой, «освятить» такой символикой повседневность даже в самых, казалось бы, тривиальных ее проявлениях.

В данном смысле событиями одного ряда выглядели выпуск в обращение новой рублевой монеты с изображением памятника советскому воину-освободителю в берлинском Трептов-парке и провозглашение Брежневым в торжественном юбилейном докладе дня 8 марта нерабочим. На первый взгляд, оба этих факта не представляют собой ничего исключительного, выбивающегося из обихода ординарных пропагандистских приемов. Однако если взглянуть на данные события именно сквозь призму своеобразной экспансии пространства памяти в пространство жизни, то их значение приобретает совершенно особый смысл.

Рублевая монета – ежедневный расходный бюджет для подавляющей части тогдашнего работающего населения. Налицо и ассоциативное сходство нового юбилейного рубля с медалью.

Такая «медаль», становясь в буквальном смысле слова разменной монетой повседневной жизни советского человека, отнюдь не понижала свой ритуальный статус, но, напротив, как бы даже героизировала обыденность, в каком-то смысле укрепляя чувство Победы во дне сегодняшнем.

Аналогично расшифровывалось и превращение Международного женского дня в выходной. Казалось бы, данный шаг выглядел несколько неуместным, смешивающим воедино совершенно различные образы, даже несмотря на усиленно муссируемый тезис о трудовых подвигах советских женщин и их вкладе в дело Победы как в тылу, так и на фронте. Но в данном случае на первое место выходил даже не сам праздник 8 марта, но его трансформация из дня будничного в праздничный, нерабочий. И все это – под сенью Победы, по санкции 9 мая. Конечно, подобная связка образов Победы и поздравления женщин не могла утвердиться в памяти надолго – хотя бы из-за различной эмоциональной окраски обоих праздников. Совсем скоро содержание самого Международного женского дня вытеснило воспоминания о причине его превращения в дополнительный выходной для советского человека. Однако провозглашение данного решения в юбилейном докладе воспринималось именно как существенный штрих к новой (как бы сказали позже – «с человеческим лицом») интерпретации Дня Победы.

Еще одним шагом, характеризующим затеянный властью прорыв пространства памяти в пространство жизни, стала очень своеобразная сакрализация самой среды обитания народа. Именно на двадцатилетие Победы было утверждено почетное звание «города-героя» и произведены первые его присвоения Москве, Ленинграду, Волгограду, Киеву, Севастополю, Одессе, а также Брестской крепости (звание «крепость-герой»). Образ героя перестал быть сугубо персонифицированным. Учреждение подобного «клуба» особо отличившихся в годы Великой Отечественной городов стало как бы новым, реализованным спустя столетия «изданием» Святой Руси. В обоих случаях объектом сакрализации оказывалась не конкретная личность, но сама земля, ойкумена, прославившаяся подвигом или – что то же самое – подвижничеством. Смыслом такой сакрализации в обоих случаях было исторжение конкретного человека из опутывавшей бытовой обыденности и погружение его в особый мир, где господствуют иные ценности и мотивации. При всей глубинной разнице между напряженным духовным опытом русского Средневековья и пропа-

гандистскими технологиями брежневской эпохи в обоих случаях сакрализация пространства жизни играла важную роль в воспитании личности. В секулярное советское время именно память брала на себя функции, прежде относившиеся к сфере религиозного опыта. Новой «Святой Руси» требовалась и подобающая организация ритуального пространства. Спустя два года после юбилея Победы у стен Кремля возник первый «алтарь» складывавшегося культа – Могила Неизвестного Солдата. Зажженный здесь (кстати, опять-таки самим Брежневым – будто верховным жрецом) Вечный огонь был не первым в нашей стране, но третьим – после Марсова поля в Ленинграде и Малахова кургана в Севастополе. Но именно после открытия мемориала в Александровском саду подобные сооружения, композиционно оформлявшие Вечный огонь, стали возникать в различных населенных пунктах Советского Союза, причем независимо от их статуса. В стране действительно образовалось как бы единое и унифицированное пространство памяти, представлявшее собой систему стольных градов («городов-героев») и храмовых сооружений (мемориалов). Отдельные мемориалы представляли собой целые комплексы мегалитов, организовывавших огромные ландшафты. Поначалу такие комплексы возникали в Восточной Европе, скорее, как наши политико-культурные форпосты (воин-освободитель в Трептов-парке, «Алеша» в Болгарии). Возведенный в середине шестидесятых комплекс на Мамаевом кургане представлял собой уже именно архитектурно-скульптурную организацию пространственного ландшафта памяти, исполненного серией образов с очевидными религиозными аллюзиями – взять хотя бы богородичный подтекст центральной фигуры комплекса, Родины-матери.

Двадцатилетний юбилей Победы ознаменовался и другими новшествами, например, Минутой молчания и парадом на Красной площади. Однако если традиция Минуты молчания стала непременным атрибутом каждого Дня Победы, то с парадами получилось сложнее. В советское время они так и «не прижились» на 9 мая, оставшись неизменным элементом празднования 7 ноября. И дело здесь не в том, что двух ежегодных парадов оказалось бы избыточно. Советский режим никогда не принимал в расчет затраты, если они оказывались идеологически оправданными. Думается, что в отказе от ежегодных парадов 9 мая и сохранении их на 7 ноября проявилось глубинное противостояние этих обоих праздников – базовых для советского режима. Если 7 ноября мы праздновали создание новой политической системы нашей страны,

то 9 мая по идее должно было стать не только событием, подтвердившим жизнеспособность этой системы, но и началом ее качественно нового существования. Последнее в чем-то удалось сполна (например, космос), но в широком социальном смысле ожидания подлинно новой жизни, дарованной Победой, явно зависали. Праздник консервировался исключительно как ритуальный, и приоритет (а вместе с ним и парады) остался за 7 ноября.

Вместе с тем именно Победа фактически становилась единственной легитимацией советского строя. После темной истории со смещением Хрущева власть пыталась укрепиться в том числе и за счет масштабного расширения пространства памяти. Заявленный в 1965 году проект такого расширения не имел четкого конечного целеполагания, но лишь обозначал само магистральное направление.

Подобная «экспансия» пространства памяти в пространство жизни самым неожиданным образом отразилась в художественном творчестве тех лет и, прежде всего, кинематографе. Во второй половине 60-х – начале 70-х на экраны вышло несколько знаковых лент, каждая из которых по-своему интерпретировала и преподносила заданную «сверху» задачу по приближению героики Великой Отечественной ко дню сегодняшнему. Диапазон ракурсов и углов зрения был здесь гораздо более сложным, нежели банальное противостояние либерального шестидесятнического и официозного взглядов на Победу. Тем более что и самого-то противостояния как такового попросту не было. Топорные попытки партийного руководства направить творческое осмысление военной темы в нужное русло парадоксальным образом оборачивались неординарными сценаристскими замыслами и режиссерскими находками. В результате иной – отличный от официозного и становившегося более и более окостенелым – образ Победы не был монополизирован исключительно шестидесятнической стилистикой, но обрел и иные творческие воплощения.

Собственно говоря, даже шестидесятнический «почерк» известных кинолент не был единообразным. Взять хотя бы такие непохожие фильмы, как вышедшие буквально друг за другом «Июльский дождь» Марлена Хуциева (1966) и «Женя, Женечка и «Катюша»» Владимира Мотыля (1967).

Картина Мотыля поражает своим совершенно нетипичным для военной тематики настроением. Легкий комедийный сюжет на фоне завершающих месяцев Великой Отечественной. Идущая через весь фильм шуточная песня про «капли датского короля».

Наконец, абсолютно неприемлемый для советского кинематографа взгляд на врага как тоже на человека. И все это – предельно корректно, тактично, без опошления и даже без какой-либо претензии на изображение «другой» войны. Война все та же, и Победа в ней – самая настоящая. А вот настроение после фильма – совершенно необычное: легкая грусть, не подавляющая своей безысходностью и невосполнимостью утрат, но жизнеутверждающая и – что самое важное – как бы с иной стороны подводящая к скорби и памяти по оставшимся на полях сражений.

У Хуциева – заход к теме памяти с другой стороны. Исполненные серьезностью (серьезностью искренней и неподдельной, на какую способны, пожалуй, только лишь дети) взгляды мальчишек, оказавшихся посреди традиционной встречи ветеранов на День Победы у Большого театра, пробирают до дрожи. Вот они – хранители памяти, те, кому предстоит отстаивать право прошлого на свое существование, а через это – обретать собственное будущее. Эти дети появились на свет после не только 45-го, но и 53-го. Поэтому они непричастны к той непростой и трагической истории, которая выпала на долю их отцов и даже, может быть, старших братьев. Отсюда – и их право на причастность к Победе.

Пройдет еще немного лет, и та же самая мысль об освящении Победой всех последующих поколений прозвучит в фильме «Офицеры» (1971), который уже никак нельзя рассматривать в контексте шестидесятнической стилистики. Проникновенность теперь достигается не вычурностью, а, напротив, простотой, может быть, даже нарочитой, но от этого только еще более сильной. «Любовный треугольник» на фоне лихолетий Гражданской, Великой Отечественной и начинающейся «холодной» войн – не содержание, а, скорее, обрамление главной и сквозной идеи фильма: наследования героики прошлого, ее своеобразной «вакансии» для дня сегодняшнего. Смысловая квинтэссенция картины наглядно раскрывается в ее заключительных кадрах, представляющих собой видеоряд из жизни основных героев, проходящий под замечательную и любимую разными поколениями вот уже несколько десятилетий песню. Песню, расставляющую в том числе и требуемые идейные акценты. Вдумаемся в ее слова. Ведь она – не столько о «героях былых времен», от которых «не осталось порой имен» и которые «стали просто землей и травой». Песня эта – об их памяти и сохранении героического опыта: «Только грозная доблесть их поселилась в сердцах живых»; «Нет в России семьи такой, где б не памятен был свой герой». Налицо и симво-

лическая переключка с хуциевскими ребятами из финальной сцены «Июльского дождя». Там – детское испытующее и пронизывающее, будто инициирующее на подвиг – вглядывание в ветеранов. Здесь – «глаза молодых солдат с фотографий увядших глядят». И, наконец, главное, то, к чему подводит вся песня: «Этот взгляд, словно высший суд для ребят, что сейчас растут. И мальчишкам нельзя ни солгать, ни обмануть, ни с пути свернуть». Главным героем фильма оказывается Ваня – внук героя Георгия Юматова, потерявший родителей в Великую Отечественную, отданный дедушкой-генералом в суворовское училище и ставший офицером ВДВ. (Пофантазируем: может быть, впоследствии полковником бравший Кабул, а еще позже – генералом – Грозный.)

Вот оно – наглядное погружение пространства жизни в пространство памяти. Насколько такое мастерское погружение можно считать заслугой режима – сказать трудно. Но, по крайней мере, совершенно отчетливо ясно другое. Социальный заказ власти оказался выполненным настолько профессионально, что в конечном итоге ударял и по самому «заказчику», все более увязавшему в абсурде застоя, наглядно контрастировавшем с героикой фильмов той эпохи. Кинематографическое пространство памяти не только демонстрировало несоответствие героики прошлого мерзостям дня сегодняшнего, но и активно обличало их. Сначала – аккуратно и, вроде бы, в пределах допустимого. Как, например, в «Белорусском вокзале» (1970), где ветераны как носители абсолютного нравственного начала противопоставлялись омертвелому равнодушию бюрократизма. Затем обличительный глас кино начал звучать громче, и под его критику попала самая верхушка режима. Борьба в руководстве уходящего в небытие Третьего рейха, мастерски изображенная в «Семнадцати мгновениях весны» (1973), воспринималась как прозрачный намек на ситуацию в треугольнике Кремль – Старая площадь – Лубянка. Медвежью услугу режиму оказала и суперофициозная эпопея Юрия Озерова «Освобождение» (1971). Заказанная «сверху» в качестве своеобразной знаково-культурной ресталинизации, призванной заменить уже нереальную общественно-политическую ресталинизацию, эпопея, идеализировавшая управленческий и военно-командный гений вождя, неминуемо подталкивала к сравнению этого образа со сдававшим буквально на глазах генсеком и его геронтократическим окружением.

Характерной особенностью брежневского проекта памяти явилось отсутствие в нем нежелательных субъектов. Правда,

данное обстоятельство трудно назвать заслугой собственно самого проекта. Так вышло само собой. Какие-то нежелательные для режима сюжеты прошлого типа роли союзников, коллаборационизма или тем паче пакта Молотова–Риббентропа были для того времени совершенно неактуальными. Зато привнесение ауры Победы в советскую повседневность позволяло сглаживать ее неустроенность, а также существенно подправлять стремительно ухудшавшийся имидж власти. Поэтому усиленная эксплуатация образов 45-го, эксплуатация, обернувшаяся фактическим паразитированием на них, стала характерной чертой официальной советской идеологии вплоть до ее краха на рубеже 80–90-х годов.

1975: в контексте «строек коммунизма»

Несмотря на то что следующий юбилей Победы отмечался при том же режиме, что и предыдущий, между ними было мало общего. Вместо размаха и помпезности 1965 года – минимализм 1975-го: официальная часть мероприятий 9 мая свелась лишь к возложению венков к Мавзолею и Могиле Неизвестного Солдата.

Новые акценты в интерпретации юбилея, как и прежде, были расставлены в докладе Брежнева с весьма характерным названием – «Великий подвиг советского народа». В преддверии принятия новой Конституции, в которой предполагалось подчистить прежние устаревшие классовые дефиниции и активно использовать более широкое и обтекаемое понятие народа, юбилейный доклад генсека был чем-то вроде апробации. Тем более что повод для рассуждений о советском народе был, пожалуй, наиболее удачным и беспроигрышным. Великая Отечественная действительно переплавила разномастное в социальном и национальном отношениях население Советского Союза в единую общность.

Еще одним знаменем времени, отразившимся в докладе Брежнева, стало активное обращение к молодежи как наиболее деятельной и активной части общества. Движение стройотрядов, освоение новых месторождений – то есть явления, буквально на глазах преображавшие страну, – творились руками молодого поколения. «Вся наша страна по существу – огромная стройка», – афористично заметил генсек в юбилейном докладе. Пространство жизни, в которое со времени двадцатилетнего юбилея Победы

стремилось разрастись пространство памяти, обрело к середине 70-х вид стройплощадки. Соответственно и символика победных торжеств также обрела молодежно-стройотрядовские черты.

Кульминацией развернувшегося незадолго до юбилея общесоюзного начинания под лозунгом «Работать за себя и за того парня» стала манифестация столичной молодежи 9 мая 1975 года на Красной площади. Событие это выглядело поистине незаурядным. При всей своей вышколенности и отрететированности молодежная манифестация заметно отличалась от традиционных демонстраций трудящихся хотя бы уже своей энергетикой. В преддверии запланированных на лето того же года Хельсинкского совещания и стыковки в космосе советского «Союза» с американским «Аполлоном» подобная новая стилистика победных торжеств являлась своего рода превентивным наступательным внешнеполитическим маневром. И – надо сказать – маневром, spolна оправдавшим возложенные на него надежды.

1985: в предчувствии перемен

С приходом к власти Горбачева неизбежность перемен ощущалась повсеместно. Однако на праздновании сорокалетия Победы наступление «политической весны» никак не отразилось. Точнее, отразилось самым несуразным образом. Новый генсек впервые после многолетнего перерыва в юбилейном докладе помянул Сталина. Причем просто именно помянул, сказав фразу, полностью соответствовавшую объективной реальности: «Гигантской работой на фронте и в тылу руководили партия, ее Центральный Комитет, Государственный комитет обороны во главе с генеральным секретарем ЦК ВКП(б) Иосифом Виссарионовичем Сталиным». Симптоматично, что даже это совершенно обезличенное, формальное и лишённое какой-либо политической оценки упоминание имени вождя вызвало продолжительные аплодисменты, а о Горбачеве пошла молва как о сильном политике, не побоявшемся после длительного замалчивания назвать имя Сталина. Вкупе со слухами о якобы готовившемся тогда обратном переименовании Волгограда в Сталинград эта обмолвка накануне 9 мая на какое-то время сформировала представление о заявлен-

ной на недавнем пленуме перестройке как о продолжении андроповского «закручивания гаек».

Ритуальной новацией сорокалетнего юбилея стало возобновление парада на Красной площади. Причем на этот раз в прохождении строем мимо Мавзолея приняли участие не только представители военно-учебных заведений и родов войск, но и ветераны войны, а также подразделения, костюмированные в форму советских военнослужащих времен войны. Данная особенность парада явилась знаковой: действо обрело театрализованные черты и, соответственно, существенно изменило свой статус. Однако режим пока еще оставался прежним, и подобные нововведения в ритуал, который по-прежнему воспринимался как сугубо презентационный, не могли не расшатывать устоявшиеся на протяжении десятилетия идеологические штампы.

Другой отличительной чертой этой первой горбачевской и одновременно юбилейной весны стали два субботника. Помимо обычного, ленинского, еще один, состоявшийся между Первомайскими праздниками и Днем Победы и приуроченный к юбилею. У этого дополнительного субботника был свой вполне прагматичный резон: между 1 и 9 мая получалось слишком много выходных, и сокращение количества нерабочего времени за счет объявления коммунистического трудодня явилось выходом из этой ситуации, хотя и непопулярным.

Самой же непопулярной чертой юбилея стало ожидание антиалкогольной кампании, начало которой новый генсек лично и в открытую приурочил именно к завершению юбилейных торжеств. Еще накануне Первомая в стране начался торгово-закупочный бум в винно-водочных магазинах. Повсеместно утвердилась установка отметить День Победы и помянуть павших «по-настоящему» в последний раз.

Столица и крупные города в одночасье оказались наводненными как бы «самиздатовскими» ксерокопиями доклада о катастрофическом положении в стране в связи с ростом пьянства и алкоголизма. Обращали на себя внимание и политические акценты якобы «самиздатовского» материала. Главным виновником спаивания советского народа там назывался Троцкий. Своеобразным отголоском такого «стихийного антитроцкизма» нового режима стали яркие и образные обличения Троцкого, прозвучавшие в докладе Горбачева два года спустя, на семидесятилетнем юбилее Октябрьской революции.

Еще одной особенностью сорокалетнего юбилея Победы стала артикуляция самого слова «память». Эта артикуляция проявилась даже не в официальной риторике торжеств. Память и воспоминания сами по себе вдруг стали главными героями дня, самостоятельными и самоценными точками сборки творческой рефлексии по поводу очередной вехи 45-го. «Эта память опять от зари до зари беспокойно листает страницы», – эти строки поэта-фронтовика Михаила Дудина, положенные на музыку и исполненные звездой советской эстрады 80-х Юрием Антоновым, регулярно звучали в те майские дни 85-го, став как бы даже неофициальным гимном 40-летия Победы. По какому-то странному совпадению именно памятование оказалось в сюжетном центре и других написанных к юбилею военных песен. «Помню, как сейчас, наш десятый класс закружила вьюга фронтовая», – пробирала до слез София Ротару. «Помнит Вена, помнят Альпы и Дунай тот поющий и цветущий яркий май», – напоминали «Сябры».

На протяжении двадцати лет пространство памяти разрасталось до пределов пространства жизни, вбирая в себя последнее и срачиваясь с ним. Обратной стороной этого процесса неминуемо становилась сопричастность пространства памяти пространству власти застойного советского режима. Вместе с тем Великая Победа продолжала оставаться неколебимым ценностно-нравственным мерилем, и потребность в ее отграничении от деградировавшего режима становилась все острее и острее. Сосредоточение на образе непосредственно самой памяти оказалось определенным выходом из этой непростой ситуации. Выходом, прочувствованным и заявленным людьми творческими, острее других ощущавшими востребованность новых акцентов в интерпретации Победы.

Однако за этой неожиданной артикуляцией слова «память» прозрачно угадывалась и иная причина. К середине 80-х организационно оформилось и фактически легализовалось массовое одноименное движение, зародившееся в нашей стране еще в хрущевские времена как реакция на официальный нигилизм в отношении традиционных национальных, в том числе и православных, ценностей, объявленных властью наследием сталинщины. В данной ситуации стало естественным обращение движения «Память» к стилистике и риторике консервативных православно-монархических организаций России начала XX века и, следовательно, в целом к разного рода конспирологическим сюжетам.

Сорокалетний юбилей Победы дал богатую пищу для размышлений на этот счет. 9 мая в газете «Труд» были помещены информационное сообщение о торжественном заседании в Кремле, речь Горбачева, а также обычная в подобных случаях фронтальная фотография сидящих на сцене КДС высокопоставленных участников заседания и самого генсека, выступающего с трибуны. Чтобы укрупнить фигуру Горбачева, ее с помощью фотомонтажа несколько выдвинули вперед, однако при этом по какой-то причине не заретушировали часть его головы. В результате перед изумленными читателями «Труда» предстала следующая прямотаки демоническая картина. На трибуне выступает Горбачев, а за его спиной, на первом ряду почетных участников заседания, перед избранным на только что состоявшемся пленуме членом Политбюро Егором Лигачевым лежит голова нового генсека. Можно себе представить, какие слухи породила эта фотография вкупе с валом «самиздатовских» антитроцкистско-антиалкогольных прокламаций! А год спустя в ряде газет за некоторое время до аварии на Чернобыльской АЭС были опубликованы странные рисунки, которые в духе становившейся все более и более модной конспирологии стали расшифровываться как схема энергоблоков этой электростанции с пометой того, на котором произойдет авария, а также с точной датой самого трагического события. Страна стремительно входила в новую фазу своего существования с совершенно непривычной для здравого смысла советского человека политической метафорикой...

В целом же в 1985 году пространство памяти по-прежнему доминировало в пространстве повседневной жизни советского человека. В этом космосе ценностей и мотиваций не было места прагматике, однако остро ощущалась потребность каких-то, пускай и не артикулированных «сверху», перемен. Новый прорыв в осмыслении истории войны пришелся на 1990-й, когда в «Комсомольской правде» 5 мая появилась статья с нелепым по тем временам названием – «Украденная Победа». Смысл ее сводился к доказательству, что в войне действовали две переплетающиеся, но разнородные силы: народ и система, олицетворяемая сталинским режимом. В первый период система оказалась основной силой, правда, малоэффективной. Ей ничего не оставалось, как на время отойти, приспособиться, дать народу развернуться во всей его мощи. Эта главная действующая сила выдвинула из своей гущи военачальников, расплатилась массовым героизмом, миллионами жизней. Обе силы внесли свой вклад в

итог: если сила народная освобождала, то сила системная, идущая вослед, тотчас заключала освобожденных в свои стальные объятия. Так и Победа была перехвачена на финальном этапе. Народ из главной, одухотворенной силы автоматически вернулся в ряд орудий, инструментов. И трагизм состоял в том, что это было почти неизбежно: народ не имел ни социальной связанности, ни правовых механизмов, которые помогли бы прогнать обанкротившееся правительство в 41-м, не отдать ему Победу в 45-м. На основную движущую силу Победы, объявленную Сталиным «винтиком», срочно подыскивали крепкую гайку. Система лихорадочно надвигала плиту официоза, задраивала приоткрытые в войну люки – дабы не допустить взрыва изнутри.

Острая дискуссия по поводу «Украденной Победы» провела четкий водораздел между ветеранами – носителями парадной и подлинной памяти о войне. Первые обращались к Горбачеву с требованием призвать к ответственности авторов за клевету на советскую действительность, издевательства над памятью о войне. Вторые выражали признательность за восстановление памяти и чести погибших и «возвращение Победы» тем, кто ее действительно выстрадал и заслужил.

Однако власть демонстрировала откровенное пренебрежение к выпестованному ею же самой пространству памяти, не смогла или не захотела овладеть, пожалуй, наиболее эффективной для нашего менталитета технологией управления – через держание и целенаправленное конструирование этого пространства. Симптоматично, что коллапс режима произошел в тот год, когда празднование Дня Победы явилось разменной монетой в противостоянии «ретроградного» союзного центра и молодой «демократической» российской власти.

1995: в пространстве симулякров

Даже после распада Советского Союза День Победы остался, пожалуй, единственным праздником прошлой эпохи, который по-прежнему отмечался – в том числе и на официальном уровне. Хотя в первое время после распада СССР Победа как один из краеугольных камней советского прошлого подверглась массивной дискредитации. В 1992-м огромным тиражом вышла «не-

фантастическая повесть–документ» Виктора Суворова «Ледокол» с версией о подготовке Сталиным агрессивной войны против Германии. Она расколола не только историков, но и многомиллионную читательскую аудиторию. Демифологизируются подвиги 28 гвардейцев-панфиловцев и Александра Матросова. Появляются работы о массовом коллаборационистском движении, в том числе службе миллионов русских, украинцев и представителей других национальностей в вермахте и частях СС, работе во вспомогательной полиции и органах оккупационной администрации.

По мере усиления патриотической риторики и ориентации режима Ельцина вал разоблачений под вывеской поиска «правды истории» стал спадать, зато значение празднования 9 мая вновь начало усиливаться. Когда же подошло время полувекового юбилея Победы, российская власть решила превратить эту дату в масштабную акцию собственной презентации, имея в виду маячившие впереди очередные президентские выборы 1996 года.

Столь помпезно и официально День Победы еще никогда не отмечался. При этом официальная идеология празднования оказалась целиком заимствованной из советского прошлого. Кремлевские политтехнологи попросту не стали вшивать в уже устоявшуюся и обкатанную на протяжении предыдущих десятилетий структуру памяти никаких новых акцентов из рыночной эпохи. Единственное, на что тогда отважились пойти, так это на перенесение героики Великой Отечественной на проводившуюся с декабря 1994 года операцию российских силовых структур в Чечне. Этим переносом было оправдано и широкое задействование участников этой операции в парадах и других торжественных мероприятиях.

Власть не только повторила, но и значительно дополнила прежний советский сценарий празднования Дня Победы. Спустя десять лет после предыдущего – сорокалетнего – юбилея на Красной площади состоялся парад. Восстановление Воскресенских ворот, как тогда считалось, сделало невозможным участие в параде военной техники. Поэтому было решено не отказываться от столь зрелищного мероприятия, но провести его на Кутузовском проспекте, рядом с достроенным (еще одна впечатляющая акция ельцинского режима) комплексом Музея Победы на Поклонной горе.

Однако был и еще один аргумент в пользу проведения именно такого двойного парада, и этот аргумент являлся уже целиком и полностью продуктом своей эпохи. Прибывшие на празднование

полувекового юбилея Победы лидеры ведущих мировых держав не сочли бы для себя возможным становиться даже невольными участниками демонстрации современной военной техники чужого государства. Поэтому разнесение во времени и пространстве двух парадов – строевого и военной техники – было обусловлено и соображениями международного политеса.

За превращение Москвы в центр буквально мирового празднования полувекового юбилея окончания Второй мировой войны власти пришлось заплатить дорогую цену. Лидеры Запада, прибывшие в российскую столицу прежде всего для того, чтобы продемонстрировать свою поддержку Ельцину, имея в виду перспективу президентских выборов 1996-го, превратились, по сути, в главных героев дня. Именно к ним оказалось прикованным все внимание как власти, так и прессы. Доходило порой до смешного. При подготовке кремлевского приема никак не могли выстроить логику рассаживания за столом высоких гостей. Наконец, было решено разместить их тем ближе к Ельцину, чем дальше они занимали свои посты. По иронии судьбы рядом с российским президентом оказался тогда германский канцлер.

После нескольких лет официозного нигилизма к советскому прошлому столь же официозный поспешный возврат к прежним ритуалам и церемониям, причем даже с задействованием знаковых фигур советской эпохи, производил сильное впечатление. В особенности это касалось обоих парадов. Парад на Красной площади принимал маршал Советского Союза Виктор Куликов. Как и в 1985-м, в парадном строю прошли не только нынешние военнослужащие, но и ветераны, для которых даже была разработана специальная форма – мужская и женская. Более того, в парадный ритуал на Красной площади оказался идеально вписанным и Мавзолей Ленина – сооружение, несколько лет перед этим предаваемое анафеме официальными лицами государства начиная с самого высокого уровня. Президент, премьер и спикеры обеих палат Федерального Собрания принимали парад, расположившись на Мавзолее, подобно членам Политбюро. Правда, тогда, в 1995-м, данное сооружение «реабилитировали» лишь частично, исключительно в качестве удобной трибуны – надпись «Ленин» была стыдливо замаскирована.

Подлинное «возрождение» Мавзолея случилось год спустя – 9 мая 1996-го. Теперь уже Ельцин стоял на трибуне один, остальные – ярусом ниже, на боковых площадках. Даже Сталин не позволял себе столь явного знакового выпячивания собственной

персоны. Советские ритуалы вообще всячески демонстрировали, будто первое лицо – не отдельная, пусть и уникальная во всех отношениях, личность (генсек), а коллектив избранных (Политбюро и – в меньшей степени – ЦК). Ельцин же, как бы напротив, подчеркивал, что он сейчас – не столько президент, сколько Верховный главнокомандующий, принимающий парад своей армии. Его коллеги по участию во власти – люди сугубо гражданские и поэтому не смеют находиться рядом. Они, словно свита, должны почтительно отступить от священной особы военного вождя. Имперские аллюзии действия очевидны. Более того, фамилия (точнее, партийный псевдоним) человека, погребенного в Мавзолее, на этот раз была оставлена открытой, видимо, для подтверждения полной и окончательной «реабилитации» советского периода как неотъемлемой части единой и неразрывной исторической традиции.

Можно, конечно, рассматривать затеи с Мавзолеем в контексте аналогичных предвыборных трюков 1995–1996 годов – «воссоединения» с Белоруссией, придания знамени Победы статуса государственного флага, появления на полуофициозном телеканале ОРТ откровенно проельцинской аналитической передачи «Дни» известного прежде своей оппозиционностью к режиму Александра Невзорова. К тому же еще год спустя, в 1997-м, президент не только отказался 9 мая вновь подняться на Мавзолей, но и опять заговорил о необходимости его ликвидации. Все это лишний раз доказывает, что власть воспринимала празднование Дня Победы как очередную пиар-акцию, оценивая ее результативность лишь применительно к конкретному моменту и поставленной задаче. Безусловно, и раньше официальным ритуалам был характерен подобный технологизм. Однако при этом сохранялась, по крайней мере, видимость серьезного отношения к такому действу. Теперь же чуть ли не в открытую признавалось исключительно пропагандистское значение этой помпезной пиар-акции.

Власть даже не смогла должным образом извлечь символические дивиденды из юбилея Победы для идеологического обеспечения чеченской кампании, да и вообще для хотя бы самой общей мотивационной поддержки российских Вооруженных сил. В угоду прибывшим на юбилей западным гостям боевые действия в Чечне были в очередной раз приостановлены, за что потом – также в который уже раз – пришлось заплатить лишними человеческими жизнями. Впечатляющий парад военной техники на Кутузовском проспекте, в котором участвовали даже относительно

новые и находившиеся на тот момент на вооружении образцы, стал фактически реквиемом для погибавшего отечественного оборонно-промышленного комплекса. Декоративность юбилейных торжеств, попытка с их помощью отвлечь внимание от катастрофического положения дел как в стране в целом, так и в сфере ее безопасности проявились и в знаковых событиях, последовавших за юбилейными торжествами. 24 июня 1995 года, в день полувекового юбилея легендарного парада Победы, на котором гитлеровские знамена и штандарты были повержены к подножию Мавзолея, Россия переживала шок от нападения бандитов Басаева на Буденновск и от унижительных телефонных переговоров премьера с их главарем. В декабре того же года трагическая катастрофа на российской военной базе в Камрани унесла жизни нескольких летчиков из пилотажной группы «Русских витязей», пролетевшей над Кутузовским проспектом в финальной части парада военной техники.

Репертуар телеканалов в дни празднования 50-летия Победы оказался до отказа заполненным хорошо знакомыми советскими фильмами о войне, причем не только традиционными для 9 мая заключительными сериями эпопеи «Освобождение». После нескольких лет практически полного господства на экранах второсортного импорта погружение в доельцинскую эпоху производило сильное впечатление. Доходило даже до курьезов. Так, накануне 9 мая были в один день, друг за другом показаны все двенадцать серий «Семнадцати мгновений весны». Сбылась давняя мечта наших зрителей, буквально забрасывавших Останкино подобной просьбой на протяжении двадцати с лишним лет, прошедших со времени первого показа фильма Татьяны Лиозновой. Демонстрировались не только полюбившиеся фильмы, но и запавшие в душу программы. В частности, были повторены «Голубой огонек» от 9 мая 1975 года и легендарный концерт Клавдии Шульженко в Колонном зале Дома союзов. Очевидно, что столь откровенное обращение к трогательным и дорогим образам прошлого должно было – по замыслу лиц, делавших этот юбилей, – хотя бы как-то оттенить искусственность празднования, несоответствие его идеологии тяжелой ситуации, в которой находилась страна из-за нарастающей инфляции, усугублявшейся бедности подавляющей части населения, не затухавшего на Северном Кавказе очага напряженности. В этом смысле навеянные с телеэкрана ностальгические воспоминания оказывали неоценимую услугу – возвращали настрой искренности и проникновенности, волей-

неволей переносившийся и на окружающую действительность. Данную особенность юбилея точно подметил тогдашний главред «Независимой газеты» Виталий Третьяков, назвавший 9 мая «неофициальным днем памяти по Советскому Союзу».

Полувековой юбилей Победы оставил по себе противоречивое впечатление. С одной стороны, пространство жизни, вот уже много лет объятые пространством памяти, вдруг в одночасье оказалось пространством симулякров. И получилось так, что именно память, оставшись, по сути, единственным источником живой творческой энергии посреди этих выхолощенных образов, начала одухотворять их, преодолевая бутафорскую натуру и наделяя содержательным смыслом и самостоятельным значением.

С другой стороны, праздник все же состоялся. Не сбылось гамлетовское пророчество – «связь времен» не порвалась. Более того, ключевая веха советской истории была не только полностью реабилитирована, но и обрела своего рода системообразующее для государственности РФ значение. 9 мая стало нашим новым 7 ноября, а парад на День Победы – с тех пор обязательный элемент этого праздника.

Что же касается непосредственно самого проекта памяти, то в его топике произошла буквально революционная перемена. Субъектно-объектные взаимоотношения власти и памяти стали меняться на прямо противоположные. Власть становилась все менее и менее способной манипулировать памятью. Противостояние культурных героев и субъектов оказалось снятым из-за своей неактуальности. Функции же культурного героя в пространстве памяти перенеслись на саму власть, питавшуюся энергией отраженного памятью прошлого и попросту неспособную существовать без этого источника.

2005: в пространстве официозного минимализма

С приходом Путина память о Победе начала претерпевать странную мутацию – во многом аналогичную той, которую испытал и сам нынешний режим. Эта мутация заметна, если сравнивать две инаугурации Путина, состоявшиеся накануне 9 мая.

Первая инаугурация 2000 года проходила в обстановке открытого отождествления новоизбранного президента как бы с самим духом Победы. К этому времени уже фактически завершилась собственно войсковая часть контртеррористической операции в Чечне, и эта локальная, но нелегкая и чрезвычайно значимая для РФ победа выглядела как бы отблеском той – главной Победы 1945-го. Также незадолго до инаугурации и, соответственно, до 9 мая Путиным была подписана Военная доктрина государства – первый за всю нашу более чем тысячелетнюю историю документ подобного рода. И по своему содержанию, и по времени утверждения эта доктрина дополняла образ сильного Верховного главнокомандующего и делала его сопричастным ауре Дня Победы.

Но спустя всего лишь четыре года, на следующей инаугурации, состоявшейся также накануне 9 мая, – совершенно другой президент. Точнее, совершенно другой пиар того же самого президента. Никаких знаковых увязок инаугурационных торжеств с приближавшимся Днем Победы не прочитывалось. Сам инаугурационный ритуал поражал уже не своим минимализмом: последний как специфическая путинская стилистика политического действия стал к тому времени некоей нормой нынешнего Кремля. Удивительно выглядело курьезное новшество инаугурации – торжественное прохождение по Соборной площади военнослужащих Президентского полка в парадной форме, представляющей собой ремейк русской амуниции XIX века, причем как пешим, так и конным строем. Эта декоративная державность и имперскость будто бы преднамеренно контрастировали с состоявшимся 9 мая традиционным парадом, ставшим в последние годы весьма незатейливым. Здесь всего было понемногу: несколько дежурных фраз Верховного о значении Победы как эффективного опыта противостояния международному терроризму, камерный парад с гражданским министром обороны, немножко показательных строевых выступлений – вот и все. Создавалось впечатление, что инаугурационный парад на Соборной площади (парад, окрещенный общественным мнением как «игрушечный» и «карманный», так как зрителем его был лишь сам президент) как бы противопоставлялся параду 9 мая.

Что же произошло? Неужели возрожденный и превращенный Ельциным в главный государственный праздник, День Победы утратил при его преемнике такое значение? Да, действительно, вместо крутого государственника можно было видеть не менее

крутого радателя монетизации льгот. Причины столь очевидной перемены образа президента – предмет для особого разговора. Здесь же важно проследить, как синхронно с этой переменой трансформировалось и официальное восприятие Великой Победы. Память о Великой Отечественной была остро востребована в первые месяцы президентства Путина прежде всего в ситуации второй чеченской войны. Однако здесь очень скоро произошла явная подмена приоритетов. Да, действительно, при Ельцине официальное – нарочитое и продиктованное вполне объяснимыми мотивами текущей внешнеполитической конъюнктуры – подчеркивание союзнического фактора в Великой Отечественной стало несколько неадекватным реальной роли Второго фронта. Но речь тогда могла идти только лишь о некотором нарушении исторических пропорций. Союзнический аспект, хотя и начал выпячиваться несоразмерным образом, однако, по-прежнему продолжал играть лишь подчиненную, обеспечивающую роль. И тогда это вполне могло быть воспринято как естественный перекосяк в обратную сторону после несправедливого и практически абсолютного замалчивания в советское время роли союзников. Тем не менее на полувековой юбилей Победы высокие зарубежные гости приехали все-таки, в первую очередь, как руководители партнеров России, но вовсе не как вчерашние союзники.

При Путине же (и особенно после 11 сентября 2001 года) панегирическое возвеличивание союзников сконцентрировалось на формулировке, выворачивавшей наизнанку прежнюю мотивацию. Теперь фактически Вторая мировая (заметим, именно она, а не Великая Отечественная) стала обозначаться чуть ли не как своеобразная «генеральная репетиция» интернациональной борьбы с общим врагом. Кто же этот общий враг? В феврале 2003-го, на праздновании 60-летия Сталинградской битвы, Путин провел свое известное уподобление «террористов» «нацистам 30–40-х годов». Прагматическая аргументация президента понятна, и об этом он прямо заявил позже – на юбилее освобождения Освенцима. Такое уподобление было способно в определенной степени приглушить свойственные европейскому общественному мнению двойные стандарты в отношении борьбы с терроризмом на Северном Кавказе. Отсюда – и призыв «отбросить все второстепенные разногласия и сплотиться против общего врага» по примеру того, как это было «в годы Второй мировой войны».

Пространство памяти оказалось подмененным одной из своих функций – актуализацией прошлого в контексте событий текущего

момента. Произошла эта подмена не сразу. Еще в 2000 году в своем ярком и, без преувеличения будет сказано, буквально героическом выступлении в Видяево перед родственниками моряков погибшего «Курска» (выступлении, из которого кремлевские имиджмейкеры смогли бы извлечь колоссальные дивиденды для Путина, будь оно соответствующим образом преподнесено и не окажись «трофеем» оппозиционных журналистов) президент активно прибегал к образам именно Великой Отечественной. Американская трагедия 11 сентября 2001 года фактически – на тот момент – сняла международные претензии к России по поводу Чечни, однако одновременно сделала неизбежным встраивание нашей страны в международный антитеррористический пул под главенством США. В этой ситуации Великая Победа и стала лишь «генеральной репетицией» предстоящих спустя более полувека совместных союзнических контртеррористических операций. В этом контексте обрел новое звучание тезис об «украденной Победе» – теперь уже в трактовке Александра Зиновьева: победители в «холодной войне» развернули тотальную фальсификацию истории с тем, чтобы отнять у победителей в Великой Отечественной войне величайшую победу в истории «горячих войн».

Не явились ли в каком-то смысле горькой платой за подобный смысловой «размен» духа 1945-го унижительные знаковые пощечины, наносимые России ее нынешним врагом именно 9 мая – в 2002-м в Каспийске, а в 2004-м – в Грозном? В 2005-м накануне Дня Победы было объявлено о беспрецедентных мерах безопасности в столице. Шокирующее впечатление тогда произвело заявление командующего войсками Командования специального назначения о готовности уничтожить пассажирские самолеты, захваченные террористами. Возникали аллюзии вовсе не с победным маем 45-го, а, скорее, с тревожной осенью 41-го.

В отличие от четкой и последовательно проговариваемой установки на преемственность между фашизмом и нынешним терроризмом и, следовательно, между антигитлеровской коалицией и актуальным на тот момент международным партнерством России, иные смысловые акценты кремлевского восприятия Великой Победы тогда буквально поражали своим минимализмом и аморфностью. Власть избегала каких-либо сильных знаковых акций. Например, обратное переименование Волгограда в Сталинград не отрицалось в принципе, но считалось «преждевременным». Акцент с идеологии переносился на проблемы социального

обеспечения ветеранов, однако очевидной была несуразность официальных заявлений на этот счет на фоне прокатившейся в начале 2005 года по России «седой революции», направленной против монетизации льгот.

Более того, в повышенном внимании к участникам войны прочитывался и еще один крайне тревожный подтекст, проявившийся, в частности, в декабре 2004 года, во время посещения президентом посвященного Московской битве военно-театрализованного представления на Алабинском полигоне Таманской дивизии. Зрелищность действия намного превосходила его смысловое наполнение. Но насторожил даже не этот, многократно усиленный электронными СМИ эффект действия. Обратила на себя внимание высказанная после представления одним из ветеранов мысль о том, что для большинства фронтовиков 60-летие Победы станет последним в их жизни юбилеем и поэтому предстоящие торжества должны быть адресованы прежде всего им. Эти слова могли бы выглядеть лишь частным мнением, не будь они высказаны в присутствии президента и, следовательно, обозначены как определенная установка. Бесспорно, ветераны – главные герои праздника, но вовсе не единственные его адресаты и потребители. В последнем случае подобная локализация пространства памяти попросту уничтожила бы День Победы как главный и консолидирующий общество праздник.

В 2003-м, на праздновании 9 мая в Туле, президент сказал: «В День Победы мы прикасаемся к обжигающей правде войны». Эта «обжигающая правда» сполна проявилась в полемике, развернувшейся в преддверии 60-летнего юбилея на заседании в Орле Российского организационного комитета «Победа». Обращало на себя внимание отнюдь не растиражированное СМИ заявление генерала Валентина Варенникова о новых фильмах – «Штрафбат», «Московская сага», «Дети Арбата» – как о лживых. В конце концов, даже «обжигающая правда войны» – у каждого своя. И генерал, не только прошедший Великую Отечественную, но и оказавшийся уже в преклонном возрасте политзаключенным, а затем в открытую, на правовом поле доказавший свою невиновность, имеет полное право на свою собственную правду. «Обожгла» на орловском заседании произнесенная с явным подтекстом просьба того же Варенникова хотя бы до праздника наложить мораторий на очередные реформистские инициативы правительства. Впечатлило и пикирование московского мэра Юрия Лужкова с главой Минсоцразвития Михаилом Зурабовым. И все это на глазах у первого лица.

На совещании в Орле, пожалуй, впервые столь явственно совпали два пространства – власти и памяти. Руководство страны формулировало концепцию юбилейных торжеств уже не просто как очередную пиар-акцию, но, скорее, как способ проведения на их волне конкретных управленческих решений.

2010: поиски смысла праздника продолжаются

65-летие Победы было отмечено не только тем, что ряд тенденций приобрел устойчивый характер, но и тем, что произошло возвращение к некоторым старым традициям. В третий раз (начиная с 2008 г.) парад на Красной площади проводился с участием военной техники. Помимо уже известных моделей – таких, как танки Т-90, боевые машины пехоты БМП-3, бронетранспортеры БТР-80 и другие, – были продемонстрированы системы, недавно принятые на вооружение и еще ни разу не бывавшие на парадах – бронированные патрульные машины «Дозор», тяжелые огнеметные системы ТОС-1, зенитные ракетно-артиллерийские комплексы «Панцирь», зенитно-ракетные системы С-400, и, наконец, пусковые установки подвижного грунтового ракетного комплекса «Тополь-М». Зрелищность параду добавила техника времен Великой Отечественной войны – танки Т-34/85 и созданные на основе этой модели самоходные установки СУ-100, аналогичные тем, что участвовали в сражениях второй половины войны. В воздушном параде было задействовано 127 самолетов и вертолетов, вплоть до стратегических бомбардировщиков.

Центральным событием Дня Победы стало участие в параде иностранных военных подразделений. В едином строю вместе с российскими военнослужащими и солдатами стран СНГ торжественным маршем прошли подразделения армий государств антигитлеровской коалиции – Великобритании, США и Франции, – сыгравших значительную роль в разгроме фашистской Германии. Вооруженные силы западных союзников представляли военнослужащие соединений, отличившихся в годы Второй мировой войны: батальон полка уэльской гвардии, воевавшего в Бельгии в 1940 году и вернувшегося в Европу летом 1944-го, пилоты и тех-

ники знаменитой эскадрильи «Нормандия–Неман», 2-й батальон 18-го пехотного полка армии США, участвовавший в высадке в Нормандии. В парадном строю прошел также почетный караул Вооруженных сил Польши в форме 1945 года, символизируя боевое братство советских и польских солдат, сражавшихся плечом к плечу от Белоруссии до Берлина. Участниками парада стали сводные батальоны армий Азербайджана, Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркменистана и Украины. И это напомнило всем об интернациональном боевом братстве народов СССР, каждый из которых внес свой вклад в Победу 1945 года. Военные парады и торжественные прохождения войск в честь Победы состоялись в 61 городе России, а также в пяти городах Украины, в городе-крепости Бресте и в Минске.

Пять лет назад, накануне 60-летия, концепция юбилейных торжеств не могла не учитывать развернувшуюся «войну памятников» и «войну памятей», попытки принизить роль Советского Союза в войне. В 2010 году, спустя почти 20 лет после распада СССР, вопреки многим прогнозам, появилось больше возможностей для единства и согласия вокруг Дня Победы и сотворенного этой датой пространства памяти. Оно не знает границ, не различает национальностей, стоит выше текущих политических обстоятельств и конъюнктуры. 9 мая не удалось принести в жертву национализму или этноцентризму. Во многих странах СНГ День Победы официально является праздничным и нерабочим днем, развернулась социальная забота о ветеранах войны – жилищная, медицинская, финансовая.

Там, где государство не предусматривает подобной поддержки, включаются иные рычаги помощи. Однако наиболее показательной чертой укорененности праздника является то, насколько он обростает новыми традициями, особенно, когда они проявляются снизу. Акция «Георгиевская ленточка», рожденная в России, охватила Грузию, Молдавию, Белоруссию, Таджикистан, ряд областей Украины. Накануне Дня Победы в Киеве стартовал международный проект «Летят журавли». В нем приняли участие более тысячи молодых людей, которые занимались поисковой работой, выезжали на места боев, обустроивали воинские захоронения, записывали воспоминания ветеранов, создавая уникальный архив свидетельств участников войны. Личные истории фронтовиков подняли из неизвестности акции «Память сердца», которую проводит Международный фонд «Русский мир», а также «Фронтовой альбом», организованный РИА Новости.

Весь юбилейный год вокруг Дня Победы проходили дискуссии, обостренные к тому же историей с «фальсификацией истории» и созданной администрацией президента РФ одноименной комиссией. Однако ее деятельность ничем не запомнилась. К примеру, она стыдливо промолчала по поводу возбужденного московской мэрией вопроса о допущении изображений Сталина в праздничную столицу. История с плакатами генералиссимуса подтвердила факт продолжающейся борьбы за постсоветскую идентичность. Часть общества восприняла это как доказательство постепенной реабилитации Сталина в России, другая – апеллировала к противоположной тенденции, которую озвучил президент Дмитрий Медведев, в частности, в интервью газете «Известия» накануне юбилея. Он подробно разъяснил свою личную и государственную – негативные – позиции в отношении Сталина и попыток «ренессанса сталинизма».

Размышления о войне, о цене победы и о степени достоверности ее отражения в кино и на телевидении оживила премьера нового фильма Никиты Михалкова «Предстояние». Задолго до этого режиссер строил планы организовать его показ 9 мая на Красной площади, сразу после того, как отгремят залпы победного салюта. На огромном экране, подвешенном с помощью аэростатов, проецировалась бы трехчасовая «грандиозная кинофреска о грандиозной киновойне». Однако премьерный показ благополучно перенесли с площади в Кремлевский дворец, а под конец апреля фильм вышел в массовый прокат.

В этом контексте в обществе снова возник вопрос: для кого праздник? Для ветеранов, так поздно обеспеченных квартирами? Но они по-прежнему живут хуже тех, кто был побежден в войне. Для власти, нескромно выпячивающей себя, решающей с помощью юбилея проблемы внутренней и внешней устойчивости? Но праздники проходят, а проблемы остаются. Трагедия, случившаяся 8–9 мая на крупнейшей угольной шахте «Распадская» в Кемеровской области, показала это.

В целом же проект памяти о Победе в ее 65-ю годовщину постигла похожая участь, что и оба других проекта – Октябрьской революции и Сталина. Этот проект – несмотря на все усилия власти сохранить День Победы как главное событие, связывающее новую Россию с ее советским прошлым, – подвергся коррозии обыденностью, утратил свою заостренность (неважно – положительную или отрицательную, как в случае с проектом памяти о Сталине), превратился в еще один объект информационно-про-

пагандистского потребления. Причем объект компилятивный, претендующий на новизну, но на практике представляющий собой механическую сшибку знаковых сюжетов прошлого с сегодняшней конъюнктурой.

Возможное будущее памяти о Победе

Память – это не только бронза и гранит, нередко подавляющие грандиозными формами, но простое, негромкое человеческое слово, сказанное о тех, кто сражался и умирал... Память о Победе не может быть приватизирована тем или иным режимом власти, как, впрочем, и такими новообразованиями «гражданского общества», как военно-исторические клубы, играющие в «войнушку» и коллекционирующие вперемешку советские Ордена Славы и немецкие Железные Кресты.

Можно ли вообще создать идеальное пространство памяти? Наверное, нет. Так же, как и нельзя сконструировать идеальное пространство власти. Однако пространство власти доступно лишь немногим – большинство взирает на него со стороны. К пространству же памяти причастны все без исключения. А значит – и ответственны за него! Праздник Победы давно стал решающим фактором для конструктивного национального согласия, в котором нуждаются и власть, и общество. Именно память способна стать тем третейским судьей, который только и способен поддерживать стабильность. Память судит, что называется, по гамбургскому счету. И у нее есть веские обвинения к обеим сторонам – как к власти, так и к обществу.

Что касается власти, то тут все более-менее ясно и не вызывает сомнений. Следует только заметить, что уже сразу после Победы (нравственный авторитет которой и дает право на такой гамбургский счет) были сформулированы сценарии, сполна отыгранные уже под конец века, – технологий целенаправленного демонтажа Союза ССР, тупиковых попыток национально-государственного строительства в многонациональной и поликультурной стране, альтернативных моделей социализма, особой роли конфессиональных институтов.

Первые сигналы прозвучали именно тогда, в первые послевоенные годы, но они так и остались по-настоящему не понятыми

завнавшейся от Победы властью. Кто знает, быть может, осталась бы иная память о Сталине и его режиме, не прозевай бы они столь доверительных к победившей власти сигналов. Эти сигналы в обилии подавались самыми разными людьми. Простыми гражданами, любящими свою Родину и поверившими после леденящих социальных экспериментов 30-х в то, что можно положиться на тех, кто «наверху». Маршалами, ощутившими доверие Верховного. Наркомаами, вкусившими ответственную самостоятельность в командовании своими танкоградами. Дипломатами, предоставившими внушительные ноты доверия к стране-победительнице. В моменты духовного единения у власти появляется особая возможность слышать сигналы, поступающие к ней с разных «этажей» общества. А услышав, адекватно понять и принять к действию, тем самым в перспективе оказаться не объектом очередного слома, а самой возглавить поход против коррумпированной чиновничьей гидры, уже не раз губившей российскую государственность.

Но и с общества также особый спрос. Оно не имеет права на какую бы то ни было презумпцию невиновности и незапятнанности, в отличие от кругом виноватого режима. Сваливать всю вину «наверх» наивно. Подобный нравственный авторитет еще надо заслужить. Выход здесь единственный – напряженно сотворчествовать тем начинаниям власти, которые с точки зрения здравого смысла созидательны. Не чаять легкой наживы в горниле очередной смуты, а беречь импульс энергии национального единства и согласия, которые еще сохраняются вокруг Дня Победы и сотворенного этой датой пространства памяти.

2015: новые смыслы юбилея Победы*

А все-таки жаль – иногда над победами нашими
встают пьедесталы, которые выше побед.

Булат Окуджав

Десять лет назад вряд ли кто-нибудь мог предположить, каким будет 70-летний юбилей Победы и в каком контексте он будет проходить, как невозможно представить сегодня, что произойдет с главным праздником в 2020 или 2025 годах. Завтра ведь всегда иное, неизвестное.

В 2015 впервые развернулась серьезная, часто непримиримая полемика о характере нашей памяти – способны ли подлинные воспоминания и символические ритуалы вытеснить казенные, выхолощенные.

В 2015 впервые столкнулось несколько сценариев содержательного наполнения юбилея – *официальный* (со ставкой на парадность и демонстрацию мощи страны), *общественный* (в основе которого скорбь и память, запрос на осмысление истории войны заново, предупреждение против повторения трагедии) и *маргинальный* (отрицающий праздник вообще или признающий его, но только с целью извлечения коммерческой выгоды).

В 2015 впервые после завершения холодной войны бывшие союзники по антигитлеровской коалиции отмечали юбилей Победы над фашизмом по разные стороны идеологического фронта, что по большому счету обесценивает подвиг всех стран-победительниц в мировой войне, не дает возможности Западу понять, как прошлое России влияет на ее будущее.

В 2015 впервые два братских славянских народа – россияне и украинцы – подошли к 9 мая разобщенными.

В 2015 впервые в условиях информационной войны и «войн памяти» встал вопрос о защите итогов войны и самой Победы.

---

* Впервые опубликовано: www.aigo-xxi.ru 24 июня 2015.

Накануне 9 мая сухая статистика напоминала, что повсеместно и повседневно рядом с каждым из нас находятся живые свидетели страшной трагедии – около 2,6 млн ветеранов и инвалидов Великой Отечественной войны, а также членов их семей, в том числе 45 381 инвалид войны, 163 512 ветеранов, из которых 6 688 человек попали на фронт с последней призывной волной. Бывших несовершеннолетних узников фашизма – 150 128 человек, тех, кто награжден знаком «Житель блокадного Ленинграда», – 131 201 человек. Тружеников тыла, совершеннолетних узников фашизма – 1 678 100 человек. По закону в число ветеранов войны юридически входят не только те, кто непосредственно участвовал в Великой Отечественной войне, но и те, кто работал в тылу.

Накануне 9 мая различные социологические опросы предупреждали: политическая культура общества быстро меняется, в общественном сознании не прошли бесследно всплеск протестного движения за честные выборы, киевский Майдан, присоединение Крыма и гражданская война в Донбассе. Непредвзятые оценки подчас опровергали расхожее мнение экспертов, что агрессивная внешнеполитическая риторика в российском обществе – даже на фоне событий на Украине и западных санкций – вовсе не растет, а наоборот снижается (Валерий Федоров).

Утрата монополии на управление пространством памяти о Победе

Все перечисленные выше факторы означали одно – в кардинально изменившихся условиях использовать пространство памяти по-старому никому не удастся, актуализация прошлого для нужд настоящего приобретает совершенно иной характер. Поначалу казалось, что власть нисколько не сомневается в том, что управлять памятью можно и должно, а вот как именно – вопрос второстепенный. Это подтверждали и первые сигналы, идущие сверху, – стремление отдельных политиков законодательно закрепить за властью функции неусыпного блюстителя исторической чистоты. С этой целью демонизировались дешифраторы мифов, созданных вокруг юбилея, разными способами нейтрализовывались критики, подрывались репутации неконъюнктурных историков.

Другая часть политической элиты уже осознала, что власть не может быть единственным источником информации и ее интерпретации, что неуклонно и динамично формируется диалоговая демократическая информационная культура, которая сменяет монологичную форму организации информационного пространства (Игорь Эйдман). С распространением Интернета массы действительно обрели голос, в социальных сетях любой человек может высказать свое мнение и даже стать популярным блогером, если ему есть что сказать окружающим, если он способен формулировать смыслы, в том числе по поводу государственных акций, касающихся прошлого. Но тем не менее и на этот раз День Победы рассматривался властью как наиболее значимый как в системе пропаганды, так и в системе легитимации власти, так как у нее нет других оснований, кроме постоянных отсылок к данному событию, к этой дате (Лев Гудков), а также ее приватизации чиновниками как материального актива. Отсюда – погоня за рекордами («самый большой портрет Жукова», «самая длинная георгиевская лента»), административные циркуляры, разнарядки и накачки. Единственным, до конца не проясненным местом в сценарии власти, как и в 1995, а также 2005 годах, оставалась фигура Сталина. И дело не в ее вычеркивании из истории или тех или иных запретах на упоминание, а в использовании сталинского профиля как исключительного бренда Победы.

Но как это можно было сделать сегодня, если немислимый раньше вопрос о том, является ли 9 мая праздником скорее «народным» или скорее праздником «государственным, официальным», разделил общественное мнение? В целом эти мнения имеют равный вес: поровну (1:1) таких мнений в среде тех, кто, по их понятиям, живет средне, – рабочих, специалистов, а в среде тех, кто хорошо обеспечен – начальственной должностью или деньгами, – этот праздник подавляющим большинством (4:1) считают «народным». А скорее государственным, чем народным, он считается среди наименее обеспеченной части народа – людей с небольшим достатком (2,5:1), невысоким образованием (3:1) и живущим на селе (4:1) (Любовь Борусяк, Алексей Левинсон).

Понятно, что среди сторонников «народного» праздника однозначно определяется и его целевая аудитория – это простой солдат, который выиграл войну, но о котором забывает официальная пропаганда. К сожалению, никогда 9 мая в сущности не было праздником простого солдата, выжившего, дошедшего, дохромавшего до родного дома или до пепелища, которое от него

осталось. Многие люди шли к Большому театру и в Парк Горького, чтобы посмотреть как раз на этих людей, на этот «истончающийся слой истинных победителей в той войне, которым обязаны полмира». Здесь всегда была искренность, слезы и правда, а на трибунах всегда были вожди, каждый из которых «узурпировал этот праздник». Так сложились две реальности: люди – плохо выглядевшие, тяжело доживавшие, не сильно избалованные ветеранскими подачками, и трибуны с очередным начальником и его гостями. «Трибуны были про мощь нашего оружия, про “непобедимую и легендарную”, а улица – про прекрасных стариков, проживающих очень сложную и, как правило, тяжелую жизнь, у которых бесконечно хотелось просить прощения» (Наталья Геворкян). Поэтому большинство участников форума призвали избавить День Победы от излишнего идеологического пафоса, оставив ветеранам и их потомкам как «праздник со слезами на глазах».

Альтернативу нынешней стилистике празднования с помпезными и развлекательно-увеселительными мероприятиями сформулировал от имени довольно большого числа участников дискуссии политический журналист Олег Кашин. Уже десять лет каждый год на 9 мая он пишет заметку о том, почему этот день не стоит праздновать как праздник, вызывающий «бесконечную боль». А работу памяти, переопределение ориентиров будущей совместной жизни человечества журналист предложил связывать со следующими действиями.

1. Средства, которые ежегодно тратятся на парады, потратить на ветеранов и пенсионеров (миллионы пожилых людей в нашей стране нуждаются в лечении, отдыхе от пожизненной работы, жилье, заботе, просят милостыню на улицах на питание и лекарства).

2. Средства, которые ежегодно тратятся на выхолощенное и эмоционально заряженное ура-патриотическое воспитание, потратить на развивающие критическое мышление образовательные программы (ввести в учебные программы школ и вузов проблемно-ориентированные курсы по истории Второй мировой войны и Холокосту, по критике идеологий, расовых теорий, современных форм дискриминации и т. д.), субсидировать развитие мемориальных и правозащитных центров.

3. Эфирное время СМИ, которое ежегодно тратится на риторику победы и непобедимости, использовать для развития в массовом сознании дискурсов толерантности, взаимного уважения, международной переговорной этики.

4. Вместо запуска военной техники в мировое пространство зажигать свечи, разбивать сады памяти, слушать тихую музыку, думать о тех, чьи жертвы служат сегодня не только миру, но и построению новых идеологий.

Юбилей Победы обострил внимание к этому и другим сценариям праздника, фиксировал состояние общественной мысли и ее устремлений.

Однако все это может потерять свой смысл, если 9 мая станет культом, обретет культовые черты. В этом случае прошлые победы утратят способность обеспечивать новые прорывы сегодня, поскольку культ устраняет критический взгляд на современную ситуацию, мешает реальной оценке смыслов будущего. Представляя внешнее проявление религии, культ привлекает массы, опьяняет их иллюзорной надеждой (Шарль Эншлен). Быстро появляются и пропагандисты культов, которые, преклоняясь перед юбилеями, вводят людей в заблуждение по поводу не укладывающихся в праздничный сценарий фактов и событий. Реакцией на это, возможно, и стало неприятие частью общества праздника Победы как такого, а еще и взрыв «дурного креатива» со стороны ушлых предпринимателей.

По размеру ли дедовы гимнастерки?

Чем меньше верхи обращали внимание на неравнодушное обсуждение иных проектов юбилея и запрос их инициаторов на диалог, тем резче становились выпады в адрес власти как официального «осветителя» пространства памяти. Культовые черты Победы многие участники дискуссии восприняли как возврат к советскому прошлому, причем сталинскому прошлому. «Я знаю, чем рискую, но скажу: это объективно реакционный праздник, ставший мощным ментальным рычагом, повернувшим нас назад. “День Победы” стал эдаким пиратским топором, зловредно подсунутым под политический компас постсоветской России», – заявил один из российских блогеров.

Что не захотели принять так называемые ниспровергатели праздника?

Во-первых, замысел некоторых кремлевских идеологов свести Победу в Великой Отечественной войне к победе России, рус-

ских и россиян (эта позиция стала проникать в учебники и другие публикации, современные комеморативные практики и символическое пространство). Крайне своевременно и весомо в связи с этим прозвучало заявление министра иностранных дел Сергея Лаврова: «Линия, проводимая нами на международной арене, – она ведь не направлена, как некоторые пытаются представить, на то, чтобы украсть у других победу. Совсем нет. Ее у нас пытаются украсть. А мы всегда подчеркиваем многонациональный характер той войны. Многонациональный и в смысле Советского Союза, который внес решающий вклад, и в смысле коалиции, в которой также героически сражались и американцы, и англичане, и французы, и многие-многие другие граждане союзных стран либо бойцы движения Сопrotивления».

Во-вторых, неоправданные попытки власти «объединять нацию» на истории войн.

В-третьих, ряд пропагандистских мобилизационных акцентов, рождающих ощущение, что 70-летие Победы становится чем-то вроде «стартовой черты для Третьей мировой войны».

Большое возмущение вызвало и появление слоя людей, озабоченных тем, как повыгоднее продать, вложить, заложить прошлое, получить со Дня Победы, входящего в национальное достояние страны, немалый процент. Подобные «менеджеры» – ничуть не меньшие фальсификаторы исторической истины, нежели их советские предшественники. И даже более того – не только фальсификаторы, но и могильщики: ведь если в советские времена официальная ложь лишь разжигала любопытство, то нынешнее опиаривание истории губит всякий интерес, порождает скуку и провоцирует безучастность. История же, как известно, прощает многое – кроме равнодушия.

Самое живое и честное

Моментом примирения разных подходов к юбилею неожиданно, незапланированно стал «Бессмертный полк», который вызвал смятение чувств у самых разных слоев общества, внутри страны и за границей. Ведь невозможно противостоять таким очевидным и простым вещам, как шествие в едином потоке граждан разных возрастов, национальностей и веры, граждан, готовых подняться

над своими политическими пристрастиями, перетерпеть экономические трудности и стать партнером власти по преобразованию России.

Этот ценнейший импульс имеет принципиальное значение. Почувствовала ли его власть, проанализировала, уловила критическое отношение к заданному сверху сценарию юбилея, осознала ли значимость 9 мая как основы новой идентичности? Трудно сказать. Но один символический шаг навстречу своему собственному обществу властью был сделан – в первую шеренгу «Бессмертного полка» встал Владимир Путин с фотографией своего отца. Смысловая нагрузка? Усиление пространства публичности, соединение усилий, взаимодействия власти и общества, внимание к сценариям, предлагаемым снизу, и принятие их государством. Как никогда стало ясно, что память о Победе воздействовала и будет воздействовать на движение России в истории, что наше отношение к этой памяти будет оказывать влияние на позицию ближнего и дальнего зарубежья к России. И если ряд руководителей государств не нашли возможности лично воздать почести павшим и народу, спасшему мир от нацизма, и тем самым вписали свои имена в исторический список недалёковидных политиков, то это не значит, что диалог между людьми разных национальностей завершён и ответственность за мир исчезла. Те, кто не приехал в Москву в святой для новой России день, непременно услышат оценку со стороны своих соотечественников.

Рано или поздно мы увидим, узнаем, упустили ли власть и общество уникальный шанс на обновление, обозначенный шествием «Бессмертного полка», произойдет ли духовное и экономическое возрождение страны, повернется ли власть по-настоящему к российским гражданам не в праздничные дни. А пока что семидесятый День Победы рельефно высветил с новой силой обозначившиеся противоречия:

– между вроде бы как пробудившимся намерением власти уловить все сильнее ощущаемые запросы общества на формирование если не идеологии (это слово пока еще вызывает устойчивую идиосинкразию значительных сегментов наших сограждан), то, во всяком случае, некоего нового мировоззрения развития, без которого существование страны в XXI веке становится проблематичным, и ее нежеланием идти на конфликт с той – все еще по-прежнему весьма значительной – частью элиты, которую устраивает статус-кво;

– между искренним желанием подавляющего большинства народа наконец-то, после долгого перерыва – а может, и вообще

впервые в нашей более чем тысячелетней истории – действительно поверить власти и найти с ней общий язык, примером чего может стать неожиданно случившаяся в прошлом году «русская весна», и одновременно устойчиво нарастающим недоверием к тем, кто «сверху» и кто немало поспособствовал тому, чтобы эта «весна» поскорее стала «осенью», – недоверием, которое парадоксальным образом сочетается с устойчиво высоким рейтингом власти (рейтингом негативным – от нежелания и боязни абсолютно любых перемен, которые видятся лишь движением к худшему) и создает последней иллюзию в ее якобы массовой поддержке;

– между очевидно проявившимися в ходе празднования юбилея Победы и пока еще робкими попытками власти прекратить апеллировать к имитационным практикам и развернуться в сторону подлинности во всех ее проявлениях и неизбежной инертностью властных институтов, привыкших минимизировать любые не укладывающиеся в оптимальные для взимания сырьевой ренты проявления общественного и политического;

– между различными средами внутри нашего общества, которые – несмотря на печальный пример аналогичных дрызг на Украине накануне и во время Евромайдана – не то что придерживаются разных взглядов на прошлое, настоящее и будущее, но вообще обладают несовпадающими картинами мира, взаимоисключающими правдами и открыто конфликтующими ценностными системами;

– между социальным инфантилизмом как доминантной – несмотря на очередной неимитационный массовый порыв «Бессмертного полка» – чертой общества, по-прежнему не обладающего опытом солидарных действий и способностью самоорганизовываться в ситуациях разного рода вызовов, и теми непростыми условиями, в которых оказалась страна из-за санкций, провоцируемой извне нестабильности курса национальной валюты и общей неготовности ориентированной на экспорт углеводородов экономики развивать стратегические инновационные производства, способные обеспечивать обороноспособность и развитие.

Перечень противоречий можно продолжить. Но в данном случае симптоматично, что все они обострились на фоне празднования юбилея Победы, который, таким образом, оказывается не просто датой, воспринимаемой большинством в качестве главного национального праздника, но наиболее точным индикатором того состояния, в котором пребывает страна. В этом смысле во-

обще правомерно усомниться в том, что современная РФ качественным образом отличается от Советского Союза и является его отрицанием. Тот факт, что именно Великая Отечественная и победа в ней, доставшаяся дорогой ценой, способны настолько сильно влиять на сугубо современные процессы, на тенденции, привычно относимые к исключительно текущей действительности, наглядно и убедительно свидетельствует о том, что мы до сих пор как бы еще не отработали повестку семидесятилетней давности, не можем воспринимать это кульминационное событие всей советской эпохи как всего лишь историческое – яркое, героическое и трагическое, но при этом уже оставшееся далеко позади – и продолжаем активно переживать его уже в контексте совершенно иных реалий.

Данный вывод побуждает отказаться от оценочных штампов и представлений о том, что собой представляют нынешняя РФ, ее власть и общество, насколько они свободны от советского наследия – как в негативном отношении так называемой отягчающей и деструктивной памяти, так и во вполне позитивном смысле социального опыта, по-видимому, еще не исчерпавшего своего конструктивного заряда, если до сих пор те или иные суждения и выводы о современной России делают как бы на фоне проекции в военное прошлое и его последствия. Если наследие Победы, под которым следует понимать как конкретные результаты войны, предопределившие раздел мира державами-победительницами, холодную войну, а затем и холодный мир, саму модель советской системы, специфику общества и его социокультурных ориентиров и многое-многое другое, так и динамично менявшееся на протяжении всех 70 лет восприятие всех названных последствий 1945 года, до сих пор способно предопределять политическую, социальную, культурную, информационную погоду в стране, то, значит, война еще продолжается, а Победа в ней явилась завершением всего лишь одного из ее этапов.

Это утверждение, разумеется, нуждается во всестороннем и основательном осмыслении, которое позволит прийти к более или менее взвешенным оценкам того, какие фазы и тенденции прошлого завершились, а какие – еще «работают». Но сегодня ясно, по крайней мере, одно: если по прошествии 70 лет образ Победы способен пробуждать такую острую и бескомпромиссную полемику, придавать новую актуальность, казалось бы, уже притупленным и оставшимся в прошлом противоречиям, то значит, 9 мая 1945 года является системообразующим фактором на-

шей истории – фактором, постоянно врывающимся в настоящее, напоминающим о себе и активно влияющим на формирование будущего. Возможно, в такой способности жить без настоящего, когда текущий момент оказывается, по сути, лишь площадкой, на которой былое адаптируется к той миссии, которую ему предстоит выполнить в грядущем, и заключается наша особенность. И в этом смысле мы по-прежнему оказываемся обреченными на переживание Победы как события, постигаемого и воспринимаемого больше иррационально, чувственно, нежели рассудочно. Похоже, что за 70 лет мы так до конца и не поняли, что Победа на самом деле значит для нас и почему мы до сих пор так остро ее переживаем: почти что как главные праздники церковного годовичного круга – Рождество или Пасху. В констатации такого непонимания – пожалуй, главный урок юбилея 2015 года.

Забывтый призрак. Октябрь 1917 года в пространстве памяти^{*}

В момент совершения революции о ней мало говорят – ее делают, зато потом о ней только и говорят, особенно по праздничным датам. Постепенно разговоры переходят в воспоминания, а даты становятся юбилеями. Каждое десятилетие оказывается знакомым, обрастает символами и обставляется ритуалами. Однако исторические юбилеи обладают известным коварством. Каждый раз герои и антигерои, победы и постыдные страницы празднуемого события в пространстве памяти расставляются особым образом. И чем дальше, тем лучше видно желание того или иного режима власти извлечь из торжества как можно больше для своей актуальной политики. Те или иные смысловые акценты и визуальные образы, порядок действий и зрелищ составляют своеобразную партитуру, по которой можно услышать, прочесть и понять конкретное время.

Каждое десятилетие Октября, как это ни странно, заново раскрывало «тайну» российских революций вообще и большевистских устремлений в частности. Эта «тайна» заключена в страсти к крайности при свержении и захвате власти, вере и надежде, что одним махом, разом, одномоментным напряжением сил, прорывом можно решить все проблемы, разделаться с нежелательным старым и быстро, тут же создать новое, оказаться в светлом будущем.

К первому десятилетию революции было приурочено принятие первого пятилетнего плана, выполнение которого позволило буквально скачком совершить индустриальную модернизацию и изменить социальную структуру общества. В год второго десяти-

---

^{*} Впервые опубликовано: Политический класс. 2007. № 10. С. 21–36; № 11. С. 96–108.

летия было решено не только устроить массовую политическую чистку, но и путем репрессивных операций НКВД ликвидировать те «элементы», которые нарушали политическую и социальную гомогенность, вообще устранить любые препятствия для создания однородного, надежного, «правильного» народа. Третье десятилетие Октября должно было ознаменоваться принятием новой Программы ВКП(б), стержень которой составляло заявление курса на построение за 20–30 лет коммунистического общества. 40-летие однозначно соединилось с прорывом страны на космические просторы, 50-летие – с косыгинскими реформами, призванными коренным образом изменить экономику страны, 60-летие – с переходом к общенародному государству, созданием новой общности «советский народ», построением «развитого социализма» как плацдарма для нового рывка. Даже последний в СССР 70-летний юбилей революции прошел под лозунгом «ускорения». Власть не избежала нетерпения даже в 1997 году, обещающая скорое возрождение страны. А в год 90-летия Октября «Единая Россия» удивила электорат «Планом Путина», рассчитанным на десять лет.

Юбилейные даты всегда сопровождались и размышлениями о причинах отклонений от первоначальных замыслов творцов революции, но главное – указанием на конкретное лицо или группу лиц, виноватых в этом. Подобным ворошением прошлого занимались и власти предрежащие, и их оппоненты. Одним из первых, кто это сделал, был Лев Троцкий, заявивший на одном из заседаний Политбюро, что именно Иосиф Сталин окончательно выставил свою кандидатуру на роль «могильщика партии и революции». Легендарный разведчик-антифашист Леопольд Треппер, увидевший Москву в 1937 году, возложил вину за то, что «яркие отблески Октября все больше угасали в сумеречных тюремных камерах», что «выродившаяся революция породила систему террора и страха», а «идеалы социализма были осквернены во имя какой-то окаменевшей догмы», на всех, кто не восстал против зловещей сталинской машины. Этот приговор Треппер распространял и на себя. «Шестидесятники» обвиняли сталинистов. Постмодернисты – «шестидесятников», прежде всего за то, что они противостояли тоталитаризму изнутри, хотя, только будучи вне его норм и структур, вне всей его парадигмы, в другом контексте можно было преодолевать этот режим. А Дора Штурман обвинила вообще всю советскую интеллигенцию как «круг, вынужденный десятилетиями подвизаться на <...> идеологической барщине».

не» и подверженный вследствие этого «отвращению ко всякой тенденциозности», «апологии неопределенности и недействия», «все уравнивающей иронии и беспечной игре словами».

Октябрь умер. Но умер ли? Или, может, обратился в призрак, подобный тени отца Гамлета, который продолжает посещать нас, словно бы уверен, что умер не своей смертью?

1918: «Красная Пасха»

Первая годовщина Октября невольно замеряла устойчивость нового режима и его способность внушить пролетариату уверенность в конечном успехе революционного дела. Проверялось и умение сотворить новый праздник с новыми ритуалами и обрядами при соблюдении «серьезности и строгости», поскольку «кровопролитная борьба» за победу революции еще не была закончена.

В юбилейные дни Ленин четырежды выступал перед различными аудиториями, рассказывая о триумфальном шествии Советов. Но лишь однажды он признался во «множестве ошибок» новой власти. Горькие слова прозвучали на немногочисленном митинге-концерте ВЧК, и вина за ошибки была возложена на саму ВЧК. Не вспоминал Ленин в своих агитационных речах о разгоне Учредительного собрания, перипетиях выхода из одной войны (путем заключения «похабного мира» с Германией) и вступления в другую, более страшную, – Гражданскую. В сторону отодвинулись и воспоминания об угрозе раскола «верхов» большевистского руководства, а также о заговорах, изменах и предательствах. Не была затронута и тема страшного лета 1918 года, когда в результате массового террора как способа управления власть буквально зависла на волоске, когда ход военных операций мог оказаться абсолютно иным и впору было думать об уходе в подполье при белой диктатуре.

В памяти наверняка возникали и моменты, затрагивавшие вождей революции не только как политиков, но и как обыкновенных людей – со всеми их сильными и слабыми сторонами. Вряд ли Ленин остался равнодушен к оценкам и угрозам простых людей, которые он обнаруживал в письмах в свой адрес: «Я считал тебя подкупленным германцами»; «Твой труп растащат по Моск-

ве, как труп Самозванца». Непросто было отвечать и на адресованные лично ему вопросы гражданина Шевцова: «почему “диктатура пролетариата” на местах выродилась в диктатуру низов преступного типа на местах?»; «почему не дано право критики распоряжений и декретов ЦИКа, Совнаркома, Совдепов?»; «почему дело продовольствия не передается самому пролетариату?»; «почему даже в великий день годовщины Октябрьской революции не дано никаких реальных, кроме митингов, флагов, песен, фейерверков, Ваших портретов, подачек и хождений, никаких реальных прав и возможностей <...> пролетарским слоям без страха перед чека, перед обысками, связанными со злоупотреблениями, без голодовки?» «Наконец, – продолжал Шевцов, – и это главное, почему все советские работники не подведены под одну линию в смысле окладов жалования? <...> И почему вхождение в Р.К.П. связано теперь с огромной и нудной провололочкой? <...> Я прямо констатирую – Р.К.П. на местах превратилась в противно-замкнутую и отвратительно-самодержавную касту».

Это не единичное настроение в предъюбилейные и юбилейные дни. Довольно часто можно было услышать: «Что тут праздновать?» Однако большевики решили отметить первую годовщину Октября. Поводы к этому они видели в остановке наступления белых и чехов на востоке Центральной России, окончательном проигрыше войны Германией и распаде Габсбургской империи, произошедших в Центральной Европе демократических революциях, опрокинувших старый порядок.

План октябрьских торжеств, представленный Луначарским, воспроизводил эмоциональную атмосферу Октябрьской революции: борьба, победа и упоение победой. Настроение сначала нарастает, затем достигает наивысшей точки, и все заканчивается всеобщим весельем. В тон наркому просвещения Зиновьев, перефразируя замечание одного крестьянина, назвавшего Октябрь «Пасхой рабочего класса и беднейшего крестьянства», выразил надежду, что празднование «красной Пасхи» пройдет великолепно. К тому же Москва объявила 7, 8 и 9 ноября свободными днями.

Новый праздник сопровождался реформатированием визуальных образов памяти, прежде всего маскировкой или устранением символов старого режима. Крупные скульптуры и царские эмблемы на зданиях закрывались красными полотнищами или декоративными панелями. Большинство новых названий улиц и площадей, а также мостов и зданий славили революционных героев, события или институты, рожденные революцией. В Петро-

граде Невский проспект стал проспектом 25 октября, Литейный – проспектом Володарского, Суворовский – Советским, Дворцовая площадь – площадью Урицкого, Знаменская – площадью Восстания.

В старательно очищаемом для торжества пространстве памяти не обошлось без дискуссий о том, как надлежит обозначить главного культурного героя. С самого начала, как выяснил американский историк Александр Рабинович, петроградские власти рассматривали празднование первой годовщины Октябрьской революции как возможность доказать, что именно «Красный Петроград», а не Москва является флагманом мировой социалистической революции. Отчасти эта претензия была продолжением векового соперничества между двумя столицами, которое обострилось в середине марта, когда советское правительство в спешке бежало из Петрограда в Москву. Однако ЦК большевиков в Москве едва не расстроил планы Петрограда по утверждению в ходе праздника своего первенства, назначив сначала на 5-е, а затем на 6 ноября открытие Шестого Всероссийского съезда Советов в Москве, чтобы обеспечить Ленину общенациональную трибуну для изложения его взглядов на изменившиеся в связи с неожиданно скорым окончанием мировой войны международное положение Советской России и ее насущные военные задачи. Зиновьев и Луначарский попытались перебить московский «козырь», пригласив представителей всех Советов России на торжества в Петрограде.

6 ноября в полночь, как писали газеты, громовые залпы салюта из пушек Петропавловской крепости возвестили о начале празднования первой годовщины Октябрьской революции в Петрограде. А вечером торжественное заседание Петроградского Совета, на котором присутствовали видные зарубежные социалисты, официальные правительственные и партийные лица, избранные представители советских и профсоюзных организаций, завершилось исполнением «Реквиема» Моцарта, и Григорий Зиновьев воспользовался этим, чтобы почтить память отдавших жизнь за дело революции. С не свойственной ему откровенностью он посетовал на то, что так мало было сделано для рабочего класса в первый год советской власти. «Мы не сумели еще одеть рабочих. Они оборванны, и на их лицах печать голода, их женам и детям тяжело», – признавался он. Однако великое достижение советской власти состояло в том, что она разбудила «братьев-пролетариев» во всем мире.

Празднование первой годовщины Октября действительно было особенным – хотя бы уже потому, что советская власть продержалась значительно дольше знаменитой Парижской коммуны. Но если одним казалось, что Русская революция становится началом новой эры, то другие понимали, что еще реально повернуть события назад и следующей годовщины может не быть.

1927: а как было при царе?

Прошедшие после революции десять лет многому научили людей. Среднее и старшее поколения прошли суровую школу Гражданской войны и «военного коммунизма», пережили голод 1921–1922 годов. В стране выросли люди, которые не знали капиталистической фабрики и эксплуатации, социального и национального угнетения, не слышали с учительских кафедр рассуждений «о Боге, царе и отечестве». Коммунисты, число которых увеличилось с 23,6 тысячи в начале 1917-го до 1147 тысяч в 1927-м, стремились изменять домашний быт, отбрасывали старые церковные обряды. Возросшая динамика жизни объяснялась и тем, что, по данным демографической переписи 1926 года, 51,8 процента населения страны составляли люди в возрасте до 24 лет. Подавляющее их большинство по своей идеологической направленности стояли на позициях Советов. Обследования 120 тысяч советских школьников указывали на то, что 97 процентов из них, в значительной мере выражавшие настроения своего взрослого окружения, имели, безусловно, советскую ориентацию – «Советская власть лучше другой власти». Лишь 3 процента школьников выдвинули требование «изгнать коммунистов», «вернуть прежнюю власть». Определенной проверкой нового отношения к государству стали разрыв отношений с Англией и убийство в Варшаве советского полпреда Петра Войкова, случившиеся в 1927 году. Со всех концов Советского Союза хлынул поток резолюций рабочих собраний и крестьянских сходов, в которых сообщалось о готовности дать отпор врагу и по первому зову советской власти выступить на ее защиту. Крестьяне многих деревень говорили: «Поражение равносильно возврату старого режима».

Однако вряд ли разделяли эти настроения 7,7 процента в городах и 3,3 процента в деревнях жители старше 18 лет, которые

были лишены избирательных прав как нэпманы и кулаки, служители религиозных культов и бывшие помещики, чиновники, офицеры белых армий, агенты царской полиции и жандармерии. В стране насчитывался почти миллион безработных, их число быстро увеличивалось – и уже не по вине «царизма и Антанты». Далека от своего завершения была секуляризация советского общества, начатая отделением школы от церкви и церкви от государства. Неоднородность среды, многоукладность жизни, различия в духовном облике определяли отношение к Октябрю и рожденной им власти, культуру воспоминаний о революции.

Сравнение нового и старого режимов составляло, пожалуй, основное противоборство в пространстве памяти об Октябре. С новым строем связывались обучение грамоте 10 миллионов взрослых, строительство первых гигантов индустрии – Сталинградского тракторного завода, Туркестано-Сибирской железной дороги (Турксиба) и Запорожской электростанции (Днепрогэса), выдвижение грандиозных задач в первом пятилетнем плане. Неслучайно на заочном «митинге» читателей, устроенном «Крестьянской газетой» в честь 10-летия советской власти, довольно типичными были такие высказывания: «Теперь хочется сказать и про нашу деревню, как она стала неузнаваема за десять лет революции. При царизме она наполовину была с черными избами, а теперь все 45 домов с белыми печками. <...> Школа в нашей деревне открыта <...> и теперь неграмотных в нашей деревне почти нет. <...> Также у нас уже 5 лет открыт красный уголок, и два года открыты детские ясли». Или: «Советская власть наша, из нас, мы видим, что она изо всех сил стремится устроить жизнь трудового народа лучше, только на правильный путь никак не нападет, а ищет, мы видим, что ищет день и ночь, и мы верим, что найдет, сама жизнь укажет».

Но, судя по другим письмам, существовали и иные критерии сравнения старой и новой властей. Главный из них – правда: «нужна правда», а не «зажимание рта». Предложение Калинина выступить на митинге и тем, которые осмелятся сказать, что при царе было лучше, чем теперь, принял крестьянин из Ярославской области Еличев (и его письмо было опубликовано): «Я должен сказать, что при царе было гораздо лучше поставлено торговое дело и сбыт сельскохозяйственных продуктов. Там была конкуренция, там крестьянский рубль шел таким же, как и торговый рубль, а не полтинником, как теперь». Вызов Калинина принял Поляков из Калужской области, затронувший другие темы:

«А что, разве нет новой советской религии? Есть, и мощи есть, или, вернее, существует новое идолопоклонство». Автор письма уточнял, что под мощами подразумевается Мавзолей Ленина и под идолопоклонством – огромное количество новых памятников. А в заключение предлагал: «Лучше бы на затраченные на это средства у нескольких десятков человек ликвидировать неграмотность. Это было бы лучшим памятником Ленину и притом же шаг по пути к строительству социализма».

В ходе обсуждения итогов прошедшего десятилетия были обозначены явления, корни которых находились уже в советской действительности. О коррумпированности госаппарата, об опасности «перерождения» части политических работников и руководителей, об усилении «психологии покоя» свидетельствовали нашумевшие «астраханское дело» и «смоленский гнойник». Результатом постоянного внушения рабочим идеи об их авангардной роли и представления о том, что они являются фундаментом советского государства, стало «пролетарское чванство».

Нараставшая напряженность в нэповской экономике, прокатившиеся по стране слухи о войне, вызванные пробной мобилизацией в августе 1927-го, привели к массовой закупке товаров про запас, активизации черного рынка и спекуляции. В этом контексте появляются прямые обвинения в адрес власти, прозвучавшие, в частности, в письме Степанова: «Не вы дали крестьянам землю, а крестьяне вам дали власть, чтобы вы крестьянами управляли и заботились о них. А вы правда позаботились. Для себя устраиваете лучшее благополучие и удобства, а с крестьян последнюю рубаху сняли. Вы себя обеспечили 7-часовым рабочим днем, а за крестьянина забыли, что он работает цельные 18 часов».

В симптомах начавшегося хлебозаготовительного кризиса, способного сломать нэп, некоторые проникательные люди увидели грядущую гибель «всего нового строя молодой республики». Неслучайно в пространстве памяти этого времени высветились прежние революционеры: «Зачем выбросили из партии работников Троцкого, Каменева, Зиновьева и других? <...> А потому что они не способны плутовству. <...> Троцкий весь фронт держал, и все его пропало. Нет, он свое обратно все возьмет».

Такие настроения фиксировались, конечно, в закрытых партийных письмах и сводках ОГПУ. Сразу после смерти Ленина вокруг истории революции и ее центральных фигур развернулась нешуточная борьба. В юбилейном году тенденции к управлению

памятью проявились довольно отчетливо. Сначала упразднили 12 марта как праздник в честь Февральской революции. А постановление ЦК ВКП(б) «Об ознаменовании 10-летия Февральской революции» было принято в 1927-м только для того, чтобы опровергнуть расхожие представления о Феврале как об «истинной», «славной», «бескровной», «народной» революции. Одновременно стали громиться кадетская, меньшевистская и другие эмигрантские версии Октябрьского переворота. А после принятия постановления ЦК «О подготовке к празднованию 10-летия Октябрьской революции» фронт критики был повернут против Зиновьева (его книги «Ленинизм») и Троцкого («Уроки Октября»), которые якобы объединились «на почве отрицания социалистического характера» революции. В директивном порядке были определены задачи для партийных ученых – опровергнуть идеи о незрелости и отсталости России, ее неготовности к революции и строительству социализма, доказать историческую закономерность Октябрьской революции и роль пролетариата как ее авангарда. Мощный удар наносился и по вышедшему из подполья «термидору», названному Троцким «особой формой контрреволюции» с буржуазной направленностью.

К борьбе с инакомыслием власть подключила и ОГПУ. Его работники начинают охоту за молодыми активистами с рабочих окраин, выходящими по вечерам с самодельными плакатами «Назад к Ленину», «Выполним завещание Ленина». Для этих рабочих Ленин еще не мифическая фигура и не название города революции – Ленинград, а мерило верности принципам Октября. Это раздражало советских чиновников. Главлит, к примеру, считал, что пролетариату не нужны книги философские, а тем более религиозные. Ни в коем случае недопустимы книги, в которых высказываются пессимистические взгляды на судьбу рабочего класса и трудящегося большинства, а также романы, посвященные изображению исключительно любовных переживаний. Все утопические романы, не отдающие будущего в руки пролетариата, также считаются недозволенными. Что же тогда нужно пролетариату? Специальная инструкция для цензоров отвечала на это прямо: пролетариату нужна уверенность в лучшем будущем («смотри веселей»), твердое сознание победы рабочих, обличение язв капиталистического строя и европейского общества, реализм, атеизм. Выходящая в Париже эмигрантская газета «День» сравнила новый главлитовский документ с «Индексом святейшей инквизиции» (список запрещенных книг, издававшийся с 1559 года и аннулированный лишь в 1966 году).

Новые установки получает от ЦК и Наркомпрос – отграничиться от популярной культуры (а значит, от остального мира), изгнать из советской культуры все упадочническое западное. В 1927 году был пересмотрен даже характер работы сатирико-юмористических журналов. Отныне они должны были следовать двум главным направлениям. Во-первых, бичеванию пережитков старого строя и быта, предрассудков, мещанства, обывательщины. Во-вторых, разоблачению враждебной пролетариату идеологии внутри и за пределами СССР. Впрочем, вскоре на одной дискуссии в Политехническом музее прозвучит: «Сатира нам не нужна. Она вредна рабоче-крестьянской государственности. <...> Понятие “советский сатирик” так же нелепо, как понятие “советский банкир” или “советский помещик”».

К 7 ноября 1927 года, по словам современников, обстановка в Москве и Ленинграде была накаленной. Распространились слухи об альтернативной праздничной демонстрации, которую готовит оппозиция. В 10 часов утра на Мавзолей Ленина поднялись руководители страны. Перед войсками прогарцевал «первый красный офицер» Клим Ворошилов. После военного парада по Красной площади начали движение колонны демонстрантов. В это же время совсем недалеко от Кремля началась и контрманифестация, в которой участвовали рабочие крупнейших предприятий, студенческая молодежь и курсанты высших военных учебных заведений. Она была жестоко разогнана милицией и подготовленными «пьяными хулиганами», выкрикивавшими лозунг «Бей жидов-оппозиционеров!» В Ленинграде участников альтернативной демонстрации конные милиционеры крупами лошадей сталкивали в Лебяжью канавку, а на Марсовом поле притаившиеся в подворотнях хулиганы забрасывали манифестантов камнями. Их действия координировал лично Сергей Киров.

Обо всем этом запрещалось писать. В газетах сообщалось только о красивых, хореографически аранжированных торжественных шествиях, которые напоминали об Октябрьской революции. Анатолий Луначарский объяснял этот формат так: «Если организованные массы проходят шествием под музыку, поют хором, исполняют какие-нибудь большие гимнастические маневры или танцы, словом, устраивают своего рода парад, но парад не военный, а по возможности насыщенный таким содержанием, которое выражало бы идейную сущность, надежды, проклятия и всякие другие эмоциональности народа, то те, остальные, неорганизованные массы <...> сливаются с этой организованной цели-

ком, и, таким образом, можно сказать: весь народ демонстрирует сам перед собой свою душу».

Внимание общественности фокусировалось на массовых инсценировках – «Взятие Зимнего дворца», «Гимн освобожденного труда», «К мировой коммуне». Одна из распространенных инсценировок распадалась на шесть частей: парад – демонстрация производительных сил; переключки заводов; интермедия – гигантские фигуры спеца-вредителя, пьяницы-прогульщика, бюрократа, хулигана, разгоняемые рабочими; рост кадров и симфония труда; военная опасность – заводы вырабатывают танки, появляется красная кавалерия; обещание рабочих выполнить пятилетку и апофеоз. В целях ритмизации масс использовались шумовые оркестры. Целые колонны, играя на губных гармошках, расческах, свистках, трещотках, ударных инструментах (металлических тарелках и тамбуринах), балалайках и флекساتонах, тянулись вдоль улиц, поддерживаемые проезжающими мимо «радиоавтомобилями». Программа колонн была при этом ориентирована на исторические события, происшедшие на местах, которые они как раз миновали.

Колонны грузовых машин везли декорации кораблей, зданий, промышленных комплексов. Световые диаграммы с показательными кривыми продуктивности, помпезные электромеханические инсталляции с кинематографическими и световыми проекциями, а также пиротехнические эффекты свидетельствовали о достижении уже в 1927 году намеченной цели: «Больше техники, меньше человеческих ресурсов».

В такой праздничной атмосфере, вероятно, забывались все трудности и невзгоды. Тревожные чувства отодвигались – по крайней мере, в рабочей среде – уверенностью в том, что партия придумает «какой-нибудь зигзаг», чтобы поскорее прийти к «заветной цели». Ни о каком реверсе речь уже не шла. СССР как новое государство способен был строить «социализм в одной стране».

1937: «Сталин виден даже из Мадрида»

Если судить по официальному образу того времени, к 20-летию Октября в стране установилось спокойствие, связанное с ликвидацией классовых врагов, очищением от вредителей, двурушников,

троцкистов. Целый ряд фактов выстраивался как подтверждение реализации революционных устремлений. По объему валовой продукции СССР стал второй державой в мире. В 1937 году собрали рекордный урожай. Завершился переход к всеобщему обязательному начальному образованию. В советских вузах обучалось больше студентов, чем в Англии, Германии, Франции, Италии и Японии, вместе взятых. Как демонстрация мощи страны воспринималось прохождение первых судов по 128-километровому искусственному каналу Москва–Волга. «Сухопутная» Москва стала портом трех морей: Балтийского, Белого и Каспийского. В июне–июле 1937-го весь мир потряс полет экипажей самолетов Валерия Чкалова и Михаила Громова из Москвы через Северный полюс в Северную Америку. Этими двумя перелетами из Европы в Америку были установлены два мировых рекорда беспосадочного полета – по прямой и ломаной линиям. На Северном полюсе открылась первая советская научно-исследовательская станция. И в основе всего этого – героический труд пролетариата и крестьян, представленных в величественной скульптуре Веры Мухиной «Рабочий и колхозница», венчавшей советский павильон на открывшейся Всемирной выставке в Париже.

Но все это – на поверхности событий. То, как выстраивался проект памяти об Октябре по-сталински, свидетельствует о политической нестабильности ситуации. Власть по-прежнему не оставляла тему сравнения нового строя и старого строя. Дореволюционная Россия в пропаганде подавалась как страна бесправия и произвола, с царем – «коронованным жандармом». На этом фоне главный культурный герой памяти – большевистская партия Ленина–Сталина – приобрела религиозно-мифологические черты. Она, высвободившая народ из рабства, – в центре священной истории со своими канунами в виде «революционных событий 1905 года» (действия, дублирующие главное свершение и предваряющие его), своими демиургами и пророками, подвижниками и мучениками, своими ритуалами и обрядами.

Октябрьская революция, естественно, представала в соответствии с универсальной схемой космогонии как акт творения нового мира, и, конечно, дальнейшая история связывалась с постоянной борьбой за чистоту с демонами, внутренними и внешними (продолжение классовой борьбы), с эпохой битв (война с белыми армиями и интервентами). Сталин в этой идеологии – не просто продолжатель Ленина, а как бы его перевоплощение: «Сталин – это Ленин сегодня».

Под стать новым мифологемам и письмо Долорес Ибаррури из революционной и сражающейся Испании: «Нам теперь смешны клюв и когти двуглавых птиц. Ибо сейчас на кремлевских башнях сияют красные звезды, символ нового мира. <...> Библейские легенды говорят о звездах, которые объявились и повели древних волхвов. Звезды Кремля излучают свой блеск сквозь тьму капиталистического ада, рассеивая лживые сказки церкви».

Уподобление истории природе нашло отражение в каноническом «Кратком курсе» истории ВКП(б), который появился огромными тиражами в 1938 году. В нем странным образом смешались мифы о партии и определения, претендующие на научность. Февральская революция окончательно идентифицировалась как «буржуазно-демократическая», Великая Октябрьская – как «социалистическая». Демоны обрели свои определения: Зиновьев и Каменев – «штрейкбрехеры революции»; Бухарин, Рыков, Томский – «правые капитулянтсы». Троцкий же склонялся на все лады. Покинувший страну летом 1937-го Вальтер Кривицкий рассказывал Льву Седову, что Сталин кроме борьбы с троцкизмом ни о чем другом не думает, что для него не существует других вопросов. Хорошо ли, плохо ли человек ведет работу – неважно. Важно, борется ли он с троцкизмом.

Новые акценты определяли всю издательскую, научную, художественную деятельность. Главлит на целый год задержал публикацию отрывка повести Алексея Толстого «Оборона Царицына» на основании того, что в ней дается неправильная трактовка фигуры Троцкого в начале 1918 года, преувеличивается роль и неправильно освещается позиция Троцкого в вопросе о Брестском мире и в деле организации Красной армии. Сталин лично вмешался в сценарий кинофильма «Великий гражданин». В письме Борису Шумяцкому он указал на то, что представители «оппозиции» выглядят как более старшие физически и в смысле партийного стажа, чем представители ЦК. На любой период истории распространялась и другая сталинская установка: «Дело надо поставить так, чтобы борьба между троцкистами и советским правительством выглядела бы не как борьба двух котерий (от фр. *coterie* – сплоченный кружок, группа лиц, преследующая какие-либо общие цели. – Г.Б.) за власть, из которых одной “повезло” в этой борьбе, а другой “не повезло”, что было бы грубым искажением действительности, а как борьба двух программ, из которых первая программа соответствует интересам революции и поддерживается народом, а вторая противоречит интересам революции и отвергается народом».

Хотя все юбилейные торжества осеняли ленинский и сталинский профили, в подаче взаимоотношений вождей произошли явные смещения. Сквозной линией киноленты Алексея Каплера и Михаила Ромма «Ленин в Октябре» (картина впервые была показана участникам торжественного собрания 6 ноября в Большом театре) стало постоянное обращение Ленина к Сталину: вождь революции все время советуется, встречается, переписывается с ним. После возвращения из Финляндии первое свидание Ленина – со Сталиным (Надежда Крупская довольствуется лишь письмом). Описание этой встречи в «Правде» весьма многозначительно: «Четыре часа длится она. Лишь поздней ночью расстались Ильич и его великий сподвижник. <...> Лестница деревянного дома, слабый свет. Ленин и Сталин. Прекрасное мужественное объятие».

Еще дальше пошел Михаил Кольцов, написавший в юбилейном номере той же «Правды»: «Сталин виден даже из Мадрида». «Он виден всему миру, он виден отовсюду, где людям хочется лучше жить». Смысл праздника в том, что «мы голосуем за Сталина, а мир голосует за нас».

Планетарный Сталин принимал 7 ноября военный парад и демонстрацию, апофеозом которых стал пролет, несмотря на плохую погоду, более трехсот современных скоростных самолетов и вычерченная в небе самолетами штурмовой авиабригады Военно-воздушной академии надпись: «XX лет СССР». Поразили и новые акробатические элементы спортивной части шествия. Огромное «человеческое колесо» с постоянно перекувыркивающимися, запряженными в одно колесо людьми должно было показать совершенство социализма.

Если внимательно присмотреться к групповой фотографии членов Политбюро, стоящих на Мавзолее, то трудно не заметить, что в самом центре находится улыбающийся Николай Ежов и значительно правее – сам Сталин. Уже четыре месяца под оперативным руководством Ежова в стране шли масштабные репрессии, направленные на окончательное решение проблемы внутренних врагов страны, то есть на профилактическую социальную чистку в предвоенной ситуации. Она соединила в себе цепочку секретных операций, проведенных в 1937–1938 годах и позднее названных «Большим террором».

Наибольшую известность получила чистка политическая – так называемая кадровая революция, которая началась еще осенью 1936 года. Хозяйственные руководители и партработники, военные, писатели и ученые, советская элита, представители которой

оказались на скамье подсудимых во время знаменитых московских процессов, собственно, и сформировали первоначальное представление о жертвах террора.

За рубежом в среде демократической интеллигенции возникло даже беспокойство по поводу существования в СССР антисталинского заговора. Стефан Цвейг писал Ромену Роллану: «Какой-то рок, какая-то метафизическая воля приводят людей к ослеплению. Так, в Вашей России Зиновьев, Каменев, ветераны Революции, первые соратники Ленина, расстреляны, как бешеные собаки. <...> Вечно та же техника, как у Гитлера, как у Робеспьера: идейные разногласия именуют заговором».

Однако ключевое измерение террора было связано с выполнением операции по оперативному приказу НКВД за № 00447, утвержденному Политбюро и лично Сталиным. Этот «приказ смерти» определил «целевые группы» террора и представил их в проскрипционных списках. Среди традиционных групп «враждебной» системы («бывшие кулаки», «члены антисоветских партий», «участники повстанческих, фашистских, шпионских формирований», «церковники» и др.) появилась новая категория – уголовные преступники (бандиты, грабители, воры, контрабандисты, аферисты и т. д.). В ноябре 1937-го активность конвейерной юстиции «троек» достигла апогея. В результате только одной этой операции в 1937 году были арестованы 555 641 и осуждены 553 362 человека. Из них 239 252 приговорены к смертной казни, остальные – к заключению.

И что удивительно, все это легитимировалось призывами ЦК ВКП(б) к 20-летию Октября, ставшими обязательной частью праздничного ритуала. В соответствии с ними сталинская Конституция СССР была «итогом борьбы и побед Великой Октябрьской социалистической революции», «победившего социализма и подлинного демократизма». И здесь же другой тезис требовал: «Искореним врагов народа <...> шпионов и вредителей, наймитов иностранных фашистских разведок! Смерть изменникам Родине!» Все это обращалось к массам, которым был гарантирован «подлинный демократизм».

1947: в поисках новой великой цели

Великая Победа в Отечественной войне заново освятила идеалы революции и стерла классовые обиды и все иные предвоенные и военные просчеты и ошибки власти. Писательница Мариэтта Шагинян сравнивала атмосферу, царившую в то суровое и трагическое время, с воздухом «октябрьских, тех особых дней». Насколько правомерно такое сравнение, как соотносить его с тем, что выигранная война стала аргументом в оправдание созданной системы? Логика здесь такая: пусть даже Сталин делал все неправильно, но поскольку его модель общественного устройства обеспечила победу над фашизмом, то уже хотя бы по одному этому она была целесообразна. И уже неважно было, что при строго документальном подходе обнаруживалось, что система, которая, казалось бы, создавалась для ведения войны и оправданием которой во многом было ожидание грядущих битв, – эта система в первые же недели и месяцы обнаружила свою недееспособность, и понадобилось включить совершенно иные механизмы управления страной. Знаменитые военные парады 7 ноября 1941 года и 24 июня 1945 года, когда к Мавзолею Ленина были брошены штандарты и знамена поверженного Третьего рейха, навсегда соединили в пространстве памяти Октябрь и Победу. Теперь одна духовная опора общества поддерживала другую. Даже эмигрантская Россия, поставив в 1942 году вопрос о том, были ли большевики органическим эпизодом русской истории, связывала ответ с признанием Октябрьской революции настоящей революцией. В статье «Правда о большевизме» Павел Милюков писал: «Нельзя за разрушительной стороной русской революции не видеть ее творческих достижений. Мало того: это значит игнорировать связь русского революционного творчества с русским прошлым».

Однако спустя два года после страшной войны различные сводки о настроениях людей фиксировали растущую аполитичность общества. К примеру, не выборы в Верховные Советы союзных и автономных республик волновали людей, а тема продовольственных затруднений, работы коммунальных служб и городского хозяйства. Народ не воспринял с радостью отмену смертной казни в 1947 году, а забеспокоился, что этот шаг станет способствовать росту и без того разгулявшейся послевоенной преступности.

Как это ни парадоксально, но вина за возникавшие трудности сваливалась на ближнее «начальство». Верховная власть и ее живое олицетворение – Сталин – находились вне критики. Любые непопулярные решения связывались, как правило, с «неведением» Сталина либо с некими «темными силами», которые «обманывают Сталина». Разнообразные слухи и глухая тревога не могли не усилиться и по факту отсутствия Сталина на торжественном заседании 6 ноября, военном параде и демонстрации 7 ноября.

В юбилейный год в стране сложилась крайне тяжелая ситуация. Принудительные хлебозаготовки, оставившие деревню без хлеба, сокращение категорий населения, получавших гарантированный минимум продовольствия, нежелание властей расконсервировать государственный резерв, кризис снабжения вызвали голод 1946–1947 годов. Всего по СССР голодали около 100 миллионов человек, от голода и связанных с ним болезней погибли около двух миллионов человек. Все эти факты тогда скрывались советскими властями. Ситуацию могли поправить денежная реформа и отмена карточной системы, готовящиеся правительством, но они были запущены не накануне 30-летия Октября, а лишь в самом конце 1947-го. Боялись предреформенной лихорадки – всплеска спекуляции, злоупотреблений финансовых органов и, конечно, разочарования от неизбежной потери части сбережений. Кстати, все эти опасения подтвердились. Финансовая ситуация стабилизировалась медленно. Но главное, что реформа показала наличие коррупции в ВКП(б). Управление по проверке парторганов ЦК сообщало: «Некоторая часть руководящих партийных и советских работников оказалась политически и морально неустойчивой, а отдельные коммунисты скатились в болото мелкобуржуазного перерожденчества». Безусловно, такие оценки засекречивались. Однако в этом контексте понятно обращение к «судам чести», которые возникли в 1947 году по поручению Сталина как «новая форма воспитания» и которые были призваны бороться с инакомыслием и дисциплинировать партийно-государственный аппарат. Будучи выборными органами с правом вынесения общественного порицания, они тем не менее могли передавать дела на то или иное лицо следственным органам. Недвусмысленно в докладе Вячеслава Молотова на торжественном заседании 6 ноября прозвучали угрозы против «вредителей и шпионов», «рабелепия и низкопоклонства» перед Западом. Снова активизировалась цензура. Осенью 1947-го Главлит доложил в ЦК об изъятии еще 104 вредных книг из библиотек. Получалось,

что лишь спустя десятилетия цензоры углядели «положительное упоминание Троцкого» в книге Василия Князева «Современные частушки» (1923), «крайний пессимизм и оплакивание ушедшего дореволюционного прошлого» у Михаила Кузмина в «Нездешних вечерах» (1921), «клевету на коммунистическую партию и порнографические сцены» у Ильи Сельвинского в «Улялаевщине» (1931).

Безусловно, все это представляло малоощутимую угрозу власти. Гораздо серьезнее она восприняла возникавшие по стране конспиративные кружки и группы молодежи. В автобиографической повести Анатолия Жигулина «Черные камни» рассказывается о Коммунистической партии молодежи, возникшей в 1947 году в Воронеже. Аналогичные кружки возникали в Москве, Ленинграде, Челябинске, Свердловске и других городах. В следственных материалах они проходили как «антисоветские» и даже «террористические». На самом же деле импульсом к их появлению становилось сравнение реальной жизни с памятью об изначальных идеалах Октября, с теми положениями, которые звучали в произведениях Маркса, Энгельса и Ленина, в теории социализма. Неслучайно поэтому московская группа называлась Союзом борьбы за дело революции. Той революции, в которой нет диктатуры Сталина, нет государственного капитализма, при котором правящая верхушка выступает как коллективный эксплуататор. Идея «предательства интересов революции» и связанное с ней стремление «восстановить справедливость» оказывались конструктивным принципом романтического порыва молодых. Однако расплата была чудовищной: три члена союза были расстреляны, тринадцать – заключены в лагерь на срок от 10 до 25 лет.

Дамоклов меч новой массовой чистки нависал не только над молодым поколением, ищущим правды. Но вряд ли это могло заново скрепить послевоенное общество. Нужна была формула новой великой цели, равной по своей энергии Октябрю. Сталинское окружение понимало это. И, судя по открывшимся в 80-е годы документам, искало эту цель – построение в ближайшие 20–30 лет коммунистического общества. Для определения путей к этой невиданной цели, которая должна была стать стержневой в новой (третьей) Программе ВКП(б), была создана программная группа. В нее вошли Марк Митин и Павел Юдин, Петр Поспелов, Дмитрий Шепилов и Михаил Иовчук, Петр Федосеев и Константин Островитянов, Лев Леонтьев и Отто Куусинен. В отдельных проектах, в частности у последней пары, выдвигались весьма смелые

по тем временам предложения, к примеру, о необходимости ограничения срока пребывания в партийных и советских выборных органах, о выдвижении нескольких кандидатов на выборах депутатов в Советы всех ступеней. В окончательном варианте проекта новой программы эти предложения приняты не были. Впрочем, и сам проект, уже отпечатанный типографским способом, был сдан в архив, а XIX съезд партии отложен.

Осенью 1947 года в ЦК ВКП(б) и в правительство был направлен проект Генерального хозяйственного плана, рассчитанного до 1965 года, то есть, как тогда считалось, до времени вступления страны в коммунизм. К этому моменту, то есть через 20 лет, СССР должен был перегнать главные капиталистические страны по размерам промышленного производства на душу населения, а главное, одну третью часть потребляемого народного дохода распределить по потребностям (сначала – хлеб, картофель, а затем – «почти все» продукты питания). В основу расчетов была положена «развитая товарищем Сталиным теория о возможности построения коммунизма в одной стране».

Идея нового скачка, стремление в кратчайшие сроки создать коммунистическое общество, конечно, не считались ни с реальной послевоенной действительностью, ни с желанием людей участвовать в очередном экстатическом действии, навязываемом «сверху», снова выкладываясь на пределе физических возможностей. И здравый смысл взял верх – проект Генплана также был сдан в архив.

1957: неоправдавшийся юбилей

Возникшая в июне опасность государственного переворота, а с ним и возвращения сталинизма омрачила подготовку к торжествам по случаю 40-летия Октября. Ставились под вопрос впечатляющие успехи, которые были вызваны энтузиазмом людей и освящены XX съездом партии: получение в результате освоения целинных и залежных земель казахстанского миллиарда пудов хлеба, организация Сибирского отделения АН СССР и строительство для него научного городка близ Новосибирска, спуск на воду первого в мире судна гражданского назначения с ядерной силовой установкой – атомного ледокола «Ленин», начало работы

в Дубне ускорителя протонов – синхрофазотрона, рассчитанного на энергию в 10 миллиардов электрон-вольт. В юбилейном году повышалась заработная плата низкооплачиваемым рабочим и служащим, сокращался на два часа (без снижения заработной платы) рабочий день в предвыходные дни, увеличивалась продолжительность отпусков женщинам по беременности и родам. Ошеломляющее впечатление на страну и весь мир произвел запуск первого в мире искусственного спутника Земли. Запуск же второго спутника породил необычные определения – «советская луна», «новые звезды», которые светят не только на башнях Кремля, но и во всей Вселенной.

Однако попытка членов Президиума ЦК в июне 1957-го кулуарно, втайне от членов ЦК, снять Никиту Хрущева создала удручающую обстановку в стране. Стремительный созыв пленума и сокрушительное поражение так называемой антипартийной группы не сумели разрядить напряженную политическую атмосферу. И дело не только в судьбе маршала Георгия Жукова. Он, сумевший переломить ход работы пленума тем, что, умело парировав критические замечания Молотова, Кагановича, Ворошилова в адрес Хрущева, перевел разговор в иную плоскость, обвинив их в расправе в 1937 году над военачальниками, через несколько месяцев был снят со всех постов и обвинен в том, что насаждал в армии культ своей личности. Это была благодарность по-сталински.

Росло неверие молодежи, особенно студенчества, в партийно-государственные идеологические установки. Разрыв между мировоззрением молодого и старшего поколений, растущие симпатии к западному образу жизни и западным идеям были продемонстрированы во время Московского фестиваля молодежи и студентов в 1957 году. Под воздействием XX съезда, венгерских и польских событий 1956-го по всей стране снова возникали подпольные молодежные группы. Для них 40-я годовщина Октября прошла под лозунгом «Защитим курс XX съезда», в решениях которого они видели возврат к идеалам революции. Члены группы Льва Краснопевцева, возникшей тогда на историческом факультете МГУ, даже после ареста, в лагере, писали объемистый труд для ЦК КПСС, для партийцев с новыми идеями. В исторической части они осуждали декабристов за поспешность и полностью принимали Октябрьскую революцию. В разделе же о современности предлагали провести реформу промышленности с предоставлением прав предприятиям, отправить в отставку Хрущева, а руководство реформами возложить на Алексея Косыгина.

Реагируя и на угрозу рестаилинизации, и на растущее разочарование молодежи, понимая, что и сравнения показателей экономического роста СССР с 1913 года уже не производят должного впечатления, Хрущев сделал ставку на заявление перспектив коммунистического строительства и подробное обоснование задачи за 15 лет догнать и превзойти США по объему производства. Этот лозунг, равно как и появление в президиуме торжественного заседания, посвященного юбилею, Мао Цзэдуна, вызвали приступ бурной радости собравшихся в Большом театре. Новая цель, казалось, придавала новый смысл воспоминаниям об Октябре.

1967: Октябрь и смена культурного кода

Оттепель и такие ее ключевые слова, как «искренность», «личность», «правда», Петр Вайль и Александр Генис сравнивали со второй половиной 60-х годов, когда опора стала видеться в «родине», «природе», «народе». Все эти слова – однокоренные от «рода». Советский народ – «общность, накрученная на стержень общей идеи и цели», – расслаивался на нации.

Накануне 50-летия революции среди писателей и критиков, группировавшихся вокруг журнала «Молодая гвардия», вызрела идея использования в своих националистических построениях не только дореволюционных русских духовных ценностей, но и ценностей, принесенных Октябрьской революцией. Ее называли Великой русской революцией, поскольку совершена она была русским народом, который «босиком и куда уж как без приварка создал гигантскую индустрию». Однако, по мнению «молодогвардейцев», одним из последствий революции стало временное ослабление национальных начал, нигилистическое отношение к национальным святыням, особенно к деятельности царей, полководцев и Русской православной церкви. Подлинный перелом в этом отношении произошел, по мнению «русистов», только после 1937 года. Правда, этот вывод был провозглашен не в юбилейные дни, а через три года, в 100-летнюю годовщину Ленина, когда движение русских националистов было практически оформлено, причем не без поддержки части высшего руководства страны.

Новый идеологический поворот совпал с двумя другими тенденциями. Одна из них стала доминировать после 1965 года и была связана с формированием культа Великой Отечественной войны как новой «подпорки» Октября. Неслучайно именно в 1967-м при непосредственном участии Леонида Брежнева открылся памятник-ансамбль героям Сталинградской битвы на Мамаевом кургане в Волгограде и был зажжен Вечный огонь на Могиле Неизвестного Солдата у Кремлевской стены в Москве. Вторая тенденция обнаружилась за год до 50-летия Октября, когда три историка – Евгений Жуков, Владимир Трухановский и Виктор Шунков – выступили в «Правде» с тезисом о том, что «никакого периода культа личности не было», что это понятие «немарксистское, отдаёт субъективизмом, а стало быть, научно несостоятельное». Почти одновременно на большом всесоюзном совещании-семинаре идеологических работников в Москве представители Грузии предприняли беспрецедентную попытку реабилитировать Сталина. Секретарь ЦК КП Грузии Давид Стуруа прямо заявил: «Нас иногда называют сталинистами, но мы не видим в этом ничего зазорного. Мы гордимся, что мы сталинисты. Я – сталинист, потому что с именем Сталина связаны победы нашего народа».

Слова Стуруа вызвали аплодисменты примерно 70 процентов присутствовавших на совещании. И хотя в традиционных тезисах ЦК к 50-летию Октября в мягкой форме содержалось одобрение решения XX съезда по преодолению культа личности, линия на ресталинизацию была очевидна. Примечательно, что это совпало по времени с побегом из СССР дочери Сталина – Светланы Аллилуевой, сменой Владимира Семичастного на посту главы КГБ Юрием Андроповым, распространяемым среди интеллигенции письмом Александра Солженицына о цензурном произволе в литературе. По этому поводу Георгий Владимов писал в президиум съезда писателей: «Это происходит в пролетарском государстве. Это происходит на 50-м году Революции. <...> И вот я хочу спросить полномочный съезд – нация мы подонков, шептунов и стукачей или же мы великий народ, подаривший миру бесподобную плеяду гениев?»

Подлинная память об Октябре ожила, пожалуй, лишь в одном месте – в театре «Современник», поставившем пьесу Михаила Шатрова «Большевики». В центре спектакля – всего лишь несколько часов, вместивших в себя весть об убийстве Моисея Урицкого в Петрограде, покушение на жизнь Ленина, сообщение

о кулацком мятеже в Ливнах и других актах белого террора. Рядом с комнатой, где лежит тяжелораненый Ленин и врачи еще не дают надежды на добрый исход, Совет народных комиссаров под председательством Якова Свердлова принимает решение о красном терроре. Вопрос о прерогативах власти, методах насилия и террора после государственного переворота, который был лишь умозрительной гипотезой для декабристов, шел отдаленным фоном деятельности народовольцев, встает здесь со всей неотложностью и остротой. Дискуссия ведется вокруг таких вопросов: нужна ли новой власти «слепая ярость массы», что делать с «нашими уездными дантонами и робеспьерами», которые делают «стенку» основным методом решения всех противоречий, какими будут последствия террора? Один из ключевых пунктов «правильного» развития революции формулирует Свердлов: «Гласность действия карательных органов. Публикация всех имен арестованных, всех имен заложников, всех смертных приговоров. Классовый подбор аппарата. Неуклонное соблюдение основного принципа красного террора: это террор класса против класса руками класса во имя класса. <...> Нам не нужны профессиональные каратели». Примечательной была и реплика Луначарского, который допускал насилие, но утверждал: «Все-таки истинный социализм может быть насажден в мире не винтовкой и штыком, а только наукой и широким просвещением трудящихся».

На премьерной афише «Большевиков», подаренной «Современником» Шатрову, Олег Ефремов написал: «Миша, давай и дальше прославлять большевиков». Это пожелание исполнится, однако, только через 20 лет. До этого надо будет пережить успехи «развитого социализма», принятие новой Конституции, воспевание Брежнева как главного вдохновителя всех побед страны.

1977: «главное событие XX века»

60-летие Октября по масштабам празднования превзошло все предшествовавшие юбилеи революции. Под формулировку «Победа Октября – главное событие XX века», выдвинутую Брежневым, подтягивались новые победы СССР – стройки века (БАМ, Атоммаш, КамАЗ), досрочный запуск Усть-Илимской ГЭС, создание сверхзвукового пассажирского самолета Ту-144. За месяц

до юбилея была принята новая Конституция, а за день до 7 ноября на Останкинской телебашне на отметке 540 метров впервые был поднят Государственный флаг страны, специально изготовленный из стопроцентной нитронной пряжи. Массовый спортивный праздник молодежи в «Лужниках», включавший и установление мировых рекордов штангистом Василием Алексеевым, демонстрировал миру, что Москва неслучайно избрана столицей Олимпийских игр 1980 года. Все это должно было подтвердить главный тезис доклада генсека на торжественном собрании: «Мы первыми на земле создали развитое социалистическое общество, мы первыми строим коммунизм».

Эти слова не воспринимались большинством людей. Их реальные доходы заметно упали, увеличились диспропорции между платежеспособным спросом населения и его товарным покрытием. Внушительных масштабов достигла спекуляция. В руках небольшой группы населения – деятелей теневой экономики – оседали значительные денежные средства. «Подпольные миллионеры» стали жить открыто, не стесняясь и не боясь.

Неблагоприятные тенденции в экономике совпали с обострением международной обстановки, повышением вероятности ядерного конфликта.

Идеи и цели, вдохновлявшие представителей старших поколений, утрачивали свою значимость. А настроения заметной части молодежи выразил один студент из Челябинска: «Хочу спросить: почему почти все измеряется деньгами?! <...> Я хочу узнать: есть ли еще что-нибудь святое, кроме денег? Что делать дальше, как жить без идеалов?»

1987: последний советский юбилей Октябрьской революции

Было невероятно, что у Михаила Шатрова появилась возможность прийти к Ефремову, теперь уже во МХАТ, с новой пьесой об одном лишь дне из тех, что потрясли весь мир. В будущем спектакле под названием «Дальше... дальше... дальше!» автор вывел на сцену 24 реальных персонажа, стоявших по разные стороны октябрьских баррикад, сместил их во времени, свел в поле-

мике. Обсуждение пьесы Олег Ефремов подытожил такими словами: «Смысл пьесы для меня однозначен. Пока мы не скажем честно и открыто, что мешало нашему движению, пока не уясним, в чем причины ошибок, неудач и трагедий, мы не сможем двигаться вперед». В этом же духе на страницах популярнейших «Московских новостей» рассуждал Юрий Афанасьев: «Мы еще не в полной мере осознали, почему применительно к перестройке говорим – революция, почему сопоставляем ее историческое значение с Октябрьской революцией. <...> Наше хорошее главным образом в том, что мы стали страной, способной сделать наконец решающие шаги к зрелому полноценному социализму, в том, что мы остались верными революционным идеалам, возненавидев то, что предавало и предает их, что деформировало и деформирует социализм».

Пространство памяти об Октябре начало организовываться заново. Дискуссии историков и писателей разрушили представление о монолитном единстве большевиков в октябре 1917 года. Критике были подвергнуты старые подходы, которые не давали возможности верно оценить поведение отдельных деятелей революции. Если, к примеру, считать, что Зиновьев и Каменев просто изменники, непонятно, почему после победы революции по предложению Ленина они вошли во ВЦИК. В вышедшей в сентябре 1987 года третьей по счету энциклопедии «Великая Октябрьская социалистическая революция» были приведены не сотни, а многие тысячи фамилий – полные составы ВРК во всех губерниях, организаторы Красной гвардии, подробные сведения о таких партиях, как кадеты, эсеры, меньшевики. Однако справки на Троцкого, Бухарина, Рыкова, Зиновьева, Каменева были написаны весьма странно, с акцентом на их предшествующие и последующие ошибки, то есть на оценку их деятельности в момент революции накладывалось их будущее.

Неудовлетворенность существующими ответами об Октябре вызвала большой интерес к распространяемой по Москве русской версии изданной в США книги Стивена Коэна «Переосмысливая советский опыт». В ней содержалось опровержение основополагающего тезиса «тоталитарной советологии», который сводился к неразрывной преемственности между первоначальным вариантом русского коммунизма – большевизма – и сталинизма, который якобы с неизбежностью развивался из Октября 1917 года. Одетая в смирительную рубашку этой дидактической схемы советология увязла в интеллектуальной косности, в непрерывных повторах

типа: «Сталинизм – единственно рациональный, логичный и даже триумфальный итог большевистской революции».

Коэн назвал подобную хитрость заинтересованного исторического мышления «виговским принципом», имея в виду старую традицию английской школы писать летопись прошлого, исключив из рассмотрения сложности и спрямив извилистый путь исторического развития, излагать прошлое в услугу настоящему и ставить на историю заплату текущих соображений. Конечно, замечал Коэн, историки-виги таким образом славили Британию, а виги-советологи, идя этим же путем, осуждают

советское общество, но сам прием – один и тот же. Этот упрек относился и к нашим догматикам и тем учебникам, в которых без труда можно было вычитать образ монолитной, замороженной во всех ее компонентах, формах и связях системы, история которой в принципе завершена и защищена от закона перемен.

Параллельно новому освещению пространства памяти о революции и ее последствиях в умах так называемых постмодернистских поэтов в 1987–1988 годах возникала совершенно иная конструкция отношения к прошлому. Тимур Кибиров в своем стихотворении «В рамках гласности. 2» фантастически «перестроил» памятник Сталину в памятник Пушкину и сопроводил это действие умиленьями «лирического героя» по поводу преодоления сталинизма. Но концовка стиха завершилась «неожиданной» передачей поэту «сталинского контекста» при сохранении «пушкинского»:

Пушкин – наш! Народу он любезен!
 Он артиллеристам дал приказ!
 С трубкой мира, с молодежной песней
 Он в боях выращивает нас!

Так в самом начале перестройки Кибиров указал на потенциальную опасность, коренящуюся в «историческом сознании», – опасность того, что на деле оно окажется суммой стереотипов, своего рода трансформером, открытым для любых манипуляций. Деконструкция тоталитаризма легко оборачивалась его реконструкцией под флагом возвращения к «исторической правде». Последовательные предположения героя о перестройке памятника Сталину в памятник Ленину, Черненко, Карлу Марксу, Пугачеву и, наконец, Пушкину – не цепочка абсурдистских акций, а ироничное чередование этих персон. Ленин в «очеловечивающей» стилистике пьес Михаила Шатрова идет на первом месте, по-

скольку это ближайшая стадия возвращения к истокам «подлинного социализма». Черненко идет на втором месте как «меньшее в сопоставлении со Сталиным зло» и как показатель горизонта ожиданий «реалистов», которые были застигнуты перестройкой врасплох. Маркс – отсылка к «марксистской оппозиции» в СССР и одновременно возможная платформа ревизии «реального социализма». Пугачев – образ стихийно-хрестоматийный, но одновременно скрытая эманация и революционно романтизированного Ленина, и Пушкина. Наконец, сам Пушкин – «наше все» и соответственно максимум ожиданий.

Кибиров равноудален от сталинизма и «шестидесятничества» (как антисталинизма), но он многовариантно возобновляет эту связку, дополняет ее «досталинской эпохой», а главное – либерализацией 1987 года. Спящий тракторист, пьяница и матерщинник, выступает у него вместо ожидаемого «человеческого фактора». Пустая кабина «летающего с ускорением» трактора символизирует и советскую, и постсоветскую обыденность. Художественные и общественно-политические интенции «шестидесятников» персонажируются наиболее этикетной фигурой:

Тройка мчится, мелькают
страницы,
Под дугой Евтушенко поет.

«Шестидесятничество» становится объектом безапелляционной критики за инфантилизм и конъюнктурное приспособленчество, с одной стороны, и претензий на моральную и культурную монополию, романтический «мессианизм» – с другой. Для Кибирова это – две стороны одной медали «тоталитарной чеканки». Дмитрий Пригов тоже предложил свое понимание различия между «революционным» и «сталинским» периодами. Это различие констатируется так, чтобы в ходе понятийной эквилибристики доказать «от противного» их тождественность:

Латыша стрелок латышский
Подстрелил – ай да стрелок!
А ворошиловский стрелок
Ворошилова не смог
Однако.

Протест против официального и «шестидесятнического» романтизмов, конечно, распространится только в 90-е годы. Пока

же в конце 80-х власти нетрудно было загнать его в подполье. Тем более что «шестидесятники» – дети XX съезда – так хотели «исправить и обучить власть», так стремились «достроить социализм». Это общее настроение выпукло передал специальный номер «Московских новостей» за 8 ноября. Все развороты газеты объединялись «Семью кадрами о семи десятилетиях», которые представляли в основном писатели-«шестидесятники» Сергей Залыгин, Анатолий Злобин, Вячеслав Кондратьев, Фазиль Искандер, Андрей Вознесенский, Даниил Гранин и Владимир Лакшин. И для нового генсека Михаила Горбачева, выступившего в Кремле с докладом «Октябрь и перестройка: революция продолжается» юбилей был тем «моментом памяти» и «моментом размышления», которые фокусируют прошлое в болевых точках сегодняшнего дня. Ликвидировав их, взяв из опыта революции то, что необходимо, Советский Союз снова выйдет на дорогу к «новому миру – миру коммунизма» и с этой дороги «не свернет никогда».

1997: 9 мая – новое 7 ноября

Можно ли было представить, что через десять лет «коммунизм» станет чуть ли не ругательным словом, а праздник Октябрьской революции приобретет причудливое, но официальное название – День согласия и примирения?.. Новая власть новой России, пережившая первую революционную волну 1991–1993 годов и одержавшая на деньги олигархов победу на президентских выборах 1996 года, стремительно покидала пространство памяти о революции. При Ельцине единственной духовной опорой для разных поколений останется День Победы. Именно он обретет своего рода системообразующее для государственности значение. 9 мая станет нашим новым 7 ноября.

Повсюду развешивались гербы романовской империи, вытеснялась советская символика. Вот уже и данные фонда «Общественное мнение» показывали, что в 1997 году день 7 ноября ничего не означал для 20 процентов опрошенных, являлся лишь дополнительным выходным днем для 22 процентов, а большим революционным праздником его назвали 47 процентов и годовщиной трагедии – 8 процентов. Октябрьская революция под зана-

вес XX века оказалась нужной разве что партиям коммунистического толка и ученым левой ориентации.

Первым даже удалось 7 ноября собрать на Дворцовой площади «колыбели революции» 35 тысяч человек – представителей более 50 левых партий и движений из стран СНГ, Балтии и «дальнего зарубежья». Вдохновленный наэлектризованной атмосферой лидер Российской коммунистической рабочей партии (РКРП) Виктор Тюлькин под одобрительный гул митингующих воскликнул: у коммунистов «уже достаточно сил, чтобы снова взять Зимний дворец, и недалек тот день, когда они смогут взять Смольный и Кремль!» Демократические партии и движения Питера проигнорировали юбилейную дату и выставили у Казанского собора лишь 40 человек с лозунгами «Убей в себе коммуниста!», «Коммунисты, покайтесь!»

Освобожденное властью пространство памяти открывало возможность спокойно, по-новому, без конъюнктурных наслоений изучать историю революции. Однако довольно быстро эта тема стала монополизироваться созданным обществом «Российские ученые социалистической ориентации» (РУСО). И как когда-то ЦК КПСС, оно даже попыталось взять на себя подготовку тезисов к 80-й годовщине Октября. Но груз старых политизированных вопросов не позволил РУСО привлечь к себе внимание общества. Кому, кроме этих ученых, было интересно приравнять Сталина к Ленину или разделять ленинский и сталинский периоды – а соответственно и две модели социализма? К тому же в это время либералы активно внедряли в массовое историческое сознание и образовательные стандарты совершенно иные идеи и мысли. Октябрьская революция – это случайно удавшийся заговор кучки политических авантюристов, которые столкнули Россию с нормального, цивилизованного пути развития. Октябрь, Гражданская война, радикалистская революционная политика большевиков дискредитировали популярные тогда идеи революции, социализма и социальной справедливости. Это укрепило тягу стран Запада к стабильности и порядку, способствовало консолидации либеральных и консервативных сил на антикоммунистических позициях. Наследие Октября не имеет никакого практического значения. Семь десятилетий существования советской власти – «черная дыра» российской истории, историческая ошибка, бесплодный роковой зигзаг, на который можно списать все то плохое, что происходит в России сегодня.

2007: революция возвращается?

На рубеже третьего тысячелетия казалось, что споры о революциях окончательно уходят в академические кабинеты и университетские аудитории, что через какое-то время ученые все-таки смогут предложить обществу сбалансированный, основанный на консенсусе, корректный взгляд на Октябрь. Однако террористическая атака 11 сентября 2001 года и «цветные революции» на постсоветском пространстве резко изменили ситуацию. Для понимания природы революций XXI века (некоторые политологи поспешили назвать их управляемыми, эрзац-революциями) срочно потребовался глубокий исторический контекст, в том числе и переосмысление опыта Октября. Во-первых, встает вопрос легитимности. Что нужно для взятия власти – воля восставшего народа или правовые решения, включая признание выборов? Во-вторых, каковы обязательные условия возникновения революций. «Низы» не хотят, а «верхи» не могут или все-таки – раскол политической элиты и завышенные ожидания людей? В-третьих, в чем состоит роль внешнего фактора. Сила примера (западного, российского) или финансовые и информационные интервенции?

Тема революции стала и предлогом для разминки различных политических сил в самом начале 2007 года. Они вызвали на телевизионный «ринг» Февральскую революцию 1917-го. Но когда дело стало сводиться к банальностям вроде пересказа старых учебников депутатом Николаем Харитоновым, на роль тяжеловеса был призван Александр Солженицын с его «Размышлениями о Февральской революции». Однако получилось так, что комментари Натальи Солженицыной для России и мира оказались более возбуждающими, чем сам текст писателя, созданный в 80-е годы прошлого века. Статья должна служить напоминанием политическим силам России об опасности, обусловленной значительным разрывом между богатыми и бедными, а также разительным контрастом в образе жизни и нравственных установках, которые преобладают в российской столице по сравнению с гораздо менее процветающей провинцией. Через свою жену писатель передал предупреждение: «Если правительство не будет уделять внимание провинции, последствия могут быть очень тяжелыми».

В самом же тексте внимательный читатель мог обнаружить довольно распространенное мнение о том, что Февральская рево-

люция – результат случайности, рокового стечения обстоятельств, что ее сравнительно легко можно было бы упредить более внимательным отношением к делам земледелия. То, что царь и его правительство за почти три года войны ничего не смогли сделать, чтобы не возникли перебои с хлебом в Петрограде и других крупных городах, в расчет как бы и не бралось. Наверное, не стоит придавать и роковую роль тому, что в Ставку возвратился «больной и расслабленный» генерал Михаил Алексеев, сменивший «огневого» генерала Василия Гурко. На самом деле Алексеев и другие генералы осознавали, что возможностей подавить революцию у них нет.

Понятно, что большинство историков революцию в феврале 1917-го рассматривают как стихийное, непредсказуемое явление, обусловленное, однако, предшествовавшими десятилетиями развития России. Но, несмотря на неуместность аналогий с 1917 годом, обратили на себя внимание некоторые другие заявления. Владислав Сурков на одном круглом столе заявил: «Революция – это прежде всего разорение, истребление. Мы плачем о демографии, а сами тоскуем по потрясениям. Нужно навсегда изъять революцию из нашей политической практики». И добавил, вспомнив большевистский лозунг поражения русского правительства в Первой мировой войне: «Не нужно желать поражения или ослабления своей стране. Если вам не нравится власть, вы можете с ней бороться, но желать своей стране поражения и ослабления – это просто безнравственно. <...> В результате революционных действий этих романтиков к власти приходят обычно маньяки и террористы».

Предотвратить революцию, однако, еще никому не удавалось. Никто и никогда не мог предсказать, когда именно революция начнется в данной стране. Однако искусно сконструированные идеологические модели, не решающие реальные социально-экономические проблемы, а создающие иллюзию благополучия, неспособны сдерживать накопление усталости и раздражения, которые в какой-то момент могут спровоцировать активную часть людей на выступления.

Почему революции смешались в исторической памяти

Дискуссия о Феврале не оттесняла, а подразумевала и Октябрь 1917 года. Просто в СМИ автоматически продолжают прокручиваться избитые темы – «заговор», «октябрьский переворот» во главе с «немецким агентом» Лениным, «англо-американским» шпионом Троцким. Конечно, это будоражит больше, чем занудные объяснения о кризисе, войне, «тюрьме народов», природе насилия. Понятно, что никто из разумных людей не собирается выбрасывать Октябрьскую революцию из истории России, даже если ее годовщины перестали праздноваться официально. Некоторые страны прошли это. Те же французы в течение ста лет возлагали на свою Великую революцию любую ответственность за все, что случилось во Франции потом. И у нас за 90 лет в пространстве памяти о революции возникали самые причудливые комбинации. Отсюда и разыгрывание конъюнктурных юбилейных сценариев, то есть, по существу, грубое использование истории в политических целях.

В какую же сторону сегодня пошел маятник памяти об Октябре? На поверхности – тривиальные сюжеты в развернувшейся общественной дискуссии. Вина, как и прежде, возлагается на интеллигенцию, правда, теперь еще и за 1991 год. Но молодежь в «коммунистический рай» уже не загнать, и вообще ей не надо интересоваться «всею этой мутью – политикой». Из новых же акцентов бросилось в глаза, что революцию обозвали «проектом». Заново некоторые историки расставляют в пространстве памяти ее главных героев. Сталин теперь – не только в контексте Победы 1945-го, но и Октября 1917-го – «творческий» и «эффективный» менеджер, а Ленин – просто «марксистский догматик».

Судя по опросу, проведенному фондом «Общественное мнение» (формально – исключительно о Феврале 1917-го), в обществе возникло довольно неожиданное смешение представлений об обеих революциях. Говоря об одной из них, подразумевают другую, и наоборот. «Свержение монархии», «Временное правительство», «Керенский», «Ленин пришел к власти», «взятие Зимнего дворца», «власть Советов». Что кроется за этим? Странные aberrации памяти, слабости исторического образования или что-то другое? Тот же опрос показал, что важна не последовательность

событий, не разделение революций на хорошую и плохую, с демократической или диктаторской окраской. Уже Февраль, за которым видится Октябрь, вызывает такие катастрофические ассоциации, как «беспредел и хаос», «голод», «разруха», «дурдом», «кошмар», «революция – это хаос», «лучше бы ее не было».

Но рядом – «борьба за справедливость», «после этого бедным жить лучше стало». То есть революция воспринимается современниками и как «социальная болезнь», и как «праздник угнетенных», и с «первородным грехом», и со «святыми идеалами». Именно так «революция продолжается» сейчас в памяти.

А значит, призрак революции еще бродит по России. Некоторые желают его материализации и даже разыгрывают сценарии нового революционного приступа. Противостоять этому можно одним хорошо известным, но скучным и рутинным способом – умной политикой, а также подключением к ее разработке и проведению самых разных сегментов политической элиты и гражданского общества. А еще пониманием того, что авторитарно, через режим личной власти обновление, реформы не обеспечить. Однако нельзя заикливаться на идейной составляющей реформаторства, надо переводить акцент на его технологическую, прикладную сторону, когда эффективность станет главным критерием оценки всего процесса преобразований. Все это, возможно, и способно успокоить призрак Октября. Успокоить через объяснение того, что люди, ощутившие и пережившие революцию на себе, понимают, что больше не хотят жить в эпоху радикалистских перемен и платить за них непомерную цену, они не хотят становиться жертвами утопических представлений той или иной политической силы. Тем более что эти силы, «пожирая» друг друга, цинично используя имя революции в борьбе за власть и собственность, для необъяснимых скачков и забеганий, фактически и не замечают, как начинают забывать о первопричинах революционных потрясений, как переходят к забалтыванию истинных движущих принципов избавления от гнета и тирании, к предательству идей свободы. Именно так и был убит Октябрь, призрак которого должен наконец-то успокоиться.

Новые смыслы воспоминаний о российской революции 1917 года*

В начале 2017 года делались безапелляционные прогнозы. «Новая революция начнется в октябре 2017 года – после того, как закончится нефть» (Владимир Рыжков, 2005). «Ситуации 1917 и 2017 годов очень схожи. <...> Для революции 2017 года есть все предпосылки» (Сергей Черняховский, 2012). «Революция в России неизбежна» (Михаил Ходорковский, 2015). «Жители России уже начали протестовать, однако активные выступления начнутся весной–летом 2017 года» (Наталья Тихонова, 2016). «5 ноября 2017 года – это дата начала новой революции в России» (Вячеслав Мальцев, 2017). «Не революция – начнется именно политический кризис. У него будут свои этапы, приливы и отливы, он займет в общей сложности два с половиной – три года, и его кульминацией, видимо, станет 2018 год» (Валерий Соловей, 2017). Словом, Россию ждут потрясения – социальный бунт или революция! Однако ничего подобного не произошло.

Будоражили общество и разного рода предсказания, что в юбилейном году будет восстановлена монархия. Впрочем, эта идея быстро угасла. Оказалось, что потенциал ее поддержки ничтожно мал: в 2017 году, по данным Центра изучения политической конъюнктуры России, две трети опрошенных (65 процентов) были категорически против такой перспективы, каждый пятый не имел мнения на сей счет, а каждый десятый вообще не интересовался этой темой.

На протяжении 2017 года в общественном мнении регулярно поднимался вопрос о перезахоронении тела Ленина: этого ждали, этого боялись, с этим призывали поторопиться – или, напротив, не делать резких и необдуманных шагов. В апреле – накануне очередного дня рождения Ильича, – по данным ВЦИОМ, более

---

* Впервые опубликовано: Новый журнал (Нью-Йорк). Декабрь 2017.

половины россиян (63 процента) были, в основном, согласны с необходимостью сделать такой шаг, а оставшиеся все же считали, что лучше подождать, пока людей, «почитающих Ильича как некую политическую икону», практически не останется. То есть по этому вопросу возобладала взвешенная позиция, ориентирующаяся на недопущение раскола общества из-за дальнейшей судьбы Мавзолея.

В начале 2017 года поспешил выступить со своими прогнозами-опасениями и быстро созданный Оргкомитет юбилея. Нельзя позволить растащить юбилей революции по «национальным квартирам»! Но судя по реакции на столетие в постсоветских государствах, это событие было в них просто-напросто проигнорировано или, как на Украине, подтолкнуло к изысканию выгодных для себя дат и событий, не связанных собственно с революцией, а если и связанных с ней, то очень особым образом, ни в коем случае не тяготеющим ни к «февралистам», ни к большевикам. Нельзя позволить Западу воспользоваться юбилеем для демонизации нашей страны и нагнетания очередной волны антироссийских настроений! Однако во многих странах наблюдалась настоящая юбилеемания в связи со 100-летием революции в России. Во всем мире ее юбилей, по словам Андрея Архангельского, стал поводом «вспомнить о главной человеческой утопии, попытке построения рая на земле, царства всеобщей справедливости, а также вспомнить цену, которую заплатило человечество за этот прыжок в рай. При этом – парадокс – октябрьский переворот не расценивается в мире как абсолютное зло». Возможно, под воздействием мировой реакции на юбилей революции ближе к осени Кремль несколько скорректировал свои публичные оценки этого события.

Оргкомитет не включил в свой состав представителей политических партий, дабы, как пояснил директор Службы внешней разведки и по совместительству председатель Российского исторического общества Сергей Нарышкин, не создавать «почву для раздора». Однако партийные распри все равно возникли. Революция 1917 по-прежнему воспринимается в сугубо партийном духе, с полярными оценками. Политики из «Единой России» не скрывают своего негативного отношения к ней, ее представляют либо как заговор (либералов, масонов, революционеров, немцев, союзников, большевиков или вообще марксистов и т. д.), либо как случайное стечение обстоятельств. Для КПРФ же революция – однозначно благо, открытие новой эры. Двойственная позиция

российской политической элиты в вопросе об отношении к 1917 году является и результатом неспособности сформулировать вдохновляющее видение будущего.

Словом, складывается впечатление, что и власть, и общество оказались не готовыми к юбилею 1917 года. Он застал их врасплох, несмотря на то что к нему с такой основательностью готовились, его ждали, заранее обдумывая, как именно его следует употребить в нынешнем общественно-политическом контексте – то есть приватизировать, обратить на пользу своим групповым, корпоративным, клановым, узкопартийным интересам. Повидимому, оттого юбилей и не прозвучал должным образом, что все значимые политические и социальные акторы изначально рассматривали его как хорошее подспорье для решения собственных проблем. Память о прошлом коварна в отношении тех, кто вынашивает замыслы обратить ее себе на пользу: поначалу она, вроде бы, выглядит покорной и послушной, но с каждой новой попыткой ее утилитарного использования она все дальше и дальше уводит тех, кто видит в прошлом прежде всего инструмент для получения той или иной выгоды, от реального понимания события, память о котором пытаются приватизировать, превращает претендующих на роль ее хозяев в посмешище. Не потому ли не прозвучал юбилей революционного 1917 года?

Кто и с какими смыслами пришел в пространство памяти о революции?

Демонополизация пространства памяти о революции, начавшаяся после 1991 года, дала возможность самым разнообразным политическим силам и общественным движениям предлагать обществу свой проект воспоминаний. Однако по инерции предшествующих десятилетий все равно было стойкое ожидание того, что власть предложит обществу модель или программу коммеморации, впишет юбилей в свой официальный нарратив «тысячелетнего великого Российского государства». Ждать пришлось недолго: две революции были объединены в одну, с которой были сняты классовые и идеологические определения и которой было отказано в звании «великой». Воспоминания же о ней отдавались

на откуп общественности, которая и должна была наполнить содержанием старо-новую формулу «согласие и примирение».

Различные политические партии в основном подчинили свои проекты памяти собственным интересам. Очевидно, что для КПРФ главной была и остается Октябрьская революция, открывшая новую эру в истории человечества. Коммунисты – как, впрочем, и некоторые другие партии – не приняли идею «согласия и примирения». Свою приверженность Октябрьской революции в очередной раз подтвердили сталинисты: «Октябрьская революция – это очень неоднородный процесс. Потому что в Октябрьской революции есть и Ленин, который разрушил Россию, а потом ее собрал, но есть и Сталин, который поднял Россию на недосягаемую до сих пор высоту. Именно при Сталине, именно благодаря Октябрьской революции влияние России в мире стало настолько сильным, каким оно не было ни при одном из царей» (Николай Стариков). Неожиданно в защиту Ленина и большевистского порядка выступил Захар Прилепин в статье «12 пунктов про Революцию и Гражданскую войну». За апологией советской власти отчетливо просматривалась демонстрация приверженности социальной справедливости и общенародной собственности, гордости за Победу и советский прорыв в космос.

На противоположной стороне оказалась партия «Яблоко». Основатель этой партии Григорий Явлинский выносил победителям Октябрьской революции приговор: поскольку большевики проиграли выборы в Учредительное собрание, свергли легитимную власть и толкнули страну на путь Гражданской войны, поскольку власть большевиков не имела легитимных оснований, «постольку с самого начала она не могла обходиться без террора и лжи, которые стали системообразующими элементами государства. С этого времени в России нет легитимного государства». Отказывает большевикам и их вождям в легитимности и ЛДПР, а потому, убеждены в этой партии, надо переименовать главные московские проспекты, назвав их именами царей, которые подняли страну, – например, в честь Ивана Грозного и Петра Первого. В этом пункте своих идеологических установок либерал-демократы совпали с так называемыми царебожниками, которые из небольшой секты стали в 2017 году заметным движением в защиту стратотерпца Николая II и безудержно охаивают вождей революции как «извергов XX столетия».

Свой сценарий юбилея предложила и Русская православная церковь. Она не пошла ни за властью, старающейся объединить

две революции 1917 года в один процесс, ни за явным запросом общества, интересующимся, как это видно по последним месяцам, гораздо больше Октябрьской, нежели Февральской революцией. РПЦ считает определяющим и поворотным событием именно падение самодержавия и воспринимает этот рубеж начальным, инициирующим все последующие перипетии отечественной истории. То есть Октябрьской революции в этой схеме отведена явно второстепенная и производная роль. РПЦ идет наперекор установке на национальное примирение и открыто называет виновных в революционной катастрофе, явно намекая при этом на то, что эти виновники снова, как и 100 лет назад, могут ввергнуть страну в очередной хаос. Патриарх Кирилл прямо обвинил в провоцировании «мясорубки» и «страшных событий 100-летней давности» интеллигенцию. Из церковных кругов прозвучало требование похоронить Ленина, убрать кладбище на Красной площади, переименовать улицы и площади, названные «именами пламенных революционеров и палачей по совместительству». Однако при этом любопытно, что в августе 2017 года патриарх Кирилл на торжествах в Арзамасе, приуроченных к 150-летию со дня рождения патриарха Сергия, опосредованно легитимизировал советскую эпоху – не отказываясь при этом от ее критической оценки как «безбожной». Сознательный выбор Сергия на сотрудничество с советской властью привел, по словам нынешнего председателя РПЦ, к некоторому преобразению этой самой власти. Революционный 1917 год стал тем самым попущенным Богом испытанием, которое, в конечном счете, укрепило людей.

Впервые на значительное место в пространстве памяти вообще и на свое право иметь собственную версию революции в частности стали претендовать социальные сети. Именно на интернетовских порталах активно обсуждались вопросы: какая цена была заплачена за великий социальный эксперимент, не был ли он преждевременным, способна ли модель государственного устройства, созданная после распада СССР, конкурировать с советским проектом, который некоторые политики спешат объявить неполноценным, назвать ошибкой отцов и дедов, бродит ли призрак революции по современной России? Независимый журналист Михаил Зыгарь создал сайт для отслеживания событий 1917 года, чтобы знакомить интернет-сообщество с тем, как тогда все происходило – день за днем. Его интерактивный онлайн-проект «1917: Свободная история» ставил одной из своих целей разоблачение популярной в России теории заговора, ищущей корни ре-

волюционных потрясений в западном вмешательстве в российскую политику.

Если говорить о роли научного сообщества в пространстве памяти, следует заметить, что уже долгое время профессиональные историки не желают доминировать в представлениях о прошлом и определять историческую политику и политику памяти, формировать национальный исторический дискурс. То же самое происходит и сейчас, несмотря на то что, вроде бы, наблюдается заметный прорыв в приращении знаний о революции. Тем не менее в академической науке, несмотря на продолжающиеся острые споры и разные подходы, усилилось внимание к причинам социальной дезинтеграции российского общества, к роли военных, которые не стали связующим звеном общества, вопреки тенденции, четко прослеживаемой в других государствах, вовлеченных в Первую мировую войну. Принципиально изменился фокус внимания и при анализе событий 1917 года: Октябрьская революция теперь рассматривается как прямое следствие Февральской, кризис самодержавия связывается не столько с персоной последнего царя, сколько со сложившейся системой управления. Историки считают, что октябрьская фаза действительно была новым типом социального взрыва. Большевики связывали решение всех проблем с коммунистической идеологией, с построением идеального общества, с мировой революцией, которая непременно распространится по всему миру. Конечно, это было утопией, но тем не менее были созданы новые государственные и социальные институты, был решен национальный вопрос, изменилась вся инфраструктура страны.

Однако наряду с этими взвешенными подходами на научных форумах продолжают сталкиваться две крайние точки зрения. Первая – Россия успешно развивалась, но заговор либеральных элит сорвал движение вперед. Другая – элиты играли вторичную роль, использовали ситуацию, главное же связано со спонтанным взрывом масс, их решающей ролью в судьбе революции. Однако все эти дискуссии, к сожалению, не повлияли на представления общества о 1917 году. По-прежнему преобладающими оказываются конспирологические теории о революционных потрясениях, в которых привычно винят «жидомасонов», иностранные спецслужбы, немецкие или американские деньги, заговор элит и пр. Возможно, перспективу перемен в этом вопросе можно связывать с новой Концепцией преподавания истории в школе, новым определением события столетней давности (Великая российская ре-

волюция), с новой хронологией самой революции (1917–1922 годы). Однако если считать Революцию 1917 года Великой, то тогда, как полагает Александр Морозов, ее, как и французскую, следует признать «центральным событием национальной истории, создавшим современное государство».

Какой проект памяти о революции выбрало общество?

Двойственность массового сознания – негативное отношение к последствиям революции в продвинутых группах населения и сохранение советских представлений в провинции, у людей старшего поколения – четко зафиксировали социологические опросы. Почти половина россиян считают, что Революция 1917 года стала благом для людей. 38 процентов респондентов сказали, что революция «дала толчок социальному и экономическому развитию страны», еще четверть (23 процента) – что она «открыла новую эру в истории России». Подобных мнений придерживается как старшее, так и молодое поколение россиян. Больше половины респондентов (57 процентов) считают, что революция – это «историческая неизбежность», у которой есть свои плюсы и минусы. Каждый четвертый уверен, что это «потрясения и жертвы», еще 11 процентов опрошенных назвали революцию «обновлением общества». Подавляющее большинство респондентов (92 процента) в 2017 году считают, что новая революция недопустима, и только каждый двадцатый сказал, что «России сегодня нужна революция». Для сравнения: в 2012 году о том, что должна случиться новая революция, по данным ВЦИОМа, говорили 13 процентов опрошенных. Октябрьская революция полностью не реабилитирована, но ее воспринимают уже гораздо спокойнее. А молодежь, не жившая при коммунистическом строе, и «вовсе попадает под воздействие революционной романтики, что отчасти оправдано той несправедливой социально-экономической моделью, которая, несмотря на все усилия по ее реформированию, все еще господствует в России».

Любопытно, что в общественных настроениях предпочтение отдается проекту памяти, связанному не с революцией, а с импе-

рией, с великой державой, с воинской славой, с милитаризмом, с представлениями о величии страны. Это подтверждает традиционный опрос «Левада-центра» и комментарий к нему Льва Гудкова о 10 самых выдающихся людях всех времен и народов. В марте 2017 года Ленина в таком качестве назвали только 32 процента. Гораздо чаще называли Сталина, Путина, Пушкина. Вместе с Лениным оказались забыты и Бухарин, и Троцкий, и Дзержинский. Их курс упал. А поднялись как раз Петр, Сталин и полководцы как имперского, так и советского времени.

Парадоксы памяти и ее смыслов

Любое игнорирование революции, вытеснение ее из памяти лишает общество знания причин социального прорыва к свободе и справедливости, понимания того, почему негодные средства способны разрушить благую цель, а главное – разрушить пространство памяти помещением в него на роль культурных героев различных маргинальных фигур, ложных идей, простых объяснений и второстепенных событий.

Столетие Революции 1917 года показало значительный разброс настроений в обществе – от желания предать ее анафеме, стыдиться, каяться до ожидания новой очистительной революции, призывов любить Ленина и не любить Николая II – и наоборот. Желание профессиональных историков анализировать 1917 год глубоко и ответственно, как прорыв народа к справедливости – прорыв, многое изменивший в России и мире, – часто натывается на сопротивление в самой среде историков: даже некоторые академики на широкой публике порой демонстрируют агрессивный морализм. Несмотря на это, работа по извлечению уроков продолжается, к чему подталкивает и нынешняя политическая ситуация в стране. Очевидно, что, беря на вооружение какую-либо великую социальную идею, нельзя доводить ее до абсурда, как это сделали большевики, не надо противопоставлять ее другим цивилизационным ценностям человечества. Эту ошибку могут повторять и либералы, и консерваторы, противопоставляя свою идею той социальной идее, с которой неразрывно связано российское сознание. Ответственность за трагические последствия революции, за чрезвычайщину несут не только восставшие,

но и власть, доведшая до взрыва, переворота, власть, которая своей непродуманной политикой, запаздывающими реформами рождает протестное движение. Хорошо известно предупреждение русского философа Федора Степуна, размышлявшего о революции 1917 года в эмиграции: «Чья вина перед Россией тяжелее – наша ли, людей “Февраля”, или большевиков – вопрос сложный. Во всяком случае, нам надо помнить, что за победу зла в мире отвечают не его слепые исполнители, а духовно зрячие служители добра». Похоже, что в российском обществе укрепляется понимание того, что одним махом, разом, используя насилие, невозможно решить все проблемы, разделаться с нежелательным старым и быстро, тут же создать новое. Логике радикализма и максимализма может противостоять только умная политика со своевременными реформами.

На многих научных форумах подчеркивалось, что вопрос о Революции 1917 года по-прежнему остается травмой, вытесненной в бессознательное, по-прежнему вызывает страдания памяти, которые можно преодолеть только через осмысление тех событий, открыв доступ ко всем документам той эпохи и, конечно, договорившись об общем понимании, в каком направлении идет страна, какие ценности отстаивает. Замах на идейную операцию «СССР минус ВОСР», подмена, по словам Льва Лурье, идеологии арифметикой обречены на провал. Непроработанность вопросов прошлого, отстраненность от него или отсутствие ответственности за него разъединяет людей, вызывает необоснованную агрессию. И здесь снова и снова возникает вопрос о формировании идентичности как способе консолидации общества, включении в нее дореволюционных и советских ценностей, реального, а не надуманного культурного генотипа ныне живущих россиян.

Юбилей на вырост

Какая же судьба ждет проект памяти о революции 1917 года? Возможно ли его изменение со стороны нынешнего режима власти и возвращение дню 7 ноября статуса государственного праздника? Любопытный парадокс: во Франции спустя 91 год после революции дата взятия Бастилии – 14 июля – из предмета раздора под влиянием поражения в войне с Пруссией преврати-

лась в символ примирения, стала одним из краеугольных камней французской идентичности, главным государственным праздником. У нас же через десять лет – в 1927 году – большевики убирают из календаря празднование Февральской революции (12 марта по новому стилю), а через 75 лет перестает быть праздником и выходным днем 7 ноября. Так мы упускаем возможность напомнить миру, что революция 1917 года изменила его: исчезли империи, распалась колониальная система, коренным образом трансформировалась социальная политика.

А как же Вандея, массовый террор? – сразу напрашивается вопрос. Современный французский историк Янник Боск считает: «Все революционные движения сталкиваются с контрреволюционным насилием. Террор даже может быть представлен как элемент величия революционных сил. Собственно, так оно и было, ведь видение террора во Франции менялось несколько раз. Были периоды, когда террор был представлен как необходимое насилие для упрочения завоеваний революции, но были и другие, когда террор виделся как кровавое безумие». Однако в отличие от французских революционеров большевики хотя и усвоили террор как метод революционной борьбы, но они не приняли демократической перспективы борьбы за права человека.

По прогнозу Горбачев-фонда, в ближайшее время новые левые могут снова оказаться востребованными в развитых странах и обратятся к опыту и идеям Революции 1917 года. Кстати, в последние десятилетия в социально-политических проектах переустройства общества на базе левых идей упор делается именно на развитие самоуправления и самоорганизации населения, на децентрализацию управления и смещение его на низовые «этажи» политической системы. То есть на все то, что так и не получило развития в советском проекте, истоком которого была Революция 1917 года.

Не исключено, что стимулом к такому глобальному левому повороту станет событие, произошедшее за год до юбилея революции – в начале ноября 2016 года, – а именно, приход в американский Белый дом президента-популиста, что ведущие эксперты мира все это время рассматривают как символическое начало нового тренда в политике ведущих мировых держав – тренда, включающего в себя апелляцию к так называемым традиционным ценностям, отказ от левой риторики и замену ее риторикой демагогически-манипулятивной, на самом деле прикрывающий очередную перекраску транснациональных корпораций, взявших

курс на неприкрытую сегрегацию населения планеты. А следовательно – и на маргинализацию левой идеологии в принципе. Примут ли новые левые на Западе и в развивающихся странах – особенно в Латинской Америке – этот вызов? Выстоят ли? Ясно одно – если примут и будут пытаться противостоять хищному оскалу мировой транснациональной элиты в новом обличье радетеля за этническую чистоту «золотого миллиарда» и за привитие этому «золотому миллиарду» консервативных ценностей, то непременно, вынужденно, по определению обратятся к наследию революции 1917 года. И произойдет это не у нас, а у них. Мы же в лучшем случае постфактум будем пытаться доказывать свое исключительное право считаться главными наследниками Великого левого эксперимента 1917 года...

Безусловно, 100-летие российской революции не стало поворотным моментом на пути постижения нашего прошлого, не продолжило традиции достойного отношения власти к юбилеям революции по примеру Великобритании, США, Франции, Китая, Мексики, Испании и других стран, но определенным шагом в этом направлении юбилейные воспоминания и попытки их актуализации, несомненно, обернутся. И 7 ноября, а может, и 12 марта, которое праздновалось первые десять лет как день Февральской революции, или 14 сентября, день провозглашение Российской республики, снова займут достойное место в системе наших государственных праздников.

Сложно предсказать сейчас, когда это произойдет и в связи с какими событиями. Совершенно очевидно, что в современной России – в отличие от Запада – левые идеи еще долго не получат массовой поддержки по простой и понятной причине: за почти 18 лет пребывания у власти Владимира Путина власть монополизировала право на строго дозированное употребление левой риторики и левой политики, накрепко увязав этот легкий левый флер со своим магистральным курсом на укрепление патриотизма. То есть в России произошло то, чего в принципе не может быть в развитых странах Запада: у нас левая идеология не противостоит консервативно понимаемым традиционным ценностям, а дополняет их, одновременно и ориентируясь на соответствующий запрос путинского большинства – которое, несмотря ни на что, продолжает существовать, – и формируя его. В этом – специфика нашего массового общества. А поэтому если ценности Революции 1917 года в России и будут кем-то востребованы, то вовсе не народом, а демократически и, возможно, либерально настроенной

прозападной интеллигенцией. То есть все повторится – как и век назад. Вот почему для западных левых кумир – это Ленин, а для российских красных патриотов – Сталин. Еще раз – это данность, это не хорошо и не плохо, это никакое не свидетельство ущербности нашего общества, но фактор, который надо учитывать и который еще нескоро ослабнет или вовсе исчезнет.

Поэтому, наверное, не стоит удручаться по поводу неудавшегося юбилея. То, что мы на протяжении всего 2017 года вспоминали события вековой давности, пусть и неказисто, казенно – или, напротив, с наивным пионерским задором и с фантазмагорическими аналогиями и аллюзиями, – это уже хорошо. Мы еще толком не состоялись как народ, как политическая нация, нам трудно прочувствовать собственную историко-культурную идентичность в искусственных – но, увы, теперь уже необратимых – границах РФ. Нам еще взростеть и взростеть – а взростея, постигать прошлое наших предков, примерять его на себя. Хотя бы пока так, как это сейчас делают нынешние реконструкторы, играющие в том числе в красных и белых. А потому пережитый нами 100-летний юбилей революции – это юбилей отложенного постижения и использования, юбилей на вырост.

Десять сталинских юбилеев. От культа личности к культу образа^{*}

Каждая круглая дата рождения Сталина уже более полувека накаляет общественное мнение, сталкивает между собой исследователей и общественных деятелей по поводу политики и истории, реформирования государственной системы или наведения порядка в ней, модернизации или мобилизации экономики, места России в мире. Реанимируя образ Сталина, каждый режим власти раскрывает свое отношение к этой сложной фигуре, давая тем самым понять вектор собственного курса. По характеру обращения к Сталину можно оценивать состояние общества, его предпочтения и настроения, протесты и чаяния. Особенно заметны страдания памяти по жертвам репрессий, а значит, и всполохи требований суда над совершенными преступлениями.

Со сталинскими юбилеями и при его жизни, и после смерти связывалось немало ключевых событий, оформление и принятие важных политических решений. Сталин участвовал в этом – сначала как вождь и живой человек, затем как определенный символ и мифический образ, позволяющий осмыслить настоящее и будущее.

Заметна определенная взаимосвязь между сталинскими юбилеями и поворотными моментами в истории страны – 1929-й, 1939-й, 1949-й годы. После смерти вождя наблюдаются другие тенденции, связанные с десталинизацией или ресталинизацией. 1959 год зафиксировал первую тенденцию и связанные с ней нелегкие для общества последствия. 1969-й обозначил тревожные симптомы движения в обратную сторону, что окончательно подтвердил 1979 год. Затем маятник резко качнулся в другую сторону, когда в перестроечном 1989 году Горбачев открыл шлюзы ан-

---

^{*} Впервые опубликовано: Политический класс. 2009. № 12. С. 100–112; 2010. № 1 (номер не был опубликован).

тисталинской критики. Однако к 1999 году уже в новой стране под именем Сталина выстроились колонны критиков ельцинского правления и сторонников консервативных перемен. 2009-й пока трудно вписать во все эти колебания – необходима дистанция, чтобы понять значение для России 130-летия Сталина. Очевидно лишь одно – и спустя более пятидесяти лет после его смерти мы все еще пребываем в сталинском плену и ищем способы выхода из него.

Характерно, что название «Десять сталинских ударов» закрепилось за десятью крупнейшими военными операциями Красной армии 1944 года уже постфактум, после их успешного завершения. Скорая и уже неизбежная Победа не могла не осеняться именем вождя. В нашем случае разговор о десяти сталинских юбилеях – начиная с первого послереволюционного и до отмечаемого сейчас – это своеобразная инверсия образа, рожденного в 1944 году на фронтах Великой Отечественной войны. Тогда успех не мыслился вне связки с именем вождя – теперь же вехи его земной биографии и посмертной памяти оказываются проблемными узлами, без которых нельзя постичь нашу историю во всей ее трагической противоречивости.

1919: наведение фокуса биографии

Известно, что подлинной датой сталинского рождения, раскрытой в 1990 году историком Леонидом Спириным, является 6 (18) декабря 1878 года. Об этом сделана запись в метрической книге Успенского собора города Гори Тифлисской губернии. Крестили новорожденного 17 (29) декабря. Поскольку в то время было принято праздновать не день рождения, а день ангела, люди далеко не всегда помнили дату своего рождения. Сталин колебался в выборе рождения между 1878 и 1879 годом и в дальнейшем остановился на условной дате – 9 (21) декабря 1879 года.

С двадцатилетием будущего вождя историки свяжут его изгнание из духовной гимназии, а с тридцатилетием – вхождение в когорту профессиональных революционеров, решение покинуть Кавказ и испытать свои силы в среде руководителей РСДРП.

В 40 лет Сталин – член Политбюро РКП(б), нарком по делам национальностей в первом советском правительстве и нарком

Госконтроля. Он мог напрямую апеллировать к Ленину, потому что зарекомендовал себя как человек, способный быть «пожарным для безнадежных положений». Так было в Царицыне, когда к городу подошли казаки атамана Краснова, затем в Перми, который сдали войскам Колчака, в Петрограде, оказавшемся в критической ситуации перед войском Юденича, на Южном фронте в период разгрома Деникина. Разумеется, тогда никто не акцентировал внимания на том, что, к примеру, к решающим операциям против Колчака Сталин отношения не имел, что разгром Юденича проходил под руководством Льва Троцкого. Тогда еще никто не выяснял меру чьих-то персональных заслуг в общей победе и цену допущенных просчетов. Однако заслуги Троцкого (7 ноября 1919 года ему исполнилось 40 лет) и Сталина в Гражданской войне были отмечены 27 ноября 1919 года орденом Красного Знамени. В представлении к награде Сталина отмечались его «энергичная и неутомимая работа» на критических участках сражений и способность «личным примером воодушевлять ряды боющихся за Советскую республику».

Троцкий в книге «Моя жизнь» подробно рассказал об истории этого награждения. На заседании Политбюро было решено вручить орден Троцкому за победу под Петроградом. Однако к концу заседания Григорий Зиновьев несколько смущенно предложил вручить такую же награду и Сталину. «За что?» – спросил Михаил Калинин. В перерыве Николай Бухарин в частном порядке заметил Калинин: «Как ты не понимаешь? Это Ильич придумал. Сталин не может жить, если у него нет чего-нибудь, что есть у другого. Он никогда этого не простит». Чуть позднее на торжественном собрании в Большом театре Троцкий доложил о военном положении, и затем ему вручили награду. «Когда к концу собрания, – писал Троцкий, – председатель объявил, что Сталину также присужден орден Красного Знамени, я попробовал аплодировать, за этим последовало два-три нерешительных хлопка. По залу прошел холодок недоумения, особенно явственный после предшествовавших оваций. Сам Сталин благоразумно отсутствовал».

Почему Сталин исчез в такой важный момент? Расположенные к Сталину историки, – к примеру, Лев Балаян – не соглашались с саркастическим Троцким: дескать, когда последний «вальжно прохладился в Большом театре», Сталин выехал в Серпухов, в район боевых действий Южного фронта. То есть «равнодушный, не в пример Троцкому, к наградам Сталин с го-

ловой ушел в порученное ему дело, в борьбу, которая была смыслом жизни этого величайшего революционера и завершилась полным разгромом контрреволюционных Вооруженных сил Юга России».

В Серпухове, судя по архивным данным, Сталин провел и день своего рождения. Скорее всего, без новой семьи – восемнадцатилетней Надежды Аллилуевой, с которой он зарегистрировал брак 24 марта 1919 года, и сына Василия, который родился спустя пять месяцев.

1929: огосударствление юбилея

Через десять лет никто не помешает Сталину режиссировать юбилей по-своему, сделать из него новый государственный праздник. Ленина не стало, Троцкий был выслан из страны, все внутрипартийные оппозиции разгромлены, хлебозаготовительный кризис 1927–1928 годов преодолен, нэп свернут. Однако для того чтобы 50-летие стало историческим событием, Сталин сконцентрировал внимание на завершении трех задач – иной организации пространства памяти об Октябрьской революции и Гражданской войне, изменении конструкции власти, формулировке новой стратегии движения страны в будущее.

Прежде всего генсеку понадобилось заменить Троцкого в качестве главного архитектора всех побед РККА и единоличного автора планов разгрома Колчака, Деникина и Юденича. Именно таким он и предстал в статье Клина Ворошилова «Сталин и Красная армия». Не без ведома вождя в 1929 году вышла и книга «Львов – Варшава», в которой вопреки фактам все ошибки в войне с Польшей приписывались главкому Сергею Каменеву и командующему Западным фронтом Михаилу Тухачевскому.

Расправившись с оппозицией, Сталин не стал уравнивать однопартийность правом фракционной борьбы. Он также быстро научился сталкивать между собой различные слои бюрократической иерархии – каждый чиновник дышал в спину своему начальнику, вожделем занять его место. Партийно-государственную элиту расслаивала и введенная во второй половине 1920-х номенклатура должностей – вся вертикаль назначений превращалась в собственный удел власти. Регулярные кадровые перета-

совки предотвращали бюрократическое обволакивание вождя. Последовательное сокращение сферы действия «коллективного руководства» позволило Сталину вплотную приступить к выстраиванию режима личной власти.

Структурная жесткость такого режима и сознательно выстраиваемого культа компенсировалась масштабным, ясным и понятным мобилизационным проектом строительства социалистического будущего. В апреле 1929 года принимается первый пятилетний план, подчиненный сталинскому нетерпению «догнать и перегнать» передовые капиталистические страны. 7 ноября 1929 года в газете «Правда» появляется установочная статья вождя «Год великого перелома». Это словосочетание стало широко употребляемым крылатым выражением, а сама публикация действительно знаменовала собой начало нового этапа в истории СССР. Сталин измерял счастье в тонно-километрах и процентах роста. Мотив темпов и скорости стал главным. В статье он дважды подчеркивает мысль о вековой российской отсталости и возможности ее преодоления. А завершает работу на ударной ноте – словами, которые символизировали технократическую утопию по-русски: «Мы становимся страной металлической, страной автомобилизации, страной тракторизации. И когда посадим СССР на автомобиль, а мужика на трактор – пусть попробуют догнать нас почтенные капиталисты, кичащиеся своей “цивилизацией”».

Желание какого-то перелома после кризисов нэпа и сомнений по поводу темпов индустриализации существовало и в массах. Все громче звучали призывы «придумать какой-нибудь зигзаг, чтобы поскорей прийти к заветной цели». И Сталин уловил эту доминанту общественного настроения. Отвечая на многочисленные поздравления 22 декабря, он заявил, что «готов и впредь отдать делу рабочего класса, делу пролетарской революции и мирового коммунизма все свои силы, все свои способности и, если понадобится, всю свою кровь, каплю за каплей». Но те, кто ждал зигзага, никак не могли представить, какая цена будет заплачена за скачок и чья кровь прольется за утопию. Юбилейный для Сталина год заканчивался тем, что 27 декабря на конференции аграрников-марксистов он провозгласил переход к сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Начиналась крестьянская Вандея. Предстоящее десятилетие станет самым тяжелым испытанием в жизни вождя.

1939: неоднозначность торжества

Тональность предстоящему юбилею задала февральская премьера оперы Михаила Глинки «Жизнь за царя» под новым названием «Иван Сусанин». За переделку бывшего неофициального династического гимна «Славься!» взялся поэт Сергей Городецкий, а за редакцию – сам Сталин. Вместо слов «Славься, славься, наш русский царь» хор теперь пел: «Славься, славься, ты, Русь моя!» С величественными ритуалами открывался через месяц XVIII съезд партии. При появлении вождя все стоя устроили ему продолжительную овацию. Разносились здравицы «Да здравствует товарищ Сталин!», «Великому Сталину – ура!», с трибуны звучали определения типа «гений новой эры», «мудрейший человек эпохи» и т. д.

В этом контексте неуместными казались воспоминания об ужасах раскрестьянивания, о страшном голоде 1932–1933 годов, массовых операциях НКВД 1937–1938 годов, репрессиях против двух третей делегатов предыдущего съезда. Под аплодисменты встречались приведенные Сталиным статистические данные о том, что на руководящие посты в партии и государстве выдвинуто полмиллиона новых работников, что среди партийного генералитета сменились 293 из 333 секретарей обкомов и крайкомов, что 90 процентов новых руководителей моложе 40 лет.

Созвучными юбилею были громкие результаты выполнения второй пятилетки, открытие Всесоюзной сельскохозяйственной выставки и самой красивой станции метро – «Маяковская», начало регулярного телевидения и ввод в действие Большого Ферганского канала имени вождя, учреждение Сталинской премии и стипендий имени Сталина. Указом Президиума Верховного Совета Сталину присваивается звание Героя Социалистического Труда, он избирается почетным членом Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук и почетным членом Академии наук СССР.

К празднику взрослых активно подключают детей. В специальном сборнике их стихов выделялся Саша Кобелянский:

Празднично-радостна Красная площадь,
Высятся серые стены Кремля,
Пламенем ярким красных полотнищ
Флаги сверкают, на солнце горя.

Золотом звезды на башнях сияют,
Слышится звонкий приветственный крик.
Вот на трибуне места занимают
Наши вожди. Все приветствуют их.
Вот поднимается в серой шинели
Близкий, любимый, знакомый, простой...
Громче овации вмиг загремели:
«Да здравствует Сталин – страны рулевой!»

Однако всеобщее празднество не помешало Сталину, как и десять лет назад, сосредоточиться на ключевых моментах события – закреплении своей особой роли в истории, изменениях в режиме власти и определении очередного чертежа будущего. В то же время он осознавал уязвимость некоторых моментов торжества – беспокоили внешнеполитические проблемы и – как ни странно – культ собственной личности, его восприятие за рубежом.

«Краткий курс» истории ВКП(б), выпущенный за год до 60-летия Сталина, впервые представил Октябрьскую революцию как акт творения нового мира со своей священной историей, канунами и предтечами, демиургами и пророками, с постоянной борьбой за чистоту с демонами – внутренними и внешними. Сталин в этой идеологической схеме – не просто продолжатель Ленина, а его перевоплощение: «Сталин – это Ленин сегодня».

За годы, предшествовавшие юбилею, Сталин не только сделал элиту ответственной за «перегибы» коллективизации, но и произвел ротацию кадров в ходе «великой чистки». Однако главными целевыми группами Большого террора явились те слои общества, которые нарушали политическую и социальную гомогенность советского народа. Нейтрализации подлежали и те, кто в преддверии войны воспринимался как вероятная «пятая колонна», кто «либерально» воспринял новую Конституцию страны, кто вообще мешал создавать надежное общество. Положительно оценив результаты террора, Сталин в 1939 году раскритиковал НКВД и прокуратуру за «ошибки», которые воспрепятствовали «полной победе над врагами». Запретом на проведение массовых арестов и депортаций, ликвидацией внесудебных органов («троек») «Большой террор» объявлялся законченным. При этом снималась ответственность с партийного и государственного руководства за массовые репрессии.

Такому толкованию соответствовало обозначение «Большого террора» как «ежовщины». Просьба наркома НКВД Николая Ежова об отставке была весьма кстати, а новый нарком – Лаврен-

тий Берия – сразу же заявил о «возвращении к законности». Юбилейный 1939-й был отмечен широким потоком протестов на внесудебные приговоры. Однако крайне малое количество реабилитаций в 1939–1940 годах – показатель того, что кампания по «восстановлению социалистической законности» не должна была пойти на пользу пострадавшим. Роль прокуратуры свелась к доказательству случаев нарушения закона со стороны работников НКВД и сбору ценного материала для их ареста и осуждения. Так Сталин и руководство ВКП(б) сняли с себя ответственность за репрессии, а НКВД постепенно возвратил себе прежние полномочия. Однако именно со Сталиным связалась надежда уцелеть в царстве всеобщего страха. Родилась технология «децимации наоборот»: не уничтожение каждого 10-го, а сохранение жизни каждому 10-му. Может, потому не было сопротивления, что каждый считал: я буду тем самым десятым, которого не накажут? Отсюда – усиление магнетизма фигуры Сталина: сначала он, подобно Бонапарту, балансировал между классами, теперь – между аппаратом и массой, между разобщенными служащими государства, между членами первичных ячеек общества, охваченных страхом и надеждой людей. Для кого-то – каждого десятого, оставшегося невредимым, – он навсегда остался прав.

Перед «правильным» обществом Сталин ставил новую задачу – построение коммунизма в одной стране – Советском Союзе – при наличии капиталистического окружения, стирание «граней» между рабочими и крестьянами, а также между этими классами и интеллигенцией, завершение строительства бесклассового общества.

Безусловно, вождь понимал относительность новых стратегических планов. Внешнеполитические расклады в 1939 году менялись очень быстро. После оккупации Чехословакии германскими войсками 15 марта 1939 года в нарушение Мюнхенских соглашений ни о каком союзе между Англией, Францией и Германией, направленном против Советского Союза, не могло быть речи. 23 августа Сталин пошел на подписание с Германией соглашения о ненападении. Одни восприняли этот пакт как законное средство обеспечения безопасности СССР, а другие – как естественное продолжение имперской политики русских царей. Одни видели в пакте одновременно и ошибку, и проявление экспансионистских замыслов Сталина под идеологической оболочкой «расширения зоны социализма», другие – что, идя на соглашение с Гитлером, он рассчитывал на втягивание Германии в мировую войну с западными союзниками и на оккупацию Красной армией значи-

тельных территорий Восточной Европы. Досада на двойственность реакции по поводу пакта дополнялась неудовлетворенностью ходом советско-финской войны. Переговоры с Финляндией, начатые еще весной 1939 года, затянулись до ноября. Обе стороны зашли так далеко в своем противостоянии, что для СССР отступить было поздно и война началась 1 декабря. Сталин рискнул санкционировать эту войну, считая, что Красная армия сумеет справиться с Финляндией «за две недели» и он сможет к 21 декабря преподнести себе и стране «маленький» внешнеполитический подарок. Однако ни Ворошилов, ни Семен Тимошенко, сменивший его на посту наркома обороны, в две недели не уложились, и война продолжилась в следующем году, сопровождаясь огромными потерями в живой силе и технике.

Не все так однозначно было и с культом личности. Многие поступки и слова Сталина раскрывают определенную игру вокруг этого вопроса. Откровенные и масштабные визуальные проявления культа сочетались с его непроясняемыми вербальными интерпретациями. К примеру, Детгиз подготовил к юбилею книгу «Рассказы о детстве Сталина». Она была направлена на отзыв генсеку, и вскоре издательство получило ответ, датированный 16 февраля 1938 года. «Я решительно против издания, – писал Сталин. – <...> Книжка изобилует массой фактических неверностей, искажений, преувеличений, незаслуженных восхвалений. Автора ввели в заблуждение охотники до сказок – брехуны (может быть, “добросовестные брехуны”), подхалимы. <...> Но не это главное. Главное состоит в том, что книжка имеет тенденцию вкоренить в сознание советских людей (и людей вообще) культ личности вождей и непогрешимых героев. Это опасно, вредно. <...> Советую сжечь книжку. И. Сталин».

За год до юбилейных торжеств Николай Ежов подал в Верховный Совет СССР докладную записку с предложением присвоить имя Сталина городу Москве. Основанием для этого послужили «обращения трудящихся Советского Союза». Так, член партии Зайцев писал Ежову: «Гений Сталина является историческим даром человечеству, его путеводной звездой на путях развития и подъема на высшую ступень. Поэтому я глубоко убежден в том, что все человечество многих будущих веков с удовлетворением и радостью воспримет переименование Москвы в Сталинодар. Сталинодар будет гордо и торжественно звучать многие тысячелетия». Однако до переименования дело не дошло. Как доложил Президиуму Верховного Совета СССР Калинин, сам Сталин высказался против.

Чем мотивировалась отрицательная реакция Сталина на подобные предложения, показывает запись беседы Лиона Фейхтвангера со Сталиным и затронутая в ней тема восхвалений. «На мое замечание <...> он пожал плечами. Он извинил своих крестьян и рабочих тем, что они были слишком заняты делами и не могли развить в себе хороший вкус, и слегка пошутил по поводу сотен тысяч увеличенных до чудовищных размеров портретов человека с усами – портретов, которые мелькают у него перед глазами во время демонстраций. Я указываю ему на то, что даже люди, несомненно обладающие вкусом, выставляют его бюсты и портреты – да еще какие! – в местах, к которым они не имеют никакого отношения, как, например, на выставке Рембрандта. Тут он становится серьезен. Он высказывает предположение, что это люди, которые довольно поздно признали существующий режим и теперь стараются доказать свою преданность с удвоенным усердием. Да, он считает возможным, что тут действует умысел вредителей, пытающихся таким образом дискредитировать его. “Подхалимствующий дурак, – сердито сказал Сталин, – приносит больше вреда, чем сотня врагов”. Всю эту шумиху он терпит, заявил он, только потому, что он знает, какую наивную радость доставляет праздничная суматоха ее устроителям, и знает, что все это относится к нему не как к отдельному лицу, а как к представителю течения, утверждающего, что построение социалистического хозяйства в Советском Союзе важнее, чем перманентная революция».

В этой записи заметны продуманные сталинские заготовки, прикрывающие тщательный контроль подачи и восприятия своей личности – отсутствие вкуса у простых людей, которые слишком заняты работой, умысел вредителей или опоздавших с признанием новой власти, наивность устроителей культа, которые, однако, знают, что концепция Сталина «круче» концепции Троцкого.

1949: триумф и отчаяние

70-летие вождя, генералиссимуса, победителя Гитлера все ждали с особенным нетерпением. 21 декабря в Большом театре собрались представители различных слоев общества, весь цвет коммунистического мира. Всех поразила генеральный секретарь Компартии

Испании Долорес Ибаррури. Речи присутствовавших были похожи одна на другую, а Долорес бросала в зал слова с такой силой, энтузиазмом и радостью, что напомнила подвижников, которые во имя своей веры шли на костер. При первых же ее словах Сталин переменял позу, чуть приподнял голову. Он сидел в центре большого стола, занявшего всю сцену, по правую руку от него находился Мао Цзэдун, по левую – Никита Хрущев (как секретарь ЦК и МК он вел вечер). «Все новые букеты цветов, – писал в мемуарах Алексей Аджубей, – особенно ярких и неожиданных в этот самый короткий, самый морозный день, ложились на стол перед Сталиным. Наконец, лицо его вовсе скрыл ворох цветов. – Отчего Никита Сергеевич не отодвинет букеты? – спросил я Раду (супруга Аджубея, дочь Хрущева. – Г.Б.). – Но Сталин не просит об этом, – ответила она».

Четырехчасовое собрание закончилось неожиданным образом. Сталин встал и направился... не к трибуне, а медленно покинул сцену. Что стояло за этим поступком? Нездоровье, усталость, что-то другое?

Казалось бы, все шло по тщательно разработанному плану. Центральные газеты уже второй день печатали рапорты, приветствия, обязательства в честь всенародного торжества. Много места отводилось фотографиям и плакатам вождя. Специальные полосы посвящались отчетам о том, как отмечается юбилей на всей планете. В связи с датой Президиум Верховного Совета предложил всем советским, центральным и местным учреждениям, посольствам, миссиям, консульствам и торговым представительствам СССР поднять на своих зданиях, железнодорожных станциях, водных пристанях и речных вокзалах, на судах военного и торгового флота, на жилых домах государственный флаг.

Несмотря на то что страна еще переживала последствия продовольственного кризиса, вызванного большой засухой и неурожаем 1946 года, и непопулярной денежной реформы 1947 года, юбилей еще раз показал, что плохие решения власти люди объясняли как результат «неведения» Сталина. Его фигура находилась вне зоны критики. Поэтому заметной стала новая черта юбилейных мероприятий – повышенная обеспокоенность по поводу здоровья вождя. Это было заметно и в здравницах, и в речах на собраниях, и в вопросах лекторам.

И традиционные – к юбилею – изменения во властных структурах воспринимались в партии как наведение порядка. После того как в годы войны Сталин возглавил правительство, туда из

Политбюро переместился центр принятия управленческих решений. Партийный аппарат, благодаря которому Сталин обрел единовластие, в сложившейся ситуации утрачивал свое прежнее значение и более не требовался вождю в качестве личной опоры. Однако после войны, когда генералиссимус должен был «ставить на место» различные группировки элиты и их лидеров, он вспомнил о личной опоре и сменил совнаркомовские рычаги управления на партийные.

Одновременно различными способами он уравнивал существовавшие центры власти. К примеру, 1949 год начался с ареста за «еврейский буржуазный национализм» Полины Жемчужиной – жены Вячеслава Молотова, второго человека в стране. А в марте он потерял пост министра иностранных дел. Затем последовала массовая партийная чистка ленинградского партийного аппарата, освобождение от занимаемых постов руководителей области и города Петра Попкова и Якова Капустина. Одновременно шел сбор компромата на Александра Кузнецова, Николая Вознесенского и Михаила Родионова, будущих главных фигурантов и жертв «ленинградского дела» 1950 года. Под конец 1949 года развернулось и дело «московское». 12 декабря решением Политбюро первый секретарь горкома партии Георгий Попов был отстранен от должности, началась чистка аппарата районного уровня. В Москву срочно вызывается Никита Хрущев, который назначается не только секретарем ЦК и первым секретарем Московского горкома партии, но и рассматривается как своеобразный противовес Маленкову и Берии. Активно разворачивались и начатая в 1948 году борьба с так называемым космополитизмом и ликвидация «целой сети сионистских организаций».

Не уходила из-под контроля вождя и игра с собственным возвышением. В частности, он воздержался от предложения писателя Леонида Леонова установить к 70-летию Сталина новое летоисчисление – со дня его рождения. В 1949 году Сталин вдруг решил сменить редколлегия «Правды», обосновав это намерение тем, что газета слишком раздувает культ его личности. Очевидцы рассказывали, что, медленно прохаживаясь по комнате, он начал называть членов редколлегии нового состава, все замерли. Рекомендовались на посты заведующих основными отделами те, которых давно уже не было в живых. Их уничтожили с согласия генсека, и он знал об этом. Никто не перебил Сталина. Главным редактором назначили Михаила Суслова, и тот все отрегулировал.

И все же, что чувствовал и что задумывал Сталин, неожиданно покидая сцену Большого театра? Успокоенность и благодушные собравшейся старой номенклатуры? Непонимание новых опасностей и новой расстановки мировых политических сил? Неспособность уставшей страны собраться для нового рывка?

Да, документы свидетельствуют об ухудшении здоровья семидесятилетнего вождя, сокращении его работоспособности, возникновении настроений отчаяния – состояния, ранее ему совершенно неизвестного. На склоне лет, как замечают сталинские биографы, его уже больше волновало не описание собственного исторического пути, не коррективы, вносимые в его «Краткую биографию», а история Грузии, собственных истоков.

Все эти обстоятельства, однако, не мешали Сталину реалистично оценивать сложное положение СССР, особенно в связи с образовавшимся в 1949 году блоком НАТО. Готовность к новой схватке подпитывали успешные испытания атомной бомбы и полная победа коммунистов Китая в гражданской войне осенью 1949 года. США не захотели оказать правительству Чан Кайши массивную помощь. Сталин, расценив это как слабость американцев, решил продолжить натиск в Азии. Он санкционировал вторжение армии коммунистической Северной Кореи на юг Корейского полуострова. Реанимировались и методы Коминтерна в мировом коммунистическом движении. В ноябре 1949 года было объявлено, что Компартия Югославии находится «во власти убийц и шпионов», а ее руководство во главе с Броз Тито – «фашистско-гестаповская клика». Так начиналась коминтернизация созданного после войны Коминформа.

Сталин действительно собирал силы и энергию для нового рывка, новой «великой чистки» высшей номенклатуры. Перемены диктовались своеобразным пониманием общих перспектив страны. По замыслу генсека, создаваемая в течение тридцати лет система должна была обрести окончательный облик – «дорости» до такого уровня, который позволил бы перейти к регулированию абсолютно всех социально-экономических процессов, заменить рынок и торговлю продуктообменом и распределением, осуществить переход к коммуне как новому и единому типу общественно-производственных отношений. С подобной трансформацией Сталин отождествлял не только крупный шаг к коммунизму, но и окончательное уничтожение почвы для капитализма. С новыми перспективами связывался и решающий удар по корыстным интересам высшего чиновничества, исчезающей коррупции

(именно по этим причинам ежегодная ротация кадров достигла 20–22 процентов), системе «кормления» на разных уровнях партийно-государственного аппарата. Однако достижение искомого идеала предполагало новые репрессии, которые не случились.

1959: испытание памятью о вожде

После смерти Сталина прошло шесть лет. Его имя практически исчезло со страниц газет. Еще совсем недавно окружение Сталина молилось на него, а теперь рассуждало о совсем других вещах – к примеру, о пользе коллективного руководства. Многие думающие люди воспринимали это как оскорбление нравственного чувства. Не случайно отход от сталинизма часто начинался с желания защищать Сталина.

Закрытые сводки КГБ за 1959 год фиксировали нарастание «нездоровых взглядов» именно после осуждения культа личности Сталина. Среди преподавателей-коммунистов одной из школ Свердловска высказывались мысли о том, что «коммунизм – идиллия красоты, лганья и грубости». Или: «Интересно, кого пошлют бороться за идеи? Опять молодежь? Мы уже устарели и, кажется, тупеем. Черт возьми всю эту борьбу в прятки». В объяснительной записке, составленной преподавательницей отделу УКГБ Свердловской области, можно было прочесть: «В годы Отечественной войны я как в чистый кристалл верила в И.В. Сталина, по его зову пошла защищать Родину и, получив от него благодарность, я ее хранила, как драгоценнейший документ, но когда я услышала о тех безобразиях, которые делал Берия, находясь по работе совместно со Сталиным, я потеряла идеал борьбы. В тот момент я бы наложила на себя руки, если бы у меня не было родителей».

Обращает на себя внимание выражение «борьба в прятки». Если иметь в виду «секретность» доклада Хрущева, недосказанность и ограниченность постановления ЦК о преодолении культа личности, а также указания на соблюдение «меры критики культа», то это выражение вполне оправданно. Достаточно вспомнить отношение к писателю Владимиру Дудинцеву, обвиненному за то, что своим романом «Не хлебом единым» он пытался «под флагом борьбы против культа личности нигилистически перечеркнуть достижения советского народа и советской литературы

за тридцать девять лет». И уж тем более судьбу Бориса Пастернака, исключенного из Союза писателей за публикацию за рубежом романа «Доктор Живаго». Казалось, возвращались времена борьбы с космополитизмом. Нападки на писателей, делился своими наблюдениями Илья Эренбург, были связаны с изменением политической ситуации. Люди старались не вспоминать о XX съезде и, конечно, не могли предвидеть XXII съезд. «Молодежь пытались припугнуть, и студенты перестали говорить на собраниях о том, что думали. <...> Поворот был резким», – признавался позднее Эренбург.

Лакмусовой бумажкой глубины десталинизации, начатой «сверху» и стихийно поддержанной «снизу», являлся масштаб гражданских реабилитаций жертв политических репрессий. Но этот процесс быстро прервался. В руководстве страны было немало людей, которые разделяли ответственность за террор, боялись прошлого и считали допустимым сохранение этого инструмента в резерве для удержания власти. Поэтому не нравственными мотивами руководствовался Хрущев, определяя свое отношение к Сталину в связи с 80-летием со дня его рождения и ориентиры для конструирования памяти о нем. Редакционная статья газеты «Правда», помещенная 21 декабря в подвалах второй и третьей страниц на десяти колонках, называлась «Стойкий борец за социализм». Содержавшиеся в ней выражения типа «виднейший и активнейший деятель», «выдающийся теоретик и пропагандист», дежурные повторения положений XX съезда и постановления о культе создавали впечатление попятного движения. Причиной этого могло быть только выступление так называемой антипартийной группы в 1957 году, которая попыталась кулуарно, втайне от ЦК, снять Хрущева. И хотя переворот не состоялся и реставрации сталинских порядков не произошло, обратила на себя внимание позиция «либерального» крыла ЦК в лице Дмитрия Шепилова, которого невозможно было отнести к лагерю оголтелых сталинистов. Он протестовал против нового вождизма, причем по идейным, а не властным побуждениям.

Быть может, смягчающей пилюлей для Хрущева стало полученное им в начале 1959 года письмо Василия Сталина. В нем от души клеймились Молотов, Маленков, Каганович и Ворошилов: «Двойные подлецы! Сначала все свалили на Сталина, а потом, прикрываясь любовью (!) к Сталину <...> хотели сорвать свое разоблачение, не стесняясь обманывать партию и народ. <...> Якобы защищая Сталина от нападков Хрущева – повели борьбу с

Хрущевым – основной задачей, однако, имея свое собственное спасение от полного разоблачения, отнюдь не думая о Сталине, ибо использовали это уважаемое имя как фиговый листок, для скрывтия своей отвратительнейшей действительности. <...> Надо открыть глаза партии и народу на эту двойную игру!.. Надо твердо и ясно сказать, что Хрущев боролся за прогресс Родины, и является вождем нашего движения вперед – чему отдал всю свою жизнь Сталин, – тогда как вся эта группа именно кощунствовала и ради спасения своей шкуры шла на все».

Василию Сталину, умершему при странных обстоятельствах в 1962 году, не довелось узнать о новом – на этот раз удачном – заговоре против Хрущева и восхождении Леонида Брежнева.

1969: стыдливая рестаалинизация

Подготовка к 90-летию Сталина велась сталинистами и антисталинистами заранее и, судя по всему, основательно. Сначала в январе и феврале выстрелил журнал «Коммунист», объявивший Сталина «борцом за дело рабочего класса» и «выдающимся полководцем». Как бы в ответ в Москве по рукам пошла статья некоего Иванова (русского, члена КПСС) «О национальном стыде великороссов (К предстоящему 90-летию со дня рождения И.В. Сталина)». Центральное положение этой статьи: «Тот не великоросс, кто не испытывает великого стыда за 1968 год». Вступление в Чехословакию советских войск наложило на всех клеймо исторического позора. Искупить его можно, только следуя начинаниям «Пражской весны», только отринув «идеалы» сталинской казармы.

Одновременно негласно в крупных городах распространялась небольшая рукопись под названием «Время не ждет» – своеобразный программный документ ленинградской группы западнического толка. Авторы протестовали против номенклатуры, ставшей «формой собственности». Альтернативой бюрократической стихии могли быть, по мнению авторов, выборность, смеянность, гласность, отделение от партии и государства судопроизводства, милиции, армии и госбезопасности. Без политической демократии невозможно заставить «правящую номенклатуру» уступить, нельзя предотвратить «возрождение сталинизма».

В сентябре–октябре журнал «Октябрь» опубликовал роман Всеволода Кочетова «Чего же ты хочешь?» – политический манифест правых, которые ратовали за укрепление авторитаризма и ностальгировали по железному порядку. Писатель устами своих героев откровенно критиковал не только «ревизионистов» и «ниспровергателей», но и режим, установившийся после XX съезда.

В ответ около 20 известных представителей советской интеллигенции, в том числе академики, писатели, старые большевики направили в ЦК КПСС на имя Брежнева письмо с осуждением романа «Чего же ты хочешь?» Не вдаваясь в литературные достоинства произведения, авторы письма выразили протест против поднятия на щит не Ленина накануне его 100-летнего юбилея, а Сталина. Обращавшиеся к генсеку возмущались: несмотря на осуждение культа личности, Кочетов в каждой главе не просто возвеличивает Сталина, а проводит мысль, что после XX съезда советское общество начало вырождаться, а устами героев романа произносится: «В чем тут криминал – быть сталинистом?» А то и прямо: сталинисты – «властители дум в широком народе».

К разочарованию Кочетова, намечавшееся широкое обсуждение его сочинения было отменено сверху. Также неожиданно были свернуты и проработки писателей и идеологического актива по поводу исключения Александра Солженицына из Союза писателей. Возможно, на эти решения повлияли протесты западных интеллектуалов. В Европе раздавались требования о бойкотировании СССР. И даже в Москве, когда Солженицын появился на первом исполнении 14-й симфонии Дмитрия Шостаковича (по личному приглашению композитора), публика недвусмысленно выразила свое сочувствие писателю. Десятки людей подходили к нему и просили дать автограф.

21 декабря в «Правде» вышла с нетерпением ожидавшаяся редакционная статья «К 90-летию со дня рождения И.В. Сталина». Она появилась в подвале второй страницы на пяти колонках и оставила у внимательных читателей впечатление двойственности и компромиссности оценок. Во всяком случае, репрессии в период правления Сталина не были отнесены к числу его теоретических и политических ошибок, а культ – нанес вред, но «не изменил и не мог изменить природы социалистического общества».

В этом контексте совершенно по-иному воспринимались серьезные дискуссии, развернувшиеся на Западе. В книгах Вернера Хофмана, Герберта Маркузе и статьях Витторио Страды стали-

низм трактовался как чрезмерно ориентированный на власть порядок внутренних и внешних отношений общества, объявившего переход к социализму. Названные авторы предлагали разделять власть, связанную с силой государства и политической структурой, и господство – как социально-политическое состояние. Господство лежит в основе власти. Диктатура пролетариата – это не структура господства, а структура власти. Из этого различия, по мнению мыслителей, проистекает невозможность ставить знак равенства между сталинизмом и фашизмом при всем их формальном подобии – идеологии единственной партии, руководимой одним вождем, террористической полиции, централизованной экономики и пр. Принципиальное различие между сталинизмом и фашизмом – в системах господства (частной и общественной собственности, социальных целей систем). Сталинизм – система всеохватывающей власти. Следовательно, критика сталинизма не может ограничиваться критикой культа личности. В противном случае она превращается в субъективный волюнтаризм, который «сваливает на одну личность зло всей эпохи».

Для такого уровня обсуждения сталинизма в СССР понадобится еще двадцать лет.

1979: культ без личности

К 1979 году Леонид Брежнев занял все мыслимые партийные, государственные и общественные посты – их было в его коллекции больше, чем у Сталина. Но важно другое – к Брежневу все чаще привязывалось понятие, которое, казалось, всегда выпало из партийного лексикона, – вождь. Дискредитированное Сталиным, оно теперь возвращалось в идеологический арсенал. Первым слово «вождь» произнес Андрей Кириленко, а затем его повторяли Динмухамед Кунаев, Гейдар Алиев, Эдуард Шеварднадзе, Виктор Щербицкий. Однако наполнение этого понятия было искусственным. Создавалась видимость вождизма, единовластие имитировалось. А потому остро ощущался недостаток действительно твердой руки, способной навести порядок и начать глубокие экономические преобразования. Символом этих ожиданий негласно становился образ Сталина, который вспоминался все чаще и ча-

ще. Стихийно к этому образу тянулись различные слои населения.

В школьных учебниках конца 1970-х годов имени Сталина почти не было, но его фотографии можно было очень часто видеть на лобовых стеклах грузовиков. Некоторые западные эксперты усматривали в этом не просто протест против слабости брежневского руководства, а наличие в русском народе устойчивой любви к «великому человеку» и ностальгию по «старым добрым временам».

В сводках КГБ и анонимных письмах наверх не скрывалось, какие вопросы звучат среди людей: «Что делается? Куда мы каемся? О каком коммунизме может идти речь? Кто верит в этот коммунизм? Абсолютно никто! Мы, будучи молодыми, так верили в светлое будущее! Так надеялись на что-то хорошее! Ну и что же теперь? Все хуже и хуже мы живем. Сплошные проблемы». В числе этих проблем назывались обесценивание денег и дефицит, огромные очереди за необходимыми продуктами, блат как неотъемлемая черта системы торговли, равнодушие. «Если бы Вы знали, – писал некто Иванов в письме на домашний адрес первому секретарю Свердловского обкома партии Борису Ельцину, – какие анекдоты сочиняет народ про Брежнева, про наше правительство! И ведь, понимаете, все правильно, все верно подмечено! Брежнева народ ненавидит, молодежь его не уважает, смеется над ним. В печати и по радио сплошная говорильня, сплошные призывы и фразы».

Традиционная для 21 декабря юбилейного года редакционная статья в «Правде» под названием «К 100-летию со дня рождения И.В. Сталина» была далека от всех этих проблем и, скорее всего, разочаровала читателей. Приход к власти Юрия Андропова каким-то образом стал реализацией чаяний на возвращение к порядку и перемены к лучшему. Он оказал мощное, напомилавшее сталинский стиль работы с кадрами давление на номенклатуру, использовавшую государственную собственность в своих интересах. Складывалось впечатление, что Андропов стал готовить мобилизационный рывок, ускорение, чтобы вывести страну из застоя.

1989: ловушки деконструкции тоталитаризма

Летом 1987 года в журнале «Коммунист» завершился круглый стол по проблемам советского прошлого, его участники собрались уже уходить, но молодой историк Владимир Козлов остановил всех фразой: «Нас не поймут, если мы не коснемся культа личности». Так все еще называли проблему сталинизма. Но Козлов предложил ввести в научный оборот термин «режим личной власти», заимствованный из книги Николая Бухарина «Экономика переходного периода» и замечаний Ленина на полях этой работы. К 110-летию Сталина термин «сталинизм» зазвучал громче, хотя многие обществоведы продолжали его сторониться, считали «не нашим». Когда стало ясно, что перестройка невозможна без отрицания административно-командной системы, естественным было обращение к отцу этой системы, с чьим именем она ассоциировалась, ее олицетворению и символу – к Сталину. Появление в газете «Советская Россия» 13 марта 1988 года статьи Нины Андреевой «Не могу поступиться принципами», явно направленной на историческую реабилитацию Сталина, а значит, и созданной им системы, последовавший меньше чем через месяц – 5 апреля – редакционный ответ «Правды» обострили проблему разоблачения Сталина и сталинизма. Желание провести водораздел между Лениным и Сталиным было в то время всеобщим. На людей обрушился поток информации о «белых пятнах» сталинского периода.

В 1989 году в «Известиях ЦК КПСС» впервые был опубликован секретный доклад Хрущева на XX съезде. Часть делегатов первого и второго Съездов народных депутатов открыто критиковали сталинскую систему, давали негативную оценку секретным протоколам пакта Молотова–Риббентропа, приняли Декларацию «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав». Появилось общество «Мемориал». Михаил Горбачев восстанавливал нить, оборванную в 60-е годы, – произошел поворот в политике реабилитации, начал готовиться указ «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 1920–1950-х годов». Открыто назывались имена палачей «Большого террора».

Однако публицистика, распространяя сведения о преступлениях Сталина, в то же время множила количество ошибок, воспроизводила старые, давно отвергнутые наукой мифы (например, о причастности Сталина к агентуре охраны). В 1988–1989 годах людям, писавшим на эти темы, конечно, было трудно предвидеть все последствия разоблачения сталинизма. Читательская реакция показывала, что в России по-прежнему не одна правда, а ровно столько, сколько людей. И тем не менее ученые стали формулировать вопросы о предпосылках и доктринальных корнях сталинизма, о коллективной ответственности ЦК партии, о выявлении социальных сил, на которые опирался Сталин. Достоянием читателей становились исследования зарубежных исследователей. Американский историк Стивен Коэн в кампании против Сталина объяснял выгоды опоры на Бухарина, поскольку именно последний превратился в «символ борьбы между реформаторами-антисталинистами и консерваторами-неосталинистами в коммунистическом мире – от Москвы до столиц еврокоммунизма».

Сталинская волна шла на спад по мере нарастания внутренних перемен. И как справедливо замечал Леонид Радзиховский, на этот раз речь шла не просто о «втором разоблачении» Сталина, а о ликвидации основ тоталитаризма – монополии партии на власть и идеологию, а главное – государственной собственности. Не забудем и о внешних факторах. Революции разной степени «бархатистости» прокатились по всей Восточной Европе: коммунистические режимы сыпались, как костяшки домино. Сигналом к сходу лавины, как теперь очевидно, стало решение «берлинского вопроса». Падение стены означало не только окончание холодной войны, а крах коммунизма, финал сталинского наследия. Через два года это случится и в СССР. Пока же первые социологические опросы, проводимые открыто, показали, что Сталин по популярности занял место в конце первой двадцатки знаменитых исторических деятелей.

Правда, тогда еще никто не подозревал о коварных ловушках деконструкции тоталитаризма. Поэт Тимур Кибиров, представитель московского концептуализма, попробовал фантастически перестроить памятник Сталину в памятник Пушкину, сопровождая это действие умилениями «лирического героя» по поводу преодоления сталинизма. Все это завершается «неожиданной» передачей поэту сталинского контекста при одновременном сохранении пушкинского:

Пушкин – наш! Народу он любезен!
Он артиллеристам дал приказ!
С трубкой мира, с молодежной песней
Он в боях выращивает нас!

Нельзя не согласиться с культурологом Игорем Ермаченко в том, что Кибиров уже тогда указал на потенциальную опасность, коренящуюся в историческом сознании, – опасность того, что на деле оно окажется суммой стереотипов, своего рода трансформером, открытым для любых манипуляций. То есть деконструкция тоталитаризма способна оборачиваться его реконструкцией под флагом возвращения к «исторической правде». Последовательные предположения героя о перестройке памятника Сталину в памятник Ленину, Черненко, Карлу Марксу, Пугачеву и, наконец, Пушкину – не цепочка абсурдистских акций, а ироничное, несколько утрированное чередование позиций публики в диапазоне, открытом именно в тот период и в тех коммуникационных условиях.

Проблему личной ответственности, пресловутого субъективного фактора в истории высвечивал от противного и Дмитрий Пригов:

Нет. Сталин тоже ведь – не случай,
Не сам себе придумал жить,
Не сам себе народ придумал,
Не сам придумал эту смерть,
Но сам себе придумал смель
Там, где другой бы просто умер,
Чем жить.

Сегодня очевидна справедливость этих предвидений. Но тогда 1989-й заканчивался показным отсутствием в «Правде» традиционной статьи об очередном юбилее Сталина. А в это время в городе Гори проходил учредительный съезд «Общества защиты Сталина», в Москве создавалась партийная группа «Единство – за ленинизм и коммунистические идеалы» во главе с Ниной Андреевой.

1999: в ожидании вождя

120-летие Сталина впервые отмечалось в новой стране, которая после событий 1991–1993 годов и дефолта 1998-го была не просто уставшей от катастрофических перемен, но и фактически лишена ясных смыслов существования. Разъедающая апатия и безразличие проникли во все поры социального организма. Люди равнодушно взирали на начавшийся летом 1999 года на Северном Кавказе новый виток дезинтеграции государственного пространства России. В этом вакууме в общественном сознании вновь возник образ Сталина.

К парламентским выборам в декабре 1999 года был создан новый сталинистский блок «За СССР». По всей столице появилось лицо вождя на плакатах – слабый отзвук того, как это выглядело во времена расцвета его славы (эта партия, кстати, совсем немного не добрала до пяти процентов, необходимых для попадания в Думу). Особый смысл приобретало решение Главной военной прокуратуры от 30 сентября 1999 года об отмене вердикта Военной коллегии Верховного суда СССР и снятии с Василия Сталина всех политических обвинений (клевета на руководство партии, антисоветская пропаганда).

В 1999 году журнал «Наш современник» и некоторые коммунистические и патриотические издания («За Родину, за Сталина!», «Русский вестник» и др.) без ссылок на источники опубликовали сенсационные материалы о том, что в 1939 году Сталин радикально изменил государственный курс по отношению к православной церкви. Он якобы прекратил гонения на духовенство и верующих, провел в ноябре–декабре того же года массовую амнистию осужденных по церковным делам. Авторы приводили даже «Выписку из протокола № 88 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 11 ноября 1939 года» с подзаголовком «Вопросы религии» за подписью Сталина. Новую версию церковно-государственных отношений поддержали некоторые профессиональные историки, она быстро проникла в отдельные вузовские учебники и хрестоматии, рекомендованные Министерством образования РФ.

Историк Игорь Курляндский провел тщательное расследование «сенсации» и сделал по ее поводу ряд официальных запросов. В результате отсутствие подложного «документа» от 11 ноября 1939 года ему засвидетельствовали Центральный архив ФСБ, где хранятся документы НКВД, и Архив президента РФ,

где находится фонд Политбюро ЦК. На самом деле не проводилось никакой массовой амнистии осужденных по церковным делам ни в ноябре–декабре 1939 года, ни позднее. А «справка» Берии от 22 декабря 1939 года на имя Сталина о выпуске в ноябре и декабре десятков тысяч человек, пострадавших по церковным делам, оказалась фальшивкой.

То есть для поддержания образа Сталина стали использоваться не просто мифы и домыслы, но и прямой подлог, фальсификация документов. Одновременно апологетические биографии вождя брались под защиту некоторыми представителями академической науки. Именно так произошло с книгой «Полководец Сталин», написанной в 1999 году Борисом Соловьевым и Владимиром Суходеевым. В предисловии действительного члена РАН Юрия Кукушкина даже умеренные критики вождя превентивно объявлялись «фальсификаторами истории», представителями «антинародных сил», которые «нагло искажают» прошлое, применяют «подлые методы» и повторяют тезисы «гитлеровских пропагандистов».

Когда научная оценка становилась угрожающим политическим манифестом, сохранялась лазейка для фантастических художественных допущений. Именно этим и воспользовался Владимир Сорокин в своем романе «Голубое сало». В юбилейном году читателю предлагался фантастический мир тоталитарной идиллии, в отличие от реального послевоенного мира. Берлинская стена превращалась в символ не разделения, а единства двух империй, вся система международных отношений держалась на дружбе-вражде пассионарных вождей – Сталина и Гитлера. Они ведут борьбу за неуничтожаемую творческую сверхэнергию – голубое сало. В финале Гитлер проигрывает советскому вождю решающую схватку за голубое сало: «Голубое сало хлынуло в мозг Сталина. <...> Мозг Сталина стал расти. Череп вождя треснул. Это... я! – успел проговорить Сталин. Мозг разорвал его череп, раздулся бело-розовым шаром, коснулся стены и стола. <...> Мозг Иосифа Сталина постепенно заполнял Вселенную, поглощая звезды и планеты».

Эта аллегория отражала основную причину крушения тоталитарных режимов как в Германии, так и в СССР и даже при фантастическом раскладе – если бы им удалось в союзе достичь мирового господства. Собственная энергия власти и творческая энергия общества перерастают тесные рамки режима и обрушивают его. Как признавался Сорокин в одном интервью, «тотали-

таризм – это такой диковинный цветок, который очень редко цветет».

По странному стечению обстоятельств в 1999 году сталинский юбилей практически совпал с думскими выборами, исход которых фактически означал поражение той части элиты, которая ориентировалась на Юрия Лужкова и перешедшего на его сторону Евгения Примакова и поддерживала этих политиков в их противостоянии ельцинскому Кремлю. А значит и официальному кремлевскому преемнику – Владимиру Путину. Пропутинское «Единство» обошло «Отечество – Всю Россию» экс-премьера и московского мэра. Казалось, что на фоне решающей схватки за ельцинское наследство об очередной круглой дате со дня рождения Сталина никто и не вспомнит. Однако произошло как раз обратное – эта схватка (точнее, ее завершающая и наиболее загадочная фаза) оказалась осененной именем вождя.

Любопытно, что на следующий день после юбилея, 22 декабря, в «Независимой газете» (негласно считавшейся на протяжении второй половины 1990-х и в самом начале 2000-х новой кремлевской «Правдой», в которой, в частности, незадолго до думских выборов были опубликованы вероятные сценарии смещения Путина с премьерского поста – что, возможно, и предотвратило их осуществление) вышла статья главного редактора Виталия Третьякова под броским заглавием «Сталин – это наше все». Автор отмечал: «Просвещенный чекист Владимир Путин, просвещенный жестокий реформатор Анатолий Чубайс, просвещенный олигарх Борис Березовский – вот три лика Сталина сегодня». То есть получалось, в конце 1999-го для решения конкретной прикладной (но на тот момент самой главной!) политической задачи – обеспечения преемственности власти – был вызван дух именно Сталина.

Впоследствии решительные действия Владимира Путина по наведению элементарного порядка, укреплению государственности, возведению вертикали власти, его обращение к советской символике, возрождение им сталинского гимна, но с новым текстом каким-то образом отодвинули образ Сталина в тень. «Левада-центр» зафиксировал, что даже после тяжелого экономического кризиса 1998-го с утверждением «наш народ никогда не сможет обойтись без руководителя такого типа, как Сталин, рано или поздно он придет и наведет порядок» в 1999-м согласились всего лишь 18 процентов опрошенных.

2009: Сталин с нами, Сталин – в нас

В 2009-м, по существу, завершился марафон, начавшийся еще в 2003-м, когда отмечалось 50-летие ухода Сталина из жизни. Тогда в Музее современной истории России (бывшем Музее революции) открылась выставка «Сталин: человек и символ». Перед посетителями предстали фотографии, плакаты, письма и подарки Сталину от рабочих и руководителей зарубежных стран. Создатели выставки использовали сталинские реликвии из богатейших запасников музея. Многие экспонаты не видели дневного света с тех самых пор, как Никита Хрущев, придя к власти, развенчал культ личности. Экспозицию посетили тысячи людей. «Такого не припомним, – признавались служительницы музея, – очередь у кассы выстраивается с самого утра. Прямо паломничество какое-то».

Начиная с 2004 года, когда исполнилось 125 лет со дня рождения Сталина, развернулась настоящая борьба его образов – прежде всего на телевидении. Экранизации по произведениям Анатолия Рыбакова, Варлама Шаламова, Александра Солженицына показывали Сталина как преступника и тирана. А сериалы типа «Сталин. Live» выстраивали образ победителя, архитектора порядка и справедливости. Причем, полагая, что полностью обелить вождя не удастся, авторы «Сталин. Live» откровенно предлагали зрителям поиграть в мифы. Сталина превращали чуть ли не в святого, игнорируя реальную подоплеку его отношений с церковью. Акцент исключительно на войне и предзаданной Победе должен был вытеснить память о репрессиях, а триумф – ответственность за развязывание войны и заплаченную цену. На это активно работала не только военная и религиозная, но и семейная канва сериала. Расчет понятен: если не получится с возвеличиванием героя, то уж сентиментализация его отношений с родными сработает непременно.

Избрание в начале XXI века мифа в качестве познавательного инструмента советской реальности не было случайным. Старые знания и законы можно опровергнуть новыми, а мифы не дают такой возможности, они повторяют канонические объяснения. При этом рукотворные политические мифы ничего не скрывают, их тактика – не правда и не ложь, а просто отклонение от реальности. Именно с этой стороны и стали предприниматься попытки ресталинизации. Очевидно, что некоторые группы интеллектуа-

лов захотели сделать историю вновь иррациональной. Или не историю, а игру в историю. При доминировании иррациональных доказательств легче манипулировать сознанием, а следовательно, и поступками людей. Так послушное прошлое может обернуться иллюзией послушного будущего. И в нем, к примеру, не исключена канонизация Сталина. Не случайно же, наверное, под конец 2008 года в храме в Стрельне выставили икону с изображением Сталина. Надо отдать должное руководству РПЦ, которое мгновенно отреагировало на это и осудило инициатора этого шага – настоятеля храма игумена Евстафия (Жакова).

Запутанным технологиям игры в «Сталин. Live» и различным псевдоисторическим провокациям мощную конкуренцию составляли откровенные и завораживающие тексты мифотворцев вроде Александра Проханова. На международной конференции АИРО-XXI по старо-новым российским мифам он назвал четыре причины, которые позволяют Сталину закрепиться в общественном сознании русского человека и стать «дивным мифом, с которым бессмысленно бороться, потому что любая форма борьбы с этим мифом только усиливает его, только укрепляет его».

Первая. Сталин возник из бездонных глубин русского сознания. Запечатлел неискоренимые русские архетипы. Воплотил глубинные коды русского человека, неистребимые, откуда существует Россия.

Вторая. Сталин создал глыбу государства. Он пронизал его мистическим светом, наделил запредельной мечтой, поместил в лучезарный ореол сказочной утопии о вселенской справедливости, о братском равенстве, о достижении райского блаженства.

Третья. Сталин не просто манил народ из-за горизонта этой нарисованной на клеенчатом коврике картинкой. Он предложил народу – нет, не той половине или трети, или одной седьмой, которая сидела в лагерях, но другой, находившейся по эту сторону колючей проволоки, – идею героизма, идею творчества, идею непрерывной вертикальной мобильности.

Четвертая. Сталин сотворил чудо Победы 1945 года. Конечно, ее выиграли и танки Т-34, и секретари райкомов, и, конечно, заградотряды со штрафниками. Но пропаганда, говорящая о том, что народ, а не Сталин, выиграл войну, смешотворна, потому что народ не выиграл японскую войну, народ не выиграл германскую войну. На излете того темпа, того ресурса, который был добыт народом в результате Победы, произошел полет Гагарина – этого богочеловека, который тоже является частью сталинского мифа.

В принципе, вокруг этих четырех постулатов писателя и развернулась дискуссия в 2009 году. Сталин стал чуть ли не главной темой общественной дискуссии. Не проходило и дня без телепередачи или фильма о Сталине, о нем спорили колумнисты и участники интернетовских форумов, а в блогосфере продолжалось обсуждение результатов телевизионного проекта «Имя Россия», где Сталин занял третье место. Разброс мнений определили высказывания типа «Сталин – реинкарнация Петра I» (писатель Святослав Рыбас) и «Сталин – органический продукт сатанинской большевистской системы» (депутат Владимир Мединский). А часть уязвленной интеллигенции сосредоточилась на новом издании книги Виктора Ерофеева «Хороший Сталин» с рассуждениями о том, что настоящая судьба России – Сталин, что для этого народа он как раз и хорош, потому что «русская душа по своей природе сталинистка».

Под подобные представления легко можно было подвести и политологическую базу. Во всяком случае, обратило на себя внимание заявление Михаила Делягина о том, что оптимальная программа российской модернизации должна заключаться в своего рода «неосталинизме», то есть в концентрации ресурсов при государственном стимулировании, возможно более массовой интеллектуальной деятельности и максимально быстром и широком применении ее результатов. «Жесткость государственного управления и использование не заимствованных, а отвечающих национальной культуре институтов демократии (если не путать их с коррупционной импотенцией) не противоречат ни интеллектуальной деятельности (чему примером служат Япония и Сингапур), ни успеху в современной глобальной конкуренции и технологическом прогрессе (помимо них примером является Китай)», – подчеркивал Делягин.

В августе 2009 года показательно совпали первое заседание президентской комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России и открытие после реконструкции вестибюля станции метро «Курская» с восстановленной строкой старого гимна: «Нас вырастил Сталин на верность народу, на труд и на подвиги нас вдохновил». Спустя два месяца главный архитектор Москвы заявил, что нужно вернуть и памятник Сталину, который стоял в вестибюле станции при жизни вождя. Этот выпад, однако, уравновешивался обнародованием решения о том, что в обязательную школьную программу включаются фрагменты главной антисталинской книги советской эпохи – «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына.

В октябре завершилось «историческое дело», возбужденное по иску внука Сталина Евгения Джугашвили к «Новой газете» и ее автору Анатолию Яблокову о защите чести и достоинства Иосифа Джугашвили. Заседания Басманного районного суда Москвы привлекли редкий интерес российской общественности и СМИ. Истец просил признать вымышленными, не соответствующими действительности и унижающими честь и достоинство Сталина сведения, содержащиеся в статье «Винновым назначен Берия», о том, что «Сталин и чекисты повязаны большой кровью», что «Сталин и члены Политбюро ВКП(б), вынесшие обязательное для исполнителей решение о расстреле поляков (имеется в виду “катынское дело”. – Г.Б.), избежали моральной ответственности за тягчайшие преступления» и др. Выслушав участников процесса и исследовав собранные по делу доказательства, суд посчитал, что исковые требования удовлетворению не подлежат. Однако чуть позднее со Сталина было фактически снято обвинение в организации убийства Сергея Кирова. Обнародование в Санкт-Петербурге дневника убийцы Николаева закрыло (скорее всего, не окончательно, а на какое-то время) «дело» о злодее из-за кремлевских зубцов и превратило выстрел в Смольном 1 декабря 1934 года в трагическую развязку банального трудового спора.

Представление о состоянии и настроениях общества в год 130-летия со дня рождения Сталина давало исследование ВЦИОМа. 29 процентов россиян хотели бы видеть во главе государства политика, подобного Сталину. Это существенно меньше, чем несколько лет назад, – в 2005 году желавших видеть у власти лидера сталинского типа было 42 процента. Количество убежденных противников сталинских методов руководства за последние четыре года также увеличилось с 52 до 58 процентов. Число тех, которые затруднились ответить на вопрос, возросло с 7 до 13 процентов. Увеличилось также количество респондентов, равнодушно относящихся к личности Сталина. Если в 2001 году таких было 13 процентов, то в 2009 году имя Сталина не вызвало никаких эмоций у 28 процентов опрошенных. При этом положительные эмоции по отношению к нему испытывают 37 процентов россиян, а на негативное отношение указали 24 процента респондентов. Определение Сталина как жестокого тирана, уничтожившего миллионы людей, поддержали 35 процентов опрошенных. Столько же заявили о его выдающейся роли в победе в Великой Отечественной войне. Выросло также количество россиян, считающих Сталина мудрым руководителем. Если в 1998 году таких было 16 процентов, то в 2009-м – 21 процент.

Довольно весомо на этом фоне прозвучали и слова президента Дмитрия Медведева 30 октября в День памяти жертв политических репрессий о том, что террору и «преступлениям Сталина» не может быть оправдания. В ответ некоторые политологи поспешили намекнуть на то, что организаторам первой и второй десталинизаций – Хрущеву и Горбачеву – их борьба с вождем не принесла счастья, обоих сбросили.

В итоге юбилейный год так и закончился невнятицей относительно перспектив новой – третьей – попытки десталинизации. В свою очередь, обзор всех фактов и мыслей по поводу Сталина и сталинизма в 2009 году оставляет горький осадок. Много шума и ругани, обоюдной злобы и суеты, но крайне мало продвижения в осмыслении и оценке этого уникального явления XX века. В этом отношении ушедший год оказался провальным. Академическая наука просто промолчала. Публицистика тоже не предложила новых идей.

Как преодолеть плен сталинского образа?

И тем не менее десять сталинских юбилеев – достаточная основа, чтобы увидеть и как сам Сталин обустроивал эти праздники, и как власть, потеряв вождя, не могла пройти мимо круглых дат, пытаясь прояснить для себя и страны нечто важное. Понятно, что сегодня абсолютно неактуальны разговоры о практическом или теоретическом сталинизмах. Есть биография конкретного человека, но есть и образ, неотделимый от легенды. Конкретная биография подлежит изучению, уточнению, обсуждению. Образ выполняет совершенно иную задачу. В нем мало конкретных сведений, много размытости. В его создании исключительно важную роль играют стереотипы, которые эмоционально окрашены и обладают большой устойчивостью. И если личный опыт человека противоречит стереотипу, то в этом случае большинство людей либо просто не замечают этого противоречия, либо считают его лишь некоторым исключением, подтверждающим правило. Это открывает большие возможности для манипуляции сознанием, особенно со стороны тех, кто владеет СМИ.

Однако последний сталинский юбилей показал, что впервые не власть освещает и трактует фигуру Сталина, а сам образ Ста-

лина, выскочивший из-под контроля, конструирует пространство памяти, указывает, как его надлежит трактовать и увязывать с сегодняшней повесткой дня, за что хвалить и за что осуждать. (Это явилось подлинным новшеством именно последнего юбилея: на фоне пересудов об устойчивости тандема и ставших модными в нынешней политтусовке пари о сроках его раскола медийный Сталин образца 2009-го, казалось, имел лишь единственный недостаток – он не обеспечил преемственности собственной власти.)

Это происходит потому, что в игре со Сталиным власть обнаружила непоследовательность, а значит – слабость. Сначала была предпринята попытка внедрить по заказу Кремля наставление для учителей с новым образом Сталина как «эффективного менеджера». Причем, в режиме апологии авторитаризма, имперской державности и по-сталински «счастливой истории» для воссоздания национальной идентичности. Затем в тех же учебниках появились поясняюще-примиряющие интонации о роли сталинизма в истории страны, его вторичности по сравнению с ролью объективных обстоятельств. Но эти паллиативные ходы перекрыла оценка Сталина Медведевым. А до этого он заявил о недопустимости возрождения «железного занавеса», о важности учета социальной «себестоимости» при оценке реформ. А это сильно расходится с текстами, которые скроены по лекалам апологии изоляционизма, оправдания насильственной коллективизации ради индустриального скачка, трактовки ГУЛАГа как побочного продукта эффективной сталинской политики.

При Сталине власть была лидером, определяла вектор движения, четко формулировала задачи. Сегодня власть перестала быть безусловным лидером. И люди с патерналистским сознанием стали апеллировать к понятному и привычному образу Сталина. Действительно, нет ему ни вечного забвения, ни вечного покоя. Одни просят у Сталина защиты от бюрократов и мздоимцев, протестуют против последствий кризиса и инфантильной социальной политики, ужасаются трагедиям 2009 года, раскрывшим неэффективность властных структур всех уровней. Другие – хотят уйти «в мир уютный, мир домашний, погруженный в сладкий сон» (Игорь Иргенев).

Но отсюда вырисовываются направления возможного преодоления Сталина.

Власть должна быть сильной и справедливой, но не в сталинском смысле, не своей сакральностью, а выдвижением общества

на передние позиции, не имитацией опоры на него, а предоставлением именно ему права формировать властные структуры. Понятным, масштабным и привлекательным должен быть предлагаемый обществом в союзе с властью чертеж будущего. И не дай бог осуществиться словам тех, кто считает, что перекрыть Сталина можно только такой же великой Победой 1945 года, только построением «великой державы». В этом случае Сталин будет, наверное, преодолен, только Россия исчезнет.

И это не пустые опасения. В последнее время голоса тех, кто буквально в открытую заявляет, что ради великой идеи не жаль никакого «количества» «антропомассы», раздаются все громче и громче. А общество почему-то не обращает никакого внимания на подобные тревожные симптомы: ему гораздо интереснее расшифровывать намеки и недосказанности членов тандема в адрес друг друга и соизмерять получающиеся расшифровки с мифом Сталина.

Не громкими призывами о десталинизации или грозным судом над Сталиным надо заниматься. Пора начать хотя бы с малого – к примеру, реабилитировать всех без исключения лиц, осужденных внесудебными чрезвычайными органами. Число таких лиц, по утверждению Лаврентия Берии и Андрея Вышинского, в период с 1927 по 1939 год составило 2,1 миллиона человек. Эти органы и их приговоры до сих пор не объявлены незаконными – а значит, вынесенные ими решения до сих пор обладают юридической силой. У политического руководства страны сегодня есть все основания, чтобы раз и навсегда закрыть эту страницу прошлого. Пока же реабилитация продвигается медленно. Если дело затрудняется выплатой смешных пособий детям репрессированных (до 10 000 рублей), то надо помнить, что для этих семей важны не деньги, а восстановление справедливости и всей правды.

Что же касается мифа о Сталине, то его дешифровка может быть не только делом ученых. Современные арт-проекты способны сделать любой миф смешным и абсурдным. Ведь сумел же Эдвард Радзинский с присущим ему актерским темпераментом и литературным даром преодолеть устойчивые стереотипы и создать (в пике мнениям о «торжествующей серости» и «гениальной бездарности» Сталина) демонический образ ярчайшей, незаурядной личности эпохи, точнее – «князя тьмы» в окружении бездарностей и трусов. А с демона какой спрос?

Пройдет еще десять лет... Понятно, что страна станет другой, ее движение в истории наполнится новыми смыслами. Поколение молодых людей, проявивших сейчас равнодушие к Сталину, займет ключевые позиции в обществе. Возможности новых социальных и информационных коммуникаций окончательно сделают любой культ, любой интеллектуальный абсолютизм смешными и глупыми. Но те же самые нанотехнологии и механизмы soft power откроют такие фантастические возможности массового промывания мозгов, по сравнению с которыми сталинская идеологическая индустрия покажется детской игрушкой. Нет сомнения, что споры сталинистов и антисталинистов будут восприниматься как примитивная архаика. Однако нет уверенности в том, что обществу не будет навязано какое-то иное ценностно-смысловое размежевание – может быть, даже сводящееся к глубинным архетипическим основаниям идентичности (например, заточенное на этничность или на проблему сопряжения политкорректности с правом свободы совести).

Правда, в любом случае станет очевидным, что никакой миф Сталина не обладает должной конкурентоспособностью на концептуальном рынке жесткого и сложного XXI века. В этом смысле очевидная незавершенность общественной дискуссии о Сталине лишний раз свидетельствует о том, что для нас XXI столетие еще не наступило, что мы застряли в очередном «длинном» – на этот раз XX-м – веке. И сама постановка проблемы – как нам преодолеть Сталина – оказывается дурной обманкой, заставляющей одних страшиться возможности повторения в том или ином виде тоталитаризма более чем полувековой давности, а других – опасаться утраты четкого и понятного символа, позаимствованного из той же эпохи.

Порой возникает ощущение, что нас преднамеренно сталкивают лбами, заставляя полемизировать о тенях «давно минувших дней», заполняя этими тенями все пространство переживаемого ныне момента, насильственно удерживая в прошлом и не пуская в настоящее и тем более – в будущее, в то время как для человека свойственно жить в своем времени – единственно органичном и естественном для него.

Полного вытеснения культуры не произойдет. Интервью с Сергеем Шаповалом*

– Геннадий, какие общекультурные тенденции, возникшие в 2000-е годы, показались вам важными и способными определять будущее?

– Трудный вопрос. Скорее, проявились тенденции, которые будут осложнять движение к будущему. Посмотрите, как много вокруг имитационного – при внешнем, казалось бы, богатстве. В сфере образования – бессодержательное подражание так называемому Болонскому процессу, вытеснение всего подлинного, что десятилетиями нарабатывала национальная школьная и университетская среда. В политической культуре политтехнологии и пиар начали явно подменять партийную состязательность и осознанный выбор избирателя. В культуре труда и быта царят дикие контрасты – разруха и шик с безликостью, а значит, унылость и скука. Во многих городах цинично убивается историческое пространство. Кризис не только сфокусировал внимание на всем этом, но и породил ожидание иного, подлинного. Но кто и как предложит новый привлекательный чертеж движения в будущее? И не обернется ли он очередным технократическим планом: было – стало, есть – будет! Пока же тон задает массовая культура. Сообщения между ней и культурой профессиональной ничтожны. Носители последней начинают заигрывать с массовой, подстраиваются под стандарты, заданные потребительством и большими деньгами, для которых проще и рентабельнее – развлекать.

– Значит ли это, что культура постепенно вытесняется тотальным развлечением?

---

* Впервые опубликовано: Политический класс. 2009. № 9. С. 20–23.

– Мы можем говорить об определенных чертах этого. Но ведь ясно, что развлечение культуру не вытеснит. Сейчас возникла некоторая пауза, но полного вытеснения культуры не произойдет. Слишком высокие планки заданы предшественниками, надо идти дальше. Высокая культура осмысливает действительность, облекает ее в определенные художественные формы, которые всегда крайне интересны. Даже принимая правила массовой культуры, художники, писатели и музыканты не забывают о своей миссии. Кажется, Глинка в шутку говорил, что оперы пишет для себя и искусства, а романсы – для заработка. Люди непременно пресытятся пустым времяпрепровождением, захочется чего-то нетривиального, если хотите, парадоксального, то есть определенных затруднений в разгадывании мира. И тогда понадобятся сложные объяснения и представления. От простых быстро устаешь. Еще одна важная тенденция обозначилась в сфере формирования культурного заказа. Раньше его определяла художникам власть. Последнее десятилетие любопытно тем, что появился еще один заказчик – бизнес. Возникла даже борьба между государственным и частным заказами. Зачастую трудно сказать, который из них лучше, кто из заказчиков окажется более тонким и проницательным. Вспомним дуэль контрреформатора Победоносцева и купца-попечителя Третьякова в конце XIX века. Кто победил в ней? Вот и сейчас обозначилась конкуренция за смыслы, предлагаемые обществу. Художественная интеллигенция в этом треугольнике заняла почему-то страдательную позицию.

– А что нового в последнее десятилетие произошло в области исторического знания?

– Научный «ландшафт» исторического знания и историописания, конечно же, изменился. Сенсационные открытия, громкие разоблачения, обнаружения новых героев ушли – за редким исключением – в прошлое, вслед за политическими баталиями раннего постсоветского времени. Далеко позади судорожные поиски своего идеологического «окна» и споры о том, какому подходу – «тоталитаристскому» или «ревизионистскому» – надо следовать. В повестке дня – осмысление уже открытого, углубление и уточнение исторического знания, поиск новых способов его презентации в научной и учебной литературе, в СМИ и Интернете.

– Какие изменения претерпела методология исторического исследования?

– Мы являемся свидетелями смены парадигм, которые определяют исследование прошлого и его представления. В XX веке господствовала нарративная (описательная) история. Сейчас все большее распространение получает концепция когнитивной (познавательной, аналитической) истории. Безусловно, аргументированные конструкции прошлого могут возникнуть только в результате глубокого диалога профессионального историка с различными источниками. Причем не только текстуальными, но и материальными, аудио- и визуальными. Создаваемые конструкции непременно вступают в конкуренцию друг с другом и в результате приближают нас к пониманию смысла происшедшего, мотивации различных поведенческих стратегий, социально-культурных аспектов движения истории. И это процесс бесконечный, ведь каждое поколение формулирует свои вопросы к прошлому и предлагает свои способы раскодировки информации, потому что каждое поколение пишет свою историю, а не конъюнктурно переписывает ее. Еще один момент. Модный некогда постмодернизм не оправдал надежд в исторической среде. Прежде всего потому, что не пожелал оставаться в рамках одного из методов познания и стал претендовать на абсолютность, из инструмента интеллектуального анализа превратился в орудие контроля над мыслью. Своим релятивизмом он внес путаницу и поднял на щит гендер, деконструкцию и другие суперсовременные темы. Постмодернисты заявляли, что поскольку ничто в мире не повторяется, то вообще нет необходимости знать историю. От «бремени истории» надо освободиться. Поэтому и не возникло постмодернистской истории – ее ожидание в нашей среде, судя по всему, оказалось ошибочным. Ведь с точки зрения постмодернистов бессмысленно впрягать в фургон будущего старую хрому клячу, которая отзывается на кличку История.

– **Есть ощущение, что позиции корпорации историков несколько пошатнулись, все чаще, к примеру, литераторы берутся за интерпретацию исторических событий, на основании чего делают прогнозы. Недавний пример – Александр Кабаков, выпустивший роман «Беглец», в нем он предрекает жуткий хаос в России в 2013 году.**

– Я не стал бы инструментально подходить к исторической науке и требовать от нее каких-либо рецептов для политики или картин будущего. Однако вы правы в том, что в последние годы

произошло расставание с иллюзией о закрытом характере исторической науки, о том, что история основана на универсальном методе. Это, конечно, заметно усилило позиции неисториков, отстаивающих право говорить и писать об истории. У многих сложилось впечатление, что голоса профессионалов заглушили разные литераторы, политологи или толкователи истории при власти, что на переднем плане до сих пор находятся сенсационные открытия и «война памятников» или что история власти по-прежнему остается главной, да и пишется под вертикаль власти нынешней. В этом во многом виноваты сами историки. Для некоторых из них предпочтительнее интеллектуальные игры в своем кругу, взгляд свысока на исторические форумы в Интернете или популярную литературу о прошлом. Однако новые условия общественной и научной жизни, иные коммуникационные связи делают невозможным любое «присвоение прошлого», хотя сам синдром борьбы за это не исчез. Усилившаяся конкуренция между профессиональным и популярным историческим знанием делает эту борьбу бессмысленной.

К примеру, когда мы говорим о писательской среде, то там былой интерес к антиутопиям сменился противлением новой мифологизации истории, подобной «Красному колесу», а катастрофичность описаний прошлого тут же получает в ответ ироническое описание тех же событий – речь о фантастических допущениях Евгения Попова, покойного Василия Аксенова, Вячеслава Пьецуха и других. Озабоченность по поводу новой опричины блестяще пародируется в романах-антиутопиях Владимира Сорокина.

– Серьезные сдвиги в последнее десятилетие произошли и в области преподавания истории в школе. Что стоит за ними?

– Читатели «Политического класса», конечно, в курсе острой полемики по поводу того, как формировать образы прошлого у новых поколений. Пример тому – последние споры вокруг двух книг для учителей, предназначенных в качестве концептуальной основы для разработки адресованных школьникам учебников. Я имею в виду «Новейшую историю России» Александра Филиппова и «Обществознание: глобальный мир в XXI веке» Леонида Полякова. И эти пособия, и созданный позднее учебник «История России. 1945–2007» Александра Филиппова, Александра Данилова и Анатолия Уткина лидируют в печатных СМИ и в Ин-

тернете по количеству критических отзывов. Чем это объяснить? Если обратиться к содержательной стороне упомянутого нарратива, то это апология изоляционизма, характерного для СССР, оправдание насильственной коллективизации как средства обеспечения индустриального скачка, обоснование ускоренной модернизации как высшей цели, достигаемой любой ценой, трактовка ГУЛАГа как побочного продукта эффективной сталинской политики, объяснение террора стремлением «не потерять контроль над страной», создать «правильное общество». В теоретико-методологическом отношении критику вызвали выставленные ориентиры на безвариантность путей развития страны – своего рода мировоззренческий фатализм, – на непосредственную преемственность между до- и послереволюционной историей России. Причем в режиме апологии авторитаризма и имперской державности. Любопытно, что авторы, выдвинув тезис о Сталине как «эффективном менеджере», предчувствовали острую реакцию. Отсюда поясняюще-примиряющая интонация по поводу обобщающей трактовки роли сталинизма в истории страны: «Особый драматизм и напряженность советскому периоду сообщали особенности личности Сталина. Однако влияние психологических особенностей Сталина на политико-экономическое развитие, скорее, было вторичным по сравнению с ролью объективных обстоятельств. Реализация ускоренной модернизации страны требовала соответствующей системы власти и формирования управленческого аппарата, способного реализовать этот курс. Во многом эти причины поясняют характер осуществленного Сталиным переворота, ставшего по масштабу “революцией сверху”».

– Чем может обернуться внедрение нового образа Сталина?

– Неосталинизм вызвал критику не только в либеральных СМИ и в среде правозащитников, но и в научном сообществе. Ведь очевидны натяжки, связанные с разрезанием истории России–СССР по рубежу 1945 года и «династической» периодизацией по годам деятельности генсеков и президентов. Специфика ситуации состоит в том, что уход от научности в пользу неосталинистского «позитива» и авторитарного «патриотизма» по сути своей не отражает базовых идейных установок власти. Об этом свидетельствуют неоднократные высказывания ее высших представителей о неприемлемости в современных условиях

«форсированной модернизации» как целевой установки государства. Не в пользу апологии изоляционизма свидетельствуют и высказывания Дмитрия Медведева о недопустимости возрождения «железного занавеса», о важности учета социальной «себестоимости» при оценке эффективности реформ, о традиционном государственном патернализме как «весьма неоднозначном национальном опыте». Стремление власти к формированию «позитивной идентичности», что, по сути, означает гражданскую идентичность, и воспитанию уважительного отношения к собственному прошлому в принципе вполне достижимо. Но только не в режиме апологии тех или иных государственных деятелей прошлого. А как иначе? С этого мы и начинали наш разговор – через обращение к сфере широко понимаемых культурных достижений и духовных ценностей, через пересмотр образовательной концепции истории. Ее политические, военные компоненты не могут выпячиваться в ущерб социальным и культурным, истории повседневности и ментальности, а главное, человеческому измерению прошлого.

Профессионалы и советская власть: взгляд из и для нашего времени^{*}

Мы привыкли воспринимать как некую очевидность, не нуждающуюся в доказательствах, мнение о том, что главным, системообразующим внутривластным конфликтом советской эпохи – конфликтом, унаследованным еще от эпохи дореволюционной, – было противостояние между тоталитарной властью и гражданским обществом. Ну, если и не гражданским обществом как таковым – по причине элементарного отсутствия подобной свойственной западной политической культуре модели общественной связности, – то, во всяком случае, просто обществом: какое-никакое, но общество, не вдаваясь сейчас в его определение, у нас было.

Не ставя под сомнение сам факт указанного конфликта, следует, тем не менее, внести в приведенный взгляд два существенных уточнения.

Во-первых, взаимоотношения власти и общества должны описываться гораздо более сложной моделью, нежели простым конфликтом. Да, противостояние между ними действительно имело место и оставалось на протяжении всей советской эпохи исключительно существенной характеристикой их взаимоотношений. Но одним лишь противостоянием эти взаимоотношения не исчерпывались. Имели место и сотрудничество, и взаимные апелляции друг к другу – равно как и своеобразная игра в поддавки, обоюдные заигрывания по собственным, разработанным каждой из сторон для себя сценариям – либо по режиссуре стороны противоположной. Словом, налицо ситуация, когда конфликтные в основе своей отношения только к напряженности не сводились, но были весьма неоднородными, сложноорганизованными.

Во-вторых, все-таки необходимо разобраться с тем, что собой представляла одна из сторон, а именно – общество. (Власть в

---

^{*} Впервые опубликовано: Развитие и экономика. 2015. № 14 (сентябрь). С. 80–97.

этом смысле – несмотря на собственную специфичность, обусловленную тоталитарным характером режима, а значит, своей в принципе нерыночной природой, – была тем не менее гораздо более понятной и верно идентифицируемой в качестве верховного, управляющего начала.) Представляется, что в данном случае гораздо правильнее говорить не об обществе в целом, но лишь об его определенном сегменте, а именно – сообществе профессионалов, которое и вступало с властью в охарактеризованные выше сложные коммуникации и которое во многих отношениях брало на себя те самые функции, которые в развитых классических демократиях традиционно выполняло и выполняет гражданское общество.

Советская власть с самого начала и до самого конца своего существования была вынуждена не просто мириться с существованием подобного «гражданского общества», но и идти ему на определенные уступки, немислимые применительно к обществу остальному – массовому, находившемуся за пределами этого избранного круга профессионалов, иными словами – рабсиле как таковой. Диапазон таких поблажек был весьма широким – от разного рода спецпайков (которыми, кстати, прикармливались и некоторые сегменты рабсилы) и до того, на что власть скрепя сердце шла исключительно в своих отношениях с сообществом профессионалов: последним дозволялось кроме официальной коммунистической идеологии исповедовать что-то еще. Спектр и содержательное наполнение этого «чего-то» варьировались в зависимости от эпохи и того, что именно власть рассчитывала получить от профессионалов в результате такой поблажки. Скажем, когда после войны потребовалось в кратчайшие сроки создать собственный атомный проект, власть согласилась даже на фактическое «отключение» партийной инфраструктуры от всей атомной отрасли. А в застой, когда советское руководство было уже просто неспособным на подобные радикальные шаги, подчас ограничивались тем, что как бы не замечали откровенно диссидентских настроений, ставших в то время чуть ли не господствующими в самых разных группах профессионального сообщества.

Такие идеологические привилегии для профессионалов были самыми разными, но всякий раз – вынужденными. Надо сказать, что большевики достаточно быстро осознали, что вовсе не обязательно говорить со всем населением на одном и том же языке. Это допущение осознавалось ими явственно, особых споров и разногласий в партийной верхушке не вызывало. Да, поначалу

большевики упирались, им очень не хотелось разбавлять идеологическую однородность управляемого ими населения. Но они поняли, что если будут упорствовать и пытаться договариваться с профессионалами с помощью одних спецпайков, то далеко не уйдут: профессионалов нельзя склонить к сотрудничеству с властью одним пряником или одним кнутом. А вот на ощущение собственной избранности, на положение, при котором им позволено быть не такими, как вся остальная рабсила, русские профессионалы – еще с царских времен ратовавшие за эгалитаризм лишь на словах, а на деле всегда предпочитавшие существовать на некотором расстоянии от народа – по расчетам советской власти должны были клонуть. Предположение большевиков стопроцентно оправдалось: профессионалы действительно оказались чрезвычайно падкими на идеологическую привилегию, и руководству страны оставалось лишь определять длину поводка дозволенного, вокруг чего, собственно, и шли споры в партийной верхушке.

Советское руководство сыграло и на другой характерной особенности русских интеллектуалов – особенности, также уходящей своими корнями в далекое дореволюционное прошлое: на их страстной любви к хождению во власть – любви гораздо более сильной и горячей, чем к хождению в противоположном направлении – в народ. И этой своей страстью наши профессионалы разительно отличались от профессионалов западных. Те – если, например, говорить о французских интеллектуалах начиная с эпохи Второй империи, а то и раньше – всегда с большим удовольствием критиковали власть, провоцировали ее на реформы, выступали горячим материалом для революций. Но всякий раз, когда эти интеллектуалы одерживали идейные – а значит, и политические – победы над теми или иными политическими режимами от Наполеона III и до де Голля, они отказывались идти во власть и предпочитали сохранять дистанцию между собой и новым режимом, утвердившимся во многом их стараниями.

У нас же интеллектуалы традиционно вели себя прямо противоположным образом: исступленно боролись с властью, обвиняя ее подчас даже в тех грехах, которых она даже и не совершала, но когда им удавалось эту самую власть свалить, они изо всех сил устремлялись на освободившиеся вакансии – конечно, не первых лиц, но вместе с тем часто далеко и не последних, – забывая при этом, что заваривали всю эту кашу, по крайней мере декларативно, ради народа, а не для собственного нового трудоустройства.

И когда такой интеллеktуал дорывался до чаемого им места, он довольно быстро растрчивал не только свой революционный пыл, но часто и те профессиональные качества, из-за которых его, собственно, и взяли во власть, а также собственную самость. Аппаратная среда в этом смысле всесильна и неумолима: она способна перемолоть любого профессионала, отжать из него все ценное, а затем либо исторгнуть его обратно – в народ, – либо оставить в качестве заурядного функционального исполнителя, заставив при этом строго соблюдать правила поведения, заведенные во власти. Во втором случае многие профессионалы ломались, не выдержав собственного умаления до роли обыкновенного чиновника – пусть и высокого уровня. Наглядные тому примеры – судьбы философов Леонида Ильичева, Абрама Деборина, Георгия Александрова. Но это – одиозные личности, а можно назвать и других спецов – настоящих профессионалов своего дела, – кооптированных во власть если и не вопреки собственному желанию, то уж, во всяком случае, не в результате каких-то предпринятых ими интриг или ухищрений. По личному распоряжению Ленина Николай Кондратьев и Александр Чайнов работали в Наркомземе и Госплане (первый – в союзном, второй – в республиканском). А Владимир Базаров в самом начале 20-х входил даже в состав президиума союзного Госплана. Работа в наркоматах и вообще на поприще управления реальной экономикой страны разительно отличалась от служения на идеологическом фронте: возможностей оставаться именно профессионалами, не мутировать в чиновников здесь было гораздо больше, так как спецов сюда и привлекали для того, чтобы они оставались именно спецами, а не становились, по словам Маяковского, «посыльными в услужении у хозяев – бумаг».

Безусловно, личная деградация профессионала в результате его романа с властью не была чем-то предопределенным и неизбежным. Многие тут зависело и от личных качеств самих спецов – твердости, последовательности, умения грамотно распорядиться открывавшимися на управленческих должностях возможностями. А возможности были действительно немалыми. Попадая в ЦК, становясь депутатом Верховного Совета или даже простым членом коллегии наркомата, профессионал оказывался причастным к распределению бюджетных и иных ресурсов. И тут перед ним возникал непростой выбор: либо с головой уходить в строительство новой страны, воспринимая то дело, которым он теперь занимался, с личной заинтересованностью, либо ограничиваться

лоббированием своего прежнего дела – производства, института или иного учреждения, – к такому решению тоже можно относиться вполне с пониманием, либо стремительно дегradировать, включаясь в аппаратные игры, копируя стиль поведения чиновников и заботясь лишь об удовлетворении личных потребностей.

Этот выбор ко всему прочему осложнялся еще и небывало разогретым тщеславием от попадания во власть – попадания, столь желаемого для русского интеллектуала. Перед чиновником никаких подобных искушений не возникало: он просто существовал в парадигме бюрократического этоса, ничуть не изменившегося с дореволюционных времен, тихо и спокойно работал на себя, не испытывая никакой экзальтации от близости к власти. И потому был понятен, просчитываем и органичен самой власти, нуждавшейся в нем как в идеальном исполнителе, с которым можно было особо и не цацкаться. И совсем другое дело – профессионал. Заклучая с ним контракт, власть наступала себе на горло и, естественно, испытывала понятное желание при всяком удобном случае поставить своего «партнера поневоле» на место, унижить, раздавить, а то и просто уничтожить.

То есть не будет преувеличением сказать, что финал хождения профессионала во власть был для него предугадываемым и всегда одним и тем же – печальным либо, по меньшей мере, удручающим. Проигрыш становился неизбежным. Он варьировался в узком разбросе между мутацией в заурядного чиновника или теми или иными мерами, которые рано или поздно применялись к инородному и органически чуждому власти лицу.

Но трагизм положения интеллектуала в советской системе заключался в том, что невозможно было оставаться просто профессионалом, мастером своего дела, не участвовавшим в играх с властью. Если интеллектуал не лез во власть и сторонился ее, то он все равно попадал в ее удушающие объятия – но уже опосредованно, через сложные взаимоотношения внутри самих профессиональных сообществ. Эти сообщества были расколоты, но не по научным позициям и даже не из-за конкуренции школ и группировок, стремившихся стяжать лавры проводников единственно верного мнения – и причитавшиеся таким лаврам привилегии, – а опять-таки по отношению к власти и к ее обслуживанию. Состояния подобной опосредованной зависимости могли быть самими разными. Иногда профессионалы оказывались буквально в тисках – как если бы они перешли на работу во властные структуры. Но как правило, если интеллектуал оставался в своем профессио-

нальном сообществе, то его несвобода была все-таки несопоставимо слабее, нежели если бы он находился на службе непосредственно во власти. Но самое главное, что в таких оболочечных институтах, обслуживавших власть на том или ином направлении, профессионалы могли отчасти сами определять, в какой мере они настраиваются на частоты властных колебаний, которые напряженно улавливали в их трудовых коллективах. У кого-то получалось ничего особо для себя и не выпрашивать, чтобы не усугублять свою зависимость, но вместе с тем выполнять те заказы власти, которые в наибольшей мере отвечали профессиональным интересам. Это позволяло как бы и не слишком грешить перед научной истиной, каковой она представлялась. Характерный пример данной позиции – тезис историка Милицы Нечкиной о самодержавии как о «наименьшем зле».

Но не все были готовы к тому, чтобы проявлять такую «разборчивость» и демонстрировать «привередливость». Подавляющее большинство интеллектуалов вступали друг с другом в жесткую конкуренцию за право больше прогнуться перед властью, чтобы получить за это преференции в виде карьерного роста, привилегий, льгот или иных знаков внимания «свыше». Но заметной по своему количественному – и главное, качественному – составу была и другая часть профессионального сообщества, которая пыталась найти компромисс с властью, выстроить с ней договорные отношения. Формулу такого компромисса – сохранение своего достоинства и в то же время самого себя и своего дела – очень четко обозначил Аркадий Белинков в книге «Сдача и гибель советского интеллигента. Юрий Олеша». Литературовед до тошно выписал эту стратегию поведения, когда интеллектуал не рвется во власть, не ищет близости с ней и не пытается навязать ей свои услуги, а с чувством собственного достоинства ищет почву для сотрудничества в тех вопросах, в которых считает себя компетентным и в которых получит возможность не подлаживаться под те заранее известные выводы и суждения, которые от него хочет услышать власть, и при этом еще резервирует за собой право критиковать – разумеется, в разумных и допустимых пределах – своего работодателя. Этот своеобразный алгоритм поведения можно кратко обозначить как «примирение–резервирование». Примирясь с революцией, интеллигенция сначала резервировала за собой право критически относиться к некоторым ее сторонам – например, к политике власти в отношении интеллигенции. Затем, примирясь с этой политикой, она резерви-

рвала за собой право на скептическое отношение к некоторым нравственным нормам, установленным «свыше». Потом, примиряясь с этими нормами, интеллигенция резервировала право не принимать, скажем, преобладание вокальной музыки над инструментальной и т. д. В конце концов, объект какого-либо резервирования сводился к нулю, оставалось лишь «право безоговорочно соглашаться».

Возможность высказывать то что думаешь всегда была особенно ценной. Конечно, мало кому удавалось получить здесь такой карт-бланш, каким обладал Илья Эренбург, делавший подчас неожиданные и несогласованные заявления и по-отечески журившийся за них вождем. Критиковать власть – точнее, ее режим – дозволялось косвенно: например, затрагивая какие-либо нравственные или морально-этические темы. Территория критики могла быть и еще более локальной: например, музыка – симфоническая, народная или, что гораздо удобнее и сподручнее, эстрадная. Или же современная литература и публицистика – в позднесоветское время тут разворачивались целые баталии, причем голоса тех, которые впоследствии стали прорабами перестройки или демократами первой постперестроечной волны, звучали тогда довольно зычно. Чем меньше оказывался участочек, на котором разрешалась критика, тем более смело и решительно можно было ею заниматься. Власть объективно не могла во всем разбираться и отслеживать, чтобы в каждом вопросе расставлялись правильные акценты. Речь в данном случае даже не о каких-то сложных технических или естественнонаучных проблемах, а хотя бы о тех же лингвистике или музыке Шостаковича. И поэтому профессионалы получали уникальную возможность не только критиковать и спорить, но и в итоге добиваться своего. Так, автор «Толкового словаря русского языка» Сергей Ожегов в ответ на обвинения в том, что он использует и заимствует иностранные слова и аббревиатуры, вступил в переписку с ЦК и сумел убедить «товарищей» в том, что недопустимо искусственно сужать пространство живого и развивающегося языка и никакого низкопоклонства в иностранном словоупотреблении нет. (Скорее, конечно, он не убедил их, а вынудил отстать от него и закрыть глаза – но разве это не победа?) То есть компромиссные отношения с властью давали уникальную возможность профессионалу сохранить и собственное дело, и – что немаловажно – свое лицо.

Первый массовый призыв большевиками профессионалов во власть произошел еще в годы Гражданской войны. Надо сказать,

что сразу после Октябрьской революции начался процесс пока что индивидуального трудоустройства отдельных спецов, прежде обслуживавших царский режим, а затем и Временное правительство, в структуры новой – советской – власти. Но уже сама Гражданская война и иностранная интервенция вынудили большевиков всерьез задуматься именно о массовом, масштабном обращении к опыту старых управленцев. Чтобы выстоять, молодой Советской России требовалось мобилизовать все свои силы. Но для мобилизации только лишь героизма и подвижничества было недостаточно. Нужно было грамотно инвентаризировать все наличные ресурсы и выстроить из них дееспособный контур. Естественно, в первую очередь речь шла о профессиональном управлении экономикой – таком управлении, которое невозможно было организовать, не прибегая к опыту прежних спецов. И тогда Ленин принял принципиальное решение – пойти на сотрудничество с такими спецами, пусть даже, мягко говоря, и не сочувствовавшими большевикам, критиковавшими новую власть за то, что она, сделав ставку на рабочий контроль и фабзавкомы, потворствовала перерастанию частных цеховых интересов в принципы управления экономикой и тем самым отступила от Маркса, отнюдь не считавшего, что социализм должен строиться силами лишь одного пролетариата – без творческого диалога с другими социальными силами. И Ленин, похоже, прислушался к такому мнению. В короткую мирную паузу марта–мая 1918-го, когда одна – Первая мировая – война закончилась (во всяком случае, для России), а другая – Гражданская – еще не началась, он санкционировал фактически переход к госкапитализму ради передышки и преодоления продовольственного кризиса, идя при этом на серьезные компромиссы и допуская существенные отступления от доктринально стерильного социализма. Именно тогда, весной 1918-го, во власть – точнее, в ее исполнительные структуры типа Наркомпрода и Наркомфина – пришли целые группы спецов, согласившихся работать с большевиками в общем-то на условиях последних.

Однако вскоре – после контрреволюции на Украине и возобновившегося наступления германцев – компромиссы были свернуты. Повсеместно вводилось управление на принципах военного коммунизма: развернулась прекратившаяся было «красногвардейская атака на капитал», продовольственная политика начала строиться на основе очень жесткой хлебной монополии – продовольственной диктатуры. Но уже в конце 1918-го – начале

1919-го это закручивание гаек исчерпало все свои управленческие возможности. От большевиков стали отворачиваться не только крестьяне, но и рабочие, начали переходить на враждебные позиции предприниматели, прежде выразившие готовность сотрудничать с новым режимом. То есть социальная база большевистской власти недопустимо сокращалась. И вот тут подали свой голос работавшие в наркоматах профессионалы. В Наркомпроде заговорили о том, что продовольственная диктатура не срабатывает, и при этом не ограничивались голословными заявлениями, а собирали подробную статистику, выпускали бюллетени и предъявляли свои наработки политическому руководству страны. К тому времени и сам Ленин уже подошел к осознанию необходимости отказаться от чересчур радикальных способов управления экономикой, и звучавшее все громче экспертное мнение профессионалов Наркомпрода оказалось услышанным. Продовольственная диктатура заменилась менее жесткой продовольственной разверсткой.

Однако большевистская идеократия не мыслила себе строительства нового общества на основе компромиссов, пусть даже и временных. И как только в 1919-м советской власти удалось одержать решающие победы на фронтах Гражданской войны, Ленин вдруг начал говорить о необходимости пролонгации продразверстки, искренне полагая, что только на ее основе и можно построить социализм: дескать, никакого рынка не потребуется, все будет разверстываться и распределяться по устанавливаемым большевиками правилам. Между тем крестьяне согласились на продразверстку лишь как на временную меру во время войны, с их стороны это был компромисс, на который они пошли с большевиками ради установления после нейтрализации внешних угроз совершенно новых договорных отношений с советской властью. Спецы же из Наркомпрода и Наркомфина, видя реальное положение дел в экономике, уже в конце 1919-го предлагали вводить нэп.

Вслед за спецами из наркоматов военный коммунизм начали критиковать уже и отдельные представители самого партийного руководства, например, Леонид Красин – на тот момент нарком торговли и промышленности и одновременно путей сообщения, мастер привлечения инвестиций – «кошелек партии», как его звали. Так, он в открытую заявил, что большевикам удастся контролировать лишь 20 процентов экономики, организованной на принципах военного коммунизма, а остальные 80 процентов – это

«Сухаревка», то есть теневая экономика, подпольный рынок, на котором вращаются колоссальные средства, недоступные для власти. Более того, утверждал Красин, на «Сухаревку» работают и некоторые государственные структуры. Данный факт свидетельствовал уже о полной неспособности большевиков навести элементарный порядок в экономике. Сложившуюся ситуацию очень точно характеризовала ходившая тогда поговорка, разрушавшая представление о военном коммунизме как о жесткой, но эффективной диктатуре, державшей руку на пульсе страны: «Пишем по декрету, а живем по секрету». То есть демонстрируем внешнюю лояльность власти, а на самом втихую обделяем – кто как может – свои дела.

А ведь на тот момент шел уже 1920-й, когда Гражданская война в основном завершилась и непосредственная внешняя угроза режиму исчезла. И после победоносного окончания этой войны началась новая война – гораздо более страшная: война с собственным народом, устраивавшим мятежи против власти большевиков. И в итоге в марте 1921-го, под давлением антоновщины, серии других мятежей, в том числе и наиболее громкого – в Кронштадте, советская власть согласилась ввести нэп.

Важно подчеркнуть, что санкционированная большевиками новая экономическая политика не являлась их идеей. Для них это было вынужденное решение, своего рода компромисс с обстоятельствами, сворачивание с магистрального, по представлениям их лидеров, пути строительства социализма. Но в очередной раз сработал ленинский прагматизм: уловить мейнстрим общественных настроений и выдать его за собственную проработанную позицию. И вождь принял политическое решение по нэпу вопреки многим, в том числе и влиятельным, представителям большевистской верхушки. Но сделанный им шаг объективно вынуждал предпринять целую серию дальнейших действий. Рыночный фундамент нэпа очевиден. А значит, на место административно-командных мозгов, привыкших управлять приказами да маузерами, должны были прийти новые мозги, способные управлять рыночной стихией, принимать решения, исходя из оценки их рентабельности, уметь осуществлять синдицирование и трестирование. И вот тут на первый план вышли люди типа упомянутых выше Базарова, Кондратьева и Чайанова, а также Леонида Юровского из Наркомфина – одного из разработчиков денежной реформы, – то есть именно высококласные профессионалы, с которыми не могли конкурировать управленцы, выдвинувшиеся после Октябрьской революции и в ходе Гражданской войны.

Нэп – это вообще золотое время для самых разных профессиональных сообществ и ассоциаций. Их в те годы сложилось великое множество. Допущенные властью послабления создавали благоприятные условия для развития этих организаций, их конкуренции друг с другом и выработки форм жизнедеятельности, альтернативных тому строю, который создавался большевиками. Последние же свыклись с необходимостью предпринятого ими «реверса», но тем не менее даже не допускали мысли об оставлении командных высот. На протяжении всего периода нэповского эксперимента он воспринимался советской властью как нечто временное – пусть притом и весьма продолжительное, – поскольку политика рассматривалась ею как сфера неизмеримо более приоритетная, чем экономика. Отсюда, кстати, и многочисленные ошибки, допускавшиеся большевистским руководством, не желавшим во всем следовать рекомендациям профессионалов. Взять, к примеру, очень интересный и исключительно перспективный в реалиях возрождающейся экономики 1920-х принцип трестирования, когда работа в госсекторе строилась на принципах хозрасчета и экономической самостоятельности, а государству выплачивался фиксированный процент. Власть не дала полностью воплотить в жизнь этот принцип – она не согласилась на оплату труда пропорционально вкладу каждого работника, а настояла на сохранении уравниловки. И выходила несурезица. При переводе предприятия на хозрасчет новый принцип организации труда и его оплаты доводился до каждого рабочего места, чтобы все работники смогли на себе ощутить, как выгодно хорошо работать. И соответственно – как невыгодно работать плохо. Если работник ленился или халтурил, то это неизбежно должно было бы отражаться на его зарплате. Но этого-то и не происходило: партия не хотела «давать в обиду» рабочего – пусть даже и злоупотреблявшего таким ее доверием. В итоге хозрасчет не доходил до каждого члена трудового коллектива, а «застревал» где-то на уровне цеха или производственного участка и в итоге не срабатывал. Точно так же не получилось наладить отношения на принципах хозрасчета между предприятиями и их отраслевыми наркоматами. Большевики ни в какую не хотели допускать в новую социалистическую индустрию «классово чуждый» принцип материальной заинтересованности: интересы рабочих могла отстаивать только советская власть, а ни в коем случае не сами рабочие. Так нэп постепенно загонялся в «резервацию» мелких кустарей и артельщиков – своего рода производственных маргиналов, не де-

лавших погоды в серьезной экономике. А значит, не создавалось основы для экономического термидора, при котором интересы нэпманов и зажиточных крестьян со временем получили бы и политическое оформление.

Но развитие никогда не бывает линейным, и если после революции долгое время не происходит термидора, то значит, должен случиться следующий такт революции. Этот такт и начался в конце 1920-х в виде сталинской революции «сверху», завершившейся утверждением административно-командной системы в качестве экономического и политического монополиста. Однако такое усугубление революции, попытка построить настоящую утопию для каких-то идеальных людей, которых просто не существует в действительности, делали термидор тем более неизбежным – разве что отложенным во времени. Он случился спустя несколько десятилетий – в 1991-м, – когда протест против утопии стал всеобщим.

Утверждение сталинской модели делало неизбежным перезаключение контракта между властью и профессионалами на гораздо более жестких условиях для последних. Жизнь профессиональных сообществ регламентировалась, не осталось никого, не приписанного к тому или иному профессиональному цеху типа Союза писателей, Союза художников и тому подобных объединений. Прежнего полководца организаций, какое наблюдалось в 1920-х, уже не было: Сталин воспринимал спецов как ценный ресурс режима и потому не мог позволить, чтобы кто-то из них оставался недоучтенным или не приписанным сообразно своей потенциальной полезности и готовности к употреблению. Но и при таком резком усилении режимности спецы не утратили профессионального интереса к социалистическому строительству, тем более что на первых порах амбициозные сталинские задумки не могли не восхищать и не будоражить впечатления тех, кому вменялась в обязанность их практическая реализация. К тому же тяга к фундаментальной перделке мира была тогда присуща не только советскому народу, но и населению ведущих капиталистических держав. Аналогичные задачи – разве что с национальной спецификой – ставились тогда и в гитлеровской Германии, и в заокеанской Америке, и в совсем уж неведомой и по-прежнему закрытой от мира Японии. Поэтому потребность в драйве, в мобилизационном рывке для построения нового мира, в каком-то специфическом образном языке для описания подобного творческого состояния – это чувство, которое в 1930-е испытывали ин-

интеллектуалы и за пределами СССР. Во всяком случае, в державах, претендовавших на роль пионеров развития и законодателей мод в деле социального конструирования. Старая аристократия – в тех обществах, где она, в отличие от СССР, оставалась, – всюду клонилась к упадку, а профессионалы и – шире – интеллектуалы вообще напротив резко шли в гору. И везде политическая власть играла на этом тренде, решая с помощью такого порыва те проблемы, которые объективно назрели, но одновременно объективно же не могли быть сняты при прежней ритмике социальной жизни. Другое дело, что в либеральных империях Запада – Соединенных Штатах и Великобритании – власть играла с интеллектуалами гораздо более завуалированно и деликатно, чем в тоталитарных режимах Японии, Германии или СССР. Но и там и там вызовы эпохи открывали для интеллектуалов огромное количество возможностей проявить себя.

Поэтому, возвращаясь к сталинскому СССР, следует сказать, что и со стороны профессионалов, и со стороны власти имелась объективная заинтересованность в перезаключении контракта на взаимное сотрудничество, сокращение же диапазона свободы для спецов не умаляло их стремления обрести свое место на стройках социализма. Тем более что по сравнению с прагматизмом ленинским – прикладным, готовым ради разрешения конкретной проблемы поступиться теми или иными догматическими принципами, но лишь временно и с неизбежным возвращением на оставленные позиции, – прагматизм сталинский был гораздо менее идеологизированным (приоритеты свелись к обеспечению лоялизма и обустройству режима личной власти – власти как таковой, в чистом виде, а потому особо и не нуждавшейся ни в каком догматизме) и демонстрировал готовность вести диалог даже с недавними врагами. Так, стало возможным обращение к державности, к патриотическим ценностям, связывавшим воедино прошлое и настоящее, – и при этом необязательно воспринимавшимся с классовых позиций. Эта метка, посланная «сверху» в общество, была моментально воспринята, и социальная опора режима – в том числе из числа профессионалов, прежде ни в какую не желавших идти в услужение советской власти, так как для этого требовалось продемонстрировать приверженность большевистской идеологии, – заметно расширилась.

Возымела эффект и другая непохожесть обоих вождей. Ленин сам был интеллектуалом, причем не сторонился и совсем уж высоких материй, в эмиграции занимаясь философией и поддержи-

вая отношения с европейскими мыслителями левой ориентации. Поэтому он умел обращаться со спецами и вместе с тем особо с ними не церемонился. Сталин же не считал себя интеллектуалом, и ему явно льстило, что он имел возможность приближать к себе профессионалов. А последние, в свою очередь, также готовы были заигрывать с вождем. Сталинская «внеидеологичность» оказывалась тут как нельзя кстати, о чем свидетельствуют истории взаимоотношений Сталина с Михаилом Булгаковым или Борисом Пастернаком.

Вся эта новая стилистика диалога власти и профессионалов отточилась и вместе с тем обрела некие новые черты в годы войны.

С одной стороны, рамки официальной идеологии, в 1930-е годы и так заметно раздвинувшиеся, с началом войны были перенесены еще дальше – за те ограничительные линии, которые прежде считались непреодолимыми. Власть фактически в открытую призвала перед лицом врага забыть старые классовые обиды и сплотиться вокруг фигуры вождя. Советская страна – пожалуй, впервые с момента своего рождения в горниле Октябрьской революции и Гражданской войны так четко и осознанно – начала позиционироваться как в основе своей то же самое государство, которое существовало до 1917 года, только обновленное, на новой ступени своего развития, но вместе с тем чтущее героизм и патриотизм предков – хотя бы даже и из царского прошлого. После почти четвертьвековых репрессий, гонений и забвения была частично «реабилитирована» церковь.

Однако гораздо важнее обратить внимание на то, что имело место, так сказать, с другой стороны. Перечисленные выше нововведения вполне укладывались в общую патерналистскую схему тотального лоялизма: то, что из тени в свет переводились целые сегменты тех, кого раньше считали классовыми врагами, выглядело как бы царской милостью, традиционным русским замирением в годину испытаний – пусть, правда, и с оттенком покаяния самой власти типа проникновенных обращений «братья и сестры», «к вам обращаюсь я, друзья мои», что тем не менее также было вполне в духе отработанного веками сценария самодержавного плача. А потому не меняло ровным счетом ничего в режиме личной власти. Буквально революционная по своей сути новация подступила с другой стороны: власть отважилась на то, о чем раньше даже и близко не помышляла, – на доверие к своим гражданам. Если прежде доверие, аранжированное восторгами и поклонением, могло подниматься лишь «снизу» «вверх», то теперь

оно стало оказываться и в обратном направлении – «сверху» «вниз». Со скрипом, без восторга, вынужденно – но оказываться! В советских реалиях это значило очень многое: фактически в переводе с языка нашей политической культуры на язык западной политической культуры такое властное доверие следовало воспринимать как делегирование сувереном части своих полномочий (в нашем случае – в виде оказываемого доверия и предложения разделить ответственность) гражданскому обществу (опять же в реалиях СССР – сообществу профессионалов).

Доверие оказывалось в первую очередь тем из профессионалов, кто был способен самостоятельно – а не послушно – мыслить и принимать ответственные – а не директивно спущенные – решения. Среди таких лиц были и ученые-технари – например, Петр Капица, Игорь Курчатов, Лев Ландау, Сергей Королев, – и капитаны промышленности, как Исаак Зальцман, Алексей Шахурин, Иван Лихачев. Эти и другие отмеченные «высочайшим» доверием фигуры транслировали такое доверие ниже – на уровень конструкторских бюро и промышленных объединений, между которыми разворачивалась конкуренция, в ходе которой совершенствовалось качество выпускавшейся продукции, оттачивались практики управления большими предприятиями. И в условиях этой конкуренции уже не имело никакого значения, кто именно добивался лучших показателей – большевик или беспартийный, лицо с безупречным пролетарским происхождением или кто-то из «бывших», человек с незаполненными последними страницами паспорта или уже посидевший в сталинских лагерях.

И самое удивительное, что даже в условиях предельного мобилизационного напряжения эти новые управленцы из оборонной науки и оборонных отраслей промышленности использовали те самые методы стимулирования личной материальной заинтересованности, которые апробировались в годы нэпа, а потом были благополучно забыты. Например, упомянутые Зальцман, Шахурин и Лихачев внедряли у себя принцип хозрасчета. Опыт использования рыночных механизмов в 1941–1945 годах был впоследствии проанализирован и изложен Николаем Вознесенским, на тот момент возглавлявшим Государственную плановую комиссию при союзном Совмине, в книге «Военная экономика СССР в период Отечественной войны». В ней прямо говорилось о необходимости и в мирное время работать с такими инструментами, как прибыль, цена, рентабельность, хозрасчет, – то есть на повестку дня ставилось то, о чем Косыгин заговорил два десятилетия спустя.

Однако для решительных, новаторских по характеру действий и поступков требовалось известное мужество. Неслучайно нарком танковой промышленности Вячеслав Малышев говорил руководителям «Уралмаша» о том, что сейчас и в последующем будет нужна правовая основа для проявления смелости. В условиях налаженного военного хозяйства утвердилась практика «разносов» директоров за нарушение тех или иных прерогатив вышестоящих инстанций, установленных «сверху» лимитов. На многие формы хозяйствования распространялось идеологическое табу, они трактовались как несовместимые с социализмом. Например, критерий прибыли многими руководителями рассматривался как основной в оценке эффективности работы предприятия. При таком положении каждый управляющий должен был подыскивать людей, которые могли бы приносить наибольшую пользу, и оплачивать их труд не по установленной ставке, а по тому, кто чего стоит. Но в самой постановке вопроса «дать волю каждому», то есть дать возможность самому отвечать за все, не перекладывая ответственности на чужие плечи, на вышестоящие инстанции, тут же усматривалась угроза ослабления планового – а значит, централизованного – начала.

Противоречила установленным правилам снабжения «по карточкам» мысль директора ЗИСа Лихачева о том, что придет такое время, когда забудем вообще о фондах, что потребитель будет иметь дело с изготовителем. То есть он выступал за такие подлинно плановые начала, которые не предписывают способы движения к общественно важной цели, а создают основу для проявления широкой технической и хозяйственной инициативы. В 1944 году Лихачев решительно отверг предложение лимитировать работу цехов по отдельным элементам затрат и требовал устанавливать задание только по общей себестоимости изделия, не связывая излишней опекой начальников цехов.

Весьма перспективные мысли о методах хозяйствования сохранились в записке Константина Белова, представленной в том же 1944 году в Наркомат станкостроения. Вернувшись из командировки в США, инженер призвал обратить серьезное внимание на индустриальную социологию, на разрабатываемые ею принципы и способы реализации на производстве теории «человеческих отношений». Белов видел в ней, как и в системе Тейлора, прежде всего черты, которые могли бы быть использованы в деле дальнейшего развития научной организации труда, создания оптимальных условий для проявления способностей советского рабочего, его изобретательности и инициативы.

Все новые идеи, поиски, прозрения венчала работа неизвестного экономиста Николая Сазонова «Введение в теорию экономической политики». Выходец из крестьян, инженер-энергетик по образованию, член партии с 1920 года, он в 1943 году представил в Институт экономики Академии наук СССР свою докторскую диссертацию. По мнению Сазонова, игнорирование таких законов, как законы денежного и товарного обращения, образования и движения цен, привело к крупным ошибкам, затормозившим развитие страны в 30-е годы. Ликвидация государственной и кооперативной торговли с заменой ее распределением продуктов по карточкам отрицательно отразилась на всем народном хозяйстве. Отсутствие свободной государственной торговли в городе вызвало резкое сокращение предложения сельскохозяйственной продукции со стороны крестьянства. Это осложнило снабжение городов, привело к понижению производительности труда, превратило предприятия в «проходные казармы».

Причину острого кризиса финансовой системы страны Сазонов видел в том, что основная доля доходов принадлежала не отдельным предприятиям, а государству. Проведение большей части доходов и расходов народного хозяйства через государственный бюджет приводило к его огромному разбуханию, что, в свою очередь, способствовало быстрому росту государственных учреждений. Такой порядок бюрократизировал все финансовое хозяйство страны и явился одной из серьезнейших причин больших перебоев в хозяйстве в первые месяцы Великой Отечественной войны. Для оздоровления экономики, ее быстрого восстановления после войны Сазонов предлагал «переключить работу хозяйственного оборота на коммерческие рельсы», продавать товары широкого потребления хотя и по карточкам, но по складывавшимся ценам вольного рынка. Он считал необходимым отказаться от планового вмешательства в хозяйственные процессы, отменить централизованную систему фондирования, предоставить руководителям предприятий право свободного маневрирования фондами материалов, рабочей силы, зарплаты и т. д. Плановая работа, по его мнению, должна была сводиться только к регулированию хозяйственных процессов, к учету и предвосхищению их.

Сложная ситуация с обеспечением тыла необходимыми кадрами объяснялась в диссертации тем, что еще до войны в народном хозяйстве из общей численности работавших по найму около 30 миллионов человек около 6–7 миллионов были заняты непродуктивным трудом, выполнением функций или обязанностей,

от исполнения которых государство должно отказаться. Так как за время войны никаких существенных изменений в области организации труда и заработной платы, а также в области фондирования зарплаты не было произведено, то резервы составили весьма значительную величину. Анализ использования трудовых ресурсов, работавших по найму в 1943 году в количестве 15,8 миллиона человек, показал, что из них около 3,5 миллиона заняты непроизводительным трудом в вахтерской, сторожевой и пожарной охране или выполнением функций, тормозивших хозяйственную работу. Этой армии трудящихся государство ежедневно выплачивало 40 миллионов рублей – или 11,5 миллиарда рублей в год – без получения от ее труда какой бы то ни было материальной продукции.

Сазонов подробно обосновал меры по организации широкого привлечения и использования иностранных капиталов в форме акционерных обществ и концессий. Он считал целесообразным создание акционерных обществ с участием Советского государства как пайщика и акционерных обществ чисто социалистических. 80 процентов всей промышленности предлагалось перевести на акционерные начала с сохранением в акционерных обществах 51 процента капиталов за государством. В диссертации содержались предложения об отмене монополии внешней торговли и замене ее «рациональной таможенной системой».

Исследование Сазонова в июне 1944 года по указанию ЦК было обсуждено на совещании экономистов. В выступлениях директора Института экономики члена-корреспондента АН СССР Павла Хромова, академиков Евгения Варги, Константина Островитянова работа была подвергнута разностной критике, оценена как крамольная попытка опорочить всю довоенную экономическую политику и обосновать необходимость возвращения после войны к капитализму. После такого приговора судьба автора столь необычной для того времени диссертации была предрешена.

И тем не менее война принесла с собой ощущение какого-то удивительного внутреннего раскрепощения, соединенного с ожиданием перемен, которые обязательно будут, которых просто не может не быть. Это ощущение – через разговоры, которые во время войны велись в интеллигентской среде, – талантливо передал Василий Гроссман в «Жизни и судьбе». Люди задумывались о том, какой будет их страна после войны, и они просто не могли себе представить, что после такого страшного испытания могут снова вернуться к депрессии, унижению, принудительный труд.

Власть как будто услышала, почувствовала это тектоническое брожение в народе и... двинулась навстречу этим чаяниям: вскоре после окончания войны стала разрабатываться новая Программа партии. Однако работа, о которой в общество делались регулярные «сливы» и к которой был привлечен весь цвет советской гуманитарной и общественно-политической мысли, была свернута, едва начавшись. А потом раздались первые залпы холодной войны, развернулась «борьба с космополитизмом», и по всему стало ясно, что масштабный эксперимент по обновлению советского строя, который в годы войны стал предприниматься отдельными очагами в разных сферах жизни, в основном завершен, а продолжается только в оборонке – да и то в урезанном виде: с конкуренцией КБ, но без хозрасчета.

Похоже, что и власть далеко не всем была довольна и вынашивала замыслы каких-то перемен. Это движение вышло на поверхность не только на самом XIX съезде – в виде целого ряда неожиданных кадровых перестановок, – но и накануне форума, когда в «Новом мире», а затем в «Правде» вышел очерк Валентина Овечкина «Районные будни», в котором был представлен конфликт двух управленцев: человека старого покроя, привыкшего размахивать пистолетом и всюду усматривать козни врагов народа, и представителя нового поколения, который пытается вернуть властную систему – на своем уровне, разумеется, – лицом к людям.

1953 год самым непосредственным образом отразился на контракте между властью и профессиональным сообществом. Можно сказать, что с приходом к власти Хрущева и началом «оттепели» отношения ведущего и ведомого поменялись в этом контракте на прямо противоположные. Если в первые три с половиной десятилетия существования советской власти возможности применения навыков спецов и их положение в обществе целиком и полностью зависели от партийного руководства, то начиная с 1953 года профессионалы стали явочным порядком не только делать погоду в своих непосредственных сферах, но и формировать общенациональную повестку. Во многом это явилось результатом неуклюжих попыток Хрущева наладить диалог с интеллектуалами. Вести тонкую игру на манер Сталина у него не получалось, да и извечная ролевая пара – царя и находящегося при троне мудреца – уже явно не соответствовала наступившей эпохе. Осознавая, что он проигрывает таким «мудрецам», Хрущев устраивал им разносы, чем только еще больше ослаблял позиции власти как одной из

сторон контракта: с каждым из таких разносов реноме профессионалов как влиятельной и – страшно подумать! – самостоятельной силы лишь укреплялось. В сложившейся ситуации власть из полновластного хозяина, на своих условиях нанимавшего профессионалов на работу, все больше превращалась в какого-то невнятного субподрядчика, которого терпели, поскольку он платил, но не более того.

Положение власти в диалоге со спецами заметно улучшилось с приходом Брежнева. Вернее, сам Брежнев был тут ни при чем. В том, что власть на какое-то время вернула себе имидж монопольного держателя смыслов стратегического развития, заслуга Косыгина, с которым профессионалы связывали надежды на реформы. Будучи сам продуктом сталинской системы управления экономикой, Косыгин очень хорошо понимал, какие непреодолимые ограничения для НТР и вообще хотя бы для элементарного – пусть незначительного, но стабильного – прироста экономики создавала административно-командная система. И он очень основательно начал готовить серьезную экономическую реформу, опираясь на идеи, которые были обнародованы в статье харьковского профессора Евсея Либермана «План, прибыль, премия», опубликованной в «Правде» в сентябре 1962 года. Поддержку предложениям Либермана высказали экономисты Василий Немчинов, Станислав Струмилин и эксперты Госплана СССР, руководители предприятий. В западной прессе и советологии концепция реформ получила название «либерманизм». Важно заметить, что как альтернатива реформе в среде интеллигенции радикального «технократического» направления рассматривались идеи академика Виктора Глушкова, который в это же время развивал программу тотальной информатизации экономических процессов с применением системы Общегосударственной автоматизированной системы учета и обработки информации (ОГАС), которая должна была базироваться на создававшейся Единой государственной сети вычислительных центров (ЕГС ВЦ).

В каком-то смысле учитывался и опыт реформирования экономики при Хрущеве, в частности, эксперимент с совнархозами. В конце концов, совнархозы тоже ведь были попыткой построить децентрализованную экономику. Эксперимент по внедрению этих «территориальных министерств» не удался – отчасти по причине его недостаточной концептуальной проработки, отчасти из-за нашей извечной беды – возникновения и бурного роста местничества всякий раз, когда верховная власть «уходит» с терри-

торий, и провоцируемого в результате этого очередного витка противостояния «земли» и «державы». Но как бы там ни было, совнархозы тем не менее явились первой попыткой невертикального управления гигантской экономикой, и их уроки нельзя было игнорировать.

Косыгин начал с самого простого, что можно было решить как раз благодаря административно-командной системе, позволявшей быстро и без проволочек доносить на места директивы и контролировать их исполнение – в части, касавшейся не столько существа дела, сколько бумагооборота. Ему удалось ощутимо уменьшить количество параметров отчетности. Это был первый шаг на пути предоставления предприятиям широкой экономической самостоятельности.

Следующим шагом стало как раз директивное – а как же иначе при административно-командной системе? – введение непосредственно самого принципа хозрасчета. Дело продвигалось непросто: мешало то, что позже – в перестройку – назвали «механизмами торможения». Причем особенно мощными эти «механизмы» были даже не столько в управленческой вертикали, сколько на самом низовом уровне – в трудовых коллективах и на рабочих местах. До того уравниловка как базовый принцип оплаты труда позволяла сглаживать острые углы: передовики и ударники компенсировали лентяев и халтурщиков, и в итоге складывалась более или менее приемлемая картина. Долги же, накапливавшиеся на разных этапах хозяйственной вертикали, рано или поздно – но неизбежно – списывались, поэтому руководство предприятий могло особо и не беспокоиться по поводу сведения баланса. А при хозрасчете устанавливался совсем другой порядок. Предприятие оценивалось по конкретным показателям прибыли и рентабельности. Списание долгов оказывалось в принципе невозможным, поскольку предприятие превращалось во вполне самостоятельную экономическую единицу. У его директора имелась возможность создавать три фонда, в которые разрешалось распределять прибыль после отчисления обязательного процента государству. Один фонд – на развитие производства, другой – на материальное поощрение сотрудников (причем решения о том, какую кому начислять зарплату, принимались непосредственно в самих трудовых коллективах), третий фонд – на социальные нужды работников и их семей. То есть фактор материальной заинтересованности включался на полную мощность. Люди начали зарабатывать реально много – по сравнению со средней зарпла-

той по отрасли и тем более по стране. На успешных предприятиях прекращалась текучка кадров. Рабочими местами стали дорожить, и трудовая дисциплина повышалась буквально на глазах. В итоге VIII пятилетка, на время которой в основном и выпала косыгинская реформа, по основным показателям оказалась намного успешнее предыдущих.

Между тем по мере того как реформа набирала силу, в верхних эшелонах управленческого аппарата нарастало недовольство происходившими переменами. Причины подобного настроения понятны: в результате массового перехода предприятий на хозрасчет административная вертикаль оказалась отключенной от процесса принятия решений, ставших теперь сугубой прерогативой самих трудовых коллективов. Аппаратчики использовали любой повод, чтобы дискредитировать это начинание. Очень кстати оказалась серия громких дел отдельных руководителей низового уровня – прорабов, бригадиров и пр., – уличенных в нецелевых растратах. Свою роль сыграли и другие факторы, непосредственно не относившиеся к экономике, – например, события в Чехословакии или зависть Брежнева к Косыгину: многие доброхоты открывали генсеку глаза на то, что, мол, популярность председателя Совмина росла и уже превысила популярность самого лидера партии. И наконец, главное: Косыгин понимал, что реформа в том виде, в каком она проводилась, исчерпала себя. Да, налицо был подъем экономики, люди стали хорошо зарабатывать и ощутили вкус к новой организации труда и его оплаты. Но теперь требовался следующий шаг – менять отношения собственности, а это было бы уже прямым вызовом политической системе, на что Брежнев и его окружение пойти не могли. Реформа постепенно была свернута, и страна вступила в застой.

Однако застой политический, управленческий не означал застоя интеллектуальной жизни. Профессионалы, согласившиеся было играть по правилам в видах возможного реформирования страны «сверху» в результате косыгинской реформы, перестали ощущать себя связанными с властью каким-либо договором. Кто-то – как, например, диссиденты – в явной и вызывающей форме. Кто-то начал просто работать в стол, на перспективу, готовя будущие реформы в отложенном режиме, ожидая для них подходящего момента и в то же время не только явно не конфликтуя с властью, но и сотрудничая с ней. Среди таких были будущие активные идеологи перестройки Татьяна Заславская, Леонид Абалкин, Николай Петраков, Станислав Шаталин. Кто-то, как тот же

Георгий Щедровицкий, создавал полуподпольные «секты» своих учеников и соратников, которые «всплыли» уже в постперестроечные времена, да и то не с самого начала. Кто-то, как Александр Зиновьев, уехал. А кто-то – правда, таких были уже единицы, например, Эвальд Ильенков – продолжал работать и верить, что достучаться до самого «верха» получится.

С приходом к власти Андропова отчасти повторилась ситуация второй половины 1960-х: как и тогда вокруг Косыгина, так и теперь в непосредственной близости и под личным контролем нового генсека начала работать группа профессионалов – Евгения Примакова, Федора Бурлацкого, Георгия Арбатова, Александра Бовина, Георгия Шахназарова и др., – которые стали готовить перестройку. Точнее, тот пакет реформ, который стал так называться уже при Горбачеве. Андропов понимал реальное состояние страны – как и то, что тянуть с решительным обновлением нельзя, иначе кризис примет необратимые формы. Но вместе с тем и он был готов идти лишь до определенного предела – до тех пор пока преобразования не выльются за пределы того, что называлось социализмом. Однако при Андропове – и в этом его принципиальное отличие от Горбачева – вся эта работа велась в закрытом режиме. Ни о каком политическом обновлении «широкого употребления», «для всех» речи не шло. Генсек считал, что общество в массе своей не готово к тому, чтобы его посвятили в вынашивавшиеся планы. Во всяком случае, и в таком ключе тоже правомерно понимать крылатую андроповскую фразу: «Мы не знаем общества, в котором живем».

Оглядываясь сейчас на эпоху Горбачева, можно признать, что Андропов в своем осторожничанье с обществом – да и не только с ним, но и с узким кругом интеллектуалов – был во многом прав. Когда в перестройку политические реформы стали намного обгонять все остальные перемены, профессионалы в массе своей забыли о собственном корпоративном предназначении: в них проснулась извечная тяга к власти, к попаданию в нее. Подвернулся и удобный способ массовой кооптации во власть – на волне масштабной реформы законодательной власти и процедуры выборов в нее. Но для этого профессионалы должны были идти на поводу у масс, подыгрывать общественным настроениям, которые становились все более и более радикальными. А значит, должны были изменять своему предназначению – формировать массовые настроения, а не быть игрушкой в руках этой стихии. А дальше – больше. Как позже признавался Гавриил Попов, радикальные де-

мократы союзного и республиканского съездов нардепов были готовы к тому, чтобы установить новый строй явочным порядком – чрезвычайным способом, – если Горбачев и далее проявлял бы нерешительность и метался между «революционерами» и «консерваторами». Если бы ГКЧП не совершил попытку переворота в августе, то радикалы-нардепы, по словам Попова, сделали бы то же самое в октябре. Собственно, это и произошло, только позже – в декабре – и мягким способом, когда Советский Союз был объявлен несуществующим. То есть вкусив сладость власти, профессионалы были готовы действовать теми же самыми способами, которыми эти власть традиционно управляла страной. Но опора на государственный переворот как на средство для учреждения новой страны закладывает мины, которые взрываются позже и в тот момент, когда этого никто не ждет. И эпоха Ельцина сполна это подтвердила. Ставка на творцов ваучерного способа приватизации и залоговых аукционов отрешила все население от свободного доступа к ресурсам России, заложила экономические, социальные и политические основания нового самовластия.

Похоже, что гражданское общество у нас до сих пор так и не сложилось и по-прежнему замещается своим эрзацем – сообществом профессионалов. А потому советский опыт выстраивания взаимоотношений между этим сообществом и властью до сих пор актуален, несмотря на то что нынешняя Российская Федерация – это уже совершенно другая страна, разительно отличающаяся от Советского Союза.

Конечно, очень хотелось бы, чтобы наши интеллектуалы перестали рваться во власть, а взяли пример хотя бы с тех же французских интеллектуалов, о которых говорилось выше, и превратились бы в зеркало власти, в ее критика и судью, держались бы от нее на расстоянии. Но рассчитывать на такое – пустое резонерство, маниловщина. Национальные поведенческие стереотипы не меняются по мановению волшебной палочки – на это уходят столетия. Чтобы перерождение стало заметным, ему должны подвергнуться многие поколения. Поэтому гораздо правильнее не ставить недостижимых целей, а ограничиться прагматичными паллиативами. И если властолюбия интеллектуалов никак не обуздать, то его необходимо соответствующим образом организовать.

Один из наиболее наглядных уроков советской эпохи заключается в том, что контракт между властью и сообществом спецов должен работать. Пусть худо-бедно, но работать, что выражается

в том, что власть делает заказы, профессионалы их исполняют, получают за это материальное вознаграждение, статусный рост и... новые заказы. А чтобы это колесо вращалось, перво-наперво необходима действенная кадровая политика – регулярная ротация и бесперебойная работа социальных лифтов. Профессионал должен знать, что сделать карьеру реально, что все зависит только от него самого. Безусловно, вряд ли сегодня имеет смысл говорить о возрождении той системы воспроизводства руководящих кадров, какая была в советское время. Важно преодолеть хотя бы наиболее вопиющие извращения кадровой политики. Например, горизонтальную ротацию кадров, когда управленец, заваливший работу на одном участке, перемещается на эквивалентную должность на другом участке – и заваливает дело уже там.

Вместе с тем и советский опыт выстраивания кадровой политики не следует чересчур идеализировать. Его надо воспринимать, скорее, как интенцию, намерение, некое мнение о том, как должно было быть – а не как было на самом деле. Да, в советское время профессионал мог продвигаться по служебной лестнице независимо от своего происхождения, изначального уровня материального обеспечения: образование, служба в армии или стаж партийной работы исправляли неудачные анкетные данные и даже придавали карьерному росту такой мощный импульс, какого не было у других. Однако должностное возвышение было небесконечным. С определенного уровня начинали все ощутимее включаться факторы блата, nepотизма, клановости. Во многом на этом и сломался советский контракт власти и спецов. Понятно, что чем выше, тем объективно уже становится горлышко возможностей. Но важно, чтобы перспектива продвижения ясно представлялась, была по возможности прозрачной, предсказуемой, планируемой и реально осуществимой.

Власти надлежит активнее оказывать профессионалам знаки внимания разного рода, тем более что ей это ничего не стоит и она при этом ничем не рискует. Взять хотя бы такой частный и, казалось бы, несущественный формат диалога со спецами, как их участие в коллегиях министерств. В советское время подобная работа не была профанацией. Там реально бурлила жизнь, конкурировали представители разных научных школ. И пусть коллегии в силу своего совещательного статуса не оказывали решающего воздействия на принятие решений, но к ним все равно прислушивались, а состоявшие в коллегиях спецы обретали искомое ощущение близости к власти.

Имеет смысл примерить к дню сегодняшнему и такой советский принцип работы с кадрами, как квотирование, когда всюду выделялся определенный обязательный процент для молодых специалистов, национальных кадров, женщин и общностей, составленных по иным принципам. В такой сложной, многосоставной и вместе с тем не обладающей развитыми гражданскими институтами стране, как наша, без квотирования кадровых назначений не обойтись. Это – весьма действенный способ нейтрализации возможных напряжений. А в наше время – особенно напряжений на этноконфессиональной почве.

Нельзя в то же время забывать, что есть вещи, которые профессионалы совершали и будут совершать независимо от любого режима власти, потому что накопленные прежде знания позволяют осуществить прорыв, выводящий осмысление и понимание проблем на качественно иной уровень. Но есть достижения (в военно-промышленном комплексе, ракетостроении, атомной и космической отраслях), которые были бы невозможны без организационно-управленческих решений власти, обеспечивших высокий уровень мобилизации ресурсов для реализации проектов. Любопытно в связи с этим модели, подобные наукоградом – «высокотехнологичным монастырям», в которых те или иные задачи решались не привычными (планово-распределительными) мерами, а своеобразной альтернативной, конкурентной организацией всего пространства человеческого бытия.

Наконец, не стоит пренебрегать и своего рода инверсивной, изнаночной тягой профессионалов к власти – их потребностью в ее критике и даже, если называть вещи своими именами, щипании. Это, безусловно, сублимация – но такую сублимацию можно сделать объективно полезной. К примеру, деятельность ОНФ как кнута, которым власть – правда, на местах, но хотя бы так – пощупывается, вынуждается быть более эффективной и прозрачной, может стать одним из направлений, на котором нынешним интеллектуалам стоит сосредоточить свои усилия, поскольку у новой структуры нет политической стратегии, нет решения вопроса о собственности и доступа к ресурсам страны.

***

Представленный выше опыт сотрудничества власти и профессионалов выглядит насквозь проблемным, сложным, запутанным, трудно поддающимся пониманию с точки зрения каких-то простых, одномерных объяснительных схем. Но именно поэтому, во

многим в силу такой противоречивости этот опыт создавал уникальное пространство возможностей – причем возможностей не столько актуальных, сколько отложенных, намеченных – но законсервированных до какого-то более благоприятного времени. Думается, что сейчас это время и наступило. Нет непробиваемых идеологических «заглушек», имеется реальная возможность выбора. Да, административный диктат сменился диктатом бюрократическим – но все равно настоящие условия не идут ни в какое сравнение с советской эпохой: пространство внутренней – личной и корпоративной, если говорить об интеллектуалах, – свободы, пусть со всеми оговорками, но реально существует. И в этом – очевидное преимущество настоящего времени. Поэтому не пора ли стряхнуть архивную пыль с некоторых из рассмотренных выше практик и не попытаться ли примерить их к сегодняшней повестке дня?

Наша история нас объединяет? Интервью с Валерием Выжуровичем*

За последнее время, по опросам «Левада-центра», значительно выросло число респондентов, ставящих историю на первое место в числе феноменов, которые «внушают чувство гордости за Россию». Но именно история является сегодня полем ожесточенных дискуссий. Накануне 100-летия русской революции эти дискуссии стали еще острее. Как оценивать 1917 год и весь дальнейший ход событий? Какие уроки из Октября и опыта советской власти следует извлечь, чтобы не повторять прошлых ошибок? Чем объясняется возрождение памятников Сталину? Что нас больше разобщает – разные точки зрения на события и персонажей истории или стремление установить единственно «правильную» точку зрения на них?

Приближение 100-летия Октября как-то не ощущается. Кроме заклинаний о вреде всех и всяческих революций и призывов к примирению всех со всеми, мало что слышно. Как думаете, почему?

Геннадий Бордюгов: Общество весьма бурно реагирует на этот юбилей. Наша Ассоциация исследователей российского общества (я руковожу ее Международным советом) ведет мониторинг самых разных рефлексий по поводу столетия. Нас интересуют не только научная, историографическая рефлексия, но и художественная, и общественная, и интернетовская. Так вот, полемика развернулась очень интересная. Назову, к примеру, некоторые сюжеты. Какая цена была заплачена за великий социальный эксперимент, не был ли он преждевременным? Способна ли модель государственного устройства, созданная после распада СССР, конкурировать с советским проектом, который ряд политиков спешит объявить неполноценным, как ошибку отцов и дедов? Столетие дает нам также возможность не только перепроче-

---

* Впервые опубликовано: Российская газета. 19 октября 2017.

ритель мифы о революции, но и понять, бродит ли призрак революции по современной России и какая она.

О наступающей исторической дате говорят, что она должна способствовать примирению в обществе. Но кого с кем примирять?

Геннадий Бордюгов: Кого с кем – и вправду не очень понятно. Потомков красных с потомками белых? Но никакой вражды между ними как будто бы не наблюдается. Ну, хорошо, вспомнили о жертвах Гражданской войны, о том трагическом времени. Но важнее, на мой взгляд, примирять тех, кто попал под каток расщепления общества. Ведь во имя социальной справедливости совершаются революции. А столетие Революции 1917 года по-прежнему воспринимается в сугубо партийном духе, с полярными оценками. Политики из партии «Единая Россия» не скрывают своего негативного отношения к революции, ее представляют либо как заговор (либералов, масонов, революционеров, немцев, большевиков или вообще марксистов и т. п.), либо как случайное стечение обстоятельств. Для КППРФ революция однозначно благо, открытие новой эры. Двойственность позиции политической элиты является и побочным результатом неспособности сформулировать вдохновляющее видение будущего. Каков социальный идеал современной России? В каком направлении движется страна?

На ваш взгляд, русская революция – это Февраль или Октябрь?

Геннадий Бордюгов: Я считаю, что концепция «двух революций», придуманная в конце 20-х – начале 30-х годов Сталиным, уходит в прошлое. Определения «Февраль – плохой», «Октябрь – хороший», «Февраль – буржуазная революция», «Октябрь – социалистическая» сегодня не воспринимаются. Они сужают и упрощают самый сложный процесс «революции революций» – крестьянской, рабочей, интеллигентской, национальной, политической. Многие историки, и я в их числе, склонны смотреть на Революцию 1917 года как на единый сложный процесс, который в декабре 1922-го завершился образованием новой страны под названием Союз Советских Социалистических Республик.

Кто, по вашим наблюдениям, сегодня определяет «генеральную линию» в отношении 1917 года?

Геннадий Бордюгов: Я не вижу никакой «генеральной линии». Есть свой сценарий у объединения левых сил, у КПРФ, у либералов. С любопытным проектом выступает власть церковная.

Вы хотите сказать, это хорошо, что нынешняя власть дистанцируется от общественных дискуссий вокруг 1917 года?

Геннадий Бордюгов: Да, хорошо, что сейчас нет узурпации пространства памяти о Революции 1917 года. Но обществу, конечно, интересно, что скажет власть, какие акценты расставит. Все-таки 100-летие революции – большая историческая дата. К ней в этом году обращается весь мир.

Видите ли вы какое-либо сходство сегодняшней российской ситуации с тогдашней, столетней давности?

Геннадий Бордюгов: Подобная аналогия сегодня популярна в соцсетях. Однако с ней трудно согласиться, и вот почему. Давайте не забывать, в 1917-м страна переживала кризис: изнуряющая война, экономические неурядицы, обвал уровня жизни большинства населения. А что сейчас? Да, есть инфляция, цены растут, с экономикой по-прежнему не все в порядке. Но сравнивать с этой точки зрения обе эпохи, по-моему, некорректно.

Какие уроки нам следует извлечь из Октября?

Геннадий Бордюгов: Похоже, сложилось понимание, что одним махом, разом, используя насилие, невозможно решить все проблемы, разделаться с нежелательным старым и быстро, тут же создать новое, включая формирование нового человека. Логике радикализма и максимализма может противостоять только умная политика, своевременность реформ. В то же время сейчас большинство историков признают, что связь между революцией и реформой намного сложнее, чем считалось раньше. Реформы могут как предотвратить революцию, так и спровоцировать ее. Запаздывание с реформами, их половинчатость и неполнота – катализатор революции. Хотя точно таким же катализатором могут выступить и вполне своевременные преобразования – все зависит от конкретной ситуации, от контекста. 100-летие дает повод не только перепроверить мифы об Октябре, но и понять, бродит ли призрак революции по современной России.

Если кратко, революции случаются, когда власть не откликается на новый общественный запрос?

Геннадий Бордюгов: Да. И тем самым не упреждает революцию. Но должна откликаться не только власть и ее верховный носитель, но и гражданское общество, которое не конкурент, а партнер, тоже несущий ответственность за попадание страны в критические ситуации. Обновление невозможно обеспечить авторитарно. Участие граждан в принятии политических решений, работа системы «локации» между властью и обществом, местное самоуправление, кадровые ротации способны купировать назревающие революции. Но снова повторю: купировать в данном случае – вовсе не значит совсем снять такую угрозу. Все зависит от качества, от масштаба назревших перемен. Случается, что как раз снятие остроты противоречий в обществе открывает дорогу революционным потрясениям.

В какой мере отношение общества к историческим событиям и персонажам вырабатывается самостоятельно, а в какой программируется государственной пропагандой?

Геннадий Бордюгов: Здесь обоюдный самообман. Обществу кажется, что оно формирует запрос к власти, а власть думает, что этот запрос формирует она и транслирует в общество.

По опросу «Левада-центра», треть россиян считают, что сейчас жизнь в России лучше, чем когда-либо за последние 100 лет. В этом историческом диапазоне «серебро» досталось эпохе Брежнева (29 процентов), «бронзу» поделили дореволюционная эпоха и эпоха Сталина (по 6 процентов), положительные оценки получили также эпоха перестройки (2 процента) и эпоха Ельцина (1 процент). Такие результаты вас не удивляют?

Геннадий Бордюгов: Не удивляют! Любая статистика привязана к текущему моменту и субъективна. Вы привели одни цифры, но хорошо известны результаты опросов, где первое место отдается эпохе Сталина. Я бы обратил ваше внимание на некоторые константные показатели. Любые опросы фиксируют низкий рейтинг переходных, транзитных периодов – перестройки, 1990-х годов. Чем это вызвано? Дело в том, что любые массовые настроения во многом мифологизированы. Так вот, транзит плохо поддается мифологизации. Люди дезориентированы, их жизнь становится крайне неустойчивой. С эпохами условно стабильны-

ми – все ровно наоборот. Тут есть свои устойчивые почитатели и хулители, и это нормально. Поэтому, возвращаясь к вашему вопросу о «лучших эпохах», с однозначностью можно сказать лишь то, что современная эпоха воспринимается как устойчивая и стабильная.

А чем объясняются установка в Орле памятника Ивану Грозному, возрождение памятников Сталину, культивирование «неоднозначного отношения» к политическим репрессиям и вообще к государственной тирании? Эти акции ведут к общественному расколу или наоборот цементируют общество, по крайней мере, преобладающую часть его?

Геннадий Бордюгов: Причины этого ищите не в прошлом, не в истории, не в самих государственных деятелях с их разными биографиями. Ищите причины в настоящем. Почему все более популярен Сталин? Потому что когда процветает коррупция, возникает массовый запрос на сильную руку, которая одним махом наведет порядок. Этот запрос часто выражается сакраментальной фразой: «Сталина на вас нет!» Памятник Ивану Грозному возник из этого же запроса. Это, с одной стороны, запрос на сильную руку, способную одновременно решить все проблемы, а с другой – жалоба властям: ну сделайте же, наконец, что-нибудь с ворами, взяточниками, коррупционерами, избавьте страну от них! Что такое памятник исторической персоне? Это запрос на тот или иной тип политического лидерства. Чем был притягателен Ленин после императора? А чем объясняется популярность Сталина? Общество посылает сигнал, оно ждет. Сталинисты не нуждаются в фактах, их опора – миф. Причины популярности Сталина надо искать не в прошлом, а в настоящем.

Родственники репрессированных все чаще просят убрать их имена из открытого доступа, не публиковать списки пострадавших. Почему, на ваш взгляд? Они боятся чего-то?

Геннадий Бордюгов: Дело не в боязни. Когда после смерти Сталина люди возвращались из лагерей – а тогда была более страшная ситуация, – те, кто не сидел, считали, что наказание-то сидевшим было заслуженным, справедливым. И вот представьте, как с таким отношением приспособиться к мирной жизни, как вернуться в профессию? Теперь, спустя десятилетия, родственники репрессированных следят за все более откровенными речами об «оправданности» принудительного труда и насилия, об

«эффективности» сталинских методов. Они слышат также призывы к «новому 37-му году» как к эре справедливого и беспощадного суда над элитами. И в этом контексте, вроде бы, неприлично говорить о трагической истории своей семьи. Возможно, момент истины для российской власти и гражданского общества станет открытие в Москве 30 октября 2017 года памятника жертвам массовых политических репрессий – «Стены скорби» работы Георгия Франгуляна.

Возможно ли примирение между сталинистами и антисталинистами?

Геннадий Бордюгов: Невозможно. Потому что те и другие по-разному обосновывают свою позицию. У них нет общей площадки для дискуссии. Сталинисты опираются не на биографию Сталина, а на миф. Антисталинисты же оперируют историческими фактами, работают с документами. Возможно, со сменой поколений ситуация изменится.

Но есть и молодые сталинисты.

Геннадий Бордюгов: Да, к сожалению. Потому что миф о Сталине не только передается из уст в уста, но и транслируется в СМИ. Это миф рукотворный. Миф, создаваемый уже нынешним поколением.

На эту продукцию есть социальный заказ?

Геннадий Бордюгов: Думаю, что есть. За сериалами о Сталине стоят определенные силы. Одно дело, когда миф рождается в недрах массового сознания, другое – когда вы его создаете своими руками. Хотя я не стал бы приуменьшать и роль вполне рационального, а не конспирологического фактора. Посмотрите, в сегодняшней благополучной и сытой Европе именно молодое поколение начинает снова играть в нацизм, увлекаться символикой Третьего рейха, его эстетикой. Что это? Реакция на засилье мигрантов? В какой-то мере, возможно, да. Но, думаю, этот протест намного глубже. Это протест романтической молодости против рациональности и будничной сытости нынешней жизни. В этом смысле наша мода на сталинизм – вполне в мировом тренде.

По опросам «Левада-центра», в 2016 году история впервые обошла «природные богатства России» и заняла у наших граждан первое место в списке предметов гордости. У вас есть объяснение этому?

Геннадий Бордюгов: В массовом сознании сегодня формируется не запрос на знание истории, а культ прошлого. До этого культивировался образ будущего. В результате в массовом сознании исчезают категории естественного времени, течения жизни. Повседневность становится никому не интересной. Если культ будущего порождает идею всемерного ускорения времени, то культ прошлого – а тем более «правильного» прошлого – неизменно поднимает волну национализма, перерастающую в шовинизм. Мне кажется, обществу надоела «бронзовая», а не подлинная память, надоел пантеон одних и тех же «героев», надоело знание без альтернатив.

После Второй мировой войны Германия провела денацификацию. Эта процедура объединила страну. Страна пережила стыд за то, что с нею случилось. Если бы Россия после крушения СССР провела декоммунизацию, это консолидировало бы общество или наоборот раскололо?

Геннадий Бордюгов: Раскололо. Принципиально не могу согласиться с тем, что стыд за прошлое своей страны способен консолидировать нацию. Точнее, консолидировать он, возможно, сумеет, только вот к чему приведет такая консолидация? Любая интеграция, выстраиваемая на негативе, деструктивна, она не содержит в себе созидательного начала. Все хотят играть, как в футболе, в успешной команде. Да и в Германии все гораздо сложнее, чем кому-то кажется. Есть много психологических нестыковок между западными и восточными немцами. Именно вследствие разного восприятия национального стыда. Стоит ли поэтому удивляться странной уязвимости Германии перед массовым наплывом мигрантов.

Что нас больше разобщает – разные точки зрения на события и персонажей истории или стремление установить единственно «правильную» точку зрения на них?

Геннадий Бордюгов: Я думаю, что разобщает стремление к единообразию. Во-первых, оно тоже недостижимо, и это нужно четко понимать. Какое может быть единообразие в эпоху Интернета и коммуникационной революции? Во-вторых, попытка установить единообразие всегда вызывает сопротивление. А объединить может как раз открытая дискуссия. Не инспирируемая сверху, не конъюнктурная, а реальная и публичная, в которой есть определенные правила, стремление приблизиться к истине.

Любой спор имеет смысл, если ведет к достижению взаимопонимания или выявлению ошибочности одной из сторон. Но к чему ведут наши споры о российской истории и о том, что есть «историческая правда», а что «фальсификация»? Имеются ли здесь перспективы для общественного консенсуса?

Геннадий Бордюгов: На сегодняшний момент – нет. Дело в том, что директивно или управляемо вы этого не достигнете. Это возникает исподволь, постепенно.

Какие же выводы мы сделаем из нашей беседы?

Геннадий Бордюгов: Я думаю, главный вывод таков: история способна консолидировать нацию, но эта консолидация не должна быть искусственной, навязанной сверху. Это должен быть естественный процесс, в который вовлечены действительно разные общественные силы. Здесь самое главное – отказаться от культа прошлого, равно как и от культа будущего. История способна консолидировать нацию, но эта консолидация не должна быть искусственной, навязанной сверху. Надо вернуться к естественному ходу жизни. Вот когда вы повернетесь к реальности, у вас уже не будет искушения искать рецепты в прошлом. Что касается 100-летия Революции 1917 года, то оно не станет каким-то поворотным моментом на пути нашего постижения прошлого, понимания его, проникновения в него. Но, надеюсь, что каким-то определенным шагом в этом направлении все эти юбилейные воспоминания и попытки их актуализации все же обернутся.

Часть 2

КОНЪЮНКТУРНОЕ

Чем провинился Бронзовый солдат с площади Тынисмяги?*

Снова на дворе война. Война памятников. Не ландшафтных, конечно, а исторических, не тех, правда, что были поставлены на рубеже XIX–XX вв. воинам Ивана Грозного под Пайде или мемориале на братской могиле русских солдат, отдавших свою жизнь под Нарвой, а памятников советских, идеологически и психологически некомфортных. Зачем жить с неудобным прошлым? Зачем испытывать «комплекс вины» и мучиться от совершенных преступлений, допущенных ошибок и просчетов? Не лучше ли заменить историческое сознание, живое чувство истории празднествами, позитивным, не раздражающим прошлым, формальным долгом памяти?

После окончания Второй мировой войны на эстонской земле осталось 265 мест захоронений советских воинов. Они выполнили свой долг и присягу, и, наверное, в свои ратные дела и Победу они вкладывали определенный смысл, свою окопную правду. Задумывались ли павшие в той страшной и беспощадной войне о том, что вдруг окажутся не освободителями, не героями, а лишь фигурантами очередных политических раскладов и заложниками бессмысленной войны памятников?

Эстонские представители власти, стоящие за прожектором памяти, направляют его лучи в сторону Бронзового солдата, который «пропагандирует советских захватчиков». Стоящие за прожектором памяти в России продолжают мерить историю Эс-

---

* Впервые опубликовано: РИА Новости. 19 января 2007.

тонии по советским лекалам. Они с удовлетворением отмечают заслуги эстонских историков в освещении действий 8-го Эстонского стрелкового корпуса и его боевом крещении под Великими Луками, негативных последствий немецкой оккупации и онемечивания, участия самих эстонцев в репрессиях против советских военнопленных и евреев, привезенных из Западной Европы, но отказывают этим же историкам в праве писать о «лесных братьях», причинах их борьбы с истребительными батальонами, роли в боях за Тарту и восстановлении органов местного самоуправления периода независимой республики.

А что думают люди о войне с памятниками? Вот, читаю на одном из форумов: «Те политики, кто вертит историей в интересах так называемых высоких политических целей, – подонки. А народ безмолвствует!» Конечно, это не так. Все, с кем мне приходилось общаться в последние дни, понимают, что да, «мертвые сраму не имут», но сначала их использовали как символ победы над фашизмом, а теперь как символ советской оккупации. А значит, мы по-прежнему – пленники истории XX века и ее идеологических баталий, а апелляции к Женевской конвенции с обеих сторон являются лишь одним из фрагментов политических игр накануне парламентских выборов и в Эстонии, и в России.

Но ведь очевидно, что не все в Эстонии согласны с использованием памяти в интересах отдельных групп, не все намерены «судить» за совершенные преступления не конкретных людей, а страны, идеи или символы. Вот уже 15 лет проблема оккупации отравляет отношения между Россией и странами Балтии. Вспомним острые споры 2005 года, накануне 60-летия Победы. Казалось бы, после юбилея вопрос будет переведен из политической в научную плоскость, активно заработают двусторонние комиссии историков, откроется обоюдный равный доступ к архивам. Увы, все это осталось прекраснодушными пожеланиями, а значит, и следующий юбилей будет инструментализирован по-старому – судорожными попытками доказать возможность аннексии без оккупации и пр. Проблема снова окажется в руках националистических публицистов и публичных националистов.

И что же делать? Как раз сейчас многое прояснится, станет ясно, по какому сценарию будут развиваться отношения. Если реагировать, как сейчас, – неадекватно, неуклюже и негоже для такой страны, как Россия, запугивая экономическими санкциями, – то война памятников продолжится. (Замечу в скобках, что эту войну надо было упредить еще в 1994 году. Вывода наши войска,

нужно было, наряду с вопросом предоставления гарантий российским военным, урегулировать статус захоронений советских воинов. Тогда же можно было разглядеть и дезавуировать новый идеологический вызов соседей – замену коммунистов в качестве виновников национальных трагедий русскими.)

Другой путь связан с пониманием того, что историческая память не может быть приватизирована тем или иным режимом власти. Если пространство власти доступно немногим, то к пространству памяти причастны все без исключения. А значит – ответственны за него. Но тогда возникают вопросы: почему не вступили в диалог избранные горожанами мэры Москвы и Таллина, почему не встречаются представители ветеранских организаций, почему наша Общественная палата не обращается к эстонской Палате сотрудничества национально демократических сил? Быть может, только гражданские структуры и способны прекратить возникший конфликт. Во всяком случае, не удалось же заглушить протест тех же молодежных групп против передачи Бронзового воина в Россию. Если же вести речь о переносе захоронений в другое место города, а в мире известны такие случаи, то в этом случае надо открыто и честно обсуждать причины, место и форму захоронения, его статус и охрану. В этом заключается, на мой взгляд, ответственное поведение перед павшими солдатами.

Остановить войну с памятью*

«Мы говорим: зачем поминать? Зачем поминать старое? Теперь уж этого нет больше... Зачем это вспоминать? Зачем раздражать народ?.. Если у меня была лихая болезнь или опасная, и я излечился или избавился от нее, я всегда с радостью буду поминать. Я не буду поминать только тогда, когда я болею и все так же болею, еще хуже, и мне хочется обмануть себя... Прошло? Изменило форму, но не прошло... Если мы поглядим на прошедшее, нам откроется и наше настоящее».

Эти размышления Льва Толстого, увы, нисколько не устарели, хотя многим действительно кажется, что с уничтожением памятников и других символов недавней истории, с этим стихийным (или управляемым) протестом против прошлого и может происходить его преодоление.

Сценарии развернувшейся войны за память были прочерчены еще два года назад, накануне 60-летия окончания Второй мировой и Великой Отечественной войны. Именно тогда на Западе обозначилось намерение «деприватизировать» право России на решающую роль в Победе над гитлеровской Германией. Было выдвинуто и требование о нашем покаянии перед соседями и союзниками по Восточному блоку. Одновременно возникла и новация о презумпции нашей виновности. Обыгрывалось она прежде всего через образ советского солдата – не освободителя, а оккупанта и потенциального насильника. Следовательно, негоже оставлять ему памятники на территории Европейского союза.

Тогда я впервые услышал: это вы, историки, виноваты!

И действительно, обнародование секретных документов о пакте Молотова–Риббентропа, о катынской трагедии, о депортации крымских и кавказских народов поначалу вызвало благодарность народов, стремившихся к национальному самоопределению, но с распадом СССР и социалистического лагеря обернулось разжиганием ненависти к русским как предполагаемым виновникам национальных трагедий. Естественной реакцией на это был во-

---

* Впервые опубликовано: Панорама Содружества. 2007. № 2.

прос: к чему же тогда раскрывать преступления прежних режимов, если они связываются исключительно с русскими?

Проведение параллелей между сталинским Советским Союзом и гитлеровской Германией, сравнение сходных тоталитарных режимов, способное много дать для понимания общества и воздействия идеологии на массы людей, завершается теперь полным отождествлением и призывом к всероссийскому покаянию по германскому образцу. И уже неважно, что основа нацистской и большевистской идеологий была принципиально разной. Во всяком случае, в советских программных документах никому не удалось обнаружить положения о превосходстве славянской расы над всеми остальными, презрении к другим народам и их культурам.

Непредвзятый анализ положительных и отрицательных сторон стратегических военных операций обернулся обвинением в том, что победа над фашистами была одержана лишь ценой несопоставимых жертв, что мы буквально завалили противника трупами своих солдат. И кому тогда нужны даже расчеты зарубежных демографов, доказавших, что фронтовые потери с обеих сторон были примерно равными.

История с солдатскими памятниками напомнила мне о размышлениях американского историка Майка Дэвиса накануне юбилея высадки союзнических войск в Нормандии. Тогда он призвал всех здравомыслящих людей «спасти рядового Ивана». Дэвис считал, что освобождение Европы началось летом 1944-го отнюдь не в Нормандии, а там, где советские партизанские формирования вышли из белорусских лесов и болот и нанесли смелый и внезапный удар в тыл могущественному вермахту. А спустя несколько дней началась операция «Багратион». Американец прямо противопоставил обе масштабные военные акции, начатые практически одновременно. «Но что рядовой американец слышал об операции “Багратион”?» – спрашивал Дэвис. И сам же отвечал: «Июнь 1944-го означал для него высадку на пляжи Нормандии, а не переправу через реку Двина. Однако наступление советских войск летом 1944-го было в несколько раз значительнее, чем операция “Оверлорд” как по масштабам задействованных сил и средств, так и по урону, нанесенному Германии».

Речь не просто о преобладающей роли именно Красной армии в разгроме фашистской Германии, а о том, что именно СССР заплатил за Победу самую дорогую из всех союзников цену. «В борьбе с фашизмом на каждого погибшего спилберговского

“рядового Райана” приходилось примерно 40 русских Иванов. <...> Однако на нынешнем празднике в честь легендарного великого поколения совершенно незаметен советский солдат – тракторист из Самары, артист из Орла, шахтер из Донецка или выпускница школы из Ленинграда. Все выглядит так, как будто завоевания великой Америки могут поблекнуть, если признать ведущую роль Советского Союза в достижении эпохальной Победы прошлого века над фашизмом».

Майк Дэвис не одинок в своих суждениях. Британский автор Ричард Дрейтон вообще поднял Победу на высоту «нравственной купели», в которой западные союзники омыли «все грехи многовековой экспансии», проводившейся на протяжении предыдущих столетий.

Да, такие суждения немногочисленны. К сожалению, любая вежа нашей исторической памяти является для Запада поводом к размышлениям о сугубо конъюнктурных аспектах действующей российской власти и проводимой ею политики. Противодействие проявлению каких бы то ни было имперских амбиций России ставится во главу угла и оказывается главной информационно-пропагандистской задачей. При этом собственно научно-исторические наработки могут попросту игнорироваться или же использоваться выборочно и предвзято. В крайнем случае, выдвигается довод о том, что память – частное дело каждой страны. В итоге получается, что война продолжается по-прежнему. Как и в течение всего шестидесятидвухлетнего периода после ее окончания, она рассматривается и оценивается исключительно через призму послевоенного противостояния Запада и нашей страны. И тогда мы вправе задавать вопросы Западу: может ли подобный прагматизм в отношении прошлого являться достойной данью памяти павших за освобождение мира от фашистской угрозы?

Прекратить войну с памятью о войне способен не только честный ответ Запада, но и отношение к прошлому в собственной стране. То, как обсуждался в Думе вопрос о Знамени Победы, то, что случилось с воинским монументом в Химках или в Калининграде, где были выпущены открытки к 9 мая с рекламой ритуальных услуг для ветеранов, как раз и дало основания обвинить нас в амнезии. Спекуляции с историческими фактами, намеренное их искажение или сокрытие в угоду политической конъюнктуре тоже вызывают страдания памяти и оборачиваются против нас. А сколько можно учреждениям, которые созданы государством и обществом для хранения памяти, под разными предлогами при-

тать документы о войне? Сколько можно дразнить украинских и балтийских историков недоступностью документов о 1939–1940 гг., травмирующей их историческое сознание, и тем самым давать основания для новых выпадов против нас? А разве можно справиться с трудной ситуацией запугиванием иностранного посла и забрасыванием камнями посольства?

Понятно, что в угоду чужим и своим перевертышам от политики и науки раскрытие беспощадной правды о беспощадной войне не остановится. Нам нужна и эта правда, и эта память. А иначе мы все по-прежнему больны и обманываем себя.

Консультация по истории для президента Ющенко*

На постсоветском пространстве нет президента, который так часто обращается к прошлому. Однако в контексте острой фазы политического кризиса на Украине и «войны памятников» накануне 9 мая не все, к сожалению, обратили внимание на новое заявление Виктора Ющенко. На этот раз по поводу 60-летия трагической операции «Висла». С 28 апреля 1947 года в течение трех месяцев польскими войсками проводилась эта операция по принудительному выселению примерно 150 тысяч украинцев во внутренние районы Польши. Украинцев выселяли с древних украинских земель (Холмщина, Подляшье, Надсянье, Лемковщина), которые оказались на польской стороне от границы. Эту демаркационную линию предложил ленинскому правительству еще в 1920 году министр иностранных дел Англии лорд Керзон как границу для прекращения наступления Красной армии. В сентябре 1944 года эта линия действительно стала пограничной.

Выступая по случаю юбилея трагических событий, президент Украины произнес важные слова: «Необходимо последовательно и толерантно продолжать восстановление исторической правды и справедливости», и еще: «Свое слово должны сказать ученые и общественные деятели». Но как реализовать эти замечательные положения, когда в той же речи Ющенко однозначно сформулировал обвинение: «Виноват в этой операции коммунистический тоталитарный режим. Этот преступник должен, наконец, быть окончательно осужден в Украине, Польше и, собственно говоря, во всем мире». Так в очередной раз Ющенко находит козла отпущения, на которого можно повесить все грехи и огрехи не только прошлого, но и настоящего.

Непредвзятые историки прекрасно знают, что истоки операции «Висла» уходят в предвоенные и военные годы, что именно от рук антикоммунистической Украинской повстанческой армии

---

* Впервые опубликовано: РИА Новости. 16 мая 2007.

(УПА) в результате «волынской резни» 1943–1944 годов погибло от 80 до 100 тысяч поляков (по данным «Лиги польских семей» – от 150 до 200 тысяч). Теперь это называется «освободительной миссией» УПА! То же самое относится и к антикоммунистической польской Армии Крайовой (АК), устроившей резню на Хрубешувщине. И ведь эта армия тоже причислена к участникам национально-освободительной борьбы.

Хорошо, пусть УПА и АК связаны с войной двух народных стихий, как считают некоторые комментаторы. Во имя примирения наций можно принять и такое объяснение. В конце концов, дело Украины и Польши увековечивать у себя УПА или АК. Но консультантам Ющенко не дают покоя слова товарища Сталина о том, что Польша должна стать государством без национальных меньшинств (Потсдамская конференция, 1945 год). Вот где, оказывается, кроется коммунистическая вина за преследование украинцев в Польше! Правда, при этом тщательно скрывается то, что эта линия осуществлялась поляками еще со времен почтенного ныне Юзефа Пилсудского. Именно под его, а не Москвы, руководством осенью 1930 года была проведена «пацификация» (усмирение, умиротворение) украинского населения Галиции и Волыни, в ходе которой закрывались православные храмы, ликвидировались украинские организации. Отряды польской полиции и кавалерии разрушили 800 сел, сожгли 500 домов, арестовали свыше 2 тысяч человек. Тогда и возник принцип коллективной ответственности украинцев, который как раз и использовался в операции «Висла» в 1947 году.

Но и здесь возникает вопрос: а какой, собственно, тоталитарный режим был в Польше образца 1947 года? В стране, где наличествует католическая церковь со всеми старыми привилегиями, частная торговля, единоличный сектор в сельском хозяйстве, где есть многопартийность и даже существенное представительство зажиточных крестьян в воеводских и повятовых органах власти? О каком коммунистическом режиме можно вести речь, если до конца 1949 года товарища Сталина так сильно раздражал гомулковский «польский путь к социализму»? В этой политической концепции отрицались пролетарская диктатура, большевизм с его «азиатскими чертами». И наоборот, утверждались традиции польского народа, его историческая память, наконец, «ментальность» – слово, неведомое тогда русскому языку. Шляхетская же идеология и националистический уклон в демократическом блоке Рабочей и Социалистической партий, «черная волна ненависти к Красной армии» превратились в головную боль для Кремля.

Значит, не в коммунистическом тоталитарном режиме причины «Вислы», как бы кому это ни хотелось. Украинско-польская вражда, стоит напомнить, началась еще в первой половине XIV века, когда распалась Галицко-Волынская держава. В 1947 году окончательная «деукранизация» и «полонизация» Польши стали реальностью.

В багаже политических элит современной Европы с начала XX века, с Балканских войн и Первой мировой войны важное место занимает национализм – особый тип государственной идеологии и практики решения внутренних проблем за счет преследования и изгнания национальных меньшинств. Принцип признания их прав, являвшийся – по крайней мере, формально – одной из основ послевоенного устройства Европы с 1918 года, потерпел поражение. Вынужденная депортация и обмен населением стали обычной практикой как мирного, так и военного процесса. Вторая мировая война стала кульминацией этого явления. Насильственное переселение в начале 1943 года коснулось более 30 млн европейцев, а на протяжении последующих лет еще 20 млн в Советском Союзе в 1944 году насильственной депортации – правда, в пределах одного государства – были подвергнуты примерно 489 тысяч чеченцев и ингушей и около 185 тысяч крымских татар.

Как справедливо замечает профессор Стэнфордского университета Норман Неймарк, потенциал этнических чисток до сих пор не исчерпан. Ни одно государство не застраховано от этой опасности. Следы этого явления можно найти в любом обществе, поскольку соответствующий потенциал заложен в нас самих. Следовательно, международное сообщество должно быть подготовлено к этому. А стенания по поводу вины коммунистического режима, инструментализация прошлого во имя текущей политической конъюнктуры на самом деле уводят от понимания природы этнической чистки и ее перерастания в геноцид. Ведь ни для кого не секрет, что искривленный образ украинцев продолжает продуцироваться в Польше, что не все в политической элите настроены на исправление обид, нанесенных украинцам, что «дружба народов», как заметил глава Объединения украинцев Польши Петр Тыма, не такая сладкая, как может показаться из уютного киевского или варшавского кабинета. Возможно, поэтому Ющенко потребовал от историков и общественных деятелей «прекратить дискуссию о роли УПА или Армии Крайовой».

Однако, если идти по пути запретов и награждать орденами лишь послушных историков, если и дальше продолжать жертвовать правдой ради «окна» на Запад, то скоро под сомнение будет поставлено и право Красной армии на победу над гитлеровской Германией и на освобождение Украины и Польши. И сделает это, судя по всему, действующий президент Украины. Если успеет. Пока же весьма интересно, какие указания поступят от него по поводу начавшейся войны с памятниками во Львове, по поводу 70-летия начала операции НКВД № 00447 по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов. Крайне любопытно знать, что произойдет и с 90-летием Октябрьской революции, особенно в связи с ожидаемым присвоением учебным заведениям, учреждениям и военным частям, к видимому удовольствию президента, «имен выдающихся деятелей украинской революции 1917–1921 годов, а также рассмотрением названия или переименования улиц, площадей, переулков, проспектов, парков и скверов в их честь».

Как видно, план исторических дат богатый, и скоро мы станем свидетелями еще одного захватывающего сеанса простоты исторических объяснений. А все потому, что настоящее Украины, похоже, по-прежнему не там и не то.

О НОВЫХ СМЫСЛАХ Дня памяти и скорби*

Великая Отечественная война, начавшаяся 66 лет назад, вошла в историю как самое страшное событие в многовековой череде столкновений и конфронтации России и Германии. Вражда двух народов привела к тяжелой коллективной травматизации и определяла до сегодняшнего дня сознание, мышление и смыслы памяти последующих поколений.

С середины 1960-х годов в Германии пробил себе дорогу новый взгляд – война против Советского Союза велась с нарушением международных законов и обычаев войны. Хотя некоторое время завоевательный поход на Восток в целях пропаганды объявлялся освободительной войной против коммунизма, из литературы самих идеологов национал-социализма было известно, что настоящая цель гитлеровской политики заключалась в захвате экономического пространства для Германской империи и в создании жизненного пространства для миллионов немцев, которых предполагалось поселить там в течение 25 лет. При этом сознательно принималось во внимание то обстоятельство, что многие из 10 млн людей, уже живущих на этой территории, будут лишними или им придется переселиться в Сибирь. Эта стратегия подготавливалась расовой теорией национал-социализма, провозглашавшей биологическую и социальную неполноценность славян. По немецким расчетам, предполагалось изгнать или уничтожить русских, украинцев, белорусов, поляков, евреев, цыган. В соответствии с этим война против России, СССР велась как завоевательная и истребительная война – без всяких «но» и «если». Классификация военного противника как «недочеловека» снижала во время восточного похода порог физического уничтожения. Этническая чистка и традиционная война сплелись в организованную систему насилия и разрушения.

---

* Впервые опубликовано: РИА Новости. 22 июня 2007.

В России также благодаря усилиям отдельных писателей, кинорежиссеров и историков происходило расширение пространства памяти, обращение к ранее закрытым сторонам войны – репрессивным акциям в начальный ее период, пленению, депортациям, предательству, коллаборационизму. Под вопрос поставлены утверждения о стабильности личной диктатуры Сталина и монолитном единстве советского общества.

Казалось бы, так будет и дальше. Переосмысление прошлого ликвидирует зоны антипамяти, пресечет попытки подчинения или локализации памяти. Однако 60-летие окончания Второй мировой войны провело черту под прежними смыслами памяти. Постсоветское пространство, как это ни парадоксально, стало подпитывать неофашистские идеи, а в странах Балтии и некоторых областях Украины обозначились тенденции героизации нацистов. Самым же опасным стало насильственное уничтожение памятников солдатам, с которыми должна исчезнуть и память о войне.

Новые сценарии управления памятью не учли, правда, одной крайне важной стороны в реакции России. В то время как российские политики втягивались в неадекватную, неуклюжую полемику, запугивая экономическими санкциями маленького северного соседа, подлинное общественное мнение вдруг обнаружило иной смысл памяти. У памяти есть веские обвинения в адрес обеих сторон – как власти, так и общества. За то, что мы услышали эти обвинения, стоит поблагодарить эстонских политиков. Запускающая «этнополитический бумеранг», они явно не рассчитали «критическую точку» его приземления. Защищая советские памятники на чужой территории, мы, наконец-то, честно задумались и открыто заговорили о состоянии памятников на своей земле, о характере отношения к тем, кто сражался и умирал. В мае этого года открылась не просто печальная, а опасная для нации картина. Оказалось, что можно, как в Химках, запросто, под надуманными предложениями, скрытно переносить останки советских летчиков, а во имя коммерческой выгоды, как в Питере, начать готовиться к перепахиванию Марсового поля и уничтожению «Красной горки». И вот тут народ зароптал, потому что в таком пренебрежении к памяти почувствовал собственное унижение. Естественно, общественная критика – не эстонских, а своих политиков – не была замечена на канале общественного телевидения, не получила организованного оформления, но повсюду, в транспорте, очередях, праздничных посиделках, эта тема стала

едва ли не главной в обсуждении текущих событий. Естественно, темой памятников людская молва не ограничивалась. Напрямую говорили о слабости наших дипломатических и военных структур, неспособных решить элементарные задачи по защите чести погибших в войне, об исправлении ошибок, как собственных, так и предшественников, и не только по случаю Дня Победы или Дня памяти и скорби исправлять ошибки – как собственные, так и предшественников. И делать это надо поскорее, потому что попытки ущемления исторической памяти со стороны нечистоплотных политиков не прекратятся. Нетрудно предугадать, по какому самому болезненному (поскольку для нас непроясненному, стыдливо замалчиваемому) месту будут наноситься удары – конечно, связанному со всем советским, коммунистическим.

Президенту Ющенко не удалось сохранять политическое напряжение на волне голодомора, поскольку даже неискушенным школьникам стало понятно, что нельзя назвать геноцидом то, что проводилось в 30-е годы собственными руками под руководством своего же украинского руководства против не только своих украинцев, но и русских, татар, евреев. Не вызвала нужного резонанса и антироссийская трактовка проведенной против украинцев операции «Висла». А политическая ситуация срочно требует чего-то свежего, острого. И тут под рукой оказалась идея переименования музея тоталитаризма в музей советской оккупации. Понятно, что вести разговор о репрессиях и «Большом терроре» – значит, наступить на «голодоморовские грабли». Надо поднять вопрос глобально – о советской (читай – русской) оккупации. И здесь я снова спешу выразить благодарность – на этот раз тому украинцу, который прислал в киевскую газету «День» точное заключение: «Сапог оккупанта, случилось, принадлежал оккупированному». Стоит поблагодарить и тех создателей стержневых экспозиций музея, которые неожиданно для власти поспешили открыться и от такого музея, и от его попечителя в лице украинского «Мемориала». Но вряд ли это смутит украинского президента. Впрочем, все совершенные им «исторические» шаги банальны: как только намечается приближение Украины к России, Ющенко и его обласканные наградами историки сразу запускают провокацию, чтобы отойти от России. И неважно, что на такие способы легитимации своего режима общество реагирует болезненно, что страна раскалывается.

В унисон Украине действуют и некоторые высокопоставленные эстонские чины. Они даже замыслили создать такую «по-

весть о прошлом», которую смогли бы разделить все жители Эстонии. Конечно, заманчивая цель. Но вот выполнима ли она после полного фиаско с Бронзовым солдатом? И вот следует предложение сделать всех погибших солдат жертвами двух диктаторов – Гитлера и Сталина. Раздался призыв вообще десталинизировать понимание войны. Причем, речь идет не о десталинизации историографии, а об отказе вообще от Сталина в истории войны. К тому же дело не ограничивается созданием эстонской унифицированной истории. Сделать это просят и нас. Тогда, мол, нам не придется оправдывать «преступления СССР».

Вот так, попав однажды в плен фобийного мышления, взывая к десталинизации, что провоцирует новый всплеск сталинизма, радители новых «повестей о прошлом» и не заметили, как снова превращают историю в послушную идеологическую служанку, как пускают под откос пятнадцатилетние усилия профессионалов по возвращению исторической науке самооценности и независимости от политической конъюнктуры. Дальнейшая логика таких действий известна. Уничтожение могил и разрушение памятников, запрет говорить и писать о неудобных, а часто позорных периодах национальной истории, притеснение языка и культуры других этносов, насильственное обращение в свою национальность и религию – предвестие этнической чистки и изгнания народов.

Вой шакалов. Конец дуумвирата*

Начало 2008 года сильно напоминает аналогичный период 1928-го. В то время был свой дуумвират – Сталин–Бухарин, происходил передел собственности, шло строительство однопартийной системы. The New Times разбирался, чему учат уроки 80-летней давности. В 1928 году страна вступила в критический период своей истории. Тогда и были заданы та система координат, тот код сталинской истории, которые просуществовали, как минимум, еще двадцать пять лет – до самой смерти вождя.

Хозяйство без резервов

За годы нэпа, после Гражданской войны и «военного коммунизма», в Советской России сложился компромисс между властью и собственниками (прежде всего средними и мелкими в деревне и городе). Однако новое противоречие между потребностями индустриальной модернизации и интересами, весьма неоднородными, миллионов частных хозяев стало источником серьезных политических и социальных сдвигов. Рыночные диспропорции, нараставшее напряжение удавалось какое-то время сглаживать за счет государственных резервов золота и валюты. Неслучайно паролем экономической политики было «хозяйство с резервами» (Николай Бухарин).

В то же время Иосиф Сталин, ссылаясь на пример Петра I, грезил идеей форсированного развития страны. Неумеренный индустриальный порыв очень быстро исчерпал накопленные ресурсы, а значит, и ограниченный запас прочности всей нэповской системы.

Хлебозаготовительный кризис 1927–1928 годов, спровоцированный преувеличенными амбициями власти, их же (эти амбиции) и поставил под удар. Кремль растерялся и в надежде выполнить

---

* Впервые опубликовано: The New Times. 2008. № 5.

срывающийся экспортный план – источник валюты – ответил репрессиями против держателей товарного зерна, втянулся в чрезвычайщину.

Одновременно выяснилось, что рычаги корректировки главного курса практически отсутствуют.

Два социализма

«Политический нэп» так и не наступил. Партия и государство слились. Механизм фракционных компромиссов – этот суррогат многопартийности в рамках самой партии – был полуразрушен после сокрушительного разгрома «левой» оппозиции. В сложившемся в ходе этой борьбы дуумвирате Сталин–Бухарин возникла глубокая трещина.

Остановить автономное плавание власти по волнам политического волюнтаризма могло теперь только стихийное сопротивление собственников. Взрыв возмущения в ответ на экстраординарную политику поначалу давал надежду, что власть пойдет на уступки. В течение всего поворотного 1928 года наблюдалось социальное противостояние, которое сопровождалось сложным политическим маневрированием и вязкой борьбой в «верхах». Страна оказалась перед развилкой: возможно было движение как в сторону «государственного социализма», функционирующего в рыночной среде и не отрицающего многоукладной экономики, так и в направлении чрезвычайного «государственного социализма» с «отключенным» рынком. У нэпа, доказывал Сталин, два аспекта: контролирующая роль государства и свобода частной торговли. Первый регулятор был, по его мнению, важнее, чем второй.

Сталинское окружение действительно никогда не доверяло частному сектору экономики, склонялось к силовому нажиму, жесткому регулированию, в конечном итоге переделу собственности в пользу государственного сектора. Правда, чтобы изменить структуру нэповского общества, надо было нарастить политические мускулы, сформировать новую, свободную от инерции нэпа, молодую активистскую колонну. Без нее обеспечить поворот было невозможно. Чекистский аппарат хорошо работал в спокойной обстановке, но справиться с возможным хаосом он был не в состоянии.

Ловушки вождя

Группа Бухарина открыто заявила, что чрезвычайные меры неизбежно приведут к гражданской войне. Выступив за их отмену, Николай Бухарин, Алексей Рыков и Михаил Томский предложили программу уступок крестьянству: повышение закупочных цен, увеличение промтоварной массы для деревни, дифференцированный налог, отмена карточек, контрактация посевов и др.

Как вскоре обнаружилось, первая и вторая волны чрезвычайных мер (январь–апрель, апрель–июнь 1928 года) провалились. Казалось, «неонэп» с триумфом возвращается. Сталин во имя сохранения своего влияния занял центристскую позицию: между сторонниками продолжения чрезвычайного, силового нажима на верхний слой деревни, на нэпманов и теми, кто призывал вернуться к рынку, где государство являлось лишь одним из игроков, пусть и самым крупным. Однако политическое поведение лидера партии, на время оказавшегося посредником между теми и другими, способного примирить, «отыграть» налево или направо, обе стороны прогнозировали ошибочно.

Сталин готовился к политическим импровизациям и выжидал. Политическая интрига, стремление к доскональному знанию технологии власти стали смыслом его жизни. Он как будто понимал, что социальные кризисы плохо укладываются в систему благих намерений руководства и развиваются по своим законам, слабо поддаваясь стабилизирующим усилиям государства. Аппаратное могущество, выстраданное Сталиным, становилось более эффективным инструментом политического выживания, чем следование тому или иному курсу. В течение одного 1928 года генсеку удалось перестроить низовой аппарат, а все основные кадры среднего уровня пропустить через свой «Особый сектор». Обе столицы страны, главные общественные организации и СМИ были взяты под контроль сталинистов. Это была та часть работы, на которую никто из главных оппонентов внимания не обращал.

Не были всерьез поначалу восприняты и жупел «перерождения» и коррупции, и жупел так называемого правого уклona. Можно было легко угодить в эти умело расставленные Сталиным ловушки. Миллионы озлобленных людей были весьма далеки от сложных доктрин. Им нужен был прямой ответ на простые вопросы: кто виноват в кризисе, кто мешает движению вперед? Поиск «врагов» – своеобразный клапан, через который можно

выпустить недовольство. Механизмами, которые оформили зреший в миллионных массах вопрос, и стали «шахтинское дело» о вредителях в Донбассе, раздутость которого была очевидной, кампания против коррупции – «смоленский гнойник», сочинский и астраханский процессы.

Эти «дела» нужны были для чистки кадров, сопротивлявшихся плану бешеной индустриализации и нажиму на кулака. Поиск реальных и мнимых «врагов» очень скоро захватил все общество. Начался процесс расслоения элиты на сторонников нэповского реформизма и апологетов скачка. Актуальной стала не принципиальная ориентация в мире большой политики, а то, на какую лошадь следует поставить в своей личной политической игре.

Против «правого уклона»

До сих пор обсуждается вопрос, являлись ли события 1928 года заговором государственной верхушки. Лев Троцкий абсолютно не сомневался в этом: чиновники развернули борьбу с новыми собственниками за главную долю национального дохода. Позднее историк Стивен Коэн на это предельное упрощение реальной картины не без иронии заметил: существование «заговора бюрократов» означало бы, что этот «новый класс» решил покончить жизнь коллективным самоубийством. И правда, неужели комфортная жизнь в нэповском обществе устраивала бюрократов больше, чем полная напряжений, а то и нешуточных опасностей диктатура? Тем более что кризис, нараставшая инерция экономического рывка и чрезвычайных мер превращали насилие в «костыль» политики. На поверхность выталкивались руководители вполне определенного типа. За ними стояли «антибуржуйские», склонные к экстремизму люмпенские и экономически маломощные слои, бросавшие косые взгляды на богатеющих соседей. Бедные люди становились не только опорой наступления на негосударственные уклады, но и катализатором нового курса. А идеология «штурма и натиска», демонстративные антиспекулянтские действия власти, «дела» против коррупционеров и вредителей, переключавшие недовольство в русло поиска врагов, закрепляли иную расстановку сил. Нужно было только сделать последний шаг – указать, кто же эти «правоуклонисты».

О «правой» опасности Сталин бил в набат весь год. Однако анонимность обвинений приводила к тому, что люди воспринимали этих врагов как нечто придуманное в Кремле. Поэтому и призывы бороться с ними поначалу не давали ожидаемого эффекта. «Правый уклон высосан из пальца», – говорили инженеры одного Саратовского завода. В Туле вообще приняли постановление в защиту этих трудноуловимых «врагов». Казалось, что последние из них уже высланы из Москвы или СССР. Более года вопрос о новых «врагах» и их центре висел в воздухе.

К концу 1928 года, когда стало ясно, что программа «неонэпа» не срабатывает (или не успевает срабатывать), что сталинское окружение не собирается сбавлять темпы индустриализации, а налицо новый кризис, рост спекуляции, под руководством Сталина началась кампания против «правых». Сначала Лазарь Каганович заявил, что группа Бухарина примкнула к «правому уклону». То есть после дискредитации «правого уклона», в том числе руками Бухарина и его единомышленников, их напрямую связали с этим уклоном (бухаринцы по-прежнему отказывались признавать себя «правыми»). В хор ведущих «разоблачителей» вошли Емельян Ярославский, Петр Постышев, Андрей Жданов и другие. Дальше всех пошел Карл Бауман, охарактеризовавший выступления группы Бухарина «воем шакалов» (ср. с нынешним «шакалить у посольств»). Затем последовало отсечение группы Бухарина от руководства партией и государством. Путь к завершающим репрессивным ударам по системе рыночных отношений был открыт.

Но даже в условиях, когда революция «сверху» стала неизбежной, проявилась тенденция приспособления к новому курсу, то есть мягкий вариант неизбежного передела собственности. Показателен в этом отношении эпизод с заводчиком Пальниковым, который на правах частной собственности владел кожевенным заводом в Шуйской волости. Представители волостной власти посоветовали Пальникову сдать завод государству добровольно. Он согласился и заключил с волостным исполкомом договор, в котором ему было обещано: восстановить его в избирательных правах, принять в члены профсоюза, не отбирать землю, дать возможность детям учиться, самого назначить директором завода.

Таких фактов было немного, но они показывали, в каком направлении в принципе мог бы пойти процесс, если бы важен был сам процесс, а не подхлестывание его насилием. Но, как заявил Каганович, наше государство – это «не правовое государство, его

законы определяются целесообразностью в каждый конкретный момент».

Сталинизм – или, более по-русски, сталинщина – вот что дал 1928 год. Сталинщина – это крайнее и сугубое проявление чрезвычайщины, война со своим народом. На два с половиной десятилетия в стране воцарился такой порядок (то есть положение вещей), при котором смерть стала нормой, беззаконие стало нормой, предательство стало нормой, страх стал нормой. Спасая себя, многие отказывались от родителей, учителей, предавали друзей ради своего спасения. Воронка массовых репрессий затягивала в себя не только назначенные властью миллионные «целевые группы» врагов, которым не было места в вывернутом, ненормальном сталинском государстве, но и вообще всех, кого удавалось захватить. Однако с сегодняшней точки зрения весь ужас ситуации заключался не в вывернутости сталинского государства и даже не в миллионной арифметике репрессий, а в той скорости, незаметности для глаза и видимой легкости, с которой этот поворот произошел, – заглушенный для общества «воем шакалов». Вот почему 1928 год продолжает привлекать внимание историков: не столько как «точка невозврата», сколько как момент, когда что-то еще можно было изменить.

Византийский интерес, или Национальные уроки *

Почти две недели российскую общественность будоражили трехкратным показом фильма «Гибель империи. Византийский урок», а в довершение – его обсуждением в программе «Национальный интерес» на телеканале «Россия». Отчего же шумим? В чем смысл урока? Автор фильма – архимандрит Тихон, – используя современные мультимедийные средства, читает нам лекцию об истории Византийской империи и причинах ее гибели. В самом сжатом виде они сводятся к следующему: смертельно потерять государственный контроль над всем и вся; опасно отдавать торговлю западным менеджерам; непозволительно вовлекаться в европейское пространство, сулящее деградацию и зависимость; нельзя пренебрегать стабильностью и бездарно растрчивать «стабилизационный фонд». И еще, забывать о воспитании преемника и правильном решении проблемы преемственности власти. За всем этим – смысловые прокладки, связанные с этноцентризмом (сюжет о «еврейских капиталах»), антизападничеством (богатство Запада – результат грабежа Константинополя), мифом об особом пути России (мы увидели в Царьграде Бога – не банки и ломбарды были важны для нас, а духовное преемство). Есть еще одна смысловая линия – очередное «присвоение» Путина. Он подспудно оказывается объектом особой «мифологической рефлексии», подается в образе Василия II и рассказе о достижениях его правления. Отстроена вертикаль власти, поставлены на место олигархи, возрождена экономика, создан «стабилизационный фонд». Становится очевидным, что создатели фильма пытаются возродить угасшие было слухи о том, что действия российского президента направляет его духовник архимандрит Тихон. И неважно, что, как показал второй срок, «нордическая» сдержанность Путина распространяется и на сферу профессионально окрашенных действий и деклараций (о своей личной религиозности

---

* Впервые опубликовано: РИА Новости. 12 февраля 2008.

президент говорит сдержанно и осторожно). Путинская прозрачная дистанцированность от вмешательства в духовную сферу объективно создала условия для того, чтобы за последние годы в содержании конфессиональной истории страны стали превалировать события, связанные прежде всего с инициативой самих конфессий, а не государства. Подобное положение возникло впервые за много десятилетий (а если вынести за скобки 1917–1922 годы, то и столетий). Церковная история, казалось, вновь становится историей церкви, а не летописью государственных «инициатив» по «улучшению» или стеснению условий ее существования. Между тем к концу фильма дидактика нарастает: если не сделаем правильных уроков, страна достанется врагу. Кто он, этот враг? Запад! Еще точнее, если внимательно вглядываться в отобранные для визуального ряда лики и маски, католики! А еще – интеллигенция, которая первая поддалась на искусы католицизма и предала идею империи. Перед нами в полном развороте церковный жанр. По форме – проповедь. По стилистике – устрашение. Получается, что если на рубеже веков светский железный занавес рухнул, то церковный стоит прочно. Отдельные представители церкви спешат заполнить образовавшиеся идеологические лакуны своими смыслами. Все хорошее от православия, а все плохое – от латинского Запада! Лучше чалма, чем Ватикан! Хорошо, что в самой РПЦ не все разделяют такую позицию. Уместно вспомнить слова диакона Андрея Кураева, а именно: «Национализация православия, превращение его в “русскую идеологию” открывает дорогу новому антихристианству». Что же касается реанимации имперской идеи, то, конечно, можно, следуя ей, стать на путь изоляции. Но имперское самосознание совсем не обязательно связано с установлением прежних границ, если за этим, что бывало нередко, не вырастают имперские амбиции. Есть и другой путь. Сегодня многие, и все чаще, обращают свой взор на культуру, подлинный культурный подъем страны. И в отличие от вероисповедания, культура не личное дело отдельного человека, а народа. Именно о культуре, которая и «делает кровь единой» (а иначе – мракобесие), говорил 9 февраля в телевизионной программе «Национальный интерес» писатель Виктор Ерофеев. Он единственный из участников призвал автора фильма не лукавить (что не подобает священнику), не искать «стратегию духа» для России в империи и одной единственной общей идеологии («нам нужна и либеральная позиция – это укрепляет государство»), наконец, научиться государству и церкви извиняться перед наро-

дом. Выступления других участников дискуссии – Натальи Нарочницкой, Андраника Миграняна и Игоря Чичурова – произвели удручающее впечатление. Сначала они дружно набросились на не пришедшего на передачу Юрия Афанасьева, ему досталось и за фразу «очень-очень гадкий фильм» (в журнале *The New Times*), и за «поднятую истерику» (Нарочницкая) и за «хамство – историк, а выступил в роли политика» (Мигранян), но главное, за то, что критиковал руководство канала за «ангажированность и заточенность на самые реакционные позиции по отношению к истории». Присутствующие агрессивно одернули радиостанции «Эхо Москвы» и «Свобода», а в конце передачи потребовали, устами Нарочницкой, заново посадить за парты всю «атеистическую интеллигенцию» и учить ее империи «как способу существования», а параллельно «выдавливать из этой интеллигенции по капле врага». При такой неистовости ревнителей православия было неудивительно, что в этой передаче не нашлось места тем русским мыслителям, которые еще в XIX веке предупреждали о гибельности византийского пути. Вспомним хотя бы Петра Чаадаева, который упрекал свою страну за то, что «мы обратились к жалкой, всеми презираемой Византии за тем нравственным уставом, который должен был лечь в основу нашего воспитания». Но что Чаадаев, если даже Арнольд Тойнби высокомерно был отринут Чичуровым как не «византиевед». А как же быть с фундаментальным трудом английского историка о Константине Багрянородном? Профессор МГУ, представший перед аудиторией как чуть ли ни единственный специалист, намеренно проигнорировал мнение других известных ученых.

Мне, в частности, представляется гораздо более убедительной оценка профессора Сергея Иванова, который назвал фильм «Гибель империи» «фэнтези на исторические темы, историческим фельетоном, сегодняшней политикой, опрокинутой в Средние века». На нескольких примерах Иванов убедительно показал нам невежество автора и ведущего фильма: византийские памятники в Стамбуле не знает, сколько лет императоры правили – не ведает, оскопление путает с ослеплением. А тот же Чичуров, заявивший недавно, что постмодернизм и православие несовместимы, здесь по поводу продемонстрированного миллионной аудиторией «православного постмодернизма» спрятался в кустах. Национальный интерес – не в новой канонической истории, открывающей дорогу старо-новым мифам, иррациональности, а, в конечном счете, манипулированию сознанием, не в единой, монистической,

огосударственной и безальтернативной истории. Национальный интерес в том, чтобы очень сложный ландшафт исторических фактов осмысливался без высокомерия, без смакования катастроф и несчастий, без восторгов по поводу побед, за которые заплачена немалая цена, без наклеивания ярлыков и выдергивания фигур и событий на злобу дня, без ставки на суд, поскольку он всегда будет из современности, а значит, прошлое будет представлять перед нами неполноценным.

Берегись! Русские!*

Буквально через полторы недели начнется череда памятных дат, связанных с 65-летием освобождения правобережной Украины и Крыма, Юго-Восточной и Центральной Европы от нацистской оккупации. Что выдвинется на этот раз в центр дискуссий, какие новые «войны памяти» развернутся? Возобладает ли этноцентризм в присвоении прошлого? Последние годы показали, что обращение к истории войны все сильнее смещается в сторону человеческого ее измерения – цены усилий, выживания, насилия, альтруизма, памяти. В Германии, к примеру, по-прежнему в фокусе внимания Холокост, правда, уже в контексте преступлений сталинизма. К этому добавилось внимание к страданиям немцев, ответственности за это стран-союзниц. Особый упор делается на массовое изнасилование женщин. Неслучайно большой интерес привлек фильм немецкого режиссера Макса Фербербека «Безымянная – одна женщина в Берлине». Он впервые в кинематографе поднял проблему массовых бесчинств, совершенных русскими в 1945 году. В основе сценария – автобиографическая книга (дневник) Anonymus, написанная немецкой журналисткой, опубликованная в 50-е на английском языке и переизданная в Германии в 2003 году. Автор описывает, что случилось с ней в апреле–июне 1945 года, когда в Берлин пришла Красная армия. Фильм еще не дошел до России, но представители ряда организаций ветеранов Великой Отечественной войны выступили с требованием запретить его показ: «Эта картина – диверсия и провокация. Попытка очернить образ советского воина, солдата, освободителя! Соответственно, очернить Россию. В период сложившейся во всем мире кризисной ситуации кому-то эта чернуха очень на руку». Эмоций добавил и тот факт, что в «провокационной картине» снимались известные российские артисты. К сожалению, протестующие ветераны не захотели понять смыслы, которые извлекает из *Vae Victis!* (Горе побежденных!) немецкий режиссер. И этому

---

* Впервые опубликовано: РИА Новости. 19 января 2009.

есть объяснение. В российских СМИ и исторических работах тема массовых бесчинств советских военнослужащих так долго находилась под запретом, что даже теперь, когда стремление к «беспощадной правде» о войне берет верх, часть ветеранов отрицает, что преступления имели место. Некоторые вообще отказываются обсуждать этот вопрос, аргументируя тем, что результат геноцида на оккупированных территориях СССР, где погибло 13,6 миллиона советских граждан, несоизмерим с потерями мирного населения Германии. Несравнимы и по времени 3,5 года насилия и издевательств над советскими людьми с 4 месяцами первого этапа оккупации Восточной Германии. Сравнения нисколько не умаляют вклада СССР в Великую Победу над нацизмом, поскольку эпохальные события должны быть свободны от спекуляций на недоговоренностях и «белых пятнах». Виновные в совершении преступлений должны нести ответственность. Но как возможен диалог, если в России даже не хотят познакомиться с фильмом, не дают слово режиссеру для объяснения? А ведь Фербербек, судя по его интервью в западной печати, последователен в человеческом измерении величайшей трагедии XX века. Он призывает немцев, пусть и с запозданием, разрушить пакт молчания, на котором строилась их семейная жизнь, когда жены не спрашивали у мужей, что они делали на фронте, а мужья не спрашивали жен, как они пережили время, когда хозяйничали русские. Один из критиков даже потребовал от Фербербека, чтобы он не задавал трудные вопросы, а наоборот только повторял: «Берегись! Русские!» Конечно, затрагивая проблему преступлений против человечности, режиссер по понятным причинам многое оставил за кадром. Но этого не могут позволить себе профессиональные историки, призванные снова и снова объяснять, почему события происходили именно так, как они происходили. Те, кто свидетельствует о преступлениях советских военнослужащих, причем с акцентом на презумпции виновности, и те, кто пытается видеть в каждом советском солдате, реально или потенциально, насильника и ставить знак равенства между вермахтом и Красной армией, не могут игнорировать принципиально разную природу совершенных ими преступлений. Ключевое значение имеют причины и механизмы «ненормальной» войны, появление приказов, объявивших военную необходимость руководством к действию. Известно, что политическое и военное руководство Германии с самого начала, еще до того, как вообще могла возникнуть проблема стратегических или тактических «необходимостей»,

потребовало от солдат готовности к противоправным, преступным действиям. 30 марта 1941 года, на секретном совещании, Гитлер, выступая перед 250 генералами, войскам которых предстояло участвовать в операции «Барбаросса», заявил, что «речь идет о борьбе на уничтожение». Понятно, что немцы, призванные в вермахт, будучи гражданскими лицами, подвергались ежедневной «промывке мозгов». Красная армия не получала подобных директив, не было у СССР и жестоких намерений уничтожить немецкое гражданское население как низшую и неполноценную расу. Однако сами по себе действия оккупантов на советской территории и огромные жертвы, понесенные советскими людьми за годы войны, предопределили распространение в армии чувств ожесточения и жажды мести. Усиливала эти настроения – неизбежные в наступавшей армии, которая своими глазами видела «результаты» оккупационной политики, – и официальная пропаганда. Огромное число статей, репортажей, корреспонденций показывало «звериный» облик врага и мобилизовывало советских солдат и офицеров на скорейшее уничтожение немецкой армии. Обстановка, сложившаяся в связи с выходом Красной армии на границы СССР, делала задачи командования по предотвращению преступлений против мирного населения предельно сложными. Многочисленные эксцессы заставляли беспокоиться руководителей освободительного движения восточноевропейских стран. Однако поступающие сигналы вызывали резкое раздражение у Сталина, считавшего несправедливым распространять проступки отдельных офицеров и солдат на всю Красную армию. Тем не менее 19 января 1945 года Сталин подписал приказ, который требовал не допускать грубого отношения к местному населению на освобождаемых территориях. Этот приказ был доведен до всех солдат и офицеров. Последовали и соответствующие распоряжения военных советов фронтов, командующих армиями, командиров дивизий и других соединений, чтобы, как заявил Сталин, «очарование нашей Красной армией не сменилось бы разочарованием». Одновременно маршал Г.К. Жуков предостерегал свои части, чтобы во время наступления на Берлин и оккупации Германии они концентрировались на своих воинских обязанностях. Однако сдерживающая роль приказов не могла преодолеть влияния на совершение противоправных действий косвенных обстоятельств – всеобщей эйфории, неизбежного попустительства, цепной реакции на негативный пример, использования распоряжений, которые противоречили друг другу. К примеру, до капитуляции

Германии следовали наказания за имущественные преступления, но после капитуляции политическое и военное руководство делало вид, будто в Германии все в порядке. Не было ни разрешающих, ни запрещающих актов по поводу использования и конфискации личного имущества немецких граждан. Все было отдано на откуп победителям. И только 9 июня 1945 года, то есть спустя месяц после капитуляции, постановлением ГКО была упорядочена раздача трофеев. Безусловно, мы бы упростили проблему, если бы решили свести причины преступлений только к «необходимостям», конфликтам, возникавшим по поводу выполнения противоречившего законам приказа. Неизбежная дегуманизация, вызванная тремя годами войны, была одной из причин преступности. В то же время у некоторых очевидцев взятия Берлина поведение солдат и офицеров Красной армии оставило противоречивое, двойственное чувство. Английская аристократка Дж. Редсдейл в начале мае 1945 года писала своей подруге: «Вчера видела, как двое молодых русских солдат бьют мальчика-фольксштурмиста. Били сильно, но недолго – вмешался пожилой русский, стал их растаскивать. <...> Я знаю твое отношение к русской литературе, к русским и потому приглядываюсь. Помоему, от русских ожидали большей жестокости. А они скорее просто грубы, да и то часто от безмерной усталости. Я говорила с одним русским переводчиком из штаба 1-го Белорусского фронта, рассказала тот эпизод, когда за мальчика-немца вступился пожилой солдат. Он объяснил так: что ж, понятно, пожалел ребят. И увидев в моих глазах вопрос, добавил: “Ненавидеть тяжело. Любить хочется”». В ситуациях, когда не знаешь, как поведет себя немецкий оккупант или советский освободитель, мирное население вынуждено было искать способы самозащиты или самоспасения. И это также важно иметь в виду при раскрытии природы преступлений. Режиссер Фербербек подробно раскрывает эту трагическую сторону жизни берлинских женщин. Чтобы избежать изнасилования и унижения сначала русские, а затем немецкие женщины нередко обезображивали свои и своих дочерей лица, калечили себя, а иногда кончали жизнь самоубийством. В секретном докладе заместителя наркома внутренних дел, уполномоченного НКВД СССР по 1-му Белорусскому фронту И.А. Серова наркому Л.П. Берия от 5 марта 1945 года сообщалось, что в Германии самоубийства взрослых и особенно женщин с предварительным умерщвлением своих детей приобрели массовый характер. И русские, и немецкие женщины научились прятаться во

время «часов охоты» солдат и офицеров. Многие женщины были вынуждены «добровольно отдаться» одному солдату в надежде, что он защитит от других. В условиях же оккупации суровым испытанием становился голод, который «тонкой линией» отделял военные изнасилования от военной проституции. К примеру, после сдачи Берлина город сразу же наполнился женщинами, торгующими собой за еду или альтернативную валюту – сигареты. В экстремальных условиях причудливым образом смешивались прямое насилие, шантаж, расчет и настоящая привязанность. Возвращаясь к немецкому фильму, важно не упустить, что он является горьким упреком для России вот в каком плане. В постсоветскую эпоху мы так и не осмелились говорить в полный голос о нашей трагедии, не нашли щадящую форму, чтобы, преодолев унижение, стыд, боль, страдания, обо всем, что случилось на советской оккупированной территории, рассказали сами женщины. И чтобы это стало известно всем, но прежде всего тем, кто ставит сегодня страдания немцев на первое место. Взять хотя бы забытые дела Чрезвычайной государственной комиссии «по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников» (июнь 1941 – декабрь 1944 годов). В них зафиксировано 54 тысячи 784 акта о зверствах гитлеровских преступников в отношении мирных граждан Советского Союза. Приводимые сведения включают такие преступления, как использование гражданского населения в ходе военных действий, насильственная мобилизация мирного населения, расстрелы жителей и уничтожение их жилищ, изнасилования, охота за людьми – невольниками для германской промышленности. Все эти акты доступны исследователям, но крайне слабо обработаны, в том числе как массовый источник. С приближением памятных дат новых дискуссий не избежать. Но они несколько не уменьшат высокую оценку героизма советских солдат, а позволят приблизиться к пониманию природы войны, позволят ответить на вопрос, который перед смертью поставил писатель Виктор Астафьев. Русские выдержали испытание войной. Выдержат ли они испытание всей правдой о войне?

«Большой террор» в пространстве памяти^{*}

...На свете нет ничего более низкого, чем стремление «забыть» эти преступления.

Варлам Шаламов

«Большой террор» имеет давнюю историю реконструкции и осмысления, однако крайне редко эта трагедия помещается в пространство памяти, постигается через воспоминание или забвение. По горячим следам, с конца 1970-х годов, когда многие жертвы (и палачи) террора еще были живы, собирал воспоминания и материалы Стивен Коэн. На последствиях террора, включая его следы в исторической памяти, концентрировалось внимание Нэнси Адлер. На двойственность позиции государства в отношении жертв террора указывали Кэтлин Смит и Марк Юнге. Воспоминания о сталинской эпохе тех, кто пережил ГУЛАГ, и приверженцев Сталина сопоставляет А. Хошчайд. Нормативность российских исследований с указанием, что «следует помнить», непродуктивность использования международных моделей и сравнений, в частности аналогии с постнацистской Германией, критикует Михаил Габович. На отражение в дискурсе террора не травмы, а желания вернуться после смерти Сталина к старой ленинской программе обращает наше внимание Полли Джонс. Нарботки общества «Мемориал», его создателей и сотрудников заслуживают особого рассмотрения, что будет делаться ниже.

С учетом этих и других подходов мне бы хотелось предложить новые аспекты анализа проблемы, связанные с пространством памяти. Пространственный подход использовался мной и Дмитрием Андреевым при анализе памяти в СССР/России об Октябрьской революции, Сталине и Победе в Великой Отечественной войне.

---

^{*} Впервые опубликовано: Gefter.ru. Карта памяти. 27 февраля 2013.

Обновление проекта памяти «духом XX съезда»

В памяти многих людей запечатлелся момент возвращающихся домой после смерти Сталина зеков. Истощенные и состарившиеся до срока, в телогрейках и с потрепанными чемоданами, они не могли не заставить вспомнить 1937-й, но еще важнее – задуматься о том, о чем предупреждала Анна Ахматова: «...Теперь арестанты вернутся, и две России глянут друг другу в глаза: та, что сажала, и та, которую посадили». Первые «дрожат за свои имена, должности, квартиры, дачи. Весь расчет был: оттуда возврата нет». По существу, в этих словах и заключался основной конфликт послесталинского проекта памяти о «Большом терроре».

Что сообщила власть уцелевшим жертвам трагедии? В своей речи на XX съезде партии Никита Хрущев «проделал сложное балансирование». В пространстве памяти о терроре одновременно как его жертвы высвечивались находившиеся под политическим запретом троцкисты, зиновьевцы и бухаринцы, так и лояльные коммунисты, по отношению к которым были применены несоразмерные репрессии. Иерархия выстраивалась Хрущевым следующим образом: лидеры оппозиции, а затем лояльные коммунисты. О целевых группах массового террора речи вообще не было. В 1938–1939 годах во всех преступлениях обвинялся Ежов, теперь – персонально Сталин. Вопрос о его соучастниках (и сообщниках), включая Хрущева, никак не обсуждался. Надо было поверить, что диктаторская система на самом деле держалась на воле одного человека. Вопрос о том, насколько неизбежно преступления сталинизма определялись самим типом режима, в какой степени отдельные личности или группы личностей использовали этот режим в собственных интересах, всячески обходился. И последовавшее за XX съездом постановление ЦК «О преодолении культа личности и его последствий» (30 июня 1956 года) подтвердило: власть не готова сделать уступки в оценке советской истории, не говоря уже о том, чтобы открыть доступ к архивам.

Проект памяти, отработанный в 1937–1939 годах, устоял и сейчас. Партия, вплоть до ее высших органов, осталась вне критики и сохранила позицию культурного героя. Однако теперь она предстала жертвой хорошо смоделированного обманного маневра

не только НКВД, но и самого Сталина, который вступил в сговор с этим наркоматом, а также и с прокуратурой. Причины столь противоречивого проекта памяти о терроре Хрущев в своих воспоминаниях объяснял так: «За три года после смерти Сталина <...> мы не смогли разорвать с прошлым, мы не могли набраться мужества, внутренней потребности и приоткрыть полог и заглянуть, что же там за этой ширмой, что кроется за тем, что было при Сталине. Мы сами, видимо, были скованы своей деятельностью под руководством Сталина и еще не освободились от его давления».

Новая картина памяти не могла обрести ясные черты из-за непоследовательных действий власти после XX съезда. К примеру, в директивном письме местным парторганизациям от 19 декабря 1956 года ЦК потребовал решительных мер по отношению к тем антисоветским элементам, которые «под флагом борьбы с последствиями культа личности <...> допускают демагогические выпады против партии». В письме указывалось, что из мест заключения возвратилось значительное число амнистированных и реабилитированных, а среди них и те, кто «злобно настроены против советской власти». С ними предписывалось «поступать так, как мы всегда поступали с враждебными нашему строю людьми». Прозвон чиновников, «обозленных сталинистов», в отношении трудоустройства реабилитированных приобрел масштабы социального и политического явления. Поэтому к концу 1950-х годов положение бывших политзаключенных усугубилось. Они почувствовали себя чужими в новом проекте памяти, поскольку их трагические воспоминания вступили в конфликт с официальной версией, транслируемой по всем пропагандистским каналам, включая школу. Многие из них признавались: «Мода на нас прошла». Именно так выразилась одна из реабилитированных женщин, рассказавшая, что, окончив в 1960 году пединститут, долго не могла найти работу, хотя избытка школьных учителей вроде бы не наблюдалось.

Картину памяти осложняли и другие факторы. Арсений Рогинский указывал на противопоставление «гласности ареста» (открытости, с которой проводились аресты) «тайне реабилитации» – чуть ли не по секретному процессу. Когда государство подвергало свою жертву репрессиям, это становилось широко известно; когда же государству приходилось признавать свою «ошибку», это оставалось частным делом реабилитируемого. Но в обеих процедурах жертвы неизменно шельмовались. Они явля-

ли собой политическое недоразумение, поскольку сам факт реабилитации ставил власть лицом к лицу с прошлым. Реабилитированные являли собой укор – как прошлому, которое власть не могла защитить, так и настоящему, к которому она еще не приспособилась. Одна из бывших заключенных отметила: «Даже если бы нас приняли радушно, мы знали, что государство в целом все еще живет по прежним законам. Ничего существенного не изменилось. <...> Нам вернули нашу свободу, но сделали это очень тихо». Реабилитация часто рассматривалась как условное прощение, и условие это: не вспоминать, обязательно молчать. Существовал «неписанный, но часто упоминаемый общественный договор», который предлагали заключить прошедшим ГУЛАГ: «Мы вас освободили, поможем с работой и с некоторыми льготами и оставим в покое. За это вы должны не предъявлять политических требований и не разглашать обстоятельств прошлого».

Однако немало было и таких пострадавших, которые вслед за Константином Рокоссовским могли повторить: «Товарищ Сталин мне святой». Маршал, которому в тюрьме сломали ребра и выбили восемь зубов, отказался участвовать в антисталинской кампании Хрущева. Этой кампании пассивно или активно противостояла большая группа обывателей, которая не видела разницы между освобожденными уголовниками и политическими заключенными, которая не доверяла людям с «нечистым» прошлым: «Клеймо снято, а пятно осталось», – обращался один чиновник к реабилитированному зеку. Балерина Майя Плисецкая была потрясена, когда дворничиха, наблюдающая за арестом ее отца, воскликнула: «Скорее бы вас всех перестреляли, сволочи проклятые, враги народа».

И тем не менее значительная часть общества участвовала в судьбе жертв террора, всячески помогала им, более того, нередко видела в зеках «нечто романтическое», «факелоносцев правды и чистоты», принимала их «как героев». Под влиянием таких людей в 1961 году на XXII съезде Хрущев попытался скорректировать свой проект памяти, предложил убрать тело Сталина из Мавзолея, освободить города от памятников Сталину, установить памятник жертвам террора. Власть не могла не учитывать и идейное брожение среди молодежи. Новое поколение, выросшее в других социальных условиях, не захотело принимать ту картину прошлого, которую ей предлагали «сверху». Отсюда духовные поиски, борьба за «чистоту» марксизма-ленинизма, за «возвра-

щение к ленинским нормам» и «заветам» первого поколения большевиков. Молодые писатели открыто призывали привлечь отцов к ответу, пропагандировали пренебрежение к «историческому опыту» в пользу опыта «личного», в пользу самостоятельного изучения истории и жизни, без оглядки на идейные схемы и предписания сверху.

Лукавая хрущевская десталинизация предопределила брежневскую стыдлившую ресталинизацию. Борьба Хрущева с культом Сталина изобиловала невнятными шагами и недосказанными до конца разоблачениями. В каком-то смысле брежневская ресталинизация явилась пускай стыдливой, неуверенной, с бесконечными оглядками на мировое общественное мнение, но попыткой вернуть пошатнувшуюся советскую систему в равновесное положение. В отношении сталинской эпохи ужесточалась цензура. Доклад «комиссии Шверника» и материалы Ольги Шатуновской о массовом терроре были спрятаны в архив. Реабилитация свернута, забыта была и инициатива Хрущева по строительству мемориала жертвам сталинского террора.

При доминировании официальной истории, задвинувшей «Большой террор» в зону антипамяти, пережившие его начали писать мемуары или собирать материал для будущих исследований – Сурен Газарян, Анна Ларина, Евгений Гнедин, Лидия Гинзбург, Лев Копелев, Рой Медведев, Антон Антонов-Овсеенко и др. «Свидетельская психотерапия» помогала преодолевать страдания памяти. С середины 1970-х годов Арсений Рогинский, Михаил Гефтер, Александр Даниэль, Лариса Богораз и другие уже постоянно занимались сбором и обработкой документов, которые проясняли историю репрессий. Тревожат читателей произведения Юрия Трифонова, проникает в СССР книга Роберта Конквеста «Большой террор» 1974 года издания, распространяется бесцензурная литература – «тамиздат».

Перемены в политике власти по отношению к сталинской эпохе и к террору позволяет лучше понять судьба писателя Варлама Шаламова. Он остро реагировал на все колебания и отступления в этой политике. К примеру, в 1964 году, столкнувшись при оформлении пенсии с необходимостью обратиться в лагерные архивы, он узнал, что доступ к ним фактически закрыт, и на основании этого пришел к выводу, что все дела заключенных уничтожены. Продолжение работы над «Колымскими рассказами» получило в связи с этим особую мотивацию. Тема памяти, ее податливости ходу времени и необходимости постоянно переба-

рывать свойственную человеку тягу к скорейшему забыванию плохого становится для писателя главенствующей. «Искусство жить, – пишет Шаламов, – если таковое имеется, есть, по существу, искусство забывать». Но он не желает принять эту истину по отношению к себе, а тем более – по отношению к социальной памяти общества: «На свете нет ничего более низкого, чем стремление “забыть” эти преступления».

В сущности, все шаламовские рассказы, которые с 1966 года писались «в стол», являют собой протест против забвения, санкционированного государством, но особенно громко и отчетливо эта тема звучит в рассказе «Перчатка» (1972), открывающем его последний сборник:

«Документы нашего прошлого уничтожены, караульные вышки спилены, бараки сровнены с землей, ржавая колючая проволока смотана и увезена куда-то в другое место. На развалинах Серпантинки процвел иван-чай – цветок пожара, забвения, враг архивов и человеческой памяти.

Были ли мы?

Отвечаю: “были” – со всей выразительностью протокола, ответственностью, отчетливостью документа».

Возвращение памяти

В 1987 году Михаил Горбачев резко радикализирует отвергнутый хрущевский антисталинизм и предлагает новый проект памяти о терроре. Начинается второе возвращение пострадавших, мертвых и живых. В сентябре 1987 года ЦК создает Комиссию по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30–40-х и начала 50-х годов (сначала ее возглавлял Михаил Соломенцев, а с июля 1988 года Александр Яковлев). За два года (1988–1989) были реабилитированы более 1 млн сталинских жертв, тогда как при Хрущеве за восемь лет – 700 тысяч человек. В 1991 году был издан указ о реабилитации всех оставшихся.

Однако новый проект памяти о трагедии встретил серьезное сопротивление, причем по линиям, отличным от хрущевского времени. В среде «послушных» историков были заметны колебания и использование различных уловок: да, были массовые ре-

прессии и преступления, но одновременно – трудовые рекорды, всеобщие выборы и энтузиазм; да, был террор, но не заключается ли причина жестокости и репрессий в тайной, никогда не диагностированной душевной болезни Сталина? По мере расширения гласности противники обратились к тяжелой артиллерии – письмо Нины Андреевой «Не могу поступиться принципами», направленное на историческую реабилитацию Сталина, а значит, и созданной им системы, внесло смятение в ряды сторонников подлинной памяти о терроре и его жертвах. Последовавший меньше чем через месяц – 5 апреля – редакционный ответ «Правды» обостряет проблему разоблачения Сталина и сталинизма.

Популярные публицисты размышляли о том, что в рождении сталинизма и присущего ему насилия в той или иной мере участвовали представители всех уровней государства и общества, что причины этого не могут быть сведены только к личному страху или эгоизму. Они (эти причины) связаны и с определенными амбициями (личными, патриотическими или другими), влиянием идеологической обработки и даже просто с привычкой почитать «начальство». Ясно, что сталинский режим в проведении террора опирался, по крайней мере, на пассивное сотрудничество представителей различных общественных слоев. Поэтому в феномене Сталина и проводимой им политики «Большого террора» необходимо отличать то, что являлось специфичным для этой личности, и то, что определялось системой и от Сталина не зависело.

Тогда еще мало кто подозревал о коварных ловушках преобразования пространства памяти, о потенциальной опасности, которая коренилась в историческом сознании, – опасности того, что на деле оно окажется суммой стереотипов, своего рода трансформером, открытым для любых манипуляций. То есть деконструкция тоталитаризма способна оборачиваться его реконструкцией под флагом возвращения к «исторической правде».

В этих условиях у общественных организаций впервые появляется возможность самым серьезным образом вмешаться в формирование нового проекта воспоминаний о терроре. То, что было невозможным в 1960-е, случилось в конце 1980-х. Немногочисленные структуры гражданского общества все заметнее перехватывали инициативу у власти.

В 1988–1989 годах списки жертв политических репрессий стали публиковаться в газетах, чуть позже во многих регионах стали издавать «Книги памяти», куда вносились биографические справки пострадавших. Эти книги действительно стали одной из опор-

ных точек памяти о сталинизме и терроре. Издающиеся в большинстве регионов России, они образовали библиотеку объемом почти в 300 томов, в них содержится в общей сложности более полутора миллионов имен казненных, приговоренных к лагерным срокам, депортированных.

Однако для наглядной, образной демонстрации повседневности и массовости «Большого террора» первоначально не хватало предметов о вещественной памяти. Целенаправленное комплектование документов и материалов велось практически только историко-просветительским обществом «Мемориал», официально учрежденным в январе 1989 года. Ярким примером публичного представления личной памяти явились «недели совести» в сотнях клубах по всей стране. В ходе их проведения открывались «стены памяти», на которые каждый мог повесить или приклеить что хотел: документ, письмо, фотографию. Восстановление памяти включало в себя такие болезненные моменты, как идентификацию забытых жертв в тысячах отчетах и безымянных захоронений. В конце 1980-х – начале 1990-х знание о тайных могилах выплеснулось наружу и оказалось востребованным общественным сознанием. В разных регионах возникли поисковые и инициативные группы. Часть массовых захоронений была выявлена; некоторые из них обозначились в общественном сознании как «основные» для данного региона. Но как справедливо подчеркивает директор научно-исследовательского центра «Мемориала» Ирина Флиге, лишь небольшая часть «выявленных» и статусных, с точки зрения массового сознания, захоронений подтверждена документально и/или имеет официальный статус. Далеко не все из достоверно известных на сегодняшний день мест массовых захоронений посещаемы и имеют памятные знаки. Более того, этим местам угрожает забвение – как вследствие сознательных действий местных властей и землепользователей, так и по естественным причинам: уходит поколение носителей личной памяти о погибших.

Общество возвращалось и к таким безответным вопросам, как массовая вина, как вовлечение 5 процентов населения (по некоторым оценкам) в число тайных информаторов и не менее миллиона людей – на работу в системе ГУЛАГа. Раздался призыв найти палачей и судить их. Однако попытка вывести виновных на авансцену пространства памяти вызывала неоднозначную реакцию: ведь их было немного, в престарелом возрасте, они апеллировали к выполнению приказов. Да и жертвы террора уже не хо-

тели никакого суда. Вслед за Роем Медведевым они поддерживали «суд истории», который вынесет палачам свой вердикт.

Борис Ельцин своими указами еще сильнее изменил пространство памяти о терроре: реабилитировал всех граждан, пострадавших от политических репрессий начиная с октября 1917 года, то есть не только сталинских; признал статус жертв за миллионами детей репрессированных родителей, распространив на них право на компенсации; объявил 30 октября днем национальной скорби по жертвам советских политических репрессий; допустил бывших репрессированных и их родственников к их делам в архиве ФСБ.

Но затем, неожиданно для многих, пространство памяти стало усложняться. Экономические меры, введенные в начале 1990-х годов и получившие название «шоковая терапия», вызвали невиданный экономический кризис. Приватизация для «своих», коррупция и мафиозная преступность, гиперинфляция, выведшая 75 процентов людей за черту бедности, социальная несправедливость, беспризорность детей, нищенство сделали воспоминания о «Большом терроре» неактуальными. Новая эпоха породила миллионы своих жертв. В этих условиях в центр пространства памяти снова стала выдвигаться фигура Сталина: «Вопиюще незаслуженные богатства и привилегии заставили взглянуть на его репрессии как на адекватное наказание реальных врагов народа». Под занавес правления Ельцина в декабре 1998 года в Государственной Думе даже голосовался вопрос о возвращении на Лубяnsкую площадь памятника Феликсу Дзержинскому. В одном из интервью член правления «Мемориала» Никита Петров не скрывал своего разочарования: «Это <...> симптоматично, это и есть знамение нашего времени: начиная с середины 1990-х годов говорить о преступлениях советского режима стало немодным – не запрещено, но непопулярно. Власть, в частности, препятствует в доступе к архивам, которые содержат сведения об этих преступлениях. <...> Приостановлен процесс рассекречивания документов, связанных с репрессиями. И это вопреки указу Ельцина, принятому еще в 1992 году, – о рассекречивании всех материалов, связанных с массовыми репрессиями. Указ есть, но его не выполняют. Ничего не делают! Увы, к сожалению, и научно-историческая общественность, и общество в целом с этим мирятся».

Борьба проектов памяти

Начиная с 2004 года новый режим власти попытался избрать миф в качестве познавательного инструмента советского прошлого. Старые знания и законы можно опровергнуть новыми, а мифы не дают такой возможности, они повторяют канонические объяснения. Именно с этой стороны и стали предприниматься попытки ресталинизации. Одновременно с экранизациями произведений Анатолия Рыбакова, Александра Солженицына и Варлама Шаламова, показывающих Сталина как преступника и тирана, в сериалах типа «Сталин. Live» выстраивался образ победителя, архитектора порядка и справедливости. Акцент на предзаданной Победе в войне должен был вытеснить память о репрессиях.

Прощание с советским и имперским прошлым или попытки реанимации его в новых формах так или иначе связаны с процессом десталинизации или ресталинизации. В навязываемых «сверху» учебных пособиях и учебниках обосновывалась ускоренная модернизация СССР как высшая цель, достигаемая «любой ценой». ГУЛАГ трактовался как досадный, побочный продукт эффективной сталинской политики, а «Большой террор» объяснялся стремлением верховной власти «не потерять контроль над страной». Курс на позитивную идентичность, в которой нет места памяти о терроре и постыдных страницах прошлого, подкреплялся действиями образованной Кремлем Комиссии по противодействию фальсификации истории для защиты традиционных для советского периода исторических оценок.

Казалось бы, стал отчетливо проступать новый проект памяти о терроре. Однако его четкость странным образом размывалась позицией первых лиц государства. На состоявшейся в июне 2007 года встрече с историками и обществоведами Владимира Путина явно покоробил призыв создать «заповедники» в отношении прошлого, он призвал не забывать о «Большом терроре», быть добросовестными в подходе к фактам. Через два года, в День памяти жертв политических репрессий 30 октября, Дмитрий Медведев заявил, что террору и преступлениям Сталина не может быть оправдания. В этом русле находилась и представленная в 2011 году президентским Советом по правам человека программа «Об увековечивании памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении». Она продемонстрировала очевидный разрыв с той исторической политикой, которая была намечена с

2004 года. Однако по методам действий и те и другие инициаторы старо-новых проектов памяти мало чем отличаются друг от друга. Представители обеих сторон предусматривают политизацию истории, запреты, надзор, наказуемость за инакомыслие, унификацию подходов к прошлому, причем уже на стадии обучения истории в школе. Поэтому, когда читаешь, что десталинизация – «невежество, инквизиция и гражданская война», сразу хочется узнать, а к чему вела программа, связанная с «эффективным менеджером», забвением и снятием ответственности с политических режимов за «счастливое прошлое».

Свой проект памяти о терроре последовательно развивал в последнее десятилетие «Мемориал». «Виртуальный музей ГУЛАГа» объединил разные музейные и выставочные инициативы в разных точках России и странах бывшего Советского Союза. «Некрополь ГУЛАГа» – впечатляющий реестр около 800 памятных мест, связанных с расстрелами и захоронениями, лагерными кладбищами и кладбищами спецпоселков. К сожалению, эта память практически ничем не защищена на будущее: у мемориальных кладбищ террора нет ни регламентов, ни юридического статуса. Завершается многолетний проект «Топография террора» – исследования, объединенные идеей «привязки» материалов об истории репрессий к местности (по аналогии с известным немецким проектом *Topographie des Terrors*), в частности, карательные институты советского периода на карте Москвы. Образовательные проекты общества «Мемориал» связаны с подготовкой учебных пособий для учителей истории и обществознания ««Большой террор» и его отголоски». 30 октября, в День памяти жертв политических репрессий, педагогам из разных городов России предлагается проводить по его материалам уроки для старшеклассников. Начиная с 1999 года среди школьников России ежегодно проводится исторический конкурс «Человек в истории. Россия – XX век». В 2011 году он был посвящен 75-й годовщине «Большого террора». Организаторы конкурса руководствуются тем, что сегодняшние ученики становятся не только свидетелями того, что происходит с памятью о репрессиях и ГУЛАГе, но и жертвами интенсивного процесса новой мифологизации и инструментализации советского прошлого.

Таким образом, в пространстве памяти о терроре сегодня в неразрывное целое сплелись сразу три проекта – старый советский, новый официальный антипроект (риторика носителей верховной власти, программы советов и комиссий) и общественный контрпроект.

Опасности забвения

Двадцать лет назад не было сомнений в том, что память о «Большом терроре» станет общенациональной. Сейчас, по оценке многих экспертов, пространство этой памяти приобретает противоречивые очертания и все больше сужается. Чтобы эта память не стала раздробленной, фрагментарной, вытесненной на периферию массового исторического сознания, необходимы общие усилия государственных и общественных институтов. Подлинная память о «Большом терроре» 1937–1938 годов не должна зависеть от политизации прошлого, от электоральных баталий, вносящих раскол в общество. Преступления, совершенные сталинским режимом, вне профессионального исторического описания могут оказаться, как предупреждал Дитрих Гайер, «в преисподней забвения, если не войдут в долгосрочную индивидуальную память». Дан Динер обращает наше внимание на то, что в Германии мемориальные места и ритуалы, предостерегающие от повторения преступлений нацизма, явно отличаются от пассивной дани памяти жертвам сталинской диктатуры в бывшем Советском Союзе. Причины этого расхождения очевидны: преступления Гитлера вошли в коллективную память немцев и хранятся в памяти других народов как преступления немецкой нации. В отличие от этого, преступления Сталина и коммунистического режима едва ли могут быть представлены в форме преступлений, совершенных русскими. С этим можно было согласиться до момента, пока не развернулись на постсоветском пространстве «войны памяти». И тем не менее вопросы, которые ставит Динер, заслуживают серьезных размышлений, поскольку формирование на постсоветском пространстве исторической памяти, в которой подобающее им место заняли бы преступления Сталина, довольно проблематично. Как можно удержать в голове преступления, которые ускользают из этнической – а тем самым и долгосрочной – памяти? Можно ли сохранить воспоминания о преступлениях, совершенных не во имя такой общности, как нация, а во имя какого-то социального образования, например, класса? Какие предшествовавшие этим событиям этнические образы необходимо активизировать с тем, чтобы обеспечить вхождение происшедшего в историческую память?

Как никогда актуальным в подлинном пространстве памяти становится не только чувство вины перед жертвами террора, но и

предостережение от повторения подобной трагедии. Думается, неслучайно в тезисах общества «Мемориал», посвященных 75-летию «Большого террора», подчеркиваются пугающие аналогии с эпохой 1937 года, которые можно найти в сегодняшней России. В тезисах отмечается «рефлекторная неприязнь сегодняшнего государственного аппарата к независимой общественной активности, непрекращающиеся попытки поставить ее под жесткий государственный контроль», обращение к концепции «враждебного окружения» как одному из главных оправданий сталинского террора. Действительно, последние законы о митингах, клевете, иностранных агентах, цензуре в Интернете, планирующиеся законы о волонтерах, клевете на судей, о богохульстве, – все это подталкивает к историческим аналогиям.

Однако есть и другая опасность в обращении с памятью о прошлом. Два месяца назад в российском медийном пространстве произошел неприятный казус. Продюсер рекламных спецпроектов телеканала «Дождь» Илья Техликиди придумал и реализовал серию социальных принтов (плакатов), на которой Иосиф Сталин сравнивается с самыми модными хай-тек-компаниями современности. Сравнение вызвало скандал в социальных сетях: большинство их обитателей считают, что в проекте форма затмила содержание, а попытка познакомить онлайн-поколение со страшными страницами отечественной истории, включая «Большой террор», обернулась популяризацией образа Сталина. К примеру, в плакатной серии Сталин сравнивается с социальной сетью «Фейсбук», поскольку он тоже «призывал делиться информацией», с сервисом коротких сообщений «Твиттер», так как «был краток», с «Яндексом», потому что «отправлял поисковые запросы».

На других плакатах Сталина сравнивают с «Ютубом» – «позволял загружать и отправлять», «ВКонтакте» – «пленил миллионы», «Форсквером» – «показал, где чье место», и «Эпплом» – «дорого обошелся».

Внизу каждого плаката мелким шрифтом приводится соответствующая историческая справка, например, на плакате про «Яндекс»: «2 июля 1937 года Сталиным была подписана резолюция “Об антисоветских элементах” о незамедлительном поиске, аресте и расстреле самых активных «кулаков и уголовников» в срок до пяти дней. Этот документ положил начало «Большому террору», или «ежовщине», – периоду массовых репрессий и политических преследований людей, неугодных советской власти».

СТАЛИН – ОН КАК FACEBOOK: ПРИЗЫВАЛ ДЕЛИТЬСЯ ИНФОРМАЦИЕЙ

В 1937-1938 годах тысячи простых советских граждан заваливали НКВД доносами на своих сослуживцев, соседей, начальников, знакомых. Доносов было столько, что НКВД просто не справлялась.

БОЛЬШОЙ ТЕРРОР 1937-1938
75 ЛЕТ – НЕ ВРЕМЯ, ЧТОБЫ ЗАБЫВАТЬ

РОССИЙСКАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ ЖЕРТВ
НЕЗАКОННЫХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
РЕПРЕССИЙ

**СТАЛИН – ОН КАК YOUTUBE:
Позволял загружать и отправлять**

Члены семей репрессированных, которые были «способны к активным антисоветским действиям», подлежали водворению в лагеря или трудосёлки. Нередко в Сибирь, куда их везли по месяцу в товарных вагонах.

БОЛЬШОЙ ТЕРРОР 1937-1938
75 ЛЕТ – НЕ ВРЕМЯ, ЧТОБЫ ЗАБЫВАТЬ

РОССИЙСКАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ ЖЕРТВ
НЕЗАКОННЫХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
РЕПРЕССИЙ

**СТАЛИН – ОН КАК ЯНДЕКС:
ОТПРАВЛЯЛ ПОИСКОВЫЕ ЗАПРОСЫ**

Яндекс

найдётся каждый

Поиск: Военные Частоты Кулаки Уголовники Царские Иллюстрации Энциклопедиямания и др.

Например, кулаки и народы

2 июля 1937 года Сталиным была подписана Резолюция «Об антисоветских элементах» о немедленном поиске, аресте и расстреле самых активных «кулаков и уголовников» в срок до 5 дней. Этот документ положил начало Большому Террору или «ежовщине» – периоду массовых репрессий и политических преследований людей, неугодных советской власти.

БОЛЬШОЙ ТЕРРОР 1937-1938
75 ЛЕТ – НЕ ВРЕМЯ, ЧТОБЫ ЗАБЫВАТЬ

РОССИЙСКАЯ
АССОЦИАЦИЯ ЖЕРТВ
НЕЗАКОННЫХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
РЕПРЕССИЙ

**СТАЛИН – ОН КАК APPLE:
ДОРОГО ОБОШЁЛСЯ**

661 692 человека было осуждено
к высшей мере наказания – расстрелу.

БОЛЬШОЙ ТЕРРОР 1937-1938
75 ЛЕТ – НЕ ВРЕМЯ, ЧТОБЫ ЗАБЫВАТЬ

РОССИЙСКАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ ЖЕРТВ
НЕЗАКОННЫХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
РЕПРЕССИЙ

Самое же примечательное, что в публикации журнала «Большой город», которую процитировали многие СМИ, сказано, что серию плакатов сделала Российская общественная организация жертв незаконных политических репрессий к 75-летию начала «Большого террора». Логотип организации, действительно, есть на каждом плакате. Однако в самой организации ни одного из этих плакатов в глаза не видели. А если бы увидели, то стало бы очевидно, что на мелкий шрифт о «Большом терроре» из пояснений к плакатам мало кто обратит внимание: в памяти останется яркий образ того, что Сталин – это современно и прикольно!

Данный пример хорошо иллюстрирует тот факт, что память о «Большом терроре» и его организаторе каталогизируется сегодня в качестве товара в супермаркете идеологического ширпотреба.

«Большой террор» в академической и прикладной истории*

5 августа 2017 г. исполнилось 80 лет с начала массовых репрессий по утвержденному Политбюро ЦК ВКП(б) 30 июля 1937 г. приказу НКВД № 00447. Однако, как и 10 лет назад, эта трагедия не в центре общественного внимания. Не прозвучал набат по убитым, не объявлена минута молчания. Лишь мельком прошла новость о состоявшемся 5 августа в карельском урочище Сандармох Международном дне памяти жертв «Большого террора», здесь в 30-е были расстреляны свыше 9 тысяч человек. Полигон смерти обнаружили 20 лет назад «мемориальцы» Юрий Дмитриев, Ирина Флиге и Вениамин Иофе. Все предыдущие митинги в Сандармохе вел Дмитриев, а сейчас его по ложному обвинению судят.

Противоречивость контекста памятной даты связана, во-первых, с Революцией 1917-го, столетие которой отмечается в этом году. Ее октябрьская фаза представляла в 1937 году как акт творения нового мира и постоянной борьбы за чистоту с демонами, внутренними и внешними. И массовые репрессии легитимировались тогда революцией. Во-вторых, имя главного организатора террора – Сталина – по-прежнему занимает первые строчки в опросах о популярных правителях XX века. 62 процента россиян согласны с тем, что памятные знаки, рассказывающие об успехах Сталина, нужно размещать в публичных местах, а 65 процентов граждан против установки знаков, сообщающих о его неудачах и преступлениях.

В патриотической среде можно услышать даже призывы к «новому 37-му году» как эре справедливого и беспощадного суда над элитами. При этом последний опрос ВЦИОМа показал, что большинство людей (90 процентов) знают, что репрессии были. Меньше всего информированы люди 18–24 лет – 24 процента из

---

* (совместно с Марком Юнге). Впервые опубликовано: Новый журнал (Нью-Йорк). Август 2017.

них о репрессиях не знают. Только 22 процента россиян считают, что «рассказы о репрессиях негативно отражаются на имидже нашей страны – о них лучше лишний раз не рассказывать», но 72 процента считают, что надо больше об этом рассказывать, чтобы преступления не повторились. На вопрос, как относиться к сталинским репрессиям, 49 процентов опрошенных ответили, что их ничем нельзя оправдать, но 43 процента считают, что репрессии были вынужденной мерой, которая позволила навести порядок в стране. Следовательно, доминирующей моральной оценки сталинских репрессий до сих пор не сложилось. Чаще всего репрессиям подвергались несогласные с проводимой властями политикой, считают 37 процентов опрошенных, еще 22 процента говорят, что это люди, которые пользовались авторитетом у народа, 24 – процента – враги народа и предатели, 23 процента – преступники, воры, жулики, 16 процента – честные люди, 10 процента называют представителей отдельных этнических групп.

Приведенные цифры на самом деле показывают, что огромный потенциал, накопленный всего лишь за четверть века академической и прикладной историей, по-настоящему не востребован, не влияет в должной мере на историческое сознание российского общества.

О природе трагедии

Десять лет назад в нашей книге «Вертикаль “Большого террора”», написанной с безвременно ушедшем из жизни Рольфом Биннером к 70-летию исторической трагедии, мы попробовали обозначить основные тенденции ее академического изучения после 1991 года. Для нас было очевидно, что террор – не только применение силы, осуществляемое без разбора, с целью устрашения, а принцип и норма общества сталинистского типа. Тема спекулирующей на капиталистическом окружении СССР, военной угрозе и внутренних врагах стала азбукой большевизма, но она не подходила в качестве ключа для объяснения всей сложности того, что произошло в 1937 году. Именно к этому времени в идеологии и социальной политике власти «перековка преступников через труд» сменилась суровостью уголовного законодательства. Ре-

прессированные – это те группы населения, которые нельзя интегрировать в советское общество, либо для этого нужны чрезмерные усилия. Смена курса вела к превращению террора в инструмент социальной технологии.

Ключевое измерение «Большого террора» – операция по приказу НКВД за № 00447 с его определением «целевых групп» репрессий. Среди традиционных групп «враждебной» системы (бывшие кулаки, антисоветчики, церковники, шпионы и др.) появляется и новая категория – «социально чуждые элементы» (нищие, бродяги, бандиты, воры, проститутки и т. д.). С одной стороны, криминалом признаны социальная стихийность и неповиновение, а с другой – произошла политизация обычных преступлений, которые стали приравниваться к оппозиции советскому порядку. Еще одно измерение 1937–1938 годов – ликвидация «контрреволюционных национальных контингентов» (по приказам НКВД № 00439, 00485, 00593).

Механизм соучастия представителей высшего эшелона сталинского режима в репрессиях, раскрытый тандемом в составе российского историка спецслужб Владимира Хаустова и шведского историка Леннарта Самуэльсона, показал, что сам Сталин персонально концентрировался на элитах. Но его роль в репрессии элит сводилась не только к тому, чтобы завизировать своей подписью списки на арест и осуждение. Его рукописные пометки рядом с некоторыми фамилиями в этих списках, как правило, имели смертельные последствия. В то же время сталинское соучастие в массовых операциях, направленных преимущественно против простого – то есть лишённого привилегий и далекого от власти – советского населения ограничивалось политической инициативой и общим контролем. Здесь главные полномочия были предоставлены – в особенности в том, что касалось «кулацкой операции», – партийным комитетам и органам государственной безопасности на местах. Их руководители цинично «торговались» с Москвой вокруг повышения «лимитов» репрессий.

Минимальный консенсус в научном сообществе историков был достигнут в отношении оценки результатов «Большого террора». В течение 1937–1938 годов по политическим обвинениям были арестованы более 1,7 млн человек. Вместе с жертвами депортаций и осужденными «социально вредными элементами» число репрессированных – свыше 2 млн человек. Более 700 тысяч арестованных были казнены.

В ноябре 1938 года приказ № 00447 был отменен, массовые расстрелы прекращены. Однако, несмотря на утверждение Молотова о том, что «мы обязаны 37-му году тем, что у нас во время войны не было пятой колонны», множество фактов 1939–1945 годов и послевоенного времени доказали, что расчистка пути к коммунизму лагерями и казнями не позволила создать «правильное», социально гомогенное общество. Созданная в 30-е годы система могла работать лишь в лихорадочном режиме для решения очень узкого круга приоритетных задач. Как только возникал вопрос о долговременном продвижении вперед, большевистские руководители неизбежно упирались в неизлечимые слабости своего проекта «чрезвычайного социализма». Этот проект был одной из основных причин возникновения экономических кризисов, тяжелого материального положения людей, истребления квалифицированных и профессиональных кадров. Против тезиса об эффективности террора свидетельствовали и саморазоблачения верхушки власти. Подводя 17 ноября 1938 года итоги кампании репрессий, Сталин и Молотов признали, что полная победа над врагами не достигнута. Кто воспрепятствовал? Оказывается, НКВД и прокуратура, совершенные ими «ошибки». Так выглядел механизм приписывания вины, вновь и вновь использовавшийся в сталинском дискурсе 30-х годов.

Новые открытия и трудные вопросы

Одной из центральных проблем последнего десятилетия стало изучение специфики массовых репрессий в областях, краях и республиках по сравнению с тем, как виделось их проведение в Москве. Целый ряд крупных проектов существенно расширил географию и картину «Большого террора» (их результаты отражены прежде всего в вышедшем в 2009 году сборнике «Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447», составленном М. Юнге, Б. Бонвечем и Р. Биннером, а также в опубликованном в 2010 г. двухтомнике «Через трупы врага на благо народа. Кулацкая операция в Украинской ССР 1937–1941 гг.», составленном М. Юнге, С.А. Кокиным, Р. Биннером, О.А. Довбней, Б. Бонвечем, И.Е. Смирновой, Г.А. Бордюговым под общей редакцией О.А. Довбни и Л.С. Ма-

каровой). Региональные исследования показали, что массовые преследования развили высокую динамику, в результате чего подчиненные карательные инстанции по собственному усмотрению интерпретировали концепцию московского центра, приспособив ее к местным отношениям и нуждам. Однако здесь надо четко понимать, что большая «свобода рук» периферии и учреждение рассчитанных на максимальную гибкость внесудебных органов – «троек» – были частью концепции Кремля. Не может идти никакой речи об утрате контроля центра за операциями.

Факты не подтвердили распространенное среди некоторых историков утверждение, что случай и произвол не являются важными отличительными чертами событий 1937–1938 годов, или, как писал Карл Шлегель, «только немногие из тех, кого преследовали и казнили, знали, почему они были выбраны». Однако «слепой случай» не был главенствующим элементом репрессий. Произвол и лотерея имели свою логику и метод, преследования были более целенаправленными и регламентированными, чем это зачастую представляется.

Уточнена и позиция историков в отношении жестокости приговоров (доля приговоров к высшей мере наказания от общего числа осужденных), выносимых судебными и внесудебными карательными инстанциями. К примеру, «кулацкая операция», несмотря на весьма щедро выделяемые лимиты по 1-й и 2-й категориям, удивительным образом располагалась в центре шкалы. А на первом месте безоговорочно находится Военная коллегия Верховного суда СССР, которая главным образом занималась осуждением представителей элит. Потом следуют «национальные операции», где карательными инстанциями выступали «двойки». Приказ НКВД № 00447, согласно своему основному направлению удара против «мелкой рыбешки», по состоянию на январь 1938 года располагался в нижней части шкалы. Еще меньше смертных приговоров выносили военные трибуналы, специальные коллегии судов и Особое совещание, которые занимались репрессированием менее значительных представителей элит. В самом низу находились «милицейские» тройки, осуждавшие мелких уголовников и представителей прочих маргинальных групп.

Открылись новые возможности в доступе к следственным делам репрессированных. Их анализ (работы Александра Ватлина, Алексея Теплякова и др.) опроверг былое утверждение о том, что доносы были одним из заводных механизмов «террора снизу».

Как доказательство вины арестованного они встречаются крайне редко, по сути, практически растворились в давно готовившихся картотеках НКВД и выбитых с помощью пыток показаниях. Материалы следственных дел показали также, что фальсификации и пытки применялись в гораздо меньшей степени, чем это было принято считать раньше. Не выдержало критики и утверждение, что в аппарате НКВД не верили всерьез, что аресту подвергаются истинные шпионы и вредители. Откровенные признания работников НКВД показали, что они действовали в полном сознании того, что служат на благо системы.

Долгое время, подчеркивает Линн Виола, «неизведанную территорию» в истории Советского Союза представляло изучение феномена perpetrator (лицо, совершившее преступление, хищение или что-либо возмутительное).

Неизведанность объясняется тем, что не было желания искать, помимо Сталина, других виновных и ответственных за чудовищные преступления того времени. Как это ни парадоксально, в 1938–1941 годах феномен perpetrator обсуждался весьма активно, хотя и за закрытыми дверями, на секретных судебных процессах над оперативными сотрудниками НКВД. Эти процессы известны как «чистка чистильщиков». Тогда в партии было восстановлено около 77 тысяч коммунистов, а в результате проверки аппарата НКВД из него были уволены 7372 человека, или 22,9 процента оперативного состава. Все это было скрыто от общества и только в 2017 году усилиями объединившейся еще в 2011 году группы историков из России, Украины, Молдовы, Грузии и США был завершен проект, и в Москве вышел сборник «Чекисты на скамье подсудимых» (составлен Марком Юнге, Линн Виолой и Джеффри Россманом). Авторы сумели сполна ответить на вопросы о том, каковы были критерии в выборе сотрудников НКВД для увольнения и ареста, была ли эта чистка поиском «козлов отпущения», позволившим руководству переложить вину за массовые репрессии на кадры низшего уровня или она была результатом конфликта между «клиентелами» в НКВД и других структурах? Участникам международного проекта удалось изучить механизм судебных процессов и их политический смысл, понять ту настойчивость, с которой руководство настаивало на использовании дискурса «нарушения социалистической законности». Важно, что удалось раскрыть собственные мотивы сотрудников НКВД, действительно ли они верили в то, что творили, или были карьеристами и функционерами, исполнявшими приказы из страха или

бюрократической рутины, создать дифференцированный образ сотрудника карательных органов СССР.

Одной из самых непростых проблем постсоветской действительности стало заметное желание национальных республик отвести себе роль жертвы Москвы в трагических страницах своей истории. Местные историки, справедливо обвиняя Центр в проведении жестоких репрессий, нередко стыдливо замалчивают преступления своих республиканских властей. Во имя национальной консолидации они стремятся сделать акцент на единстве нации и общенациональных страданиях, скрывая факты активного участия местной властной элиты в сталинских преступлениях. Но ведь многие из тех, кто принимал в них активное участие, сами рано или поздно становились жертвами, причем это было характерно как для Центра, так и для отдельных республик. Известно, что из первых лиц республик террор пережили только Лаврентий Берия и Мир Багиров, но это лишь отсрочило гибель, которая настигла их в 1950-х гг.

Показательной в этом отношении стала международная дискуссия, развернувшаяся вокруг совместного немецко-грузинского проекта (2009–2015 годы). В нем наряду с грузинскими историками приняли участие сотрудники Архива Министерства внутренних дел Грузии. Разногласия возникли, когда грузинская сторона не согласилась с немецким объяснением «национальных операций» (см.: *Большевицкий порядок в Грузии. В 2-х томах. М., 2015*). Исходя из второстепенности «национальных операций» в структуре «Большого террора», а также в целом несистематического характера репрессий против этнических меньшинств в Грузии, немецкие авторы пришли к выводу, что об этнической чистке, а тем более о геноциде речи быть не может. Определенные этнические группы пострадали в ходе террора сильнее, чем другие, – абхазам и аджарцам, в частности, досталось больше, чем грузинам. Объясняется это тем, что грузины опасались сепаратистского потенциала этих этнических групп и попытались гомогенизировать грузинскую нацию посредством террора, направленного на «систематическое насильственное дисциплинирование и маргинализацию» этих двух, а также некоторых других национальных меньшинств в составе Грузии. Как это ни странно, «Большой террор» помог консолидировать грузинскую нацию и парадоксальным образом способствовал подъему грузинского национализма (см.: *Грузия в пути. Тени сталинизма. М., 2017*).

Известно, что Кавказ, включая Грузию, отличается этнолингвистическим многообразием, осложняемым религиозными факторами, главным образом, противостоянием христианства и ислама. Это крайне болезненная тема в Грузии, как и во многих других бывших советских республиках. Так что сильная реакция некоторых грузинских коллег была вполне объяснима. В то же время опубликованные документы – к примеру, переписка Берии с Москвой по поводу переписи населения 1937 года – показывают, что грузинское политическое руководство выгодно воспользовалось развязанным Москвой «Большим террором», чтобы разрешить сложные национальные вопросы в пользу так называемых этнических грузин, то есть путем усиленных репрессий против абхазов и аджарцев. Следовательно, в 1937–1938 годах социальный террор сочетался с национальным. Последнее не стоит путать с «национальной операцией», направленной против национальных меньшинств (диаспор). Однако трудно не заметить, что в те годы классовая парадигма постепенно сменялась этнической – если с антагонистическими классами было покончено, то этническая пестрота оставалась для Центра проблемой.

Примечательно, что, по приведенным участниками проекта данным, представителям национальных диаспор предъявлялись обвинения в основном в «шпионаже». «Неправильная» этничность становилась подозрительным признаком и грозила репрессиями. При этом основной удар часто наносился по элите, а она в республиках так или иначе имела отнюдь не рабоче-крестьянские корни. Кроме того, для преследования абхазов и осетин имелись и иные причины, которые авторы связывают с нацистроительством, бросавшем вызов Грузии. Поэтому цель этих репрессий – стремление местных властей к гомогенизации Грузии под эгидой грузинской нации.

Спасительная опора: public history

Как же воссоздать все грани истории «Большого террора» и при этом сохранить подлинную память о нем, которая передавалась бы из поколения в поколение и при этом не покрывалась слоем музейной пыли? Как нам представляется – и это касается истории Революции 1917-го и Великой Победы 1945-го, – надо целена-

правленно и последовательно учиться воспринимать 1937 год сквозь призму public history (прикладной истории). Благодаря ей прошлое, историческое наследие соприсутствуют в повседневных практиках общества. Здесь неуместны те историческая политика и политика памяти, которые не предусматривают диалога власти и общества. Здесь неприемлемы оба абсолютизма – и академический, неспособный и, главное, нежелающий воспринимать былое не на дистанции, а как нечто нам современное, и популяризаторский, готовый представлять прошлое таким, каким его хотят видеть потенциальные покупатели.

Память о цепи событий, вошедших в историю под названием «Большой террор», их бытование в обществе во время репрессий и спустя определенное время складывалась буквально по живым следам преступлений, совершенных государственной властью против тех слоев, которые якобы нарушали политическую и социальную «гомогенность» советского народа.

Политика массового террора дискредитировала Революцию 1917 года, сделала невозможной опору на память о Гражданской войне или раскрестьянивании, когда противостояние было открытым и понятным.

Впервые перестали работать любые возрастные, классовые, национальные и другие перегородки между людьми. Катов террора перемешал все. Общая память разбивалась на куски в результате быстрого изменения служебной и бытовой среды – члены семей «врагов народа», как правило, ничего не знали о судьбе арестованного: куда он был сослан, жив или мертв; родным репрессированного трудно было найти работу, перед ними закрывались двери так называемых приличных квартир. Нередкими были случаи бегства из дома кого-то из супругов, разводов, разлучения детей с родителями. Стиралась и овеществленная память. Чужие личные вещи, домашняя утварь, мебель, предметы искусства при аресте конфисковывались, а потом делились в НКВД или продавались через спецмагазины, присваивались дома, дачи, земельные участки высокопоставленных жертв.

Перед угрозой внезапной репрессии был каждый человек, и, как это ни парадоксально, именно со Сталиным многие люди связывали надежду уцелеть в царстве всеобщего страха. В 2007 году мы высказали предположение о технологии «децимации наоборот»: не уничтожение каждого 10-го, а сохранение жизни каждому 10-му. Может, потому не было сопротивления террору, что каждый считал: я буду тем самым десятым, которого не накажут?

Отсюда усиление магнетизма фигуры Сталина: сначала он, подобно Бонапарту, балансировал между классами, теперь – между аппаратом и массой, между разобщенными служащими государства, между членами первичных ячеек общества, охваченных страхом, и надеждой людей. Для кого-то – каждого десятого, оставшегося невредимым после террора, – он навсегда в памяти останется прав.

А после смерти Сталина наступил момент возвращения зекów домой. Истощенные и состарившиеся до срока, в телогрейках и с потрепанными чемоданами, они не могли не заставить вспомнить 1937-й. По горячим следам, с конца 1970-х годов, когда многие жертвы (и палачи) террора еще были живы, собирал воспоминания и материалы Стивен Коэн. На последствиях террора, включая его следы в исторической памяти, концентрировала свое внимание Нэнси Адлер. Что сообщила власть уцелевшим жертвам трагедии и обществу? Практически ничего. О целевых группах массового террора речь на XX съезде вообще не велась. К тому же использовался старый прием: если в 1938–1939 годах во всех преступлениях обвинялся Ежов, то теперь – персонально Сталин. Положение же бывших политзаключенных наоборот усугубилось. Они почувствовали себя чужими в послесталинском обществе, поскольку их воспоминания вступили в конфликт с официальной версией, транслируемой пропагандистскими каналами.

Присутствие трагедии 1937-го в памяти общества осложняли и другие факторы. Арсений Рогинский указывает на противопоставление «гласности ареста» (открытости, с которой проводились аресты) «тайне реабилитации» – чуть ли не по секретному процессу. Когда государство подвергало свою жертву репрессиям, это становилось широко известно; когда же государству приходилось признавать свою «ошибку», это оставалось частным делом реабилитируемого. И тем не менее значительная часть общества участвовала в судьбе жертв террора, всячески помогала им, более того, нередко видела в зекách «нечто романтическое», «факелоносцев правды и чистоты», принимала их как «героев». Под влиянием таких людей корректировался властный проект памяти: Хрущев предложил убрать тело Сталина из Мавзолея, освободить города от памятников Сталину, установить памятник жертвам террора. Власть не могла не учитывать и идейное брожение среди молодежи. Новое поколение, выросшее в других социальных условиях, не захотело принимать ту картину прошлого, которую ей предлагали сверху.

Лукавая хрущевская десталинизация предопределила брежневскую стыдлившую ресталинизацию – цензура ужесточалась, материалы о массовом терроре прятались в архив, реабилитация сворачивалась, инициатива по строительству мемориала жертвам сталинского террора забыта. При доминировании официальной истории, задвинувшей «Большой террор» в зону антипамяти, в прикладной истории он все же продолжал жить. В 1987 году, когда Горбачев резко радикализировал отвергнутый хрущевский антисталинизм, вернул память о терроре и ее открытое бытование в общество, начинается второе возвращение пострадавших, мертвых и живых. Однако новый проект памяти, связанный с 50-летием трагедии, встретил серьезное сопротивление. В академической науке, в среде «послушных» историков, были заметны колебания и использование различных уловок, к примеру: был террор, но не заключается ли причина жестокости и репрессий в тайной, никогда не диагностированной душевной болезни Сталина? Тогда еще мало кто подозревал о коварных ловушках преобразования пространства памяти, о потенциальной опасности, которая коренилась в историческом сознании, – опасности того, что на деле оно окажется суммой стереотипов, своего рода трансформером, открытым для любых манипуляций. То есть деконструкция тоталитаризма способна оборачиваться его реконструкцией под флагом возвращения к «исторической правде».

И вот в этих условиях у общественных организаций впервые появляется возможность самым серьезным образом вмешаться в формирование нового проекта воспоминаний о терроре. То, что было невозможным в 1960-е, случилось в конце 1980-х. Немногочисленные структуры гражданского общества все заметнее перехватывали инициативу у власти. Однако для наглядной, образной демонстрации повседневности и массовости «Большого террора» первоначально не хватало предметов овеществленной памяти. Целенаправленное комплектование документов и материалов велось практически только историко-просветительским обществом «Мемориал», официально учрежденным в январе 1989 года. Ярким примером публичного представления личной памяти явились «недели совести» в сотнях клубах по всей стране. В ходе их проведения открывались «стены памяти», на которые каждый мог повесить или приклеить что хотел: документ, письмо, фотографию. Восстановление памяти включало в себя такие болезненные моменты, как идентификация забытых жертв в тысячах отчетах и безымянных захоронений. В разных регионах

возникли поисковые и инициативные группы. Общество возвращалось к таким безответным вопросам, как массовая вина, как вовлечение 5 процентов населения (по некоторым оценкам) в число тайных информаторов и не менее миллиона людей – на работу в системе ГУЛАГа.

Указы Бориса Ельцина еще сильнее изменили память о терроре – реабилитированы все граждане, пострадавшие от политических репрессий начиная с октября 1917 года, признан статус жертв за миллионами детей репрессированных родителей, 30 октября объявлен Днем национальной скорби по жертвам советских репрессий, бывшие репрессированные и их родственники получили доступ к из делам в архиве ФСБ. Но затем, неожиданно для многих, бытование памяти о терроре стало усложняться. Экономические меры, введенные в начале 1990-х годов, вызвали невиданный экономический кризис. Приватизация для «своих», коррупция и мафиозная преступность, гиперинфляция, выведшая 75 процентов людей за черту бедности, социальная несправедливость, беспризорность детей, нищенство сделали воспоминания о «Большом терроре» неактуальными. Новая эпоха породила миллионы своих жертв. В этих условиях в центр пространства памяти снова стала выдвигаться фигура Сталина – незаслуженные богатства заставили взглянуть на его репрессии как на адекватное наказание реальных врагов народа.

Мы уже не раз обращали внимание на то, что это новое бытование памяти о терроре странным образом размывалось позицией первых лиц государства. На состоявшейся в июне 2007 г. встрече с историками и обществоведами Владимира Путина явно покоробил призыв создать «заповедники» в отношении прошлого, он призвал не забывать о «Большом терроре», быть добросовестными в подходе к фактам. А через два года, в День памяти жертв политических репрессий 30 октября, Дмитрий Медведев заявил о том, что террору и преступлениям Сталина не может быть оправдания. В этом русле находилась и представленная в 2011 году президентским Советом по правам человека программа «Об увековечивании памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении». Она продемонстрировала очевидный разрыв с той новой исторической политикой, которая была намечена с 2004 года.

Свой проект памяти о терроре в методологии прикладной истории последовательно развивал «Мемориал». «Виртуальный музей ГУЛАГа» объединил разные музейные и выставочные ини-

циативы в разных точках России и странах бывшего Советского Союза. «Некрополь ГУЛАГа» – впечатляющий реестр около 800 памятных мест, связанных с расстрелами и захоронениями, лагерными кладбищами и кладбищами спецпоселков. Завершается многолетний проект «Топография террора» – исследования, объединенные идеей «привязки» материалов об истории репрессий к местности (по аналогии с известным немецким проектом *Topographie des Terrors*), в частности, карательные институции советского периода на карте Москвы. Образовательные проекты общества «Мемориал» связаны с подготовкой учебных пособий для учителей истории и обществознания «Большой террор и его отголоски». 30 октября, в День памяти жертв политических репрессий, педагогам из разных городов России предлагается проводить по его материалам уроки для старшеклассников. Начиная с 1999 года среди школьников России ежегодно проводится исторический конкурс «Человек в истории. Россия – XX век». Организаторы конкурса руководствуются тем, что сегодняшние ученики становятся не только свидетелями того, что происходит с памятью о репрессиях и ГУЛАГе, но и жертвами интенсивного процесса новой мифологизации и инструментализации советского прошлого.

Опасности забвения

Совсем недавно не было сомнений в том, что бытование «Большого террора» в общественном сознании станет общенациональным. Сейчас же эта надежда приобретает противоречивые очертания и все больше сужается. Приведем всего лишь два симптоматичных факта. В Перми методическое пособие для школьных учителей, посвященное изучению истории сталинских репрессий, стало предметом судебного разбирательства. Один из авторов пособия, доктор исторических наук Андрей Суслов, предъявил иск к Роскомнадзору, который опубликовал на своем сайте заключение двух экспертов (учительницы географии и клинического психолога), признавших методичку опасной для школьников. О нежелании власти пересмотреть и преодолеть прошлую чрезвычайную государственность свидетельствует и случай молодого философа из Томска Дениса Карагодина. В те-

чение 5 лет, в одиночку, через запросы в органы ФСБ и работы в архивах, он установил имена людей, причастных к казни его деда. Информация об этом быстро разошлась в соцсетях. И уже на следующий день с Денисом Карагодиным связалась внучка одного из участников расстрельной группы, помощника начальника Томской тюрьмы Николая Зырянова. Она попросила у Карагодина прощения и поделилась собственными документами. В письме женщина рассказала, что не знала, чем занимался ее дед. Более того, в те же годы был репрессирован отец ее бабушки. «Вот так сейчас и выяснилось, что в одной семье и жертвы, и палачи. <...> Очень горько это осознавать, очень больно. <...> Но я никогда не стану отрешиваться от истории своей семьи, какой бы она ни была», – пишет она. Как нам представляется, моментом истины для этой женщины, для российской власти и гражданского общества станет открытие в Москве 30 октября 2017 года памятника жертвам массовых репрессий «Стена скорби» работы Георгия Франгуляна. Какие слова будут произнесены, какие оценки сделаны, какие действия предприняты для того, чтобы это больше не повторилось?

КульТ прошлого в России*

Четверть века для истории новой России – ничтожный срок, однако если он приходится на переломное время, на трансформацию всех сторон общественной жизни, такой хронологический отрезок может сравниться со столетием. Методологическая и архивная революции, кардинальное обновление историознания – подобного рода явления страна переживала только после 1917 года. Последствия хорошо известны. Но позади оказался еще один период ниспровержения старого и ускоренного создания нового. Начальная грань этого периода приходится на рубеж 80–90-х годов XX века, когда в стране быстро росла неудовлетворенность смыслом бытия и начинались масштабные преобразования, а конечная – на начало второго десятилетия XXI века, отчетливо зафиксировавшего вхождение в зону серьезных испытаний не только в области экономики, но и глубоких изменений в социальном устройстве. Этот процесс сопровождается и осложняется тем, что прошлое, как это не раз было в отечественной истории, вторгается в настоящее и становится культовым. Почему это происходит? Почему власть начинает инструментализовать прошлое и говорить на языке истории?

Контекст

С конца 80-х годов прошлого века СССР переживал взлеты и падения, эмоционально отзывался на смену властных парадигм, вольно или невольно впитывал дух времени, который довольно быстро становился неуловимым и трудно описываемым духом прошлого. Так было в момент обрушения советской государственности и охватившего страну после событий августа 1991 года хаоса. Открытое вхождение в рынок, приватизация, смена поли-

---

* Впервые опубликовано: Новый журнал (Нью-Йорк). Февраль 2017.

тического режима, форсированное возведение гражданского общества с его отработанными на протяжении множества веков технологиями контроля за властью со стороны собственников сопровождались демократической риторикой. Однако результаты этих процессов оказывались неоднозначными. А впереди и по-прежнему были конституционно-политический кризис 1993 года, региональный сепаратизм, угроза самому существованию России как целостного государства.

К концу 90-х пришлось увязывать воедино прямо противоположные друг другу цели. С одной стороны, остановить распад страны и навести в ней хотя бы элементарный порядок, что неизбежно предполагало действия мобилизующего характера. С другой стороны, обеспечить стабильное, без потрясений существование вконец измотанному народу. Началось фактическое переучреждение государства через комплекс институциональных реформ.

Технократизм и профессионализм заметно уменьшили пространство публичной политики, лишили СМИ их субъектности. Ликвидация олигархической фронды и кадровая революция повлияли на новую архитектуру власти в России, равно как «цветные революции» на постсоветском пространстве ускорили заявление серьезного идеологического проекта, который явочным порядком стал называться «суверенной демократией». Однако и новая идеология не дала ожидаемого результата. Оставалось неясным, куда движется страна, насколько устойчива государственность, сохранятся ли родовой порок номенклатурно-сословной власти и ее отрыв от народа? На этом фоне рождается совершенно иная модель протестного движения в России, непохожего, на мой взгляд, на преддверие классических революций.

Перегрузки исторической науки

В таком контексте последних 25 лет российская историческая наука переживала и собственные невероятные перегрузки. Они были связаны с глубокой переоценкой основополагающих формул, заданных сталинским «Кратким курсом», интеграцией в мировую науку, вызовами постмодернизма, освоением результатов так называемого культурного поворота в историографии, нако-

нец, кризисом профессиональной идентичности историка. Поначалу заметной тенденцией являлось «отталкивание от всего советского», повышенное внимание к русской эмиграции, к русским антикоммунистическим движениям в годы Гражданской и Великой Отечественной войн. Затем главными трендами становятся несколько устойчивых научных направлений, стягивающих самую разнообразную проблематику и подразумевающих, что новые книги пишутся прежде всего для читателей-современников. Одним из актуальных и принимаемых наукой становится запрос общества на проблематику идентификации. Бурное развитие получают национальные истории, включение этнического и конфессионального материалов в поле познания прошлого, изучение феномена исторической памяти и коммеморации, то есть практик введения образов прошлого в пласт современной культуры.

Историческая наука, сохраняя интерес к феномену власти, проводимых ею реформ и контрреформ, соскакивания или обрушения страны в революционные фазы, обращается к схемам чередования мобилизационных и модернизационных режимов, механизмам функционирования политических систем. Свободный от ортодоксии анализ идеологических систем сопровождается быстрорастущим интересом к презентации власти, ее символам и ритуалам, рукотворным политическим мифам и их демифологизации. Новый ренессанс истории экономики и хозяйствования обусловлен пережитыми жесточайшим кризисом, дефолтами, денежными реформами. В изучении роли страны в окружающем мире и описании международных отношений по-прежнему преобладают конфронтационные события, Первая и Вторая мировые войны. Их история подверглась серьезной политизации, попыткам пересмотра итогов в контексте «войн памяти». Однако политическая история, вопросы цены и ответственности дополняются иным видением войны и мира – осмыслением стратегий поведения людей на фронте и в тылу, формированием и утилизацией образов войны, обращением к новому мышлению и народной дипломатии.

Для постсоветского времени характерна также дискуссия об исторических аспектах встраивания России в атлантическую цивилизацию, вестернизации внутри государственного пространства и о геополитических моделях, в которых новая Россия выступает в качестве полноправного субъекта международных отношений. Осмысление роли России в мировой политике задало

распространение таких концептов, как «сильное эффективное государство», «национальные интересы», «национально-государственный суверенитет», «великая энергетическая держава».

Коммуникационная и новая культурная революции, сакральное и духовное, эзотерика расширили проблематику повседневности. Изучение частной жизни, межличностных отношений в семье и разных социальных средах, особенностей менталитета, поведения девиантных групп и др. объединяет сегодня историческая урбанистика. Большее значение приобрели и такие направления, как историческая антропология, «новая имперская история», или «новая история империй». Так было до той поры, пока шел процесс деполитизации историознания, пока в обществе не был нарушен идеологический баланс.

Выбор власти

Вся российская история XX века свидетельствует о том, что как только происходит сакрализация будущего или прошлого, в массовом сознании исчезают категории естественного времени, течения жизни, размеренного движения истории. Настоящее, повседневность становятся никому не интересными. Культ будущего порождает идею всемерного ускорения времени, всепоглощающую жажду нового, где, к примеру, для интеллигенции не властны законы былого, где крестьяне устремляются к утопической республике «равных собственников», а власть призывает к мобилизационному мирочувствованию и темпам движения. Культ прошлого – а тем более «правильного» прошлого – неизменно поднимает волну национализма, перерастающую в шовинизм, а роль метронома в идеологических кампаниях играет тема «глубокой патриотичности», аранжированная идеей визионерства «великого русского народа».

Невиданный эксперимент по строительству самого справедливого общества в мире, а затем перестройка, возрождение новой России привлекали внимание всего мира. Однако начиная с 2005 года идеологический маятник неожиданно качнулся в сторону героического прошлого и традиционных духовных ценностей. Более того, история и ее герои стали наделяться культовыми чер-

тами. Напомню, что само понятие «культ» происходит от латинского слова *cultus*, производного от глагола *colere* («поклоняться или воздавать почести божеству») и имеет историю, которая началась задолго до того, как им воспользовались СМИ и гуманитарные науки в новейшее время. Теперь определение культа применяется не только к религиозным, но и к политическим, этническим и экономическим тоталитарным сообществам.

Резкое изменение государственной идеологии многие объясняют политическим кризисом 2011–2012 годов, когда обращение власти к героическому прошлому способно было обеспечить консолидацию общества и поставить на место политическую оппозицию как непатриотическую. Ключевым же фактором, обусловившим дальнейший поворот, был кризис вокруг Украины в 2014 году, постепенно переросший в кризис отношений РФ с США и ЕС. Однако Стивен Коткин и Марк Бейссинджер в своей книге *Historical Legacies of Communism in Russia and Eastern Europe* увидели в повороте к «наследию прошлого» длительную и устойчивую причинно-следственную связь между институтами и политическими курсами, влияющую на последующие практики или убеждения. «Наследие» формируется «культурными схемами», укорененными в прошлом, но вместе с тем и пережившими прежний порядок способами мышления и восприятия. Они задают представления элит и общества в целом о нормативном идеале и служат точкой отсчета для понимания должного и сущего в постсоветском мире. В этом случае «наследие прошлого» выступает как политический проект – оно определяет настоящее и будущее постольку, поскольку те или иные политики используют его для достижения своих целей, в том числе и в сфере государственного управления. Чаще всего в их рефлексии присутствует недавний по времени горизонт прошлого, так или иначе связанный с опытом одного-двух последних поколений. Что же выбирает власть на роль своеобразных идеалов и нормативных маркеров?

Культ юбилеев

Некий древний египтянин так приветствовал некоего фараона: «Пусть наградит тебя Господь юбилеями без счета!» Чем вызвано такое пожелание, почему одни общественные юбилеи в чести, их

ждут, готовятся к ним с радостью, а от других отгораживаются, словно от наваждения, почему одни круглые даты отмечают каждое десятилетие, а о других вспоминают раз в пятьдесят, а то и в сто лет? Анри Бергсон говорил, что математизированное представление о длительности – время – есть свойство интеллекта, привыкшего оперировать мертвыми телами, но не жизнью, не живым. И здесь появляется поле для «работы» культа. Может, не было бы ничего страшного в юбилеях, если бы некоторые из них не приобретали культовый характер, не обставлялись бесконечным повторением определенных ритуалов. Представляя внешнее проявление религии, культ «привлекает массы, опьяняет их иллюзорной надеждой» (Шарль Эншлен).

Понятно, что история не «работает» с юбилеями, но политика памяти наоборот обостряется в эти дни, торжествует, использует свой шанс на реанимацию или обновление. Поэтому пространство памяти задействовалось и задействуется властью для адресной, фокусированной актуализации прошлого для нужд настоящего.

Любой культ проходит стадию становления, развития и упадка. Так же и юбилей может начинаться с локализации памяти о нем, но затем он способен развернуться в пространстве жизни и повседневности, перенестись в сферу образов и отражений. Пространство памяти, связанное с юбилейным событием, может возвращаться в пространство власти, но уже на правах не объекта, а субъекта, причем чуть ли не определяющего и обеспечивающего легитимацию статусной политики. Так было с юбилеями Революции 1917 года, но особенно – с юбилеями Сталина, которые парадоксальным образом связали Октябрь и Победу 1945-го. Однако сам Сталин не хотел встраивать 9 мая в единую конструкцию главных идеологических советских праздников. У этого праздника, по всей видимости, не было необходимой «чистоты» – еще не были забыты непростительные ошибки правительства, неимоверная цена, заплаченная за победу, на глазах разворачивалась холодная война с бывшими союзниками. Юбилей Победы сначала при Брежневе, но особенно после 1995 года стали превращаться в главный национальный праздник страны, в символическую опору постсоветских режимов власти. Но их встраивание в новую конструкцию, попытки превращения Победы в национальную идею размывают память о тех, кто выстоял на фронте и в тылу. Права Юлия Латынина – никому и ни разу не удалось справиться с непосильной задачей: как сделать, чтобы в идеоло-

гической заданности праздника не потонула его человеческая суть?

Юбилеи, разумеется, важны, но совсем не обязательно придавать им культовые черты. Они связаны с прошлым, с былыми прорывами и победами, они неспособны прямо или косвенно обеспечивать новые успехи сегодня. Более того, юбилеи мешают критическому взгляду на современную ситуацию, реальной оценке смыслов будущего. Все попытки встроить День России – 12 июня – в современную память, используя старые механизмы управлением ею, пока ничего не дали. Согласно последним опросам «Левада-центра», большинством населения эта дата воспринимается лишь как дополнительный выходной. То же самое относится и к другим государственным праздникам – 1 мая и 4 ноября. Как бы там ни было, но юбилеямания и сопутствующие ей игры вокруг привязки отмечаемых событий и связанных с ними исторических личностей к текущей политической конъюнктуре будут продолжаться. Подтверждение тому – череда столетних юбилеев эпохальных событий минувшего века: Первой мировой войны, обеих революций 1917 года и далее – по списку исторических дат. Неожиданно всплыли и совсем уж кажущиеся странными даты типа четырехсотлетия Дома Романовых.

Похоже, от культа новых юбилеев и сопутствующего таким юбилеям информационно-пропагандистского шума еще нескоро удастся уберечься. Во всяком случае – в ближайшем будущем. Вместе с тем не стоит уповать и на девальвацию ценностей тех или иных культов, происходящую со сменой поколений и мировоззрений. Ведь в России глубина трансформаций и динамика стереотипов по-прежнему зависят от власти, которая считает себя владычицей над временем и юбилейным его отмериванием. Но будущее непредсказуемо.

Кульٹ героев

Отдельные исторические явления, события и фигуры также наделяются сегодня качествами социального бессмертия. Так было в XX веке – «И юный Октябрь впереди», «Ленин живет всех живых», «Сталин с нами», – так продолжается и теперь. Возникают особенные традиции почитания могил, памятников, мест муче-

ний и смерти героев, возведенных в ранг святых. Сакрализируются не только герои и даты, но и сама среда обитания народа, сотворившего культовые события, со своими «алтарями», системой «стольных градов» и «храмовых сооружений». Сегодня в государственном пантеоне культовых фигур появляются новые лица. На первом месте – князь Владимир Креститель, памятник которому в конце 2016 года был воздвигнут перед парадным въездом в Кремль через Боровицкие ворота. И дело не только в имени святого, не только в том, что русская нация идентифицирует себя с православием – его культ нужен для противопоставления Киеву. Совсем недавно культовое место занял и Иван Грозный – знаковым событием стала установка памятника ему в Орле. А вот Иван III – основатель Московского государства, разрешивший литовскую, ордынскую и новгородскую проблемы, – такой чести до сих пор не удостоился.

Что стоит за новым приступом мифологизации героев? Запрос на фигуру правителя, обладающего определенными качествами? Стремление прославить конкретную эпоху, выпятить свой регион? Как считает министр образования и науки России Ольга Васильева, в исторической науке «без мифологизации нельзя», «без героев, без героического облика исторических персонажей нельзя обойтись. Будь ты маленький человек, будь ты взрослый, у тебя должен быть идеал, к которому нужно стремиться». При таком подходе уже неважно, что наука опирается на закон, который подлежит проверке, опыту, опровержению, а миф повторяет незбылемые канонические объяснения, что при нарушении равновесия между мифами и научными теориями, при доминировании иррационального легче манипулировать сознанием – а следовательно, и поступками людей.

Рецепты сотворения культа

В последние годы, в отличие от последнего десятилетия прошлого века, власть не скрывает, что именно она определяет и будет определять историческую политику и политику памяти. Приводными ремнями для этого, кроме исторических институтов РАН, являются созданные сверху Ассоциация школьных учителей истории и обществознания, Российское военно-историческое и Рос-

сийское историческое общества. Появляются и пропагандисты культов, а дешифраторы мифов демонизируются, репутации неконъюнктурных историков подрываются.

Несмотря на то что к концу 2009 года такие рычаги в области политики памяти, как учебник по истории Александра Филиппова и Комиссия по борьбе с фальсификациями оказались полностью дискредитированными, эти идеи не исчезли. Патриарх Кирилл недавно выразил надежду на то, что «единая концепция школьного учебника истории поможет молодежи победить “синдром исторического мазохизма”, который воспитывали в школах в 90-е годы». А роль преследования фальсификаторов, похоже, взял на себя научный совет Совета безопасности – структура, объединяющая внешних экспертов, дающих свои заключения по интересующим Совбез вопросам. В конце октября 2016 года состоялось совещание, на котором было принято решение о необходимости в год 100-летия Революции 1917 года «противостоять попыткам намеренного искажения этого и других важнейших периодов в российской истории». Однако при этом источник в администрации президента, комментируя данное решение научного совета Совбеза, подчеркнул: в Кремле неукоснительно придерживаются мнения, что любые действия в направлении тех или иных интерпретаций истории Революции 1917 года в связи с ее юбилеем – это сугубо «прерогатива научного сообщества». Подобная позиция вполне понятна: Революцию 1917 года крайне сложно вписать в те представления, которые власть транслирует в качестве своих идеологических схем. Точнее, конечно, вписать можно – и даже вполне в русле подобных схем, – но этим надо заниматься специально и целенаправленно.

Наконец, власть не брезгует прямыми административными рычагами – к примеру, в мае 2014 года министр культуры Владимир Мединский пришел к заключению, что принятие программы по увековечиванию памяти жертв политических репрессий нецелесообразно. Осенью же 2016 года он сделал заявление вообще за гранью допустимого с морально-этической точки зрения: мол, те, кто не верит в подвиг двадцати восьми панфиловцев и другие военные подвиги, кто выступает против установки новых памятников, «мрази конченные».

Используемые властью рычаги исторической политики навязывают обществу какое-то иное ценностно-смысловое размежевание – может быть, даже сводящееся к глубинным архетипическим основаниям идентичности: например, заточенное на этничность или

на проблему сопряжения политкорректности с правом свободы совести. За всем этим – в частности, за стремлением определенных кругов полностью реабилитировать монархию и белое движение – просматриваются идеи русской консервативной революции. А навязываемая полемика о тенях «давно минувших дней» (введение, к примеру, новых праздников: 1612 год – выдворение поляков, 1812 год – изгнание французов), заполнение ими пространства переживаемого ныне момента насильственно удерживают людей в прошлом и не пускают в настоящее, а тем более – в будущее.

Как преодолевать культ прошлого

Часто можно услышать: страна, которая постоянно возвращается назад, не имеет перспектив. Это подтвердил в июне прошлого года и президент Владимир Путин. На встрече с участниками Общероссийского исторического собрания, он заявил: «Мы за то, чтобы быть частью современной цивилизации и, безусловно, смотреть в будущее. Нельзя, ни одна страна, ни один народ не должен жить в прошлом и купаться в своем героизме бесконечно. Это вредно и опасно для будущего нации». Все верно, но как реально можно преодолеть культ прошлого, восстановить баланс между прошлым и будущим, а еще лучше – вернуться к естественному ходу жизни в настоящем?

Нельзя требовать от историков каких-либо рецептов для политики или картин будущего. Тем более что в последние годы произошло расставание с иллюзией о закрытом характере исторической науки, о том, что история основана на универсальном методе. Это, конечно, заметно усилило позиции неисториков, отстаивающих – особенно в социальных сетях – право говорить и писать об истории. У многих сложилось впечатление, что голоса профессионалов заглушили разные литераторы, политологи или толкователи истории при власти, что на переднем плане до сих пор находятся сенсационные открытия и «война памятников» или что история власти по-прежнему остается главной, да и пишется под вертикаль власти нынешней. В этом во многом виноваты сами историки. Для некоторых из них предпочтительнее интеллектуальные игры в своем кругу, взгляд свысока на исторические

форумы в Интернете или популярную литературу о прошлом. Однако новые условия общественной и научной жизни, иные коммуникационные связи делают невозможным любое «присвоение прошлого», хотя сам синдром борьбы за это не исчез. Вместе с тем усилившаяся конкуренция между профессиональным и популярным историческим знанием делает эту борьбу бессмысленной.

Ученые Вольного исторического общества недавно презентовали доклад «Какое прошлое нужно будущему России?», подготовленный при поддержке Комитета гражданских инициатив Алексея Кудрина. Они пришли к выводу, что необходимо преодоление тенденции интерпретации истории России как истории власти, в результате которой история из науки превращается в идеологию, требуется деполитизация истории, чтобы она стала «историей свободы» через «третью волну десталинизации» и отказ государства от монополии на трактовку прошлого. Но кто даст гарантию, что у какой-либо научной школы или общества не возникнет стремления узурпировать это право? И здесь нельзя не согласиться с Алексеем Миллером, что важную роль могут играть интернет-сайты, способные организовать экспертные обсуждения вопросов политики памяти и транслировать их результаты. Такие интернет-ресурсы стремятся привлечь экспертов к более систематическому сотрудничеству. А за последние три-четыре года число более или менее организованных экспертных групп и политических акторов, занимающихся проблематикой политики памяти в России, резко возросло.

Любопытен и проект Михаила Зыгаря, предложившего другую новостную повестку, отличающуюся от той, которой пользуются остальные СМИ: «Мы просто стали делать медиа про сегодняшний день, только 100 лет назад, причем освещать его так, как если бы это было сейчас. У нас в силу разных причин невозможно писать про будущее. Невозможно строить прогнозы, потому что если ты попытаешься что-то просчитать, ты будешь идиотом. Невозможно ничего угадать! Единственное, о чем можно писать и не выглядеть идиотом, – это прошлое, причем его можно менять даже на противоположный знак – все что угодно! Прошлое куда более живо, чем будущее. Наш проект не про трактовку. Он, скорее, про источники, про прямой доступ к тем людям, которые жили 100 лет назад, писали дневники. Это возможность просто посмотреть им в глаза и узнать, что с ними происходило, возможность их потрогать так, как если бы это были

твои сегодняшние друзья в Facebook. Это возможность не “впаривать” сегодняшнему человеку свои интерпретации, не трактовать, не объяснять, чтобы вы понимали: все было именно так!»

Чтобы у власти не было искушения брать на себя функции неусыпного блюстителя исторической чистоты любой ценой, как это было при советском режиме, на смену нынешней исторической политике и политике памяти должна прийти публичная или прикладная история, предполагающая равный диалог власти и общества по поводу прошлого, иной способ постижения прошлого и коммуникации с собственной исторической памятью, историческим наследием, которое соприсутствует в повседневных практиках общества. Это то пространство, где неуместны оба тоталитаризма – и академический, неспособный и, главное, нежелающий воспринимать былое не на дистанции, а как нечто нам современное, и популяризаторский, готовый представлять прошлое таким, каким его хотят видеть потенциальные покупатели, не соизмеряясь при этом с той действительностью, которая имела место на самом деле.

Часть 3

ПЕРСОНАЛЬНОЕ

Уроки Примакова *

Становится ли «неизвестный Примаков» гораздо более известным и понятным после знакомства с опубликованными впервые воспоминаниями? Нам кажется, и да и нет. Да – потому что люди, близко знавшие его, делятся фактами, о которых практически никогда и нигде раньше не говорилось. Нет – потому что эти многочисленные факты в принципе ничего не меняют в нашем восприятии Примакова. Уточнения, детали, филигранные прорисовки его биографии – в данном случае не в счет. Они лишь подтверждают сложившийся и как бы по умолчанию разделяемый всеми оценочный консенсус роли Евгения Максимовича в нашей недавней истории. Налицо небывалый, буквально парадоксальный случай: абсолютно правильный и абсолютно безупречный политик в «лихие» 1990-е годы и не менее – если не более – авторитетный, взвешенный, умудренный в до сих пор до конца непонятные нулевые и тем более в оставляющие много вопросов 2010-е. И кстати, именно в наше время – жесткое, бескомпромиссное, не оставляющее возможности переждать, отсидеться, но требующее от каждого максимального самоопределения – роль Примакова как политического гуру, авторитета, кому можно без сомнения довериться и принять его наставления как руководство к действию, еще больше усиливается. То есть Евгений Максимо-

---

*(совместно с Александром Рыбаковым). Впервые опубликовано: Неизвестный Примаков. Воспоминания. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета»; АИРО-XXI, 2016. – С. 474–481.

вич оказывается незаменимым чуть ли уже не четверть века. Возможно ли такое?

По-видимому, секрет тут кроется как раз в том, о чем почему-то до сих пор не говорят ни биографы самого Е.М. Примакова, ни вообще историки ранней постсоветской эпохи, ни все те, кто лично знал его или работал с ним. Не говорят не по какому-то преднамеренному умыслу, а потому что не считают данное обстоятельство чем-то значимым – на фоне быстрого и успешного преодоления последствий дефолта или знаменитой петли над Атлантикой. Рядом с такими «подвигами Геракла» как-то даже неудобно признаться в банальной истине: просто-напросто Примаков был особенный, другой, не как все и вел себя наперекор тем негласным правилам, которые тогда только сложились, а спустя несколько лет стали чем-то само собой разумеющимся. Вот почему в нашей памяти он такой однозначно положительный и светлый, несмотря на то что жил и действовал в то окуянное время.

В чем же эта особенность Примакова, его непохожесть на подельников-современников? Иными словами, чему можем поучиться у него мы, живущие в не менее сложные времена? Может быть, попытка спроецировать эти уроки на теперешнюю действительность откроет нам глаза на многое из того, что мы перестали замечать.

Первый урок, преподнесенный нам Примаковым, – это убедительное доказательство несостоятельности одного утверждения, которое принимается по умолчанию и даже не обсуждается. Это утверждение о невозможности делать большую политику в белых перчатках. Примаков же продемонстрировал прямо противоположное – что это не только допустимо, но именно так и должно быть, что лиц, занимающих самые высокие посты, никто не освобождал от необходимости следовать моральным нормам, обязательным для всех остальных. Сегодня подобная установка кажется не просто каким-то анахронизмом, но чем-то вообще неестественным, сказочным, невероятным. Невозможно поверить в то, что лицо, доросшее до премьерского поста, в принципе смогло сделать такую карьеру – и не замараться. Скажем больше – попытки представить Примакова нравственно безупречным в нашей действительности могут возыметь даже прямо противоположный эффект: мол, нет сомнения, молодец, правильно все делал, олигархов поприжал, спас народ от дефолта, а честь страны – от поругания, развернувшись над Атлантикой, но зачем небылицы-то рассказывать? Поэтому, чтобы не повергать в смущение

наши представления о том, что может быть и чего быть в принципе не может ни при каких обстоятельствах, переформулируем этот первый урок иначе – как верность раз и навсегда выработанному имиджу, как стойкую последовательность в преподнесении себя окружающим, как неукоснительное следование принципам – и на публике, и в закрытом режиме.

Следующий урок – уже не из эфемерной и по большей части непонятной ныне области представлений о чести и достоинстве, а из самой что ни на есть настоящей политики. Хотя опосредованно этот урок снова упорно вытаскивает нас все туда же – к каким-то принципам, которые непонятно зачем нужно соблюдать. Если мы посмотрим на стремительное возвышение Примакова, начавшееся при Горбачеве и завершившееся премьерским креслом, то заметим одну совершенно нетипичную по нынешним временам вещь. От должности к должности он переходил, как рыцарь, один – без эскорта из «имэмовских», «ясеневских», «мидовских» или каких-либо еще. С ним повсюду следовали только два самых близких его помощника – своеобразные оруженосцы, если продолжить аналогию с рыцарскими временами. Преднамеренный отказ от «своих» может себе позволить лишь тот, кто абсолютно уверен в собственной правоте и собственных силах и готов взять на себя всю ответственность. Сейчас наоборот действуют командами. И при этом подобный инстинкт объясняется очень просто: дескать, по-другому нельзя – если ты вне стаи, то другая стая тебя просто загрызет. Но Примакова почему-то никто не загрыз. Другие времена были? Наверяд ли – политика всегда делалась и делается по одним и тем же лекалам. Просто слабые и неуверенные нуждаются в стае – для защиты и для переложения на нее ответственности, если вдруг в том возникнет необходимость. Сильные же и независимые в таком окружении не нуждаются. Да и разбрасываться своей ответственностью они как-то не привыкли.

Еще один урок Примакова, на первый взгляд, ломает его образ политика-одиночки, не нуждающегося в свите: всюду, где только он ни оказывался, он тут же начинал намеренно собирать вокруг себя единомышленников либо делать единомышленниками тех, кто ранее таковыми не являлся. Однако несоответствие данной установки ярко выраженному административному индивидуализму – иллюзорное. Приходить на новое место со своей командой – совсем не то же самое, что обрастать ею на этом самом новом месте с чистого листа. Последнее совсем по-другому мотивируется. Команда единомышленников, причем команда по

возможности максимально широкая, нужна не для обеспечения собственной безопасности, а чтобы гарантировать невозможность – или, во всяком случае, крайнюю затруднительность – разрушить, обернуть вспять сделанное, достигнутое, сотворенное этой командой. Собственно, именно в этом и был смысл создания широкой коалиции с левыми силами в антикризисном кабинете Примакова. Именно коалиция обеспечила продавливание пакета мер, предполагавших основательное возвращение государства в экономику и незамедлительно породивших многочисленных и притом влиятельных оппонентов такого курса. Однако помимо силового эффекта коалиция – это еще и способ достижения и поддержания общественного консенсуса по жизненно важным вопросам развития страны. А значит – и способ получения кредита доверия от народа. Примакову был выдан такой кредит.

Сформулируем другой урок: политик высокого уровня обязан быть дальновидным и аккуратным. Семь раз отмерь – один отрежь. А при обострении отношений с партнером предпочтительней уклоняться от инвектив в свой адрес, нежели выступать зачинщиком, задирой, забиякой. Если вспомнить все ту же петлю над Атлантикой, то что тогда, по сути, сделал Е.М. Примаков? Да ничего особенного – просто не полетел в Америку. А что сделала Америка? На весь мир забряцала оружием и развязала войну против Сербии. И кто при таком раскладе оказался победителем, а кто сел в лужу, хотя бы даже и после видимой удачи, при доведении до конца своего сценария, – понятно. Недеяние в таком случае может оказаться посерьезнее, чем любое действие.

И, наконец, обозначим, пожалуй, самый важный урок, относящийся к тому, что можно условно назвать правильным международным поведением. Сейчас часто употребляют понятие – доктрина Примакова. Суть этой доктрины заключается в выжимании из абсолютно любой ситуации максимума полезного для своей страны. Именно так поступал Е.М. Примаков, решая вопросы большой международной политики в качестве главы СВР, министра иностранных дел и председателя правительства. Но не надо забывать и важного составного элемента этой доктрины: да, выжимать максимум возможностей, но делать это с неукоснительным учетом интересов партнеров, принимая во внимание полный расклад сил в том или ином регионе и изо всех сил удерживая при этом паритет интересов ведущих мировых игроков. Примаков знал, что уступками и компромиссами можно добиться очень многого. Он понимал, что интересы страны лишь тогда будут по-

настоящему обеспечены, когда ты отстаиваешь их филигранной игрой, отточенными действиями, выверенными шагами, постоянными реверансами в сторону партнеров, а не уподобляешься слону в посудной лавке. К тем, кто действовал прямолинейно, уперто и не желал учитывать ничьих интересов, Евгений Максимович относился с иронией и даже с сочувствием, искренне сожалея о том, как много проигрывают такие политики и сколько они недобирают, упускают, как многим рискуют. Все дипломатические победы были добыты в том числе и его виртуозным джентльменским отношением к тем, перед кем ему приходилось отстаивать интересы России. Насколько полезным был бы хотя бы мизерный учет опыта этой примаковской дипломатии теми, кто ныне своими неуклюжими действиями создает нашей стране проблемы, а потом пытается их героически преодолевать!

В той или иной степени все перечисленные уроки названы авторами настоящей книги – людьми, «выучивавшими» их благодаря наставничеству, учительству Примакова: чаще – доброму и проникновенному; значительно реже – строгому и взыскательному; но всегда – искреннему и жертвенному со стороны самого Евгения Максимовича. Но в любом случае эти воспоминания, собранные под одной обложкой, понуждают иначе, по-новому взглянуть на личность Примакова. Остановиться. Задуматься. Взглянуть на окружающий мир незамутненным, свежим взглядом. По-примаковски.

Политические гении заставляют прислушиваться к преподносимым ими урокам...

Немец с русской душой*

Зарубежные русисты делятся на две неравные группы, одна из которых включает в себя их подавляющее большинство, а другая – несопоставимо меньшее число отдельных исследователей разных направлений. Эти группы различаются друг от друга вовсе не по критериям профессионализма, объективности, конъюнктурной – и в своих странах, и в России – востребованности или признанности коллегами-россиянами. Речь о другом.

Те, кто входит в первую группу, так и остаются переводчиками с языка русской культуры на язык своей родной культуры. Пусть талантливыми, безукоризненными, виртуозными, но всё же переводчиками, весь пафос гуманитарного труда которых сводится к решению одной-единственной задачи – поиску оптимальных и максимально адекватных соответствий смыслов, образов, знаков, столь разнящихся и столь уникальных, индивидуальных для каждой культуры. Это вполне достойная и необходимая деятельность, и хотелось бы, чтобы таких переводчиков становилось всё больше и больше – особенно на фоне неожиданного впадения мировой политики в какую-то совсем уж дремучую архаику.

Но воистину уникальна вторая группа, объединяющая буквально штучное меньшинство русистов, которые – в отличие от первой группы – забывают о том, что они – толмачи, не переводят, а просто живут в изучаемой культуре как в своей собственной – родной, исконной, определяющей и формирующей идентичность. К такому меньшинству относится и Карл Аймермахер.

Подобное заключение можно сделать хотя бы уже потому, что на протяжении вот уже нескольких десятилетий он неугомонно, без усталости, с завидным упрямством и педантизмом – как обладатель хрестоматийных качеств своего народа – открывает для себя мир русской культуры. Да, разумеется, открывает не только для себя одного, но и для своей аудитории – в этом смысле тяжкая ноша переводчика никуда не делась. Но эта ноша не мешает Карлу

---

* Впервые опубликовано: *Аймермахер Карл. Воззрения и понимания. Попытки понять аспекты русской культуры умом.* – М.: АИРО-XXI, 2018. С. 7–9.

Аймермахеру видеть свое главное творческое предназначение в другом – в том, чтобы прежде всего не переводить, а именно жить внутри пространства русской культуры.

В этом смысле название настоящей книги выглядит несколько провокационным: автор как бы бросает интеллектуальный вызов Фёдору Тютчеву, заявляя о намерении постигать русскую культуру всё же умом, однако с самых первых страниц – с эпитафии из Гоголя – наглядно демонстрирует: «понять» и «верить» должны быть не противопоставлениями друг другу, но дополнениями друг друга. Да, не по-тютчевски, но и не наперекор гениальному русскому мыслителю. Во всяком случае, без «верить» Карл Аймермахер вряд ли вслед за Гоголем пытался бы докопаться до ответа на вопрос: до каких пределов простираются возможности человеческого познания.

Еще одним доказательством того, что автор прежде всего именно живет в русской культуре, а уже только потом переводит ее, являются его изыскания в области семиотики. Семиотика – интригующая область междисциплинарного гуманитарного знания. На излете минувшего века – после ярких и нетривиальных интеллектуальных интервенций великого Умберто Эко – она стала модной, но это обстоятельство лишь усугубило ее энигматичность и недоступность для упрощенного понимания. Семиотика тоталитарна, поскольку фактически утверждает превосходство надуманного фантома над породившей его реальностью, означающего над означаемым, но вместе с тем она онтологична, поскольку «материализация» знаков и их «одушевление» требуют от производящего эти операции полного погружения в создаваемые им миры. А значит – выхода за пределы сугубо рационального знания.

Карл Аймермахер предлагает собственную дорожную карту, на которой прочерчен именно такой путь – в те миры, где один лишь рассудочный взгляд не будет исчерпывающим. Обращаясь к современному литературоведению с эпическим вопросом «камо грядеши?», он тут же дает и собственный ответ, точнее – совет: уделять приоритетное внимание механизмам понимания, в том числе с точки зрения «чувствительности». Иными словами, эта дорожная карта Карла Аймермахера – не что иное, как попытка довольно цельного практического опыта личного вживания в культуру, в данном случае – культуру русскую. О чем-то подобном более 130 лет назад грезил в своем трактате «О понимании» Василий Розанов – мыслитель хотя и эклектичный, но вместе с

тем пронзительно остро чувствовавший и воспринимавший русскую действительность. Случайно ли такое совпадение призывов – Василия Розанова и Карла Аймермахера?

Очень по-русски звучит и ключевой посыл представленной в сборнике авторской «исповеди», в которой разбирается один из вечных вопросов – о том, как искусство соотносится – и как должно соотноситься – с политикой. Карл Аймермахер высказывает здесь мысли, на которые вряд ли отважился бы просто «переводчик культур»: о необходимости «достраивания» гуманитарного знания мощным этическим компонентом, который способно произвести лишь искусство, об ассоциативных аналогиях и их роли в обретении понимания там, где молчит исторический источник, толкуемый традиционным образом, о том, как грамотно выстроить своего рода мнемолатрию, то есть культ памяти, который не просто имеет право на существование, но крайне востребован, причем именно сейчас, в начале нового столетия.

Порой складывается впечатление, что Карл Аймермахер живет русской культурой и порождаемыми ею смыслами не как исследователь, преднамеренно погружающийся в изучаемый мир, дабы лучше его понять и объяснить, а если получится, то и где-то подправить, а как естественный ее носитель, как обладатель души, порожденной именно этой культурой. Немец с русской душой. Западный русист, не пытающийся перевести непереводимое, но изучающий другую культурную реальность из нее самой, на языке ее собственных кодов.

Карлу Аймермахеру – 80 лет. И на этот замечательный юбилей хочется пожелать ему – без преувеличения, патриарху современной западной русистики – новых творческих свершений, чтобы они, как и его прежние работы, помогли нам лучше понимать свою родную культуру, все ее оттенки и детали, с такой дотошностью выписываемые и объясняемые «из Германии туманной» нашим другом – Карлом Аймермахером.

«Причуды знатока» российской истории^{*}

У гениального Басё есть удивительные по своей глубине и метафоричности строки:

Вот причуда знатока!
На цветок без аромата
Опустился мотылек.

Наблюдательный и отточенный взгляд поэта фиксирует парадоксальное и непостижимое, автор этого трехстишия как бы даже отступает перед величием природы, явления которой он не в силах понять и объяснить. Для него мотылек – безусловный и непререкаемый авторитет в богатой симфонии цветочных ароматов. Можно было бы, конечно, усмотреть в том, что это создание остановило свой мимолетный выбор вовсе не на благоухающем растении, ошибку, случайное действие хаотически мечущегося неразумного существа, и даже где-то внутренне усмехнуться над его примитивностью – но Басё понимает, что всё это не так, что выбор мотылька, несомненно, чем-то обусловлен, а человек просто не в силах его постичь. Отсюда – сложное переплетение эмоций поэта: досады из-за невозможности узнать, что кроется за таким странным решением этого крошечного виртуоза в понимании запахов, и в то же время явного восторга и преклонения перед величием и недоступностью для человека законов природы, сосредоточенных в данный миг, как в капле воды, в одном этом насекомом. Отсюда и потрясающая по своей силе оценка всей наблюдаемой ситуации как «причуды знатока»...

---

^{*} Впервые опубликовано: *Вада Харуки*. Политическая история России. Избранные труды. 1960–2017. – М.: АИРО-XXI, 2018. С. 7–10.

Очень часто исследователи истории чужих для себя культур и других стран предпочитают заниматься проблемами на стыке, на пересечении этих тем и их родного и – как им представляется – тонко понимаемого прошлого. Наверное, такой выбор вполне естественен и не может вызывать критики: тягаться с учеными, принадлежащими к изучаемым культурам, выросшими в них и понимающими многие детали и нюансы прошлого уже хотя бы по одному факту своего происхождения, всё равно бессмысленно, а так хотя бы можно найти для себя какие-то частные вопросы, в которых реально стать конкурентоспособным. И лишь немногие отваживаются – естественно, после фундаментальной подготовки и основательного погружения в реалии неродной истории – заговорить с носителями чужой культуры на одном проблемном языке.

Японский историк и русист Харуки Вада относится именно к таким избранным. Он вполне мог бы найти для себя какую-либо удобную японо-российскую проблематику – благо, что общих сюжетов, в том числе сложных и неудобных для обеих сторон, между нами по-соседски с избытком, – и, зная русский язык, стать признанным мэтром не только у себя дома, но и среди российских коллег, занимающихся тем же самым – только со своей стороны и чаще всего без японского языка, в лучшем случае – с английским.

Но историк никогда не искал легких путей, а старался ухватить самое значимое – то, что в данный момент находится в острие общественной повестки. Взять хотя бы публикуемое в настоящем сборнике историческое расследование о нашумевшем на излете советской эпохи романе Валентина Пикуля «У последней черты». Харуки Вада не только предпринял основательную и в высшей степени компетентную деконструкцию этого текста, продемонстрировал его многочисленные несовпадения с исторической реальностью, но и объяснил, почему это крайне сомнительное по своим характеристикам произведение оказалось настолько востребованным в позднем СССР. Чтобы написать это исследование, недостаточно было одной лишь подготовки историка-русиста – в гораздо большей степени требовалось особое чутье мастера, своего рода «причуда знатока», чтобы отважиться взяться за неудобный для советской действительности вопрос, который к тому же сам по себе являлся для нашего человека 1970-х годов как бы дешифровкой окружавшей его жизни. Можно предположить, что мотылек Басё опустил на цветок со столь

тонким и незаметным ароматом, который поэт просто не смог различить и посчитал его лишенным всякого запаха. Поминаемый Харуки Вада в этом очерке вполне достойный советский историк не уловил (или не захотел улавливать) «аромата» истории позднесоветской России, а вот японский русист безошибочно угадал бездонный потенциал этой темы, замазанной распиаренным в угоду больших политических игр литературным шулером.

Можно назвать и другой сюжет – не то чтобы совсем «без аромата», но с «ароматом», который приелся, стал, как представляется, до конца очевидным и потому однообразно прямолинейным. Это работа Харуки Вада о М.Т. Лорис-Меликове – блестящий пример анализа, выдержанного в духе политической антропологии. Биография этого деятеля считается подробно изученной, его взгляды кажутся понятными, а поведение видится прозрачно объяснимым. Однако японский исследователь показывает нам совершенно неожиданного Лориса – точно затерявшегося в целой веренице образов: как он сам представлял себя окружающим, каким его видели окружающие, каким он хотел себя предьявить обществу, что общество хотело увидеть в этом своем новом кумире (а для кого-то – антигерое). Такое впечатление, что, читая статью о Лорис-Меликове, начинаешь вслед за Харуки Вада чувствовать забытые и трудноуловимые вибрации той эпохи. Но для того, чтобы эта вереница образов реформатора стала очевидной, потребовалась очередная «причуда знатока» русской истории – понять, с какой стороны на него взглянуть, и, поняв это, должным образом реализовать свой замысел.

Отдельное направление изысканий исследователя – это народничество, восприятие этого феномена сквозь во многом противоположные друг другу личности Веры Фигнер и Льва Тихомирова. Для Харуки Вады эти люди превратились в персонификации двух политических парадигм, вот уже более двух веков (как минимум – а то и дольше) борющихся друг с другом за право определять курс, по которому движется наша страна. Эти парадигмы – «только сильная власть спасет Россию», за что ратовал Тихомиров, и «Россия должна быть освобождена» – эту установку отстаивала всей своей жизнью Фигнер. Удивительно тонкое наблюдение – видимо, недоступное для нас, их соотечественников и потомков, из-за замысленности взгляда, притупления остроты восприятия, следования штампам вместо свободного и непред-

взятого постижения исторической действительности. Словом, опять-таки из-за атрофии своего рода исторического обоняния...

Харуки Вада отмечает свое восьмидесятилетие. И на этот юбилей хочется пожелать сенсею, мастеру сохранения и по возможности приумножения присущего ему удивительного профессионального чутья, благодаря которому он по-прежнему способен демонстрировать «причуды знатока»: усматривать новые повороты и аспекты, казалось бы, избитых, вдоль и поперек изученных, кажущихся лишенными «аромата» тем, ставить неожиданные вопросы, благодаря которым возможны принципиально новые направления исторических изысканий. И за всё это получать самую высокую из возможных наград – безусловный авторитет среди российских историков, изучающих прошлое своей страны и признающих, что им, как оказывается, есть чему поучиться у своего зарубежного коллеги.

Нетипичный историк^{*}

Сегодня, наверное, ни для кого не новость, что труд историка и труд писателя, публициста, эссеиста, пусть даже и пишущего о прошлом, – принципиально отличаются друг от друга. Уже хотя бы своей стилистикой: историк – в отличие от создателя художественных текстов – должен писать сухо и отстраненно, вообще не апеллируя к эмоциональному состоянию своих читателей. Более того, исследователь прошлого, который позволяет себе страстность в своих суждениях и аргументах, может заставить усомниться в собственной компетентности: мол, «давит на эмоции», потому что не хватает неуклонных и логически безупречных объяснений.

В нашей стране утвердившаяся в профессиональном кодексе историков и ставшая непреложной нормой о необходимости строгого соблюдения подобной дистанции между анализирующим субъектом и объектом его изучения обусловлена еще и тенью прошлого – советского и досоветского, – когда история являлась во многом инструментом пропаганды и оружием идеологических баталий. Отсюда такое демонстративное стремление современных служителей Клио быть не судьями, не адвокатами, а лишь беспристрастными регистраторами прошлого. Насколько такая позиция является правильной и нет ли в ней очередного перегиба, но только теперь уже в противоположную сторону, – это отдельный вопрос, достойный обсуждения. Важно другое: следование указанной норме считается правилом, обязательным и непреложным для исполнения.

В этом смысле американский историк Стивен Коэн, отмечающий в этом году свое 80-летие, является исключением. Он пишет мастерски с точки зрения общепринятых требований к предъявлению прошлого и вместе с тем ярко, образно, вызывая у читателей чувства, которые обычно не возникают при погружении в ис-

---

^{*} Впервые опубликовано: *Коэн Стивен*. Избранное. – М.: АИРО-XXI, 2018. С. 7–12.

торические исследования. При этом не позволяет себе ни опускаться до дешевых приемов заигрывания с аудиторией, вроде прозрачных намеков или легко угадываемых ассоциаций, ни отступать от святого для любого историка принципа примата источников. За счет чего это получается? Думается, что за счет уникального приема трансляции авторского мнения: не передавать некую сумму фактов, но добиваться реконструкции целостной картины, дающей рельефное и чуть ли не тактильное понимание воссоздаваемой реальности. В результате у читателя возникает сложный и насыщенный комплекс впечатлений – точно с глаз спала пелена, и то, что прежде не понималось, не складывалось, оказалось на самом деле простым и доступным для постижения.

Этот эффект достигается также благодаря еще одному, совершенно не типичному для сообщества историков, свойству Стивена Коэна – его высочайшему этическому максимализму. Сегодня не просто моден, а буквально тоталитарным образом насаждается релятивизм как якобы единственно возможная, объективная и непредвзятая исследовательская позиция. Стойкая верность американского историка идеалам, оформившимся в самом начале его пути в менявшейся Америке 1960-х, когда он только начинал постигать советскую историю в Университете штата Индиана под руководством профессора Роберта Такера, а затем укрепившимся, предьявленным и возымевшим колоссальное историческое значение в точно так же менявшемся перестроечном Советском Союзе, уже сама по себе достойна глубочайшего уважения и изучения как исторический феномен.

Предлагаемый сборник избранных работ Стивена Коэна можно рассматривать как своеобразный публичный мастер-класс историка, как хороший, доскональным образом проработанный образец того, как надо писать о прошлом. Особенно, если это прошлое до сих пор не обрело консенсуса в общественном мнении и является предметом до поры не явленного, но готового в любой момент вырваться наружу гражданского противостояния. Когда существует такая угроза, историописание не может оставаться лишь пресной реконструкцией столь модной ныне былой повседневности – оно превращается в орудие подлинной борьбы за прошлое, а значит – и за будущее. Мало кто из историков в состоянии попробовать себя в качестве подобного борца, но нетипичный историк Стивен Коэн снова, как и тридцать с лишним лет назад, в апогее перестройки, готов постоять за историческую

правду. Собранные работы как раз и показывают, как это можно и нужно делать.

Они систематизированы в полном соответствии с исследовательской фокусировкой историка, продолжающего мыслить и чувствовать по-перестроечному. Ретроспективно – о прошлом, или о трагически сорванной перестройке по Бухарину. Синхронно – о самом горбачевском эксперименте и его фатальном завершении. Пророчески – о дне сегодняшнем, когда очередная «объективная целесообразность», «ситуативная неизбежность» и «очевидная безвыходность» грозят растоптать хрупкую и слабую, но вместе с тем вполне реальную альтернативу разгорающемуся пламени новой холодной войны.

В соответствии с этой структурой сборник открывается циклом работ, которые уместно объединить общим словом «бухариниада», то есть исследованиями, посвященными Николаю Бухарину, его месту и роли в ранней советской истории. То, что именно Стивен Коэн был и до сих пор остается ведущим специалистом по исторической и политической биографии этого большевистского деятеля, – факт очевидный и не вызывающий сомнений. Однако отношение автора к своему герою не имеет ничего общего с конъюнктурным и своевременным «освоением» востребованной темы, которая способна «выстрелить» в наиболее подходящий момент и, следовательно, принести максимально возможные дивиденды ее «открывателю».

Можно сказать даже еще острее: когда в апогее перестройки в СССР вышла книга Стивена Коэна о Бухарине, концептуальные акценты, которые в ней расставил историк, оказались просто непонятыми в тот двухлетний период советской истории между январским 1987 года пленумом ЦК и первым съездом народных депутатов в конце весны – начале лета 1989 года, в течение которого сценарий и судьба перестройки были наиболее непредрешенными, вариативными, поисковыми.

Ученый писал «политическую биографию» Бухарина главным образом для доказательства возможности в СССР другого социализма – альтернативного сталинскому и связанного с именем этого «любимца партии», как окрестил его сходявший с политической сцены создатель советского государства. Да, безусловно, осторожное и взвешенное предположение историка – это не провозглашение аксиомы о том, что шансы бухаринской линии на то, чтобы возобладать, не были запрограммированными. К тому же весьма спорным представляется и авторский тезис о колоссаль-

ном потенциале многоукладности, поскольку возможности мирного и конструктивного развития смешанной экономики зависели от исторически наработанных традиций в разных сферах хозяйствования. Однако предмет для вдумчивого осмысления имелся. Ведь в то время наше общество не столько задумывалось об альтернативах 60-летней давности и их перестроечных проекциях, сколько было обуреваемо по-большевистски страстным сведением исторических счетов, поиском виноватых и их обструкцией, что в итоге не могло не привести к радикальному отказу не только от сталинского социализма, но от социализма вообще.

По-современному тогда было размахивать именем Бухарина, как правило, с почтительным упоминанием книги, написанной заокеанским историком, но при этом с явным игнорированием содержащихся в ней ключевых посылов – о раскрытии колоссального созидательного потенциала социализма через его своего рода перенастройку, пересборку, к чему, собственно, и призывал Бухарин. Естественно, не мог Стивен Коэн обойти стороной и горячую перестроечную тему взаимоотношений палачей и их жертв, но «жизнь после ГУЛАГа» он рисовал всё же в ином ключе. Не отказываясь от эмоций, но передавая их иначе, через факты и аргументированные суждения. Не превращая эту трагедию целого поколения в повод «пересмотреть» исторический опыт народа и страны, но видя в ней корень политической борьбы в современной России.

Следующий раздел сборника составляют работы Стивена Коэна, в которых содержится развернутое доказательство жизнеспособности советского строя и утверждается, что его гибель в начале 1990-х годов была инспирированной, а вовсе не естественной и закономерной. Это еще одна смелая и даже еретическая мысль, прямо противоположная сложившемуся за последнюю четверть века представлению – как среди профессиональных историков и политологов, так и в общественном мнении. Причем любые попытки подвергнуть такое представление сомнению крайне неудобны и нежелательны для слишком многих влиятельных лиц, либо участвовавших в демонтаже советской системы, либо подвидивших под него соответствующую легитимацию.

Но Стивену Коэну не привыкать идти против авторитетов – присущие ученому научная смелость и стойкое нежелание действовать в фарватере чьих-то конъюнктурных взглядов объясняются его профессиональной биографией. Он входил в американскую советологию в ту самую пору, когда она переживала фундамен-

тальную трансформацию и превращалась из идеологического обеспечения Госдепа США в самостоятельную, задиристую, возникшую на волне общепланетарного 1968 года и придерживавшуюся преимущественно левой ориентации отрасль гуманитарного знания. А оно было охвачено неподдельным и искренним интересом к советскому обществу как единственно возможной и состоявшейся – несмотря на все бросавшиеся в глаза пороки и изъяны СССР – альтернативе обществу, основанному только лишь на материальных интересах.

Аргументация Стивена Коэна сводится к тому, что энергия перестройки была настолько мощной, что ее, несомненно, должно было хватить на мирную и плавную трансформацию авторитарного, планового и предельно централизованного режима в гибкую и в то же время устойчивую систему с политической конкуренцией, многоукладной экономикой и подлинным федерализмом, пусть и за счет отпадения от СССР некоторых республик. Историк утверждает, что именно к этому и стремился Горбачев, от которого в итоге отвернулись и реформаторы, и тем более охранители, чей конфликт друг с другом, усугубленный августовским путчем 1991 года, по своему деструктивному воздействию оказался гораздо более мощным, нежели возможности первого и последнего президента СССР.

Так ли это на самом деле? Наверное, всё-таки Стивен Коэн не совсем здесь прав. Гибель Советского Союза сильно напоминает гибель Российской империи. 1917 год явился закономерным итогом модернизации идеократического строя, причем модернизации, осуществлявшейся бюрократической верхушкой, от которой напрямую зависел престол. Получилось так, что в пространстве власти столкнулись два начала, две политические культуры, две системы ценностей – модернизационная и неизбежно, уже по одному своему статусу, охранительная. А потому такой конфликт оказался непреодолимым и смертельным для империи. Во многом подобный конфликт вышел на поверхность в конце 1980-х – начале 1990-х годов, когда номенклатура легализовывала свой, до той поры теневой, бизнес и конвертировала собственный статус во владельческие возможности как внутри страны, так и за ее пределами. Мог ли в такой ситуации один Горбачев что-то решить и что-то спасти – большой вопрос.

Исследовательская нетипичность Стивена Коэна сполна проступает и в третьем разделе сборника. В нем представлены публикации на злобу дня – об ухудшающихся американско-российских

отношениях и о том, как можно остановить сползание в пропасть новой холодной войны. Ну, в самом деле, разве соответствует преобладающим сегодня и на Западе, и в России настроениям одновременно и критическое, и проникнутое не иссякающими надеждами отношение к Дональду Трампу и Владимиру Путину? Если говорить о Трампе, то ответ очевиден. Американского президента всё более остервенело шельмуют его оппоненты, критикуя по делу и без дела, а друзья и сторонники защищают настолько неуклюже, что лучше бы они этого не делали. Примерно то же самое можно сказать и о президенте Путине, в критике которого демонизация личности давно превзошла все прочие аргументы, а любые попытки рационального объяснения тех или иных политических ходов тонут в хоре хулителей, с одной стороны, и охранителей – с другой. Словом, вокруг обоих мировых лидеров сложилась странная и тупиковая ситуация: в их адрес льются потоки обвинений, но нет серьезной и содержательной критики, способной помочь добиться такого положения дел, которое устраивало бы если не всех, то многих.

Увы – и в России, и в США крайне мало тех, кто выступает именно с такой критикой. И среди них Стивен Коэн. Более того: как следует из некоторых его текстов, собранных в третьей части сборника, историк гораздо более строг и взыскателен к собственному президенту, нежели к российскому лидеру. Он не устает утверждать, что при Путине Россия «взбрыкнула» именно потому, что у нее не было другого выбора. Американские администрации и Клинтона, и Буша, и Обамы, следуя «триумфаторским» курсом, не оставляли попыток сполна воспользоваться победой США в холодной войне, максимально ослабить своего вероятного противника, коим они ни на миг не переставали считать Россию – даже при президенте Ельцине, в эпоху показной дружбы и наигранного доверия между первыми лицами обеих стран.

В этой своей убежденности Стивен Коэн снова поразительно нетипичен, так как само восприятие президента – носителя высшей государственной должности – в настоящее время фактически лишено личностного наполнения. Что первично, что вторично: отсутствие личностей или запроса на личности, – вопрос открытый, но ситуация на Западе уже такова, и в России всё идет к тому, что эта политическая мода будет рано или поздно позаимствована, и президентская должность превратится в обезличенный функционал, некую персонифицированную сумму ожиданий инвесторов каждой очередной президентской избирательной кам-

пани. А для Стивена Коэна избранный Президент (именно так, с большой буквы) – должность, заслуживающая уважения, и занимающее ее лицо непременно должно быть, как минимум, цельной и яркой личностью, наделенной независимым суждением и политической волей. Трамп и Путин у Стивена Коэна – именно такие. С политической волей их обоих американский историк связывает свою последнюю надежду на недопущение дальнейшего втягивания мира в новую холодную войну.

Для Ассоциации исследователей российского общества (АИРО-XXI) издание настоящего сборника – большая честь и колоссальная ответственность. Стивен Коэн на протяжении нескольких десятилетий является нашим другом и надежным партнером. 25 лет он вместе с Катриной ван ден Хювел поддерживают важнейший издательский проект ассоциации – «Первая монография», – который дал путевку в жизнь многим из тех, кто сегодня определяет погоду в российской исторической науке. Поэтому популяризация подзабытого в современной России имени Стивена Коэна, его работ и нетипичных исследовательских приемов, умения постигать прошлое, усматривать тончайшие и не всегда очевидные связи этого прошлого с современностью, рассказ об уникальной творческой мастерской американского историка – почетный долг и, без преувеличения, миссия АИРО-XXI. На сайте ассоциации (www.airo-xxi.ru) в электронной библиотеке есть специальная полка книг профессора Коэна. За последние три года эти книги скачали 50 тыс. посетителей.

Мы намерены и дальше доносить до российской читательской аудитории, сообщества профессиональных историков и всех интересующихся прошлым нашей страны как мнения Стивена Коэна по вопросам текущей политики и международных отношений, так и его новые исследования, поскольку убеждены в том, что отточенный и проницательный взгляд этого американского ученого видит прошлое и настоящее намного точнее и объективнее, чем у иных наших соотечественников. Поэтому в данном случае учиться у иностранца понимать историю нашей страны не зазорно, а совершенно естественно и нормально.

Избранная библиография трудов Г.А. Бордюгова*

І. Книги

История и конъюнктура. Субъективные заметки об истории советского общества / Г.А. Бордюгов, В.А. Козлов. – М.: Политиздат, 1992.

Белое дело: идеология, основы, режимы власти. Историографические очерки / Г.А. Бордюгов, А.И. Ушаков, В.Ю. Чураков. – М.: Русский мир, 1998.

Пространство власти от Владимира Святого до Владимира Путина. Краткий курс, X–XXI вв. / Д.А. Андреев, Г.А. Бордюгов. – М.: АИРО-XX; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004.

Чрезвычайный век российской истории: четыре фрагмента / Г.А. Бордюгов. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2004.

Пространство памяти: Великая Победа и власть / Д.А. Андреев, Г.А. Бордюгов. – М.: АИРО, 2005.

Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447 / Марк Юнге, Геннадий Бордюгов, Рольф Биннер. – М.: Новый Хронограф, 2008.

Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти / Геннадий Бордюгов. – М.: АИРО-XXI, 2010.

«Войны памяти» на постсоветском пространстве / Геннадий Бордюгов. – М.: АИРО-XXI, 2011.

---

* Подробнее см.: Г.А. Бордюгов. Библиография / Сост. А. Макаров, О. Пруцкова, С. Щербина. Предисл. Д. Андреев. – М.: АИРО-XXI, 2014. – 192 с.

Вчерашнее завтра: как «национальные истории» писались в СССР и как пишутся теперь / Г.А. Бордюгов, В.М. Бухараев. – М.: АИРО-XXI, 2011.

Настоящая революция не придет никогда. Массовые протесты конца 2011 – начала 2012 года на фоне гражданского противостояния XX века / Геннадий Бордюгов. – М.: АИРО-XXI, 2012.

Русский мир и Россия: формирование нового типа отношений. 1986–2000 гг. Том 6 / Геннадий Бордюгов, Алан Касаев. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014.

Торгово-промышленные палаты и биржевые комитеты России в годы Первой мировой войны / Г.А. Бордюгов, А.М. Рыбаков, Б.В. Соколов. – М.: ТПП РФ; АИРО-XXI, 2014.

Всесоюзная Торговая палата в годы Второй мировой войны, 1939–1945 гг. / Г.А. Бордюгов, А.М. Рыбаков, Б.В. Соколов. – М.: ТПП РФ; АИРО-XXI, 2015.

II. Сборники документов, собрания сочинений

СВАГ. Управление пропаганды (информации) и С.И. Тюльпанов. 1945–1949. Сб. документов / Под ред., составл. и коммент. Бернда Бонвеча, Геннадия Бордюгова. Предисл. Нормана Неймарка. – М.: Россия молодая, 1994.

Mozskvanak Jelentjuk... Titkos dokumentumok 1944–1948 / G. Bordiougov, M. Kun. – Budapest: Szazadveg Kiado, 1994.

СССР – Польша. Механизмы подчинения. 1944–1949 гг. Сб. документов / Под ред., предисл., сост. и коммент. Геннадия Бордюгова, Геннадия Матвеева, Адама Косеского, Анджея Пачковского. – М.: АИРО-XX, 1995.

Polska–ZSRR. Struktury podleglosci. Dokumenty WKP(B) 1944–1949 / Opracowali Giennadij A. Bordiugow, Aleksander Kochan-

ski, Adam Koseski, Giennadij Matwiejew, Andrzej Paczkowski. – Warszawa: Institut Studiow Politycznych PAN, 1995.

Неизвестный Богданов: В 3-х томах / Под общей ред., сост. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 1994–1995.

Т. 1: А.А. Богданов (Малиновский). Статьи, доклады, письма и воспоминания 1901–1928. 1994.

Т. 2: А.А. Богданов и группа «Вперёд». 1995.

Т. 3: А.А. Богданов. Отлучение от марксизма. 1995.

Тюремные рукописи Н.И. Бухарина / Под общей ред. Г.А. Бордюгова. Предисл. Ст. Коэна. – М.: АИРО-XX, 1996.

Кн. 1: Социализм и его культура.

Кн. 2: Философские арабески.

Sowjetische Politik in der SBZ 1945–1949. Dokumente zur Taetigkeit der Propagandaverwaltung (Informationsverwaltung) der SMAD unter Sergej Tjul'panov / Bernd Bonwetsch, Gennadij Bordjugov, Norman M. Naimark. – Bonn: Verlag J.H.W. Dietz Nachfolger, 1997.

1917: частные свидетельства о революции в письмах Луначарского и Мартова. / Под ред. Г.А. Бордюгова. Введение Л. Майера, сост. Н.С. Антоновой и Л.А. Роговой. – М., 2005.

Sowjetische Politik in Oesterreich 1945–1955. Dokumente aus russischen Archiven / Gennadij Bordjugov, Wolfgang Mueller, Norman M. Naimark und Arnold Suppan. – Wien: Verlag der Oesterreichischen Akademie der Wissenschaften, 2005.

Советская политика в Австрии. 1945–1955 гг. Сб. документов / Под ред., сост., введ., коммент. Геннадия Бордюгова, Вольфганга Мюллера, Нормана Неймарка, Арнольда Суппана. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Дмитрий Буланин, 2006.

Узник Лубянки. Тюремные рукописи Николая Бухарина / Под ред., сост. Г.А. Бордюгова, предисл. Ст. Коэна. – М.: АИРО-XXI, РГГУ, 2008.

Халхин-Гол. 1939–2009. Документ. книга-альбом / Ред., сост., введ. Г.А. Бордюгов. – М.: РИА Новости, 2009.

Евгений Максимович Примаков. Собрание сочинений в 10-ти томах / Сост., введение, предисловия, комментарии, указатели, биобиблиографические материалы / Г.А. Бордюгов, А.М. Рыбаков (руководитель группы), В.Л. Малькевич и др. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016.

Неизвестный Примаков. Воспоминания / Сост., предисл. Г.А. Бордюгов, В.Л. Малькевич, А.М. Рыбаков и др. – М.: Российская газета; АИРО-XXI, 2016.

The unknown Primakov. Memoirs / Overall logistics, compilation, introduction G.A. Bordyugov, A.M. Rybakov, V.L. Malkevich and other. – Moscow: Publishing house TPP RF; Publishing house Rossiyskaya gazeta; AIRO-XXI, 2016.

Неизвестный Примаков. Документы / Сост., введ., коммент. Г.А. Бордюгов, А.М. Рыбаков, В.Л. Малькевич. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета»; АИРО-XXI, 2016.

Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. В 3-х томах / Вступит. статья, коммент., именной и геогр. указатели Г.А. Бордюгова, А.Г. Макарова и Б.В. Соколова. – М.: АИРО-XXI, 2018.

III. Курсы лекций и учебные пособия

Образы исторической и современной России. Проблемы конструирования и восприятия в мире. Курс лекций / В. Барабаш, Г. Бордюгов, Е. Котеленец. – М.: РУДН, 2008.

Russia. A History of the Twentieth Century / G. Bordjygov, S. Devyatov, E. Kotelenets, A. Titkov. – Moscow: Media Press, 2009.

Образы России в мире. Курс лекций / В.В. Барабаш, Г.А. Бордюгов, Е.А. Котеленец. – М.: АИРО-XXI, 2010.

Государственная пропаганда и информационные войны: учебное пособие / В.В. Барабаш, Г.А. Бордюгов, Е.А. Котеленец. – М.: АИРО-XXI, 2015.

The 20th Century Political History of Russia. Lecture materials / G. Bordyugov, S. Devyatov, E. Kotelenets. – Москва: Проспект, 2016.

История для экономистов. В двух томах / Н.И. Дедков, Г.А. Бордюгов, Е.И. Щербакова. – М.: 2016–2018.

IV. Составление и редактирование научных сборников

Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. Сб. статей / Под ред. и предисл. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 1996.

Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под ред. и предисл. Карла Аймермахера и Геннадия Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 1999.

Мифы и мифология в современной России. Сб. статей / Под ред. и с введением Карла Аймермахера, Фалька Бомсдорфа, Геннадия Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 2000.

Новый мир истории России. Форум японских и российских исследователей. К 60-летию профессора Вада Харуки / Под ред. и предисл. Геннадия Бордюгова, Норие Исии, Такеси Томита. – М.: АИРО-XX, 2001.

Преодоление прошлого и новые ориентиры его переосмысления. Опыт России и Германии на рубеже веков. Международная конференция. Москва, 15 мая 2001 г. / Под ред. и со вступит словами Карла Аймермахера, Фалька Бомсдорфа, Геннадия Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 2002.

Историки читают учебники истории. Традиционные и новые концепции учебной литературы. Сб. статей / Под ред. и предисл. Карла Аймермахера и Геннадия Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 2002.

Культура и власть в условиях коммуникационной революции. Форум немецких и российских исследователей / Под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Инго Грабовского. – М.: АИРО-XX, 2002.

Образ России и стран Балтии в учебниках истории / Под ред. и закл. Фалька Бомсдорфа, Геннадия Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 2002.

Исторические исследования в России-II. Семь лет спустя / Под ред. и предисл. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 2003.

Россия и страны Балтии, Центральной и Восточной Европы, Южного Кавказа, Центральной Азии: старые и новые образы в современных учебниках истории. Научные доклады и сообщения / Под ред. Фалька Бомсдорфа, Геннадия Бордюгова. – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003.

60-летие окончания Второй мировой войны и Великой Отечественной: победители и побежденные в контексте политики, мифологии и памяти / Под ред. и предисл. Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2005.

West-Oestliche Spiegelungen Neue Folge. Wuppertal–Bochumer Project ueber Rusen und Deutsche im 20. Jahrhundert / Herausgegeben von Karl Eimermacher und Astrid Volpert unter Mitarbeit von Gennadij Bordjugov.

Band 1. Verfuehrungen der Gewalt. Russen und Deutsche im Ersten und Zweiten Weltkrieg. Muenchen, Wilhelm Fink Verlag, 2005.

Band 2. Stuermische Aufbrueche und enttaeuschte Hoffnungen. Russen und Deutsche in der Zwischenkriegszeit. Muenchen, Wilhelm Fink Verlag, 2006.

Band 3. Tauwetter, Eiszeit und gelenkte Dialoge. Russen und Deutsche nach 1945. Muenchen, Wilhelm Fink Verlag, 2006.

Молодежь и политика. Современные очертания и история проблемы, роль государства и гражданского общества, ожидания и прогнозы / Под ред. и предисл. Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2006.

Назревшая дискуссия. Некоторые итоги обсуждения истории Второй мировой войны. Общественный форум, Москва, 28 сентября 2005 г. Стенограмма / Под ред. и вступит. словами Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2006.

Владимир Путин. Рано подводить итоги / Под ред., введ. Г.А. Бордюгова, А.Ч. Касаева. – М.: АСТ, 2007.

Общее прошлое и современность. Материалы польско-российско-немецкого триалога историков и журналистов. 6–9 сентября 2007 г. / Сост. Г. Бордюгов и Ф. Бомсдорф. – М.: Фонд Фридриха Науманна; АИРО-XXI, 2007.

Россия без Советского Союза: что потеряли и приобрели, что впереди? Стенограмма Общественного форума 19 декабря 2006 г. и материалы дискуссии / Под ред. Фалька Бомсдорфа, Геннадия Бордюгова и Алана Касаева. – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2007.

Стивен Коэн и Советский Союз / Россия / Сост. Г.А. Бордюгов, Л.Н. Доброхотов. – М.: АИРО-XXI; РГТЭУ, 2008.

Харуки Вада – сенсей российской истории / Сост. Г.А. Бордюгов. – М.: АИРО-XXI, 2008.

Danke, профессор Аймермахер. 12 писем из России / Сост. Г.А. Бордюгов, Т.М. Горяева. – М.: АИРО-XXI, 2008.

Прошлое: российский и немецкий подходы. Материалы российско-немецкого коллоквиума. Москва, 12–13 июля 2007 года / Под ред. Фалька Бомсдорфа и Геннадия Бордюгова. – М.: Фонд Фридриха Науманна; АИРО-XXI, 2008.

Национальные истории на постсоветском пространстве-II / Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2009.

Идейно-политические дискуссии в Советском Союзе в 1940–1950-х гг. и национально-государственное размежевание 1990-х / Под ред., введ. Геннадия Бордюгова и Алана Касаева. – М.: РИА Новости, 2009.

Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт.
Том 1: Обольщение властью. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах. – М.: АИРО-XXI, 2010.
Том 2: Бурные прорывы и разбитые надежды. Русские и немцы в межвоенные годы. – М.: АИРО-XXI, 2010.
Том 3. Оттепель, похолодание и управляемый диалог. Русские и немцы после 1945 года. – М.: АИРО-XXI, 2010.

Исторические исследования в России-III. Пятнадцать лет спустя / Под редакцией и предисл. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2011.

Научное сообщество историков России: 20 лет перемен / Под ред., введ. Геннадия Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2011.

Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет / Под редакцией, предисл. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2013.

Две родины Стивена Козна / Сост. Г.А. Бордюгов, Л.Н. Добротов. – М.: АИРО-XXI, 2013.

Русский мир в XX веке. В 6-ти томах / Под ред., введ. Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014.

Победа-70: реконструкция юбилея / Под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2015.

Революция-100: реконструкция юбилея / Под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2017.

IV. Статьи и разделы в сборниках

Организации художественной интеллигенции в переходный период. (К истории становления творческих союзов СССР) // Социализм и культура / Сб. статей. Отв. ред. Ю.С. Борисов. – М.: Институт истории СССР АН СССР, 1982. С. 136–156.

Некоторые особенности формирования новой культуры быта в годы довоенных пятилеток // Советская культура: 70 лет развития. Сб. статей к 70-летию академика М.П. Кима. – М.: Наука, 1987. С. 148–158.

Изучение истории советской культуры / Г.А. Бордюгов, Ю.С. Борисов, В.Т. Ермаков // Изучение отечественной истории в первой половине 80-х годов. – М.: Наука, 1988. С. 312–328.

Экономика и человек в годы Великой Отечественной войны // Исторический опыт и перестройка: Человеческий фактор в социально-экономическом развитии СССР. – М.: Мысль, 1988. С. 127–169.

Каждое поколение пишет свою историю // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. Сб. статей. – М.: АИРО-XX, 1996. С. 427–436.

«Сталинская интеллигенция». О некоторых смыслах и способах ее социального поведения // Новый мир истории России. Форум японских и российских исследователей. – М.: АИРО-XX, 2001. С. 334–354.

Смыслы будущего в России XX века. Модели власти и интеллигенции // De future, или История будущего. Под ред. Д.А. Андреева, В.Б. Прозорова. – М.: Политический класс, 2008. С. 17–48.

Вермахт и Красная армия: к вопросу о природе преступлений против гражданского населения / Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Том 1: Обольщение властью. Русские и

немцы в Первой и Второй мировых войнах // Под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт. – М.: АИРО-XXI, 2010. С. 951–991.

Umorientierung der Staatsideologie und Kulturpolitik in den 30er und 40er Jahren / Gabriele Gorzka (Hrsg.) // Kultur im Stalinismus. Sowjetische Kultur und Kunst der 1930er bis 50er Jahre. – Bremen: Edition Temmen, 1994. S. 29–39.

Ist der Stalinismus noch lebendig? Positionen zur aktuellen Situation in Russland / G. Bordiougov, L. Lazarew, Jur. Afanasiew, A. Sinyavskij. – Bremen: Edition Temmen, 1994. S. 247–260.

The First World War and Social Deviance in Russia / G. Bordiougov // Facing Armageddon. The First World War Experienced. – London: Leo Cooper, 1996. P. 549–553.

Wie autonom ist die russische Geschichtswissenschaft? Alte Vorurteile und neue Ansätze / G. Bordiougov / Karl Eimermacher und Anne Hartmann (Hrsg.) // Der gegenwaertige russische Wissenschaftsbetrieb – Innenansichten. – Bochum, 1996. S. 96–106.

Das ZK der KpdSU (B), die Sowjetische Militaeradministration in Deutschland und die SED (1945–1951) / G. Bordiougov / Herman Weber, Ulrich Maehlert (Hrsg.) // Terror: stalinistische Parteisauberungen 1936–1953. – Paderborn; Muenchen; Wien; Zuerich: Schoening, 1998. S. 283–350.

Kueloenleges rendszabalyok es «rendkivueli allapot» / G. Bordiougov // 1917. Es Ami Utana Koevetkezett. Eloeadasok es tanulmanyok az orosz forradalom toerteneteboel. – Budapest: Magyar Ruzsisztikai Egyesuelet, 1998. S. 19–33.

Terror der Wehrmacht gegenueber der russischen Zivilbevoelkerung / G. Bordiougov / Gabriele Gorzka und Knut Stang (Hg.) // Der Vernichtungskrieg im Osten – Verbrechen der Wehrmacht in der Sowjetunion aus Sicht russischer Historiker. – Kassel University Press GmbH, 1999. S. 53–68.

Die Machtergreifung Hitlers: Dominanten ausenpolitischer Entscheidungen des Stalin-Regimes 1933–1934 / G. Bordiougov /

Ludmila Thomas und Viktor Knoll (Hg.) // Zwischen Tradition und Revolution. Determinanten und Strukturen Sowjetischer Außenpolitik, 1917–1941. – Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2000. S. 371–398.

The Transformation of the Policy of Extraordinary Measures into a Permanent System of Government / G. Bordyugov / Niels E. Rosenfeldt, Bent Ensen and Erik Kulavig (Ed.) // Mechanisms of Power in the Soviet Union. – London – New York: Macmillan Press LTD and St. Martin's Press, Inc., 2000. P. 122–144.

Die Kosten des bolschewistischen Sprechens: Die Intelligenzija und der Sowjetpatriotismus / G. Bordiougov / Dietrich Beyrau (Hg.) // Im Dschungel der Macht. Intellektuelle Professionen unter Stalin und Hitler. – Goettingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 2000. S. 300–318.

Einige probleme bei der Ausbildung der neuen Historikergeneration Ruslands / G. Bordiougov / Anne Hartmann (Hg.) // Kraftproben. Zum russischen Hochschulwesen und Wissenschaftsbetrieb der neunziger Jahre. – Bochum: Proekt verlag, 2000. S. 313–322.

The Popular Mood in the Unoccupied Soviet Union: Continuity and Change during the War / G. Bordyugov / Robert W. Thurston and Bernd Bonwetsch (Ed.) // The People's War. Responses to World War II in the Soviet Union. – Urbana and Chicago: University of Illinois Press, 2000. P. 54–70.

The role of history in promoting tolerance in Russia / G. Bordyugov // The Role of History in Promoting Tolerance in Central, South Eastern and Eastern Europe. Reports of the Promoting Tolerance Workshops in Sinaia. Romania, May 30 – June 2, 2003. P. 86–89.

Wehrmacht und Rote Armee – Verbrechen gegen die Zivilbevölkerung. Charakter, Grundlagen, und Bewußtsein von Menschen unter Kriegsbedingungen // Verführungen der Gewalt. Russen und Deutsche im Ersten und Zweiten Weltkrieg / G. Bordiougov / Herausgegeben von Karl Eimermacher und Astrid Volpert unter Mitarbeit von Gennadij Bordjugow. – München: Wilhelm Fink Verlag, 2005. S. 1213–1260.

Sowjetische Politik in Oesterreich 1945–1955: Einleitung zu den Dokumenten / Wolfgang Mueller, Norman M. Naimark, Arnold Suppan, Gennadij Bordjugov // Sowjetische Politik in Oesterreich 1945–1955. Dokumente aus russischen Archiven / Wolfgang Mueller, Arnold Suppan, Norman M. Naimark und Gennadij Bordjugov (Hg.). – Wien: Verlag der Oesterreichischen Akademie der Wissenschaften, 2005. S. 19–56.

Deutschland und die Deutschen. Ihre Wahrnehmung in der UdSSR und Russland und ihr Einfluss auf die Emigration / G. Bordiougov // Nach Westen. Zuwanderung aus Osteuropa ins Ruhrgebiet. – Essen: Klartext-Verlag, 2012. S. 20–33.

Wehrmacht i Armia Czerwona: istota przestepstw przeciwko ludności cywilne / Giennadij Bordiougov // Pod czerwona gwiazda. Aspekty sowieckiej obecności w Europie Srodkowo-Wschodniej w 1945 roku / Pod redakcja Sebastiana Rosenbauma i Dariusza Wegrzyna. – Katowice–Warszawa, 2017. S. 124–147.

Культ прошлого в России // A Peci Ruszisztika Szolgalataban. – Pecs: PTE BTK TTI Moszt Kutatocsoport, 2018. S. 402–411.

V. СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ

Stalin und die SBZ. Ein Besuch der SED-Führung in Moskau vom 30. Januar – 7. Februar 1947 / Bernd Bonwetsch, Gennadi Bordiougov // Vierteljahrshefte für Zetgeschichte, 1994, 42. Jahrgang, heft 2. S. 279–305.

Die SED und die guten Erfahrungen der Sowjetunion. Pieck und Grotewohl informieren sich in Moskau, 25.3–1.4.1948 / B. Bonwetsch, G. Bordiougov // Deutsche studien. 1994. XXXI Jahrgang. Heft 121. S. 95–108.

Die Affare Tjulpanov. Die Propagandaverwaltung der Sowjetischen Militaradministration in Deutschland im Kreuzfeuer der Kritik 1945–1949 / B. Bonwetsch, G. Bordiougov // Deutsche Studien. XXXI. Jahrgang–Dezember 1994. Heft 123/124. S. 247–272.

Большевики и национальная хоругвь / Геннадий Бордюгов // Родина. 1995. № 5. С. 72–77.

War and Peace: Stalin's Regime and Russian Nationalism / G. Bordyugov // History Today. Vol. 45(5). May 5, 1995. P. 27–34.

The Policy and Regime of Extraordinary Measures in Russia under Lenin and Stalin / G. Bordyugov // Europe–Asia Studies. Vol. 47. № 4. 1995. P. 615–632.

Чрезвычайные меры и чрезвычайщина в Советской республике и других государственных образованиях на территории России / G. Bordyugov // Cahiers du Monde Russe. Vol. 38(1–2). Janvier–juin 1997. S. 29–44.

Политика и идеология чрезвычайных мер между сталинской «революцией сверху» и «Большим террором», 1930–1936 гг. / G. Bordyugov // Cahiers du Monde Russe. Vol. 39(1–2). Janvier–juin 1998. S. 69–80.

La Reecriture de l'Histoire Russe et les Debats Methodologiques Dans la Russie d'Aujourd'hui. Round Table // Cahiers du Monde Russe, Vol. 39(4). Octobre–decembre 1998. S. 539–545, 547–548, 555–556.

Гитлер приходит к власти: новые доминанты внешнеполитических решений сталинского руководства. 1933–1934 годы // Отечественная история. 1999. № 2. С. 27–47.

The emergence of national histories in post-Soviet society / G. Bordyugov // Intellectual news (London). № 9: Autumn 2001. P. 35–39.

Totalitarianism and the War: The German and the Japanese Vectors of the Soviet Leadership's Foreign Policy Decision-Making in the 1930s / G. Bordyugov // Review of Asian and Pacific Studies (Seikei University Center for Asian and Pacific Studies). № 21. 2001. P. 35–48.

Пространство российской власти: в поисках оптимальной формулы / Д. Андреев, Г. Бордюгов // Свободная мысль-XXI. 2004. № 3. С. 13–32.

Lipcowy przewrót bolszewikow w 1917 roku / G. Bordiugow // Mowia Wiekli. Magazyn historyczny. 2017. № 3(686). S. 26–30.

Wybory i rozpedzenie konstytuanty / G. Bordiugow // Mowia Wiekli. Magazyn historyczny. 2017. № 3(686). S. 52–55.

Издания АИРО в 2019 гг.

Выжutowич Валерий. Между тем / Предисловие Дмитрия Быкова. – М.: АИРО-XXI, 2019.

Рифф, Гизела. Линогравюры и тексты Карла Аймермахера / Перевод Д.Г. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2019. – 192 с.

Хрущёва Нина. Пропавший сын Хрущёва, или когда ГУЛАГ в головах. – М.: АИРО-XXI, 2019. – 208 с. : илл. – (АИРО – Первая публикация в России).

Невежин В.А. Застолья Иосифа Сталина. Книга первая. Большие кремлевские приемы 1930-х – 1940-х годов. – М.: АИРО-XXI, 2019. – 560 с.

Малькевич В.Л. Революция 1917 года. СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ: НАЧАЛО. В 3-х книгах. Книга 1. Революция 1917 года: взгляд спустя столетие / Предисловие академика РАН Александра Дынкина. – М.: АИРО-XXI, 2019. – 472 с. : илл.

Malkevich V.L. Russia and the United States: Fated to be Together? Russia and the United States: Fated to be Together? – Moscow: АИРО-XXI, 2019. – 408 p, illustrated.

Фирсов, Фридрих. Коминтерн: погоня за призраком. Переосмысление. – М.: АИРО-XXI, 2019. – 672 с. – (АИРО – Монография).

Историография новой и новейшей истории России. Сб. ст. – М.: АИРО-XXI. 2019. – 272 с.

С этими и другими изданиями
вы можете подробнее ознакомиться на нашем сайте
www.airo-xxi.ru

Г.А. Бордюгов
**Пространства российской истории
XX–XXI веков**

Компьютерная вёрстка и техническое редактирование – С.П. Щербина.

ISBN 591022422-0

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

Научно-исследовательский центр АИРО-XXI
E-mail: andmak@airo-xxi.ru
www.airo-xxi.ru

Подписано в печать с оригинал-макета 13.05.2019
Формат 60×90/16. Усл. изд. л. 22.0
Тираж 500 экз. Зак.